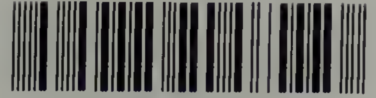
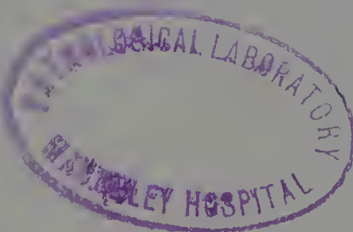
ОЧЕРКЪ

СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГІИ

CENTRAL PATHOLOGICAL LABORATORY
MENTAL HOSPITALS DEPARTMENT

PATHOLOGICAL LABORATORY
MAUDSLEY HOSPITAL

To Henry Maudsley
Esq. D. M.

Autor
A. Botrez
D. M.

Kazan
9th Decemb.
1874.

ОЧЕРКЪ

СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ОЧЕРКЪ
СУДЕБНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

СОСТАВИЛЪ

ДОКТОРЪ МЕДИЦИНЫ

А. У. ФРЕЗЕ,

Директоръ окружной лечебницы во имя Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ и Профессоръ Психіатріи при Императорскомъ Университетѣ въ Казани.

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНІЕ.

КАЗАНЬ.

Типо- и литографія К. А. Тилли, на Грузинской улицѣ, въ соб. домѣ.

1874.

Цензурою дозволено. Казань, 4 Декабря 1873 г.

14030

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ВРАЧАМЪ И ЮРИСТАМЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Психологію по всей справедливости признаютъ основаніемъ психіатріи. Такъ какъ во всѣ времена число психически-здоровыхъ далеко превышало число помѣшанныхъ, то точныя наблюденія очевидно могли бы быть производимы гораздо легче и въ большемъ количествѣ надъ первыми, чѣмъ надъ послѣдними. Однако вышло совершенно наоборотъ: психіатрія весьма богата эмпирическимъ матеріаломъ, опытныя же данныя психологіи въ высшей степени скудны.

Какъ ни странно это кажущееся противорѣчіе, но оно объясняется историческимъ ходомъ развитія психіатріи и психологіи. Психіатрія, какъ наука, возникла лишь съ начала текущаго столѣтія. Ею занимались врачи-спеціалисты въ особыхъ для того устроенныхъ заведеніяхъ, въ домахъ умалишенныхъ, гдѣ собраніе многочисленныхъ больныхъ, находящихся въ различныхъ періодахъ помѣшательства, въ высшей степени способствовало основательному изученію этой болѣзни. Врачи, посвятившіе себя леченію помѣшанныхъ, не могли не дойти до обобщенія найденныхъ фактовъ, до установленія извѣстныхъ эмпирическихъ законовъ, до постройки научнаго ученія о помѣшательствѣ, тѣмъ болѣе, что сдѣланныя однимъ врачемъ наблюденія постоянно повѣрялись и пополнялись наблюденіями другихъ. Такимъ образомъ современная психіатрія является плодомъ соединенныхъ трудовъ множества научныхъ дѣятелей, поставившихъ себѣ одну и ту же ясно опредѣленную задачу.

Развитіе же психологіи шло совершенно инымъ путемъ. Психологія возникла не на основаніи опыта, но на основаніи умозрительнаго мышленія. Почти непосредственно являясь попыткою создать теорію душевной дѣятельности, психологія до новѣйшаго времени исключительно разработывалась философами. Послѣдніе, конечно, не могли предаваться умозрительной психологіи совершенно независимо отъ опытныхъ данныхъ уже потому, что всякому разсужденію объ извѣстномъ предметѣ непременно должно предшествовать нѣкоторое знаніе его. Но эмпирическія данныя по части психологіи, которыми пользовались философы, съ одной стороны собирались лишь случайно, отрывочно, поверхностно, путемъ литературнымъ, съ другой — тотчасъ же подводились подъ ту философскую систему, представителемъ которой являлся психологъ. Психологомъ же par excellence признавалъ себя каждый философъ. Философствованію по большей части посвящали себя «кабинетные» ученые, т. е. ученые, увлекаемые «чистымъ мышленіемъ» до такой степени, что, чуждаясь общежитія, они очень мало вращались между людьми и потому едва ли имѣли возможность дѣлать точныя психологическія наблюденія.

Умозрительная психологія главнымъ образомъ даетъ лишь изложеніе душевной жизни въ такомъ видѣ, въ какомъ она могла бы сложиться въ силу извѣстной философской системы, вмѣсто того, чтобы изложить такъ, какъ она сложилась въ самомъ дѣлѣ, по точному опыту и наблюденію людей.

Съ развитіемъ психіатріи проявилась потребность привести ее въ болѣе опредѣленное отношеніе къ психологіи. Но умозрительная философія, строго опекая послѣднюю, оказалась совершенно несостоятельною для удовлетворительной теоріи помѣшательства и даже во многихъ отношеніяхъ противорѣчила точнымъ наблюденіямъ.*) При такихъ условіяхъ совершенно

*) Философы-психологи обыкновенно дополняли свою «психологію» болѣе или менѣе обширнымъ изложеніемъ помѣшательства, нисколько не стѣсняясь, что не видали или, въ меньшей мѣрѣ, никогда не наблюдали ни одного помѣшаннаго.

естественно, что врачи, спеціально изучавшіе психіатрію, старались, на основаніи психіатрическаго опыта, провѣрять эмпирическую психологію. Этому стремленію не мало способствовало то обстоятельство, что безпристрастные психологи въ новѣйшее время все болѣе и болѣе убѣждались въ томъ, что психологія вполнѣ входитъ въ кругъ естественныхъ наукъ (Waitz, Fechner, Wundt). Съ другой стороны лучшіе психіатры главнымъ основаніемъ душевныхъ болѣзней признаютъ патологію нервной системы.

Предстоящія замѣчанія авторъ «Очерка» считалъ необходимыми для выясненія точки зрѣнія, съ которой онъ приступилъ къ составленію своего труда. Предлагаемый «Очеркъ» возникъ на основаніи лекцій, читанныхъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ студентамъ Медицинскаго и Юридическаго Факультетовъ Казанскаго Университета. Зная по собственному опыту, въ какой степени затрудняютъ изученіе психологіи и психіатріи преждевременныя разсужденія о сущности душевной дѣятельности, авторъ желалъ обратить вниманіе благосклоннаго читателя лишь на тѣ душевныя явленія, которыя собственное его наблюденіе дѣйствительно можетъ находить у здоровыхъ и помѣшанныхъ, подвергаемыхъ его изслѣдованію.

При невозможности, по современному состоянію науки, дать всякому душевному явленію твердое физіологическое основаніе, совершенно естественно, что во многихъ отношеніяхъ «Очеркъ» не можетъ не отражать собой субъективнаго взгляда автора.

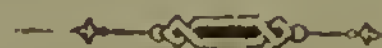
Способъ изложенія предмета, принятый въ предлагаемомъ трудѣ, многіе найдутъ слишкомъ сжатымъ и догматическимъ. Но «Очеркъ» не есть ни руководство, ни настольная книга для справокъ. Онъ долженъ лишь служить подготовкою для болѣе подробнаго изученія судебной психологіи. Главная цѣль его — ознакомить читателя съ важнѣйшими опытными данными психологіи и психіатріи, служащими основаніемъ для рѣшенія вопроса о неспособности ко вмѣненію.

Въ «Очеркѣ» приведены главнѣйшіе источники, которыми

авторъ имѣлъ возможность пользоваться; дѣлать же особыя выноски въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ — онъ считалъ излишнимъ, потому что всѣ, кто хотя нѣсколько знакомъ съ литературою предмета, безъ затрудненія замѣтятъ, насколько самостоятеленъ трудъ автора, вполнѣ сознающаго, что лучшею частью своихъ скромныхъ познаній онъ обязанъ ученымъ трудамъ тѣхъ дѣятелей науки, изученіе которыхъ постоянно руководствуетъ его собственныя наблюденія.

Авторъ.

Казань, 1-го Іюля 1871 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ Февральской и Мартовской книжкахъ журнала «Знаніе» за 1872 г. помѣщенъ разборъ «Очерка судебной Психологіи» Г-на Штейнберга.

Получивши Мартовскую книжку «Знанія» лишь только въ концѣ Апрѣля мѣсяца, я въ Маѣ просилъ редакцію этого журнала помѣстить въ немъ мое возраженіе г. критику. Но редакція, повидимому съ римскимъ папою раздѣляя сознаніе своей собственной непогрѣшимости, отвѣтила мнѣ, что по принятымъ ею правиламъ «возраженія на статьи ея постоянныхъ сотрудниковъ принимаемы быть не могутъ.»

Вслѣдствіе этого отказа я обратился въ редакцію «Дѣла» съ просьбою взять изъ редакціи «Знанія» мою статью и помѣстить ее въ издаваемомъ ею журналѣ, причемъ въ письмо мое вложена была почтовая марка для увѣдомленія меня о послѣдующемъ. Но отвѣта я не получилъ. Между тѣмъ прошло столько времени, что напечатаніе моего возраженія въ одномъ изъ періодическихъ изданій уже показалось неудобнымъ.

Но увѣренный въ томъ, что г. критикъ отнесся къ моему труду не совсѣмъ справедливо, я не могу обойти молчаніемъ его замѣчанія и потому помѣщаю свое возраженіе здѣсь. Для повѣрки справедливости послѣдняго я прошу благосклоннаго читателя справиться въ вышеупомянутыхъ книжкахъ «Знанія» за 1872 годъ.

Пополненія ко второму изданію «Очерка» главнымъ образомъ относятся къ экспертизѣ и къ положенію экспертовъ на

судѣ. Кромѣ того нѣкоторыя условія несспособности ко вмѣненію изложены нѣсколько подробнѣе и въ особомъ приложеніи собраны статьи Св. Зак., относящіяся къ Судебной Психологіи.

Затѣмъ считаю пріятнымъ долгомъ выразить мою благодарность Директору М. Д. М. В. Д. Т. С. Пеликану и Доктору Войно въ Кіевѣ за позволеніе перваго перепечатать его замѣчательную статью объ экспертизѣ, а втораго — заимствовать изъ его труда упомянутое выше приложеніе.

Авторъ.

Казань. 3 Декабря, 1873 г.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
ПО ПОВОДУ РАЗБОРА
«Очерка Судебной Психологіи Доктора Фрезе. Казань 1871 г.»

Докторомъ Штейнбергъ.

(ЗНАНІЕ. Февраль и Мартъ 1872 г.).

Г. критикъ начинаетъ свой разборъ «Очерка Судебной Психологіи» сожалѣніемъ о томъ, что въ немъ не нашелъ ничего новаго. Но, сообразивъ слова автора, «что онъ желалъ обратить вниманіе читателя *лишь* на тѣ душевныя явленія, которыя собственное его наблюденіе можетъ находить у здоровыхъ и помѣшанныхъ (стр. VII предисловія)», г. критикъ продолжаетъ, «что и при этихъ условіяхъ можно было бы сказать если уже не совершенно новое, то, по крайней мѣрѣ, привести тѣ воззрѣнія науки на предметъ, которыми обогатились нервная физіологія и патологія самыхъ послѣднихъ временъ. А этого-то въ «Очеркѣ» не достаетъ: Мейнертъ, Арндтъ, Геддекъ (вѣроятно Гуддекъ?), Вестераль (вѣроятно Вестфаль?), Л. Мейеръ, Гисъ, О. Вольфъ и многіе другіе ученые своими изслѣдованіями, прямо или косвенно двигающими впередъ науку о такъ называемыхъ душевныхъ отправленіяхъ, нигдѣ не приведены и нѣтъ даже намека на результаты ихъ изслѣдованій. Это обстоятельство невольно производитъ на читателя, спеціально интересующагося предметомъ, впечатлѣніе, какъ будто-бы авторъ «Очерка» немного отсталъ отъ уровня, до котораго достигла наука, разработывающая тѣ стороны знанія, ко-

торыя должны были бы войти въ составъ главныхъ оснований «Очерка.»

Хотя авторъ «Очерка» вовсе не былъ намѣренъ въ своемъ трудѣ непремѣнно сказать что нибудь новое, но тѣмъ не менѣе онъ высказалъ новую мысль или предположенiе, настолько новое, насколько можетъ быть новою мысль, въ печати никѣмъ инымъ еще не высказанная. Сюда авторъ относитъ свои воззрѣнiя, съ одной стороны, на душевныя чувства, а съ другой-на главный моментъ, служащiй основанiемъ неспособности ко вмѣненiю (Ч. III.).

Что же касается отсталости отъ уровня современной науки, въ которой г. критикъ упрекаетъ автора на томъ лишь основанiи, что послѣднiй не говоритъ о томъ, о чемъ, по мнѣнiю г. критика, ему слѣдовало бы говорить, то что-же дѣлать, когда воззрѣнiе автора расходится съ воззрѣнiемъ г. критика?

Неужели несообщенiе извѣстныхъ физiологическихъ данныхъ въ строго ограниченномъ трудѣ можетъ служить доказательствомъ того, что авторъ сего труда отсталъ отъ современнаго уровня науки, тѣмъ болѣе, когда въ высшей степени сомнительно, чтобы изслѣдованiя приведенныхъ г. критикомъ ученыхъ въ самомъ дѣлѣ имѣли непосредственное отношенiе къ той задачѣ, которую себѣ поставилъ авторъ. Работы Гг. Мейнерта, Арндта, Вестфаля и др., какъ извѣстно всѣмъ врачамъ - психiатрамъ и физiологамъ, имѣютъ совершенно специально - физiологическое значенiе и именно поэтому объ нихъ и не было упомянуто въ «Очеркѣ».

Въ предисловiи (стр. VIII) авторъ говоритъ: «При невозможности, по современному состоянiю науки, дать всякому душевному явленiю твердое физiологическое основанiе, совершенно естественно, что во многихъ отношенiяхъ «Очеркъ» не можетъ не отражать собой субъективнаго взгляда автора. Способъ изложенiя предмета, принятый въ предлагаемомъ трудѣ, многiе найдутъ слишкомъ сжатымъ и догматическимъ. Но «Очеркъ» не есть ни руководство, ни настольная книга для справокъ. Онъ долженъ лишь служить подготовкою для болѣе подробнаго

изученія судебной психологіи. Главная цѣль его: ознакомить читателя съ важнѣйшими опытными данными психологіи и психіатріи, служащими основаніемъ для рѣшенія вопроса о неспособности ко вмѣненію».

Кромѣ того надобно замѣтить, что «Очеркъ» посвящается врачамъ и юристамъ. Ясно, что при такомъ ограниченіи своей задачи, авторъ *не долженъ былъ* входить въ физіологическія подробности, не нарушая цѣли своего труда. Столь же ясно, что незачѣмъ передавать врачамъ тѣ подробности, съ которыми они могутъ справляться въ другихъ источникахъ; а для юристовъ изложеніе спеціальныхъ, по большей части *спорныхъ* физіологическихъ вопросовъ значительно затрудняло бы пониманіе «Очерка», а можетъ быть даже совершенно отбило-бы охоту ознакомиться съ нимъ.

На стр. 3. «Очерка» г. критика поразили слова автора: «мы даже не можемъ утверждать, чтобы смерть уничтожила всѣ душевныя явленія.» И пораженный «этой мыслью» г. критикъ тотчасъ переходитъ къ разсужденіямъ о безсмертіи души, стараясь, во что бы ни стало, доказать, что авторъ то вѣритъ, то не вѣритъ въ существованіе души и притомъ вообще противорѣчитъ себѣ.

Если бы г. критикъ читалъ не одну только половину предложенія и привелъ бы изъ «Очерка», вмѣсто этой половины, все предложеніе, высказанное авторомъ, то, я надѣюсь, онъ не только не былъ бы пораженъ «этой мыслью», но и по всей вѣроятности не сталъ бы разсуждать о безсмертіи души. На стр. 3. авторъ пишетъ: «*Съ другой стороны, однако, соображая, что главнѣйшій источникъ психологическаго опыта—самонаблюденіе, мы даже не можемъ утверждать, чтобы смерть уничтожила всѣ душевныя явленія.*» И развѣ это не такъ? Признавая *самонаблюденіе* главнѣйшимъ источникомъ психологическаго опыта, мы, конечно, только можемъ говорить о такихъ психологическихъ данныхъ, которыя доступны *самонаблюденію* и не имѣемъ никакого права говорить что-либо о продолженіи или прекращеніи по смерти душев-

ныхъ явленій потому собственно, что смерть не можетъ быть предметомъ самонаблюденія, пока продолжается наша жизнь. Въ силу того же положенія (что главнѣйшій источникъ психологическаго опыта — самонаблюденіе) авторъ на стр. 4. совершенно логично продолжаетъ: «такимъ образомъ живой организмъ очевидно составляетъ собой условіе *не существованія* вообще, но только *внѣшняго проявленія душевныхъ способностей.*» Итакъ весь смыслъ приведенныхъ предложеній приводится къ желанію автора, указать на *границы опыта,* указать на то, что ни *самонаблюденіе,* ни *наблюденіе надъ другими* не даетъ намъ права высказать положительное мнѣніе о продолженіи или прекращеніи послѣ смерти душевной дѣятельности, указать на то, что *съ точки зрѣнія эмпирической психологіи* предрѣшеніе вопроса о безсмертіи души — *не научно.*

Тѣмъ не менѣе въ приведенныхъ предложеніяхъ г. критикъ видитъ «воззрѣніе» на безсмертіе души и находитъ, что оно никого не удовлетворитъ. Вольно же г. критику находить въ словахъ автора то, чего въ нихъ нѣтъ! Кто при современномъ состояніи психологіи утверждаетъ существованіе или несуществованіе самостоятельной души, тотъ утверждаетъ не научный фактъ, но выражаетъ только свое собственное субъективное убѣжденіе. И потому вмѣсто дальнѣйшаго возраженія г. критику противъ того, что авторъ является то сторонникомъ ученія абстрактивной психологіи о значеніи души въ человѣкѣ и вселенной, то противникомъ этого ученія (стр. критики 23), я приведу лишь достойныя полнаго вниманія слова Гризингера. Гризингеръ, какъ извѣстно, нетолько былъ одинъ изъ лучшихъ психіатровъ нашего времени, но и болѣе всѣхъ остальныхъ далъ психіатріи физіологическое направленіе. Въ 1861. году Гризингеръ писалъ (Душевныя болѣзни В. Гризингера. Переводъ съ 2-го нѣмецкаго изданія, подъ редакціей Ф. Овсянникова С. П. Б. 1866 года стр. 7): «Дѣйствительнаго описанія (Auskunft) того, что происходитъ въ душѣ, не можетъ дать ни матеріализмъ, стремящійся объяснить душевные процессы дѣятельностію тѣла, ни спиритуализмъ, объясняющій тѣ-

ло душою. Если-бъ мы даже дѣйствительно знали все, что происходитъ въ мозгѣ при его дѣятельности, если бы могли прослѣдить во всѣхъ ихъ подробностяхъ всѣ химическіе, электрическіе и т. д. процессы,—то и тогда даже это не повело бы ни къ чему. Всѣ колебанія и дрожанія, всѣ электрическіе и механическіе процессы не составляютъ еще душевнаго состоянія, представленія. Какимъ образомъ они обращаются въ послѣднее—загадка, вѣроятно никогда не разрѣшимая и, мнѣ кажется, что если-бъ даже къ намъ сошелъ теперь съ неба ангелъ, что бъ объяснить это, то нашъ разумъ не былъ бы въ состояніи даже и понять его.

Что можно сказать о пошломъ и поверхностномъ матеріализмѣ, отрицающемъ самые общіе и драгоцѣнные факты человѣческаго сознанія, потому что ихъ нельзя ощупать въ мозгу руками? Разсматривая явленія ощущенія, представленія и воли, какъ дѣятельность мозга, эмпирическое воззрѣніе не только оставляетъ неприкосновеннымъ фактическое содержаніе душевной жизни человѣка, во всей его полнотѣ и богатствѣ, и особенно настаиваетъ на фактѣ свободнаго самосознанія, но, естественно, не предрѣшаетъ вопроса о томъ, что входитъ, какъ вещество души, въ эти отношенія ощущенія, представленія и воли, принимаетъ форму психическаго существованія и т. д. Оно должно спокойно ожидать времени, когда вопросы о связи сущности душевной жизни человѣка съ ея формою перестанутъ быть метафизическими и сдѣлаются физіологическими. Въ ожиданіи, слѣдовало бы прекратить взаимное преслѣдованіе изъ-за неразрѣшимыхъ вопросовъ, не бросать другъ въ друга каменьями въ наукѣ и не примѣшивать къ изслѣдованію совершенно постороннихъ и не идущихъ къ дѣлу воззрѣній! Пусть фанатики и піэтисты матеріализма обдумаютъ одно обстоятельство, на которое, какъ мнѣ кажется, не было обращено во всѣхъ спорахъ по этому предмету должнаго вниманія.

Элементарные процессы въ нервныхъ массахъ, въ особенности, если на нихъ смотрятъ, какъ это дѣлаютъ въ настоящее время многіе, какъ преимущественно на электрическіе,

должны неизбѣжно быть въ высшей степени просты, сводиться на+и— а у всѣхъ людей быть совершенно одинаковы. Какимъ же образомъ могутъ произойти изъ нихъ однихъ и непосредственно — безконечно-разнообразныя представленія, ощущенія, желанія нетолько отдѣльныхъ людей, но и цѣлыхъ столѣтій!» (Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. Von W. Griesinger 2-te Auflage. Stuttgart 1861. Seite 6).

Далѣе г. критикъ приводитъ слова автора: «въ разнообразныхъ явленіяхъ внѣшняго міра нѣтъ ни одного *чисто психическаго* явленія. Вездѣ, гдѣ встрѣчается явленіе психическое, вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются и физическія условія» — и нѣсколько далѣе: «природа очевидно представляетъ два ряда предметовъ, изъ которыхъ одинъ лишенъ психическаго элемента, а другой проявляетъ его въ большей или меньшей степени. Къ первому ряду принадлежатъ ископаемыя и растенія, ко второму— животныя».

Въ этихъ двухъ предложеніяхъ г. критикъ опять видитъ противорѣчіе, находя, что въ первомъ отрицается самостоятельное существованіе психическаго явленія, а во второмъ оно допускается. Гдѣ же, однако, это противорѣчіе? Авторъ въ первомъ предложеніи отрицаетъ чисто психическія явленія, т. е. психическія явленія, не связанныя съ физическими условіями; во второмъ же предложеніи онъ говоритъ, что у растеній и ископаемыхъ мы вовсе не наблюдаемъ психическихъ явленій, тогда какъ наблюдаемъ ихъ у животныхъ. Какимъ же образомъ и теперь выходитъ, что есть психическіе элементы, т. е. самостоятельные, не связанные съ условіями физическими?

Повидимому, очень заинтересованный вопросомъ о томъ, что станетъ съ душой послѣ смерти, г. критикъ негодуетъ на автора за то, что не рѣшилъ его и вновь обращается къ словамъ автора: «никто не можетъ опредѣлить, пока онъ не умеръ, какое вліяніе на душевную дѣятельность производитъ смерть».

И опять г. критикъ вырываетъ одну фразу изъ связи съ остальными и, конечно, въ такомъ случаѣ нетрудно исказить

ся смыслъ. Приведенное г. критикомъ предложеніе находится на стр. 3. «Очерка»: «Съ другой стороны, однако, соображая, что главнѣйшій источникъ психологическаго опыта—*самонаблюденіе*, мы даже не можемъ утверждать, чтобы смерть уничтожила всѣ душевныя явленія. Пока мы не умерли, мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить, какое вліяніе на душевную дѣятельность производитъ смерть. Прибѣгая къ наблюденію надъ другими, мы можемъ только сказать, что смерть человѣка прекращаетъ лишь всякое *внѣшнее проявленіе* психической дѣятельности». Стало быть, съ точки зрѣнія *опыта*, на основаніи *самонаблюденія*, т. е. *наблюденія надъ самимъ собой*, никто не можетъ опредѣлить вліяніе смерти на душевную дѣятельность.

На стр. 24. критики, посвятивъ цѣлую страницу метафизическимъ соображеніямъ, г. критикъ говоритъ: «Мы скажемъ только, что, по нашему крайнему разумѣнію, читающему лекціи въ университетѣ не слѣдуетъ вдаваться въ разсмотрѣніе метафизическихъ вопросовъ» и на стр. 25 продолжаетъ: «неужели профессору или доценту психіатріи отказаться отъ философствованія надъ вопросами, такъ тѣсно связанными съ его предметомъ? Отнюдь не должно отказываться»—Ясно, что тутъ г. критикъ, вездѣ встрѣчая въ «Очеркѣ» противорѣчіе, уже самъ сталъ противорѣчить себѣ, утверждая что психіатру не слѣдуетъ вдаваться въ разсмотрѣніе метафизическихъ вопросовъ, но въ то же время отнюдь не должно отказаться отъ философствованія надъ вопросами, такъ тѣсно связанными съ его предметомъ, т. е. надъ вопросами метафизическими! Но г. критикъ тотчасъ старается исправить свое противорѣчіе, присовокупляя: «но профессоръ и доцентъ психіатріи никогда не долженъ сходить съ физіологической почвы; напротивъ они оба всегда должны оставаться твердо на ней одной и въ предѣлахъ ея сферы (т. е. физіологической почвы!) могутъ философствовать, сколько найдутъ нужнымъ, даже въ томъ случаѣ, когда бы пришлось разсуждать о психологіи. Въ такомъ только случаѣ послѣдняя выйдетъ научною

и подчиненною всеобщимъ законамъ (какимъ?). Далѣе, внѣ этого круга (т. е. внѣ предѣловъ физіологической почвы?) профессоръ психіатріи, если онъ желаетъ излагать свой предметъ (т. е. психіатрію) научно, не долженъ имѣть никакого дѣла ни съ психіатріей, ни съ психологіей». (стр. 25. критики).

Я признаюсь, что приведенный образецъ философствованія на физіологической почвѣ не вызываетъ во мнѣ желанія подражать ему при чтеніи своихъ лекцій.

На стр. 26., предлагая слова «душевная дѣятельность, проявленіе душевной дѣятельности» замѣнить словами «нервная дѣятельность, дѣятельность нервной ткани, протоплазмы (?!)», г. критикъ восклицаетъ: «зачѣмъ же было автору «Очерка» вводить въ научное сочиненіе выраженія, которыя не имѣютъ подъ собой научной почвы»? Помилуйте, г. критикъ! я «вводилъ» въ свое сочиненіе досадныя для васъ слова «душевная дѣятельность, проявленіе душевной дѣятельности» затѣмъ собственно, чтобы всякій, читая мое сочиненіе, тотчасъ понялъ о чемъ говорится, такъ какъ я совершенно увѣренъ въ томъ, что подъ выраженіемъ «дѣятельность протоплазмы» никто (даже изъ физіологовъ) не разумѣетъ «душевной дѣятельности».

На стр. 27. и 28. г. критикъ находитъ недостаточною схему нервной системы, предлагаемую авторомъ. Я отъ всей души радъ, что наконецъ-то могу согласиться съ мнѣніемъ г. критика. Моя схема въ самомъ дѣлѣ весьма проста, я даже скажу—слишкомъ проста и неполна. Но соображая, что схематическія изображенія вообще легко доступны лишь лицамъ, привыкшимъ ими заниматься, я нѣсколько затруднялся предположить болѣе сложную схему читателямъ—юристамъ, предполагая съ другой стороны, что каждый врачъ, знакомый съ физіологіей нервныхъ центровъ, пополнитъ самъ мою схему. И потому, не считая себя обязаннымъ подвергнуть разбору предлагаемыя г. критикомъ схемы, я прошу только благосклоннаго читателя собственнымъ трудомъ убѣдиться въ томъ, дѣйст-

вительно ли сложная схема г. критика устраняетъ всѣ тѣ недоумѣнія, съ которыми связана схема автора.

Стр. 32. и 33. разбора «Очерка» посвящены изложенію неправильности воззрѣнія автора на ощущеніе, представленіе и сознаніе. Г. критикъ, однако, ничѣмъ не доказывая справедливости сдѣланнаго имъ упрека, опять поступаетъ по привычному способу, т. е. пропускаетъ тѣ предложенія автора, которыми устраняется кажущееся недоумѣніе. На стр. II. Очерка авторъ говоритъ: «безсознательное ощущеніе—ничто иное, какъ неощущаемое ощущеніе», но тотчасъ же присовокупляетъ: «нервное раздраженіе, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ, какъ говорится, не доходить до сознанія», т. е. до центровъ *ощущенія*. Стало быть недоходящее до центровъ ощущенія нервное раздраженіе и *остается лишь нервнымъ раздраженіемъ*; нервное же раздраженіе становится *ощущеніемъ* лишь тогда, когда *сознается* въ видѣ измѣненія даннаго состоянія. Г. критикъ сознаніе исключительно относитъ къ представленію, тогда какъ авторъ ощущеніе также называетъ проявленіемъ сознанія. Кто же правъ? Современное состояніе психологіи дозволяетъ каждому остаться при своемъ мнѣніи. Опредѣленіе «сознанія» со стороны психологовъ такое различное, что можно было бы писать цѣлую книгу объ этомъ предметѣ. Отказываясь отъ подобнаго труда, я ограничусь лишь указаніемъ на слова Домриха: „Empfindung nennen wir die bewusste Wahrnehmung einer Reizung, welche eine centripetal leitende Nervenfaser traf. Wir kennen die Empfindung nur als eine b e w u s s t e, daher bildet die Perception der Reizung, durch welche ich eben unmittelbar erfahre, dass die Erregung einer sensiblen Faser statt hatte, ein n o t h w e n d i g e s Moment der Empfindung. Unbewusste Empfindungen kann es nicht geben, wol aber Erregungen sensibler Nervenfasern, welche nicht zum Bewusstsein kommen.“ (Psychische Zustände etc. Jena 1849. Стр. 31).

На стр. 34. г. критикъ находитъ, что изложеніе у автора внѣшнихъ чувствъ отличается особенною неполностію и несовременностію ученія о нихъ, присовокупляя, что не пони-

маетъ, почему авторъ только принимаетъ «пять» внѣшнихъ чувствъ.

Неужели г. критикъ серьозно требуетъ отъ автора подробнаго изложенія ученія о внѣшнихъ чувствахъ?

Ученіе о внѣшнихъ чувствахъ составляетъ отдѣлъ физіологіи, настолько обширный и самостоятельный, что почти во всѣхъ университетахъ профессора физіологіи читаютъ особые курсы по этому предмету. Могло ли въ краткое и сжатое обозрѣніе важнѣйшихъ данныхъ психологіи и психіатріи (для примѣненія ихъ къ вопросу о неспособности ко вмѣненію) входить болѣе подробное изложеніе ученія о внѣшнихъ чувствахъ, не дѣлая почти совершенно недоступнымъ для юристовъ пониманія «Очерка»?

Нѣтъ, г. критикъ, для выполненія своей задачи я считалъ себя строго обязаннымъ, по мѣрѣ возможности, сократить главу о внѣшнихъ чувствахъ и передать лишь самыя общія, основныя понятія, при чемъ всякаго рода частности только могли повредить цѣльности моего труда. И что я говорю о физіологіи органовъ внѣшнихъ чувствъ, тоже самое, и въ еще большемъ размѣрѣ, я долженъ сказать объ анатомическихъ условіяхъ внѣшнихъ чувствъ. По мнѣнію г. критика и вся микроскопическая анатомія органовъ внѣшнихъ чувствъ должна была найти мѣсто въ «Очеркѣ» и вышло бы для г. критика и болѣе научное и болѣе современное сочиненіе; но, по моему мнѣнію, вышло бы сочиненіе для врачей и юристовъ одинаково безполезное для первоначальнаго изученія судебной психологіи. Г. критикъ, ограничиваясь разборомъ одного только чувства—обонянія, приводитъ на $2^1/_2$ страницахъ «новѣйшія анатомическія» данныя объ органѣ обонянія. Неужели г. критикъ *дѣйствительно* думаетъ, что эти данныя имѣютъ хотя бы нѣкоторое серьозное значеніе для судебной психологіи? и неужели ихъ опущеніе въ столь небольшомъ трудѣ, каковъ «Очеркъ», *на самомъ дѣлѣ* можно признать доказательствомъ несовременности воззрѣній автора?

Что же касается того обстоятельства, что въ «Очеркѣ»

принято лишь «пять» внѣшнихъ чувствъ, то я полагаю, что до сихъ поръ попытки увеличить это число не увѣнчивались успѣхомъ. Пока Функе (Lehrbuch der Physiologie. Leipzig. 1866) принимаетъ лишь пять внѣшнихъ чувствъ, я считаю позволительнымъ придерживаться этого воззрѣнія, не подвергаясь упреку въ отсталости отъ современнаго уровня науки, разрабатывающей тѣ стороны знанія, которыя должны бы были войти въ составъ главныхъ основаній «Очерка».

Далѣе г. критикъ указываетъ на нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ текстъ «Очерка.» Такъ напр., говоря о зрѣніи, авторъ писалъ: «свѣтовыя ощущенія получаются *только* предметами, отражающими свѣтовые лучи» и «число колебаній свѣтовыхъ лучей измѣняется отъ переломленія свѣта.»

Сдѣланныя по этому поводу замѣчанія г. критика совершенно справедливы и мнѣ остается только сказать, что мною просмотрѣны указанныя неточности. Извиненіемъ же моимъ можетъ служить только то соображеніе, что въ своихъ замѣчаніяхъ о внѣшнихъ чувствахъ я не вообразилъ себѣ дать *изложеніе въ собственномъ смыслѣ слова*, но хотѣлъ только *напомнить* читателямъ физическія условія, входящія въ дѣятельность внѣшнихъ чувствъ.

Что же касается вкусовыхъ ощущеній, то г. критикъ, находя недостаточными слова автора: «периферическія окончанія вкусоваго нерва развѣтвляются въ заднихъ частяхъ полости рта, *преимущественно на языкѣ*,» повидимому желаетъ, чтобы мною указано было на то, что «мы отличаемъ вкусъ и *переднею частью языка*.» Но я не говорилъ, что вкусовой нервъ развѣтвляется на заднихъ частяхъ *языка*. Относя вкусовыя ощущенія *преимущественно къ языку*, я очевидно допускаю возможность возникновенія ихъ и *въ передней части языка*.

На стр. 31. «Очерка» сказано: «слѣды или остатки ощущенія называются представленіями; представленіе есть снимокъ или изображеніе внѣшняго предмета».

Ясно, что авторъ здѣсь говоритъ о психологическомъ значеніи представленія.

Опредѣленіе это г. критикъ находитъ неправильнымъ и недостаточнымъ (стр. 65. критики. Знаніе. Мартъ). Но не доказывая справедливости своего замѣчанія, г критикъ на стр. 66—69. распространяется о могущихъ быть органическихъ основаніяхъ представленія. Затѣмъ утверждая, что представленіе «не есть снимокъ или изображеніе внѣшняго предмета,» г. критикъ представленіе называетъ своего рода дѣятельностью извѣстныхъ частей нервной системы.

Дѣйствительно ли *это* опредѣленіе дастъ понятіе читателю о томъ, чѣмъ является въ нашемъ сознаніи представленіе—рѣшеніе этого вопроса я предоставляю самому читателю. Когда при воспоминаніи о покойномъ другѣ въ твоемъ сознаніи, читатель, оживаетъ образъ его, когда образъ этотъ носится такъ ясно передъ глазами, что кажется, какъ будто видишь его дѣйствительно,—тогда мы съ тобой, читатель, отсталые психологи, скажемъ, что имѣемъ *представленіе*, а въ этомъ представленіи признаемъ *изображеніе* любимаго нами лица;—но г. критикъ такихъ воспоминаній, такихъ представленій не имѣетъ, такъ какъ вмѣсто изображенія его друга ему является только «своего рода дѣятельность извѣстныхъ частей нервной системы!»

На стр. 69. г. критикъ соглашается съ авторомъ, что «непосредственное дѣйствіе на насъ какого бы то ни было внѣшняго предмета заключается лишь въ произведеніи измѣненія даннаго состоянія извѣстныхъ нервныхъ элементовъ. Этотъ-то нервно-органическій процессъ, по всей вѣроятности электрическаго свойства, или, по крайней мѣрѣ, сопровождаемый электрическими токами по нервнымъ элементамъ, сознается нами въ видѣ ощущенія»; но затѣмъ г. критикъ находитъ невѣрнымъ, что «тѣмъ не менѣе въ актѣ ощущенія мы не воспринимаемъ состоявшагося въ нашихъ нервныхъ элементахъ физіологическаго измѣненія». Г. критикъ восклицаетъ: «что же другое мы чувствуемъ, какъ не самое измѣненіе (т. е. физіологическое измѣненіе нервныхъ элементовъ)? О чемъ еще другомъ даютъ намъ знать наши нервныя ткани,

какъ не о своемъ же состояніи?» Читатель позволитъ мнѣ дополнить выноску г. критика, который по видимому не можетъ отказаться отъ вырыванія изъ связи отдѣльныхъ предложеній автора.

На стр. 13. «Очерка» послѣ словъ «физіологическаго измѣненія» слѣдуетъ: *«Ощущеніе не даетъ намъ ни малѣйшаго указанія на какіе либо органическіе процессы, происходящіе въ нашихъ нервныхъ органахъ. Мы ничего не знаемъ о томъ, что происходитъ въ нашихъ нервахъ во время раздраженія. Мало того: мы даже не знаемъ, имѣемъ ли мы нервы, или нѣтъ»* Неужели послѣ этого можно утверждать, что *ощущая,* мы *чувствуемъ* «самое измѣненіе» нервныхъ элементовъ? Въ томъ именно заключается необъяснимость душевныхъ явленій, что всѣ возможные нервные элементы и всевозможные химическіе и электрическіе процессы даютъ явленія, не имѣющія ничего общаго съ ними.

Затѣмъ на стр. 70—74. г. критикъ расходится по соображеніямъ о предполагаемыхъ органическихъ основаніяхъ представленій и ихъ сочетанія между собой.

На стр. 74. г. критикъ опять находитъ у автора противорѣчіе относительно *произвола* человѣка. Если-бъ, однако, приведенъ былъ § 112. «Очерка,» въ которомъ ясно опредѣлено произвольное движеніе (конечно въ связи съ предъидущими §§), какъ движеніе, вызываемое отвлеченными представленіями, то тотчасъ бы оказалось, что слова «произвольныя» и «непроизвольныя движенія» авторомъ употребляемы были въ общепринятомъ смыслѣ, такъ что здѣсь не имѣется никакого противорѣчія.

На стр. 75. г. критикъ выражаетъ свое сожалѣніе о томъ, что авторъ «не привелъ тѣхъ данныхъ, при помощи которыхъ, если не рѣшается вполнѣ столь важный вопросъ (о волѣ) въ жизни человѣка, какъ члена общества, то, по крайней мѣрѣ, значительно облегчается его рѣшеніе.» А *эти данныя* г. критикъ находитъ (стр. 76—82) въ микроскопическихъ изслѣдованіяхъ Мейнерта и др. Приведеніе «этихъ данныхъ» г. кри-

тикъ находитъ (стр. 81) тѣмъ болѣе необходимымъ, что «далеко еще не всѣ раздѣляютъ приведенный выше взглядъ на произвольность и непроизвольность движеній.» Авторъ же, съ своей стороны, полагаетъ, что «эти данныя» далеко не всѣми физіологами признаются окончательно-опредѣленными и уже потому ни въ какомъ случаѣ не должны были входить въ составъ «Очерка». Да кромѣ того пусть г. критикъ мнѣ позволитъ *сомнѣваться въ томъ*, чтобы указанныя имъ микроскопическія изслѣдованія въ самомъ дѣлѣ могли рѣшить вопросъ о волѣ!

На стр 82. г. критикъ говоритъ, что не понимаетъ выраженія автора: «вѣроятнѣе всего то мнѣніе, что душевныя болѣзни вызываются ненормальнымъ питаніемъ мозговаго вещества (стр. 76) и находитъ въ этихъ словахъ противорѣчіе съ предъидущимъ выраженіемъ: «помѣшательство есть ничто иное какъ болѣзнь головнаго мозга (стр. 75).»

1) Всѣмъ врачамъ извѣстно, что по вскрытіи труповъ умершихъ въ помѣшательствѣ въ большинствѣ случаевъ найдены были патологическія измѣненія нервныхъ центровъ, могущія быть отнесенными къ ненормальному питанію мозговаго вещества; но въ то же время извѣстно, что иногда подобныхъ измѣненій найдено не было.

2) То ненормальное состояніе нервныхъ центровъ, которое *предшествуетъ*, иногда въ продолженіе многихъ лѣтъ, *тѣмъ измѣненіямъ*, которыя находятъ по смерти больнаго, до сихъ поръ съ точностію не опредѣлено.

3) Такъ как при дѣятельности головнаго мозга, по всей вѣроятности, электрическіе токи играютъ немаловажную роль, то позволительно предположеніе, что, въ извѣстное время своего развитія, помѣшательство можетъ быть обусловливаемо какими бы то ни было молекулярными измѣненіями въ нервномъ веществѣ, *неподходящими* подъ рубрику ненормальнаго питанія мозговаго вещества. Въ силу приведенныхъ соображеній, я надѣюсь, предложенія автора окажутся совершенно правильными Противорѣчія же ихъ между собой не имѣется, уже по-

тому, что «болѣзнь» головнаго мозга еще не есть «ненормальное питаніе» мозговаго вещества.

На стр. 83—89 г. критикъ многое говоритъ о галлюцинаціяхъ и говоритъ объ нихъ чуть ли не больше, чѣмъ сказано объ нихъ въ «Очеркѣ» самимъ авторомъ. Тѣмъ не менѣе г. критикъ дѣлаетъ лишь весьма несущественныя замѣчанія, вырывая изъ текста отдѣльныя фразы и не обращая вниманія на послѣдовательный ходъ изложенія автора. Такъ напр. на стр. 85, выписавъ слова автора (стр. 77. „Очерка"): „Въ помѣшательствѣ намъ представляется тотъ замѣчательный фактъ, что непосредственное раздраженіе центральнаго нервнаго аппарата даетъ ощущеніе и тогда, когда вовсе не былъ раздраженъ периферическій нервъ или концевой аппаратъ его," г. критикъ присовокупляетъ: „Да вѣдь это бываетъ и не въ помѣшательствѣ." Конечно. И потому авторъ на стр. 80. и говоритъ:—„галлюцинаціи встрѣчаются также при полномъ душевномъ здоровьѣ и въ такомъ случаѣ, при нѣкоторомъ знаніи физіологіи, могутъ быть понимаемы совершенно правильно."

Затѣмъ г. критикъ (стр. 87) даетъ совершенно неумѣстное толкованіе словамъ автора: „онъ (галлюцинантъ) видитъ ее (колесницу) потому, что раздраженіе зрительнаго нервнаго центра въ немъ есть дѣйствительный фактъ." (стр. 79 Очерка). Г. критикъ почему-то полагаетъ, что авторъ сбивается, не различая галлюцинацій помѣшанныхъ отъ галлюцинацій не помѣшанныхъ, тогда какъ въ упомянутомъ мѣстѣ дѣло идетъ вовсе *не объ этомъ* различіи, а только *объ опроверженіи того мнѣнія*, по которому приписываютъ галлюцинаціи *воображенію*. Я прошу благосклоннаго читателя прочесть § 137. „Очерка" и совершенно увѣренъ, что упрекъ г. критика окажется вполнѣ неосновательнымъ

Оканчивая свой разборъ, г. критикъ, явно и не явно обличивъ автора въ несовременности, отсталости, противорѣчіи и т. п., тѣмъ не менѣе находитъ, что „Очеркъ", несмотря на свои недостатки, имѣетъ свои несомнѣнныя достоинства, что этотъ трудъ во всякомъ случаѣ составляетъ пріобрѣтеніе въ

нашей психіатрической литературѣ, что части II. III. и IV. его обработаны такъ, что принесутъ много пользы каждому образованному читателю".

Что же это значитъ? Не кусочекъ ли сахару послѣ горькихъ пилюль?

Timeo Danaos dona ferentes.

И оказывается въ концѣ концовъ, что разборъ г. критика не есть разборъ „Очерка," но есть только разборъ первой его части. Часть эта именно та, которая, въ подобныхъ сочиненіяхъ (какъ напр. System der gerichtlichen Psychologie von I. B. Friedreich. Regensburg 1862—сочиненіе, за которымъ долгое время признавали классическое достоинство) нерѣдко пропускается совершенно, на томъ основаніи, что психологія должна быть извѣстна всякому, кто принимается за изученіе судебной психологіи.

Еще объ одномъ обстоятельствѣ я желалъ бы сказать нѣсколько словъ. Г. критикъ не разъ намекаетъ на то, что «Очеркъ» былъ бы составленъ не совсѣмъ дурно, если-бъ его составилъ *не Доцентъ психіатріи при университетѣ*. Г. критикъ съ особеннымъ удареніемъ напираетъ на то, что *Доцентъ психіатріи долженъ былъ бы* составить «Очеркъ» болѣе научно, полно и современно. Стало быть, *всякій другой* представитель науки: врачъ, спеціалистъ (не могутъ же быть професорами или доцентами *всѣ* ученые, врачи и спеціалисты!) *могъ бы* издать ненаучное, неполное и несовременное сочиненіе, *не навлекая* на себя нареканія!? Предоставляя безпристрастному читателю обсудить примѣнимость такого взгляда къ научнымъ трудамъ вообще, я ограничусь лишь заявленіемъ, что я принадлежу къ числу тѣхъ представителей моего предмета, которые ститаютъ науку *мертвою*, пока она излагается *только* для спеціалистовъ. Я вижу *достоинство професора или доцента не въ томъ*, чтобы онъ украшалъ свои сочиненія цвѣтами начитанности,—нынѣ весьма дешево пріобрѣтаемой помощью болѣе или менѣе обширныхъ рефератовъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ—, *но въ томъ*, чтобы онъ сре-

ди колеблющихся мнѣній и спорныхъ вопросовъ составилъ себѣ *самостоятельный взглядъ на предметъ, на столько вѣрный и правильный*, чтобы, передавая его своимъ слушателямъ или читателямъ, онъ могъ надѣяться, что дѣйствительно далъ имъ руководство, предохраняющее ихъ отъ заблужденія. Я вижу задачу *въ особенности* профессоровъ и доцентовъ, какъ ближайшихъ представителей науки, преимущественно въ стремленіи дѣлать свою науку *общимъ достояніемъ* и содѣйствовать къ тому, чтобы она не окаменѣла въ замкнутыхъ стѣнахъ Университета, но находила себѣ пріютъ и въ сферѣ образованнаго общества вообще, проникала въ жизнь и приносила плоды всему обществу. Мысль эту я отношу въ особенности къ психіатріи, такъ какъ по настоящее время еще существуютъ обильныя предразсудки и самыя ложныя воззрѣнія на душевныя болѣзни даже въ образованномъ обществѣ, вслѣдствіе чего нетолько многіе изъ помѣшанныхъ погибаютъ, оставленные въ свое время безъ надлежащаго леченія, но и нерѣдко приговариваются къ уголовнымъ наказаніямъ больные, совершившіе преступленіе въ состояніи неспособности ко вмѣненію. Но не признавая за собой способности писать сочиненіе, дѣйствительно популярное и вполнѣ доступное каждому образованному читателю, я посвятилъ свой трудъ врачамъ и юристамъ, которые, по призванію своему, должны ознакомиться съ Судебной Психологіей. Первые, безъ сомнѣнія, найдутъ въ «Очеркѣ» многое, что изложено собственно для юристовъ; послѣдніе же найдутъ въ немъ многое, что нужно знать только врачамъ. Но тѣ и другіе,—я надѣюсь, и послѣ разбора г. критика—чтеніемъ «Очерка» могутъ быть заинтересованы Судебною Психологіей настолько, что въ самомъ дѣлѣ примутся за болѣе внимательное изученіе этого предмета. И если хотя одного несчастнаго, совершившаго преступленіе, признаютъ неспособнымъ ко вмѣненію, врачъ или юристъ, *послѣ* чтенія «Очерка», тогда какъ тотъ или другой его призналъ бы способнымъ ко вмѣненію *до* чтенія «Очерка»,—то я скажу, что составилъ свой трудъ не напрасно.

Въ заключеніе же я благодарю г. критика за указаніе на тѣ неточности, которыя дѣйствительно вкрались въ мое сочиненіе и постараюсь ихъ исправить, если суждено будетъ «Очерку» явиться во второмъ изданіи.

Докторъ А. У. ФРЕЗЕ.

ЧАСТЬ I.

О НОРМАЛЬНОЙ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ.

§ 1. Эмпирическая психологія изучаетъ фактическія данныя душевной жизни.

Собирать эти данныя, открывать ихъ взаимную связь, изслѣдовать ихъ отношенія къ другимъ опытнымъ даннымъ, изучать условія развитія и проявленія, опредѣлить законы измѣненія и прекращенія душевной дѣятельности—вотъ задача эмпирической психологіи.

§ 2. Источниками эмпирической психологіи служатъ *самонаблюденіе* и *наблюденіе* надъ *другими* лицами. То и другое дополняются сообщеніями о результатахъ *чужаго* самонаблюденія и такого же наблюденія надъ другими. Собственный опытъ даннаго лица обыкновенно служитъ исходною точкою для оцѣнки чужаго наблюденія. Однако наблюденіе надъ однимъ и тѣмъ же предметомъ разныхъ лицъ можетъ сопровождаться различными условіями, какъ внѣшними, такъ и внутренними, и, потому, вести къ весьма различнымъ результатамъ. Съ другой стороны, нѣкоторые душевные процессы (какъ напр. душевныя чувства) ускользаютъ отъ самонаблюденія, а другіе (какъ напр. процессъ сочетанія представленій) при внимательномъ самонаблюденіи нѣсколько измѣняются. Вслѣдствіе этого ни повѣрка чужаго наблюденія собственнымъ опытомъ, ни са-

монаблюденіе не могутъ быть признаваемы безошибочными источниками эмпирической психологіи.

§ 3. Первый фактъ, получаемый нами при самонаблюденіи и наблюденіи надъ другими лицами, заключается въ *условномъ* проявленіи душевной дѣятельности.

Въ окружающей насъ природѣ нигдѣ не имѣется изолированныхъ душевныхъ явленій. Въ разнообразныхъ явленіяхъ внѣшняго міра и въ поразительной игрѣ естественныхъ силъ, приводящихъ въ движеніе вселенную,—нѣтъ ни одного явленія *чисто-психическаго*. Нѣтъ ни одного явленія, которое можно было бы отнести *къ одному лишь* психическому началу. Вездѣ, гдѣ встрѣчается явленіе психическое, вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчаются и физическія условія.

Природа очевидно представляетъ три ряда предметовъ, существенно различныхъ. У одного изъ нихъ наблюденіе наше открываетъ лишь такія свойства, которыя могутъ быть приведены къ однимъ только *общимъ* законамъ физическаго міра. Другой рядъ, кромѣ того, обнаруживаетъ явленія (извѣстныя внѣшнія и внутреннія измѣненія), заставляющія насъ отнести ихъ къ жизненной дѣятельности. Но ни у тѣхъ, ни у другихъ не замѣчается ничего такого, что могло бы заслуживать названіе психическаго элемента. Наконецъ третій рядъ предметовъ, данныхъ природою, сверхъ жизненныхъ процессовъ, представляетъ еще явленія, которыя мы, по ихъ своеобразности, относимъ къ душевной дѣятельности.

Предметы перваго ряда называютъ *ископаемыми* (минералами);—втораго—*растеніями*, а третьяго—*животными*.

Стало быть, животный организмъ есть *эмпирическое предположеніе* проявленія душевной дѣятельности.

Примѣчаніе. Такъ какъ въ составъ животныхъ и растеній не входитъ ни одного вещественнаго элемента, котораго не нашлось бы и въ минералахъ, то стремленіе науки шло и идетъ къ тому, чтобы привести къ *одному* общему началу явленія, наблюдаемыя во *всѣхъ трехъ* такъ называемыхъ царствахъ природы.

Само собой разумѣется, что *эмпирическая* психологія, признавая своимъ основаніемъ одинъ лишь опытъ, предоставляетъ рѣшеніе подобныхъ вопросовъ умозрительнымъ наукамъ.

§ 4. Если утверждаютъ, что корабль плыветъ по водѣ, можно ли вполнѣ уяснить себѣ явленіе плаванія, не зная, что такое вода?

Точно также, приписывая человѣческому организму душевную дѣятельность, какимъ образомъ мы составимъ себѣ понятіе о ея проявленіи, не зная, что такое организмъ?

Какъ вода представляетъ собой среду, въ которой происходитъ явленіе плаванія корабля, точно также человѣческій организмъ представляетъ собой среду для проявленія душевной дѣятельности. Стало быть, изученіе человѣческаго *организма* есть предварительное условіе изученія душевной жизни.

Эмпирическая психологія прежде всего основана на физіологіи (біологіи) человѣка.

§ 5. Изслѣдованіе человѣческаго организма приводитъ насъ къ *другому* фундаментальному факту эмпирической психологіи.

Душевная дѣятельность на человѣческомъ организмѣ проявляется не всегда, но только при извѣстномъ состояніи его.

Состояніе это называется *жизнію*. Только живой человѣкъ проявляетъ психическую дѣятельность; трупъ не обнаруживаетъ никакихъ подобныхъ явленій. Наблюденіе это даетъ намъ несомнѣнное право признать душевную дѣятельность—*жизненнымъ явленіемъ*.

Съ другой стороны, однако, соображая, что главнѣйшій источникъ психологическаго опыта—*самонаблюденіе*, мы даже не можемъ утверждать, чтобы смерть *уничтожила* всѣ душевныя явленія. Пока мы не умерли, мы не имѣемъ никакой возможности опредѣлить, какое вліяніе на душевную дѣятельность производитъ смерть, потому собственно, что при жизни человѣка смерть не можетъ быть предметомъ его самонаблюденія. Прибѣгая къ наблюденію надъ другими, мы можемъ только сказать, что смерть человѣка прекращаетъ лишь всякое внѣшнее *проявленіе* психической дѣятельности. Такимъ образомъ, т. е. съ точки зрѣнія *опыта* (самонаблюденія и наблюденія надъ другими) живой организмъ составляетъ собой условіе *не существованія вообще*, но только *внѣшняго* проявленія душев-

ныхъ способностей. Другими словами, эмпирическая психологія ни коимъ образомъ не предрѣшаетъ вопроса о сущности душевной дѣятельности.

§ 6. Психическая дѣятельность не есть единственное явленіе, заслуживающее названіе жизненнаго процесса. По смерти человѣка не только прекращается внѣшнее проявленіе душевной дѣятельности, но и уничтожается весь рядъ другихъ явленій, наблюдаемыхъ при жизни. Взамѣнъ этихъ явленій въ нашемъ организмѣ возникаетъ рядъ измѣненій, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *разложенія*, т. е. рядъ химическихъ и физическихъ процессовъ, вслѣдствіе которыхъ органическія ткани распадаются на свои элементы, тогда какъ, наоборотъ, всѣ измѣненія послѣднихъ, наблюдаемыя на живомъ организмѣ, очевидно содѣйствуютъ сохраненію его въ извѣстномъ состояніи.

Примѣчаніе: Всякое измѣненіе органической ткани, при жизни человѣка, грозящее организму разрушеніемъ, признается оклоненіемъ отъ нормы — болѣзнію.

§ 7. Если психическія явленія идутъ параллельно другимъ жизненнымъ явленіямъ, если проявленіе психической дѣятельности прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ многочисленныхъ другихъ органическихъ процессовъ, то очевидно между тѣми и другими существуетъ болѣе или менѣе опредѣленное отношеніе. Отношеніе это могло бы намъ казаться случайнымъ только до тѣхъ поръ, пока наука не показала, что понятіе случайности есть понятіе не научное. И въ самомъ дѣлѣ, признавая во всѣхъ явленіяхъ природы строгую законообразность, нельзя не согласиться, что отношеніе психической дѣятельности къ прочимъ жизненнымъ процессамъ есть отношеніе законообразное.

§ 8. Жизненныя явленія непсихическаго свойства (растительныя), каковы напр. дыханіе, кровообращеніе и т. п., связаны между собой такимъ образомъ, что каждое изъ нихъ обусловливаетъ собой другое болѣе или менѣе непосредственно.

Понятіе организма существенно построено на томъ, что

каждая часть его получаетъ полное значеніе только въ силу своего отношенія къ цѣлому и наоборотъ, что цѣлое — совокупность всѣхъ частей — представляетъ собой гармоническое единство всѣхъ отдѣльныхъ частей. Прекращеніе одной какой либо жизненной дѣятельности влечетъ за собой прекращеніе и другихъ, такъ что продолженіе жизни вполнѣ зависитъ отъ совмѣстнаго совершенія всѣхъ жизненныхъ актовъ. Такъ напр. продолженіе дыхательнаго процесса немыслимо при прекращеніи общаго питанія; нормальное же питаніе немыслимо по прекращеніи кровообращенія и т. д.

§ 9. Отдѣльныя жизненныя явленія возникаютъ *не непосредственно.* Каждое изъ нихъ самымъ тѣснымъ образомъ связано съ извѣстными частями организма. Съ уничтоженіемъ этихъ частей тотчасъ прекращаются также соотвѣтствующіе имъ жизненные процессы. Части эти называются *органами;* наблюдаемыя на нихъ явленія — *отправленіями.* Такъ напр. дыханіе — отправленіе легкихъ; кровообращеніе — отправленіе сердца и сосудистой системы. И наоборотъ: желудокъ, печень и проч. служатъ органами пищеваренія и т. д.

Органы, съ своей стороны, не суть равныя или неравныя простыя части организма, но составляютъ болѣе или менѣе сложные органическіе аппараты весьма различнаго анатомическаго строенія. Составные же элементы органовъ называются органическими *тканями*, каковы напр. ткань костная, мышечная, нервная и т. д.

§ 10. Сравненіе психической дѣятельности съ прочими жизненными явленіями не могло не возбудить вопроса: не соотвѣтствуютъ ли проявленіямъ душевной дѣятельности также извѣстные физіологическіе аппараты? И въ самомъ дѣлѣ, въ числѣ составныхъ элементовъ организма встрѣчаются двѣ органическія ткани, которымъ нельзя отказать въ психическомъ значеніи, а именно ткани *мышечная* и *нервная.*

Внѣшнее проявленіе душевной дѣятельности возможно лишь при участіи мышечной системы. Однако мышечное во-

локно служитъ орудіемъ душевной дѣятельности не само собой, но только тогда, когда управляется нервною системою. Мускулъ, лишенный своихъ нервовъ, не способенъ къ сокращенію; стало быть, послѣднее органическое условіе проявленія душевной дѣятельности—это нервная ткань.

§ 11. Нервная ткань преимущественно состоитъ изъ бѣлковинныхъ и жирныхъ веществъ, воды, различныхъ солей и является въ двухъ видахъ: въ формѣ нервныхъ *клѣточекъ* и *волоконъ*.

Анатомическое строеніе тѣхъ и другихъ доступно только вооруженному глазу. Нервныя клѣточки образуютъ такъ называемое *сѣрое вещество*, нервныя волокна — *бѣлое вещество* нервной массы.

§ 12. Нервная система раздѣляется на двѣ главныя части. Одна часть—*нервные центры*—помѣщается въ полости черепа и въ каналѣ позвоночнаго столба. Другая — *периферическіе нервы*—развѣтвляется по наружной и внутренней поверхностямъ тѣла.

Нервные центры заключаютъ въ себѣ какъ сѣрое, такъ и бѣлое вещество. Смотря по распредѣленію того и другаго вещества, описательная анатомія обозначаетъ особыми именами ихъ различныя части. Однако разграниченіе между собой этихъ частей основано на весьма грубыхъ примѣтахъ. Съ другой стороны всѣ части нервныхъ центровъ непрерывно соединяются между собой, такъ что раздѣленіе ихъ становится крайне затруднительнымъ.

Внѣ черепной полости и позвоночнаго канала нервныя клѣточки въ небольшомъ количествѣ встрѣчаются лишь въ пунктахъ соединенія нервныхъ волоконъ, образуя такъ называемые нервные узлы (ganglia).

§ 13. Периферическая часть нервной системы или *нервы* состоятъ изъ нервныхъ волоконъ.

Нервы составляютъ собой проводники отъ периферіи тѣла къ нервнымъ центрамъ и наоборотъ отъ центровъ къ периферіи и потому раздѣляются на нервы *центростремительные* и

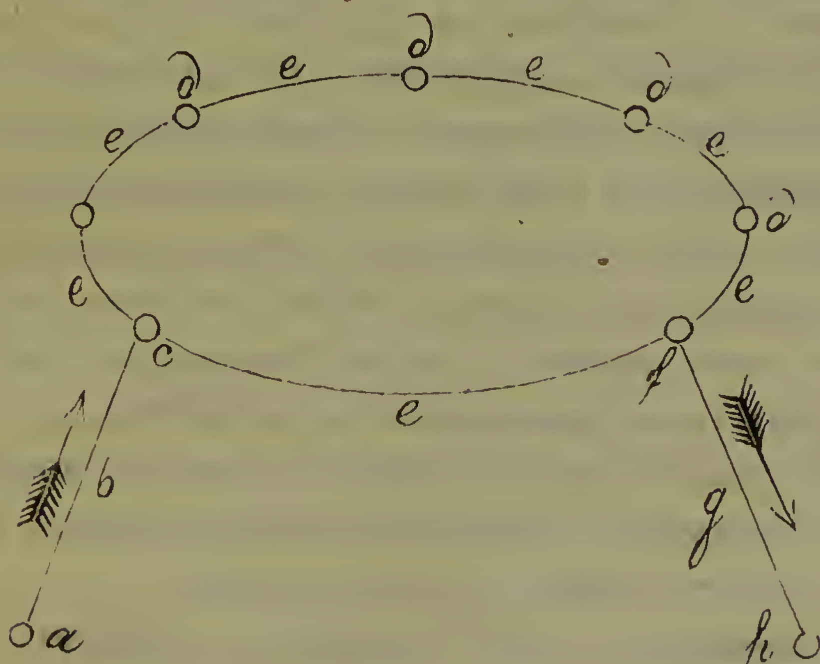
центробѣжные. Каждый нервъ (нервный стволъ, нервная нить) заключаетъ въ себѣ огромное число отдѣльныхъ нервныхъ *волоконъ,* изъ которыхъ каждое имѣетъ два конца — *центральный* и *периферическій.*

Периферическое окончаніе нервовъ надѣлено особымъ *концевымъ аппаратомъ* болѣе или менѣе тонкаго строенія. Концевые аппараты центростремительныхъ нервовъ находятся въ органахъ внѣшнихъ чувствъ и въ окончаніяхъ общихъ чувствительныхъ волоконъ. Концевые же аппараты центробѣжныхъ нервовъ—это мышцы.

Центростремительные нервы служатъ проводниками *чувствительности,* центробѣжные—*движенія.*

§ 14. Масса и объемъ бѣлаго волокнистаго вещества въ нервныхъ центрахъ значительно превышаютъ массу и объемъ всѣхъ входящихъ и выходящихъ нервныхъ нитей. Поэтому нельзя не принимать въ мозгу головномъ и спинномъ *центральныхъ*, или, собственно говоря, *межцентральныхъ волоконъ,* т. е. нервныхъ волоконъ, не сообщающихся непосредственно съ периферіей организма, но соединяющихъ между собой лишь различныя группы нервныхъ клѣточекъ.

§ 15. Простѣйшая схема нервной системы представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

a. Концевой аппаратъ центростремительнаго нерва.

b. Центростремительный нервъ (проводникъ отъ периферіи къ центрамъ).

c. Центральный конецъ его.

h. Концевой аппаратъ центробѣжнаго нерва (мышца).

g. Центробѣжный нервъ (проводникъ отъ центра къ периферіи).

f. Центральный конецъ его.

d. d. d. Нервныя клѣточки.

e. e. e. Межцентральныя волокна.

§ 16. Физіологія утверждаетъ, что нервная система относится къ психической дѣятельности точно также, какъ относятся напр. къ процессу дыханія легкія, т. е. нервная система является *органомъ* душевной дѣятельности, точно также, какъ легкія служатъ органомъ дыханія.

Положеніе это доказывается слѣдующимъ опытомъ.

Если перерѣзать въ любомъ мѣстѣ центростремительный или центробѣжный нервъ, то вполнѣ уничтожается въ первомъ случаѣ чувствительность, во второмъ—произвольное движеніе той части, нервъ которой былъ перерѣзанъ. Такъ напр. по перерѣзкѣ чувствительнаго нерва руки—вся рука нѣмѣетъ. Можно ее колоть, жечь, рѣзать, не производя въ ней ни малѣйшей боли, тогда какъ ея движенія остаются совершенно свободными. И наоборотъ, по перерѣзкѣ центробѣжнаго нерва рука будетъ вполнѣ парализована. Ни произвольное побужденіе, ни внѣшнее раздраженіе не произведутъ въ ней мышечнаго сокращенія; въ тоже время чувствительность сохраняется вполнѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ чувствительность и произвольное движеніе нисколько не слабѣютъ во всѣхъ частяхъ руки, лежащихъ выше разрѣза, т. е. въ тѣхъ частяхъ, въ которыхъ не нарушена связь проводниковъ съ центрами.

§ 17. Далѣе физіологія доказала, что для проявленія душевной дѣятельности необходимы извѣстныя условія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія. Условія эти суть:

1) Нормальное строеніе нервныхъ элементовъ;

2) Нормальное питаніе всего организма, въ особенности нервной системы; и

3) Раздраженіе нервныхъ элементовъ, т. е. извѣстное измѣненіе въ нервныхъ элементахъ, происходящее отъ дѣйствія на нихъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ дѣятелей (стимуловъ).

Примѣчаніе. Въ нормальномъ состояніи организма въ нервныхъ элементахъ существуетъ постоянный электрическій токъ, который нѣсколько ослабляется, какъ только на периферическій нервъ дѣйствуетъ раздраженіе.

§ 18. Общее свойство нервныхъ элементовъ, при извѣстныхъ условіяхъ (т. е. при дѣйствіи на нихъ стимуловъ), приходить въ измѣненное состояніе, называется *раздражительностію.*

При жизни человѣка нервный элементъ всегда находится или въ состояніи *раздражительности* (покоя) или въ состояніи *раздраженія* (дѣятельности).

Одно состояніе постоянно смѣняетъ собой другое. Нормальное проявленіе жизненныхъ отправленій главнымъ образомъ зависитъ отъ правильныхъ переходовъ одного состоянія нервной системы въ другое. Состояніе покоя нервной системы не даетъ никакихъ доступныхъ нашему наблюденію явленій; дѣятельное же состояніе извѣстныхъ нервныхъ центровъ сопровождается *проявленіемъ психической дѣятельности.*

Объ ощущеніи.

§ 19. Основной элементъ душевной дѣятельности—*ощущеніе*—есть актъ внутренній, непосредственно доступный только одному лишь ощущающему лицу. Какъ фактъ самонаблюденія, ощущеніе не допускаетъ совершенно точнаго опредѣленія. Мы можемъ только болѣе или менѣе удачно описывать то, что происходитъ съ нами во время ощущенія.

Однако описаніе своихъ ощущеній различныхъ людей далеко не всегда одинаково. Болѣе или менѣе значительное различіе въ личныхъ свойствахъ людей придаетъ ихъ ощущеніямъ извѣстный индивидуальный оттѣнокъ, ускользающій отъ всякой повѣрки другими лицами. Различіе это зависитъ какъ

отъ данной организаціи, такъ и отъ окружающихъ условій, при дѣйствіи одного и того же стимула на различныхъ людей.*)

Ощущеніе можно лишь опредѣлить субъективнымъ признакомъ того состоянія, въ которомъ мы узнаемъ, что *съ нами,* въ какомъ бы то ни было отношеніи, *произошла перемѣна.*

§ 20. Способность человѣка узнавать что либо о происходящихъ въ немъ перемѣнахъ, или различать данное состояніе отъ другаго, въ которомъ онъ находился прежде, называется—*сознаніемъ*.

Сознаніе есть самый общій критерій душевныхъ явленій. Гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ и душевной дѣятельности. Вянетъ ли цвѣтокъ, сохнетъ ли дерево, распадается ли на куски камень—мы не допускаемъ предположенія, чтобы растеніе или минералъ сами *знали* что либо о совершающихся съ ними перемѣнахъ. Мы называемъ ихъ предметами неодушевленными, т. е. лишенными сознанія.

§ 21. Самая простая или элементарная форма сознанія—*ощущеніе*. Ощущеніе есть сознаніе перемѣнъ, происходящихъ въ ощущающемъ лицѣ или субъектѣ, и потому принятіе ощущеній безсознательныхъ ошибочно.**) Безсознательное ощущеніе—ничто иное, какъ неощущаемое ощущеніе или безсознательное сознаніе. Однако раздраженіе центростремительныхъ нервныхъ волоконъ не всегда имѣетъ своимъ результатомъ ощущеніе и, конечно, въ такомъ случаѣ и не получается проявленія сознанія. Нервное раздраженіе, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ, какъ говорится, не доходить до сознанія. Оно можетъ остаться незамѣченнымъ нами, оно можетъ происходить безъ нашего вѣдома, какъ напр. раздраженіе чувствительнаго нерва во время обморока; оно можетъ уклоняться отъ своего пути, вызывая напр. движеніе ранѣе, чѣмъ достигло ощущающихъ нервныхъ центровъ и т. д. Но дѣйствительно *ощущая*, я въ

*) И потому общее положеніе: «равныя причины производятъ равныя послѣдствія» не примѣнимо къ ощущенію.

**) Die psychischen Zustände etc. von Dr. Ottomar Domrich. Jena. 1842. стр. 31.

то же время и *знаю*, что ощущаю. Знаніе того, что во мнѣ происходитъ какая нибудь перемѣна, есть *сознаніе этой перемѣны*. Сознавать же данную перемѣну я могу лишь настолько, насколько я ощущаю ее; стало быть, *ощущая*, я въ то же время *знаю*, что имѣю ощущеніе.

§ 22. При нормальныхъ условіяхъ глубокій, крѣпкій сонъ является совершенно безсознательнымъ состояніемъ. По крайней мѣрѣ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы утверждать, чтобы во время глубокаго сна продолжалось наше сознаніе. Крѣпкій сонъ, нетревожимый сновидѣніями, есть дѣйствительный пробѣлъ въ душевной нашей жизни. Мы помнимъ то, что было нѣсколько времени до начала сна и сознаемъ то, что дѣлается съ нами въ минуту пробужденія, тогда какъ все, что происходило въ промежутокъ времени отъ засыпанія до просыпанія, навсегда для насъ потеряно.

Примѣчаніе. То, о чемъ я ничего не знаю, о чемъ я даже не знаю зналъ ли я о немъ когда либо что нибудь, равняется въ моемъ сознаніи— ничему. «Ничто» есть понятіе отрицательное и потому не можетъ быть предметомъ ни знанія, ни сознанія.

§ 23. Для того, чтобы состоялось ощущеніе, необходимы:

1) Внѣшній предметъ, производящій измѣненіе даннаго состоянія (стимулъ).

2) Центростремительный нервъ, подвергающійся дѣйствію стимула.

3) Проведеніе раздраженія внѣшнимъ предметомъ центростремительнаго нервнаго волокна къ извѣстнымъ нервнымъ центрамъ.

4) Раздраженіе этихъ же центровъ, и

5) Преобразованіе центральнаго нервнаго раздраженія въ душевный актъ ощущенія.*)

Очевидно ощущеніе составляетъ весьма сложный физіологическій процессъ. Но отдѣльные періоды этого процесса слѣ-

*) Die Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten von Griesinger 2. Aufl. Stuttgart 1861. стр. 6 и 7.

дуютъ одинъ за другимъ такъ быстро и непосредственно, что повидимому послѣ перваго тотчасъ наступаетъ и послѣдній. Мы открываемъ глаза и—*видимъ*, т. е. открывъ глаза мы подвергаемъ зрительный органъ дѣйствію внѣшняго предмета—свѣта—и тотчасъ имѣемъ свѣтовое ощущеніе. Троньте рукой любую часть тѣла и вы тотчасъ получите ощущеніе прикосновенія. Вслѣдствіе быстроты *процесса ощущенія*, мы сливаемъ составные моменты его въ *одно цѣлое*, въ одинъ мгновенный актъ и называемъ его *воспріятіемъ внѣшнихъ предметовъ.*

§ 24. Однако выраженіе это не совсѣмъ точно. Въ актъ ощущенія не входитъ ничего такого, что могло бы походить на предметъ, вызывающій ощущеніе. Боль, которую я ощущаю, и ножъ, которымъ я ранилъ себя, или разрѣзъ кожи, причиненный ножемъ, не имѣютъ ничего общаго между собой. Колебаніе воздуха, раздражающее слуховой нервъ, никакимъ образомъ не идетъ въ сравненіе со звукомъ, который слышится нами. Ощущеніе благоуханія розы и сама роза, издающая запахъ, совершенно различны между собой.

Непосредственное дѣйствіе на насъ какого бы то ни было внѣшняго предмета заключается лишь въ произведеніи *измѣненія* даннаго состоянія извѣстныхъ нервныхъ элементовъ Этотъ-то нервно-органическій процессъ, по всей вѣроятности электрическаго свойства, или, по крайней мѣрѣ, сопровождаемый электрическими токами по нервнымъ элементамъ, сознается нами *въ видѣ ощущенія.* Тѣмъ не менѣе, въ актѣ ощущенія, мы не воспринимаемъ состоявшагося въ нашихъ нервныхъ элементахъ физіологическаго измѣненія. Ощущеніе не даетъ намъ ни малѣйшаго указанія на какіе либо органическіе процессы, происходящіе въ нашихъ нервныхъ органахъ. Мы ничего не знаемъ о томъ, что происходитъ въ нашихъ нервахъ во время ихъ раздраженія. Мало того, мы даже не знаемъ, имѣемъ ли мы нервы или нѣтъ. Ощущеніе является послѣднимъ результатомъ нервнаго раздраженія точно также, какъ телеграмма является окончательнымъ результатомъ работы телеграфическаго аппарата. Какъ телеграмма передаетъ

намъ извѣстіе, ничего не сообщая о томъ, какимъ образомъ дѣйствовали электрическіе проволоки и прочіе снаряды, точно также ощущеніе *извѣщаетъ* насъ о состоявшемся впечатлѣніи, ничего не открывая о способѣ зарожденія его.

§ 25. Какимъ образомъ электро-органическій процессъ *нервнаго раздраженія* преобразуется въ *душевный актъ ощущенія*—вопросъ этотъ по сіе время остался загадкою, надъ рѣшеніемъ котораго безуспѣшно трудилась тысячелѣтняя умозрительная философія. Научный разборъ акта ощущенія показываетъ только, что ощущеніе невозможно, если ему не предшествовало раздраженіе нервнаго аппарата внѣшнимъ предметомъ.

§ 26. Ощущеніе есть актъ совершенно непроизвольный. Находясь подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, мы приходимъ въ *состояніе ощущенія* совершенно независимо отъ нашего желанія. Мы не можемъ *не* ощущать, когда даны физіологическія условія ощущенія, и не можемъ ощущать, когда этихъ условій не имѣется.

Примѣчаніе. Нѣкоторые органы ощущенія устроены такъ, что на болѣе или менѣе продолжительное время мы можемъ устранить вліяніе на нихъ внѣшнихъ предметовъ: такъ напр., закрывая глаза, мы прекращаемъ возможность свѣтовыхъ ощущеній.

Виды ощущенія.

§ 27. Смотря по устройству нервныхъ аппаратовъ, подвергаемыхъ раздраженію, ощущеніе проявляется въ *двухъ* главныхъ видахъ.

Различаютъ *чувственное ощущеніе* (дѣятельность внѣшнихъ чувствъ) отъ *органическихъ или тѣлесныхъ ощущеній* (дѣятельность внутренняго или общаго чувства).

Дѣятельность внѣшнихъ чувствъ.

§ 28. Большинство физіологовъ принимаетъ пять видовъ чувственнаго ощущенія: *зрѣніе*, *слухъ*, *обоняніе*, *вкусъ* и *осязаніе*.

Примѣчаніе. Въ планъ «Очерка», конечно, не могло входить ни подробное анатомическое описаніе органовъ внѣшнихъ чувствъ, ни изложеніе

физическихъ и физіологическихъ условій ихъ дѣятельности и потому слѣдующіе ниже §§ имѣютъ лишь цѣлью напомнить читателю тѣ научныя данныя, которыя ему уже извѣстны или требуютъ болѣе точнаго изученія по особымъ источникамъ.*)

З р ѣ н і е.

§ 29. Органомъ зрѣнія служатъ глаза. Глазъ представляетъ собой весьма сложный оптическій аппаратъ, устройство котораго существенно походитъ на camera obscura. Но дѣйствіе этого аппарата ограничивается лишь произведеніемъ внутри глаза изображенія внѣшняго предмета. Для того, чтобы состоялся актъ *зрѣнія* необходимо участіе *нервныхъ* частей органа зрѣнія. Части эти суть сѣтчатая оболочка и зрительный нервъ. Сѣтчатая оболочка (сѣтчатка, retina), замѣчательная своимъ тонкимъ строеніемъ, составляетъ концевой аппаратъ зрительнаго нерва; зрительный же нервъ (N. opticus) проводитъ раздраженіе сѣтчатки къ головному мозгу, по всей вѣроятности, къ зрительнымъ бугоркамъ (Thalami Nn. opticorum) и четвертному возвышенію (corpora quadrigemina).

§ 30. Дѣятельность органа зрѣнія состоитъ въ произведеніи свѣтовыхъ и зрительныхъ ощущеній. Внѣшній предметъ или стимулъ, преимущественно раздражающій зрительный органъ—это *свѣтъ* или *свѣтовой эфиръ*, проникающій всю вселенную.

Свѣтовыя ощущенія получаются отъ предметовъ, издающихъ или отражающихъ свѣтъ. Полный свѣтовой лучъ (бѣлый свѣтъ) есть соединеніе лучей, различныхъ по длинѣ колебаній свѣтоваго эфира въ данное время, и потому предметы, неравномѣрно отражающіе свѣтъ, являются въ различномъ видѣ. Такъ напр. предметы называются бѣлыми, когда отражаютъ всѣ свѣтовые лучи, падающіе на нихъ; разноцвѣтными, когда отражаютъ только нѣкоторые изъ нихъ, и черными, когда во-

---

*) Funke, Lehrbuch der Physiologie. Leipzig 1866. Bd. II. стр. 20–490. — Budge, Lehrbuch der speciellen Physiologie des Menschen. Leipzig 1862. стр. 832—954. — Wundt, Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele. Leipzig 1863. стр. 82—267. Его же Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung. Leipzig und Heidelberg. 1862.

все не отражаютъ свѣта и въ то же время не пропускаютъ его. Предметы просвѣчиваютъ, когда пропускаютъ одну часть свѣтовыхъ лучей, отражая другую; они прозрачны, когда пропускаютъ всѣ падающіе на нихъ лучи.

Пропускаемый такими предметами свѣтъ болѣе или менѣе значительно уклоняется отъ своего первоначальнаго направленія (переломленіе свѣта).

§ 31. Свѣтовое ощущеніе, само собой, еще не есть зрительное ощущеніе. Зрительное ощущеніе получается отъ соединенія или группированія въ одно цѣлое многочисленныхъ отдѣльныхъ свѣтовыхъ ощущеній.

При содѣйствіи какъ мышечныхъ движеній глаза (глазнаго яблока, радужной оболочки), такъ и переломляющихъ свѣтъ частей глаза (хрусталика, стекловиднаго тѣла и др.) мы постепенно, путемъ упражненія, выучиваемся опредѣлять форму, величину и разстояніе окружающихъ насъ предметовъ, дающихъ намъ одни только свѣтовыя ощущенія.

Примѣчаніе. Органъ зрѣнія находится въ весьма близкомъ отношеніи къ душевнымъ чувствамъ человѣка. Данное настроеніе и различныя душевныя движенія болѣе или менѣе рѣзко отражаются въ глазахъ, придавая имъ особое выраженіе, относимое нами какъ бы непосредственно къ извѣстнымъ нравственнымъ свойствамъ людей. Тѣмъ не менѣе глаза, сами собой, лишены всякой выразительной способности. Послѣдняя исключительно зависитъ отъ сокращенія различныхъ глазныхъ мышцъ.*)

С л у́ х ъ.

§ 32. Какъ глазное яблоко, оболочки глаза, хрусталикъ и пр. составляютъ вспомогательный аппаратъ органа зрѣнія, точно также наружныя и внутреннія части уха (ушная раковина, барабанная перепонка, улитка и пр.) служатъ дополнительнымъ аппаратомъ органа слуха. Периферическія окончанія слуховаго нерва (волокна Корти) расположены во внутреннемъ ухѣ, центральный же конецъ его проникаетъ въ головной мозгъ и переходитъ въ ромбоидальную ямочку и островъ Рейля.

§ 33. Внѣшній дѣятель, вызывающій слуховыя ощуще-

*) О выразительной способности глаза. Э. Адамюка. Казань. 1872.

нія, заключается въ періодическомъ движеніи (сотрясеніи, дрожаніи, качаніи) различныхъ тѣлъ, болѣе или менѣе эластичныхъ. Движеніе это передается атмосферному воздуху и распространяется волнообразно во всѣ стороны. Колебанія воздуха долетаютъ до барабанной перепонки и приводятъ ее въ дрожаніе; послѣднее переходитъ черезъ ушныя косточки на лабиринтъ, наполненный жидкостью, и раздражаетъ плавающій въ ней концевой аппаратъ слуховаго нерва.

Движеніе воздуха приводитъ въ дѣятельное состояніе слуховой нервъ (N. acusticus) лишь при извѣстной быстротѣ своихъ колебаній въ данное время. Если въ секунду происходитъ менѣе 20 или болѣе 36,000 колебаній, то мы не получаемъ никакого слуховаго ощущенія. Чѣмъ медленнѣе, въ данное время, колебаніе воздуха, тѣмъ слуховое ощущеніе *ниже*, и, наоборотъ, чѣмъ быстрѣе первое, тѣмъ *выше* послѣднее.

§ 34. Если отдѣльные періоды данныхъ колебаній воздуха или дрожаніе твердаго тѣла въ данное время повторяются одинъ за другимъ правильно, то слуховое ощущеніе называется *звукомъ*; если же періоды слѣдуютъ другъ за другомъ такъ неравномѣрно, что нельзя опредѣлить ихъ взаимное отношеніе, то слуховое ощущеніе называется *шумомъ*. Какъ звукъ, такъ и шумъ могутъ имѣть весьма различные оттѣнки и степени.

Музыкальные звуки основаны на томъ, что число колебаній и промежутки между ними въ данное время повторяются съ математическою точностію.

Обоняніе.

§ 35. Концевой аппаратъ органа обонянія состоитъ изъ такъ называемыхъ обонятельныхъ клѣточекъ, расположенныхъ по шнейдеровой оболочкѣ въ полости носа. Въ этихъ клѣточкахъ берутъ свое начало тонкія нервныя волокна, которыя, проникнувъ въ узелъ обонятельнаго нерва (bulbus olfactorius) составляютъ стволъ обонятельнаго нерва (N. olfactorius). Послѣдній идетъ по продольному направленію основанія мозга и оканчивается, по всей вѣроятности, въ полосатыхъ тѣлахъ (corpora striata).

§ 36. Только одни летучія вещества даютъ намъ обонятельныя ощущенія. — Твердыя и жидкія тѣла не производятъ никакого запаха.

Химическій составъ пахучихъ веществъ пока неизвѣстенъ. Для полученія отъ какого либо пахучаго вещества обонятельныхъ впечатлѣній необходимо вдыханіе. Въ періодѣ выдыханія или при задержанномъ дыханіи запаха не ощущается. Совершенно чистый воздухъ не имѣетъ никакого запаха. Нѣкоторыя вещества, издающія запахъ, чрезвычайно долго сохраняютъ способность вызывать обонятельныя ощущенія, какъ напр. мускусъ; другія же, повидимому быстро разлагаясь, очень скоро теряютъ свой запахъ.

Сильный запахъ можетъ дѣйствовать на нервную систему такимъ образомъ, что дѣлаются и прекращаются обмороки (Budge).

§ 37. Ближайшій характеръ обонятельныхъ ощущеній такъ разнообразенъ, что едва ли допускаетъ ихъ систематизацію. Принять нѣкоторые, такъ сказать, основные или элементарные виды обонятельныхъ ощущеній пока нѣтъ никакой возможности. Качество обонятельныхъ ощущеній главнымъ образомъ опредѣляется нами по веществамъ, производящимъ ихъ. Всякій знаетъ напр. и безошибочно отличаетъ запахъ даннаго цвѣтка отъ какого либо другаго запаха, но точно опредѣлить, чѣмъ именно или какъ пахнетъ цвѣтокъ—мы не въ состояніи. Затрудненіе это еще возрастаетъ, когда вещества пахучія кромѣ того раздражаютъ общіе чувствительные нервы, такъ что получается смѣшанное ощущеніе.

Вкусъ.

§ 38. Периферическія окончанія вкусоваго нерва (N. glossopharyngeus) развѣтвляются преимущественно на языкѣ и въ заднихъ частяхъ полости рта; центральный же конецъ его переходитъ въ продолговатый мозгъ (medulla oblongata).

§ 39. Предварительное условіе вкусовыхъ ощущеній отъ какого либо вещества заключается въ томъ, чтобы вещество

это растворялось въ слюнѣ, отдѣляемой въ полости рта; сухія же и нерастворимыя въ ней вещества не даютъ вкусовыхъ ощущеній.

Главнѣйшіе оттѣнки вкуса выражаются словами: горько, сладко, солено и кисло. Кромѣ того имѣется безконечный рядъ совершенно неопредѣленныхъ и неопредѣлимыхъ вкусовыхъ ощущеній.

§ 40. Вкусовыя ощущенія такъ часто сливаются съ обонятельными въ одно общее ощущеніе, что чрезвычайно трудно опредѣлить съ точностію характеръ тѣхъ и другихъ. Такъ напр. вкусъ хорошаго вина не мало зависитъ отъ его запаха. Съ другой стороны сочетаніе вкусовыхъ ощущеній съ осязательными нерѣдко придаетъ имъ особые оттѣнки. Такъ напр. вкусъ жирный, острый, вяжущій и т. п. гораздо болѣе зависитъ отъ раздраженія общихъ чувствительныхъ нервовъ, чѣмъ отъ раздраженія вкусоваго органа. Нѣкоторыя вещества имѣютъ различный вкусъ смотря по мѣсту раздраженія вкусовыхъ нервовъ. Такъ напр. глауберовая соль на кончикѣ языка имѣетъ вкусъ соленый, на корнѣ же горькій. Наконецъ и органъ зрѣнія не лишенъ нѣкотораго вліянія на вкусовыя ощущенія. При завязанныхъ глазахъ нерѣдко смѣшиваютъ вкусъ вина бѣлаго и краснаго.

Осязаніе.

§ 41. Осязательные нервы, въ видѣ тончайшихъ волоконъ, берутъ свое начало по всей поверхности тѣла. Соединяясь между собой, они образуютъ болѣе или менѣе значительные нервные стволы. Нервный стволъ не есть соединеніе или сліяніе нервныхъ волоконъ, въ собственномъ смыслѣ слова, но составляетъ лишь сумму безчисленныхъ волоконъ, возникающихъ въ различныхъ мѣстахъ, при чемъ каждое отдѣльное волокно, входящее въ составъ нерва или нервнаго ствола, или нервной нити, можетъ быть раздражаемо самостоятельно. Толщина нерва тѣмъ значительнѣе, чѣмъ онъ ближе подходитъ къ нервнымъ центрамъ и наоборотъ—уменьшается тѣмъ болѣе, чѣмъ онъ дальше находится отъ нихъ.

Стволы осязательныхъ нервовъ входятъ чрезъ такъ называемые заднiе корешки въ спинной мозгъ и оканчиваются въ различныхъ частяхъ головнаго мозга.

§ 42. Раздраженiе осязательныхъ нервовъ даетъ ощущенiе лишь при непосредственномъ соприкосновенiи съ внѣшними предметами.

Тонкость и отчетливость осязанiя весьма различны въ различныхъ частяхъ тѣла и достигаютъ высшаго развитiя своего въ пальцахъ руки. На нижней поверхности кончиковъ пальцевъ въ обильномъ количествѣ находятся такъ называемыя осязательныя тѣльца или концевые аппараты осязательныхъ нервовъ (corpuscula tactus).

Осязательная способность совершенно теряется при уничтоженiи верхней кожицы и значительно притупляется при утолщенiи ея отъ грубыхъ работъ, такъ что кожицѣ не безъ основанiя приписываютъ значенiе дополнительнаго концеваго аппарата органа осязанiя.

§ 43. Осязательныя ощущенiя выражаютъ собой силу давленiя или механическаго противодѣйствiя, встрѣчаемаго нами при соприкосновенiи къ внѣшнимъ предметамъ.

Осязанiе преимущественно даетъ намъ впечатлѣнiя о поверхности предметовъ, какъ напр. о гладкости, шероховатости, твердости, мягкости и пр. Осязательныя ощущенiя весьма часто сочетаются съ зрительными и не мало содѣйствуютъ къ опредѣленiю величины, объема и формы окружающихъ насъ предметовъ.

§ 44. Вмѣстѣ съ осязательными ощущенiями извѣстнаго свойства получается болѣе или менѣе точное впечатлѣнiе о мѣстѣ ихъ возникновенiя.*)

Общее или внутреннее чувство.

§ 45. Тѣлесныя или органическiя ощущенiя вызываются раздраженiемъ какъ осязательныхъ, такъ и другихъ чувстви-

*) Ср. Weber, über den Tastsinn въ Handwörterbuch der Physiologie von R. Wagner. T. 2. стр. 547.

тельныхъ нервовъ, развѣтвляющихся по внутреннимъ поверхностямъ организма (какъ напр. въ полости грудной, брюшной и т. д.). Стало быть осязательные нервы не суть исключительно проводники чувственнаго ощущенія.

Возможность получать различные виды ощущенія отъ раздраженія однихъ и тѣхъ же нервныхъ волоконъ зависитъ какъ отъ строенія концевыхъ аппаратовъ, такъ и отъ различія центральныхъ частей, въ которыхъ оканчиваются центростремительные нервы, и, наконецъ, отъ различнаго способа дѣйствія на нервы внѣшнихъ стимуловъ. Органическія ощущенія до такой степени разнообразны, что едва ли допускаютъ сравненія между собой. Главнѣйшія тѣлесныя ощущенія суть: голодъ и жажда, ощущеніе температуры, такъ называемое мышечное чувство, ощущеніе щекотанія, бѣганіе мурашекъ, половыя ощущенія и т. д.

§ 46. Всѣ органическія ощущенія, какъ ни различно ихъ ближайшее содержаніе или качество, *сходятся въ томъ*, что принимаютъ общій характеръ *пріятнаго* или *непріятнаго* и, при извѣстныхъ условіяхъ, переходятъ въ ощущеніе болѣе или менѣе явной *боли*.

Проявленіе *боли* составляетъ *отличительный* характеръ органическихъ ощущеній, такъ какъ чисто-чувственное ощущеніе, какъ ни сильно раздраженіе соотвѣтствующаго нерва, никогда не переходитъ непосредственно въ боль. Если же чувственное впечатлѣніе сопровождается болѣе или менѣе рѣзкимъ *пріятнымъ* или *непріятнымъ* ощущеніемъ (болью), то присоединеніе къ нему послѣдняго зависитъ отъ перехода раздраженія чувственнаго центра на общіе чувствительные нервные центры (на центры органическихъ ощущеній).

§ 47. Поверхность нашего тѣла всегда подвергается дѣйствію окружающей насъ среды и потому постоянно возникаютъ органическія ощущенія. Но при нормальныхъ условіяхъ раздраженіе это слишкомъ незначительно, чтобы вызывать опредѣленныя мѣстныя ощущенія. Напротивъ того всѣ одновременныя, слабыя ощущенія какъ бы сливаются въ одно общее,

болѣе или менѣе опредѣленное ощущеніе—*самоощущеніе* или *чувство бытія.*

Самоощущеніе выражается сознаніемъ здоровья, свѣжести, бодрости, силы. При болѣзненныхъ условіяхъ самоощущеніе разстраивается и сознаніе здоровья уступаетъ мѣсто непріятному, чувству общаго нездоровья, слабости, утомленія. Подобное же явленіе представляютъ чувствительные нервы внутреннихъ органовъ. Въ нормальномъ состояніи нервы желудка, печени, легкихъ и пр. не даютъ никакихъ ощущеній. Мы даже не знаемъ, есть ли у насъ внутренніе органы или нѣтъ. Въ болѣзненномъ же состояніи они дѣлаются источниками болѣе или менѣе опредѣленныхъ непріятныхъ ощущеній и сильной боли.

Законы проявленія ощущенія.

§ 48. Какъ ни многочисленны и разнообразны ощущенія чувственныя и органическія—всѣми ими управляютъ *два* закона: *законъ специфической энергіи* и *эксцентрическаго проявленія.*

§ 49. Законъ *спеецифической энергіи* выражается тѣмъ, что каждый нервъ на состоявшееся раздраженіе отвѣчаетъ лишь *извѣстнымъ образомъ*, независимо отъ свойства и природы раздражающаго его предмета.

Какимъ бы стимуломъ не раздражался центростремительный нервъ, всегда онъ даетъ ощущеніе, ему одному лишь свойственное. Такъ напр. раздраженіе зрительнаго нерва вызываетъ только свѣтовыя ощущенія, слуховаго—слуховыя, вкусоваго — вкусовыя и т. д. Подвергается ли зрительный нервъ солнечному свѣту или электричеству, дѣйствуетъ ли на него механическая сила или химическій процессъ—всегда въ результатѣ получается свѣтовое ощущеніе. Такъ напр. ударъ въ глазъ, потрясающій зрительный органъ, разрѣзъ зрительнаго нерва при операціи внутри глаза, сильный приливъ крови къ сѣтчатой оболочкѣ—всѣ эти раздражающіе моменты даютъ одни только свѣтовыя ощущенія. Приходя въ дѣятельное состояніе отъ колебанія воздуха, давленія опухолью, отъ ушиба головы, слуховой нервъ всегда вызываетъ лишь слуховыя ощущенія. Чѣмъ бы ни дѣйствовали на центростремительные подкожные

нервы, ножемъ ли или булавкою, огнемъ ли или льдомъ — всегда мы получаемъ пріятное или непріятное ощущеніе.

Специфическая энергія по всей вѣроятности зависитъ отъ устройства какъ концевыхъ аппаратовъ, такъ и тѣхъ центральныхъ частей головнаго мозга, въ которыхъ оканчиваются центростремительные нервы.*)

§ 50. Законъ *эксцентрическаго проявленія* выражается тѣмъ, что раздраженіе, которымъ вызывается ощущеніе, гдѣ бы оно ни состоялось, всегда относится нами *къ концевому аппарату* раздражаемаго нерва.

Если отъ внутреннихъ органическихъ условій непосредственно раздражается ощущающій нервный центръ или если центростремительный нервъ приводится въ раздраженіе въ любомъ мѣстѣ своего протяженія, то тѣмъ не менѣе дѣйствіе стимула, производящаго ощущеніе, перемѣщается нами къ *периферическому* окончанію нерва. Намъ кажется, что раздраженіе приходитъ *извнѣ* и, стало быть, производящій его предметъ (стимулъ) также находится *внѣ* насъ. Такъ напр. при раздраженіи зрительнаго нерва отъ давленія опухоли, по закону специфической энергіи, возникаютъ свѣтовыя ощущенія, большею частію проявляющіяся въ формѣ блестящихъ искръ или огненныхъ точекъ и кружковъ. Эти то свѣтовыя ощущенія, однако, мы воспринимаемъ въ такомъ видѣ, какъ будто *внѣ насъ,* въ нѣкоторомъ отъ глаза разстояніи, на самомъ дѣлѣ находятся искры и кружки. Мы приписываемъ свое ощущеніе какъ бы дѣйствію на насъ этихъ предполагаемыхъ, кажущихся искръ, хотя мы въ тоже время весьма хорошо знаемъ, что передъ нашими глазами вовсе не имѣется никакихъ свѣтовыхъ явленій. Толчокъ въ локоть вызываетъ боль въ 4. и 5. пальцахъ руки, т. е. въ той части руки, гдѣ оканчивается локтевой нервъ. Намъ кажется, что предметъ, производящій боль въ означенномъ мѣстѣ, дѣйствовалъ не на стволъ, но на периферическое окончаніе локтеваго нерва. Явленіе это еще

*) Ср. Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig. 1873. стр. 346.

болѣе рѣзко выдается впередъ у ампутированныхъ. Если во время ампутаціи, напр. ноги, перерѣзывается бедренный нервъ, то боль ощущается въ пальцахъ ноги, конечно, вовсе не подвергаемыхъ дѣйствію ножа. Въ послѣдствіи случайное раздраженіе раны или даже рубца на бедрѣ даетъ ощущенія, возникающія будто бы въ пальцахъ ноги, давно уже отнятой.

§ 51. Причина экцентрическаго проявленія по всей вѣроятности заключается въ силѣ *привычки*. Съ малолѣтства мы пріучаемся къ опыту, что дѣйствующіе на насъ предметы находятся внѣ насъ и что, слѣдовательно, раздраженіе, произведенное ими, всегда беретъ свое начало въ периферическихъ окончаніяхъ нерва, болѣе или менѣе непосредственно имъ доступнымъ.

Различіе чувственныхъ и органическихъ ощущеній и ихъ психическое значеніе.

§ 52. Чувственныя ощущенія (зрѣнія, слуха, обонянія вкуса и осязанія), по ближайшему своему содержанію, ставятъ насъ въ болѣе или менѣе опредѣленное отношеніе ко *внѣшнему міру*. Мы *непосредственно* относимъ ихъ къ внѣшнимъ предметамъ и принимаемъ ихъ за неопровержимыя доказательства какъ *существованія* вообще, такъ и *дѣйствія* на насъ окружающаго міра.

Если кто увѣряетъ насъ, что онъ слышалъ или видѣлъ что либо, то мы можемъ ему вѣрить или не вѣрить. При нѣкоторой сомнительности того явленія, про которое намъ говорятъ, мы даже оспариваемъ его дѣйствительность, ссылаясь на собственный свой опытъ, не представлявшій намъ ничего подобнаго. Но сами увидавъ или услыхавъ тоже самое, мы вполнѣ убѣждены, что въ самомъ дѣлѣ случилось видѣнное или слышанное нами.—Словомъ, мы безусловно вѣримъ только своимъ *собственнымъ* чувственнымъ ощущеніямъ, нерѣдко признавая ошибкою, заблужденіемъ или суевѣріемъ то, что не соотвѣтствуетъ нашему опыту.

§ 53. У кого не достаетъ извѣстныхъ чувственныхъ ощущеній, для того *не* существуютъ предметы, которые вызывали

бы эти ощущенія. Слѣпорожденный, въ буквальномъ смыслѣ слова, ходитъ во маркѣ. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о свѣтѣ и всѣ наши разсказы или описанія не могутъ ему дать этого понятія. Глухонѣмой положительно не знаетъ и не понимаетъ, что такое звукъ. Его окружаетъ совершенная тишина.

Съ временнымъ прекращеніемъ ощущенія предметъ, пропроизводившій его, перестаетъ для насъ существовать. Закрывъ глаза—я ничего не вижу. Съ закрытыми глазами я могу, на основаніи прежняго опыта, допускать существованіе даннаго предмета, но вполнѣ сознаю его лишь тогда, когда получаю отъ него чувственное впечатлѣніе.

§ 54. Такимъ образомъ чувственныя ощущенія являются *признаками внѣшнихъ предметовъ*. На основаніи нашихъ чувственныхъ впечатлѣній, получаемыхъ нами отъ окружающихъ насъ предметовъ, мы опредѣляемъ *свойства* и *качества* этихъ предметовъ. Такъ напр. глядя на данный предметъ, т. е. получая отъ него извѣстныя зрительныя ощущенія, мы говоримъ: предметъ таковъ, онъ красенъ, великъ, малъ и т. д. Мы говоримъ такъ съ полнымъ убѣжденіемъ, повидимому нисколько не сознавая, что собственно о предметѣ мы ничего не знаемъ, а означаемъ лишь только извѣстное качество нашего собственнаго ощущенія. Получая свѣтовое *ощущеніе* x, я называю *предметъ* краснымъ, получая подобное ощущеніе y, я называю его желтымъ; имѣя извѣстное вкусовое ощущеніе, я называю принятую пищу горькою или сладкою; дотрогиваясь до поверхности даннаго тѣла, я называю его гладкимъ, твердымъ и пр. Стало быть я называю *свойствомъ* предмета свое *собственное субъективное измѣненіе*, состоявшееся, въ видѣ *ощущенія*, вслѣдствіе раздраженія даннымъ предметомъ извѣстныхъ чувственныхъ нервовъ.

Ясно, что ощущеніе не выражаетъ дѣйствительныхъ свойствъ предмета, но выражаетъ только извѣстное *отношеніе* нашего организма къ этимъ предметамъ.

§ 55. Въ качествѣ *признаковъ* внѣшнихъ предметовъ, чувственныя ощущенія являются мѣриломъ всего окружающа-

го насъ міра. Каковымъ ощущается нами внѣшній міръ, таковъ онъ и есть для насъ. Различное сужденіе людей объ однихъ и тѣхъ же предметахъ находится въ безусловной зависимости отъ различія ихъ ощущеній. Существуетъ ли внѣшній міръ независимо отъ нашего ощущенія и существуетъ ли онъ точно въ такомъ видѣ, въ какомъ мы ощущаемъ его— рѣшеніе этого вопроса опыту недоступно. Опытъ говоритъ намъ только, что *для насъ* все окружающее существуетъ лишь настолько, насколько мы способны получать отъ него ощущенія, тогда какъ независимое отъ ощущенія существованіе внѣшняго міра получается только путемъ умозрительнаго вывода.

§ 56. *Органическія ощущенія* ничего подобнаго не представляютъ. Мы непосредственно и безусловно относимъ ихъ къ самому себѣ, къ собственному своему организму. Имѣя органическое ощущеніе, мы говоримъ: со *мной* дѣлается то-то,— во *мнѣ* происходитъ то-то—*я* чувствую боль. Притомъ самое содержаніе органическаго ощущенія не даетъ намъ никакихъ указаній на свойства предмета, которымъ оно производится. Если же впослѣдствіи органическое ощущеніе нами также приводится въ болѣе или менѣе опредѣленное отношеніе къ внѣшнему предмету, какъ источнику его, то это дѣлается не непосредственно, но на основаніи соображенія о томъ, что извѣстнымъ ощущеніямъ должны соотвѣтствовать извѣстныя причины.

§ 57. Англійскій физіологъ Люисъ*) совершенно справедливо замѣчаетъ, что *чувственныя* ощущенія *немыслимы* безъ *внѣшняго* міра, создающаго ихъ, тогда какъ легко можно себѣ представить *продолженіе* нашихъ органическихъ ощущеній и по прекращеніи всего міра. И въ самомъ дѣлѣ, ближайшій характеръ органическихъ ощущеній невольно заставляетъ насъ *сперва* сознавать *себя* существомъ, испытывающимъ извѣстное измѣненіе и *затѣмъ* уже вызываетъ соображеніе о причинахъ этого измѣненія; чувственныя же ощущенія непосредственно

*) Физіологія обыденной жизни. Переводъ съ Англійскаго Борзенкова и Рачинскаго. Москва. 1863.

заставляютъ насъ *сперва* сознавать существующимъ данный *внѣшній* міръ и *затѣмъ* уже ведутъ къ мысли, что данный предметъ ощущается *нами*, а не кѣмъ нибудь другимъ. По этому органическія ощущенія также называются *безпредметными,* а чувственныя—*предметными* (объективными).

§ 58. Отдѣльныя чувственныя ощущенія проявляются въ опредѣленныхъ, самостоятельныхъ формахъ и не допускаютъ между собой никакого сравненія. Слуховое ощущеніе нисколько не походитъ на обонятельное или осязательное. Вкусовое ощущеніе не имѣетъ ничего общаго съ свѣтовымъ; зрительное же ощущеніе не идетъ въ сравненіе съ слуховымъ и т. д. Напротивъ того, всѣ органическія ощущенія, по существенному своему характеру, составляютъ лишь степени, видоизмѣненія, оттѣнки, переливы одного и того же *общаго* ощущенія, пріятнаго или непріятнаго.

§ 59. Наконецъ чувственныя ощущенія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, даютъ начало *представленіямъ* о предметахъ, вызывающихъ чувственныя впечатлѣнія; органическія же не вызываютъ никакихъ самостоятельныхъ представленій.

Такимъ образомъ чувственныя ощущенія даютъ основаніе *сознанія внѣшняго міра* (міроваго сознанія), органическія-же *самосознанія.*

О представленіи.

§ 60. По прекращеніи дѣйствія на насъ внѣшняго предмета, также прекращается и произведенное имъ чувственное ощущеніе. Закрывъ глаза или отворачиваясь отъ даннаго предмета, мы болѣе не видимъ его, потому что прервано его дѣйствіе на зрительный нервъ. Когда замолкли долетавшіе до насъ звуки, мы болѣе не получаемъ слуховаго ощущенія. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, ощущеніе прекращается не вполнѣ. Намъ кажется, какъ будто бы оно еще продолжается въ болѣе слабомъ видѣ. Ясно сознавая, что мы болѣе не видимъ или не слышимъ, мы тѣмъ не менѣе замѣчаемъ, что передъ глазами носится блѣдный образъ видѣннаго нами предмета или

въ ушахъ раздается слабый отголосокъ слышаннаго нами звука. Образъ предмета и отголосокъ звука только постепенно скрываются и черезъ нѣсколько секундъ изчезаютъ совершенно.

Если, черезъ болѣе или менѣе продолжительное время, наши чувственные органы вновь подвергаются дѣйствію тѣхъ же самыхъ внѣшнихъ предметовъ, то, вмѣстѣ съ *новымъ* ощущеніемъ, получается то замѣчательное явленіе, что вновь возникшее ощущеніе намъ кажется уже знакомымъ. Мы сознаемъ, что имѣли его прежде, что оно родится въ насъ не первый разъ.

Стало быть отъ первоначальнаго ощущенія, хотя оно изчезло спустя нѣсколько времени по прекращеніи раздражающаго дѣйствія, осталось *нѣчто*, дающее намъ возможность признать второе ощущеніе лишь повтореніемъ перваго. Если же второе ощущеніе не равняется первому, то означенное *нѣчто* служитъ намъ основаніемъ сравненія между собой того и другаго ощущенія. Мы нетолько сознаемъ, что второе ощущеніе не походитъ на первое, но и сознаемъ, чѣмъ именно отличается отъ него.

§ 61. Такимъ образомъ ощущеніе, по минованіи своемъ, оставляетъ въ насъ болѣе или менѣе опредѣленные, налетные *слѣды*, сохраняющіе свойства предмета, вызвавшаго минувшее ощущеніе.

Способность ощущеній быть сознаваемыми, въ видѣ слѣдовъ чувственныхъ впечатлѣній, называется—*памятью.*

Если извѣстное ощущеніе, въ данный промежутокъ времени, не будетъ повторяемо, то по большей части совершенно теряются и соотвѣтствующіе ему слѣды:—мы забываемъ предметъ, вызвавшій въ свое время ощущеніе. Съ другой стороны, въ исключительныхъ случаяхъ, болѣе рѣзкія впечатлѣнія, впослѣдствіи никогда не повторявшіяся, сохраняются памятью на всю жизнь. Такъ напр. въ старости мы вдругъ вспоминаемъ, чрезвычайно подробно, нѣкоторыя обстоятельства давно минувшей молодости.

§ 62. Способность удерживать слѣды минувшихъ ощуще-

ній представляетъ собой коренное условіе всего дальнѣйшаго психическаго развитія.

Еслибъ у насъ не было памяти, т. е. если бы всѣ ощущенія, по прекращеніи дѣйствія на насъ окружающихъ предметовъ, тотчасъ прекращались вполнѣ, то всякое ощущеніе оставалось бы совершенно изолированнымъ, мимолетнымъ явленіемъ. Мы жили бы исключительно впечатлѣніями данной минуты и не имѣли бы возможности связывать настоящее съ прошедшимъ. Вспоминая же впечатлѣнія прошедшія и прибавляя къ нимъ новыя, мы постоянно пріобрѣтаемъ большее число слѣдовъ ощущеній и такимъ образомъ расширяемъ свое сознаніе какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніяхъ.

§ 63. Память—явленіе совершенно загадочное. Физіологи, по большей части, предполагаютъ, что произведенное внѣшнимъ раздраженіемъ (молекулярное) измѣненіе удерживается нервными элементами головнаго мозга. Находя это мнѣніе не совсѣмъ удовлетворительнымъ, Wundt полагаетъ, что органическія измѣненія въ нервныхъ центрахъ, если таковыя оставляются впечатлѣніями, не могутъ быть принимаемы за *остающіеся* (постоянные) слѣды, но должно на нихъ смотрѣть, какъ на одни лишь *предрасположенія* (Dispositionen), т. е. тѣ нервные элементы головнаго мозга, которые при возникновеніи извѣстнаго представленія пришли въ состояніе раздраженія (дѣятельности), сохраняютъ свойство воспроизводить то же самое раздраженіе въ одинаковомъ видѣ и независимо отъ внѣшняго повода.*)

Но едва-ли то или другое предположеніе уясняетъ самый фактъ памяти и воспоминанія. По крайнѣй мѣрѣ намъ кажется одинаково труднымъ, составить себѣ хотя нѣсколько удовлетворительное понятіе какъ объ *удерживаніи* въ головномъ мозгу какихъ либо органическихъ слѣдовъ минувшаго нервнаго измѣненія, возникшаго отъ внѣшняго раздраженія, такъ и о *предрасположеніяхъ* нервныхъ элементовъ приходить,

---

*) Vorlesungen über die Menschen- und Thierseele von Wundt. Leipzig. 1863. Стр. 384.

безъ внѣшняго повода, въ прежнее состояніе раздраженія (органическаго измѣненія).

И потому, отказываясь отъ объясненія процесса памяти, мы укажемъ лишь на весьма сходное явленіе въ сферѣ мускульной дѣятельности. Мышца, часто приводимая въ сокращеніе, производитъ извѣстныя движенія болѣе точно, быстро и энергично, чѣмъ мускулъ, рѣдко приходившій въ дѣятельное состояніе. Очевидно частое раздраженіе даннаго нервнаго элемента усиливаетъ его специфическую энергію.

§ 64. Какъ ощущеніе относится нами непосредственно къ внѣшнимъ предметамъ, вызывающимъ его, точно также и слѣды его вполнѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ же предметамъ. Каково ощущеніе, таковъ и слѣдъ его. Тѣмъ не менѣе, однако, ощущеніе и оставшійся послѣ него слѣдъ нельзя считать явленіями, совершенно тождественными.

Данное ощущеніе есть отдѣльный, мгновенный актъ, происходящій отъ раздраженія извѣстныхъ нервныхъ элементовъ и связывается съ другими ощущеніями только сходствомъ или различіемъ своего содержанія. Слѣды же ощущенія, хотя берутъ свое начало изъ отдѣльныхъ впечатлѣній, но съ повтореніемъ ощущеній измѣняются болѣе или менѣе значительно. Каждое новое ощущеніе нетолько усиливаетъ, но и нѣсколько пополняетъ слѣдъ минувшаго, однороднаго съ нимъ ощущенія, смотря по степени точности и опредѣленности его. Полное и отчетливое ощущеніе уясняетъ слѣдъ; слабое же, неполное, неопредѣленное ощущеніе даетъ лишь смутный, сбивчивый слѣдъ и, конечно, къ прежнимъ слѣдамъ прибавитъ немногое. Такъ напр. внимательно разсмотрѣвъ картину или прислушавшись къ игрѣ солиста, мы болѣе или менѣе точно помнимъ главныя черты картины или ходъ мелодіи. Но воспоминанія наши о видѣнной нами картинной галлереѣ или слышанномъ нами большомъ концертѣ, по громадному числу одновременныхъ зрительныхъ и слуховыхъ впечатлѣній, будутъ весьма неопредѣленны и сбивчивы.

Отъ частаго повторенія однихъ и тѣхъ же чувственныхъ

ощущеній, оставленные ими слѣды достигаютъ такой высокой степени ясности и отчетливости, что служатъ намъ не менѣе вѣрными признаками внѣшнихъ предметовъ, чѣмъ самыя ощущенія. Такъ напр., потерявши извѣстную вещь, мы не признаемъ своей собственностью показанной намъ подобной вещи потому только, что въ ней не находимъ извѣстной примѣты, иногда весьма незначительной, твердо удержанной нами въ памяти.

§ 65. Слѣды или остатки ощущенія называются—*представленіями.*

Представленіе есть снимокъ или изображеніе внѣшняго предмета, настолько вѣрное, насколько были правильны всѣ полученныя отъ него, въ свое время, чувственныя впечатлѣнія. Чѣмъ многочисленнѣе и отчетливѣе ощущенія, тѣмъ точнѣе и полнѣе возникающія изъ нихъ представленія.

§ 66. Данное представленіе можетъ быть опредѣленнымъ, яснымъ и правильнымъ; но оно можетъ быть также неяснымъ, сбивчивымъ и неточнымъ. Когда представленіямъ объ одномъ и томъ же предметѣ двухъ людей даютъ одно и то же названіе, то изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ представленія, въ самомъ дѣлѣ, были тождественны. Кто напр. видѣлъ данное дерево только съ сѣверной стороны, тотъ получитъ не то представленіе, которое получается тѣмъ, кто видѣлъ то же самое дерево только съ южной стороны. Въ то же время ни тотъ, ни другой не будетъ имѣть совершенно точнаго представленія объ этомъ деревѣ. Представленіе не есть снимокъ предмета въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ независимо отъ насъ, но только въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ воспринимается нами путемъ ощущенія. Другими словами, представленіе есть сумма всѣхъ слѣдовъ ощущеній, образовавшихся послѣ одно-или многократныхъ чувственныхъ впечатлѣній, когда либо полученныхъ нами отъ извѣстнаго предмета. Всѣ условія, внѣшнія и внутреннія, измѣняющія актъ ощущенія и образованія отъ него слѣдовъ, измѣняютъ также самое представленіе. Поэтому представленія наши далеко не остаются неизмѣнно тѣми же самыми. Нѣкоторыя изъ нихъ забываются, другія уясняются, еще

другія, съ теченіемъ времени, совершенно измѣняются. Такъ напр. представленія наши объ одномъ и томъ же предметѣ будутъ совершенно различны въ дѣтскомъ возрастѣ, въ юношествѣ, въ зрѣломъ и старческомъ возрастахъ.

§ 67. Развитіе представленій начинается въ раннемъ дѣтствѣ. Дошедши до извѣстной степени сознанія, мы въ своихъ представленіяхъ, вмѣсто разрозненныхъ слѣдовъ отдѣльныхъ ощущеній, изъ которыхъ они возникали, всегда сознаемъ какъ бы итоги всѣхъ минувшихъ впечатлѣній. Словомъ, представленіе сознается нами какъ *нѣчто цѣлое*, соединяющее въ себѣ всѣ послѣдовательные остатки (слѣды) минувшихъ ощущеній. Я представляю себѣ предметъ—это значитъ: я вспоминаю всѣ разнообразныя ощущенія, по настоящее время произведенныя во мнѣ этимъ предметомъ, но я вспоминаю ихъ не какъ рядъ отдѣльныхъ, слѣдующихъ одно за другимъ, впечатлѣній, но въ видѣ одного цѣлостнаго, болѣе или менѣе полнаго изображенія предмета, въ видѣ суммы всѣхъ присущихъ ему признаковъ. Представляя себѣ предметъ, я нетолько сознаю слитые въ одно цѣлое слѣды минувшихъ ощущеній, но и сознаю, что въ то же время я *не имѣю* ощущенія, т. е. что на мои чувственные органы *вовсе не дѣйствуетъ* представляемый мною предметъ. Стало быть я сознаю различіе представленія отъ самаго ощущенія. Признавая же психологическое различіе между ощущеніемъ и представленіемъ, мы, въ силу специфической энергіи нервныхъ элементовъ, не можемъ не отнести къ различнымъ нервнымъ центрамъ того и другаго явленія. Физіологическимъ центромъ представленій признается сѣрое корковое вещество, покрывающее поверхность мозговыхъ полушарій.

§ 68. Совершенно ясное и отчетливое представленіе можетъ вполнѣ походить на впечатлѣніе, получаемое дѣйствительнымъ ощущеніемъ и въ такомъ случаѣ называется—*воображеніемъ*. Воображеніе есть ничто иное, какъ представленіе отсутствующихъ или даже вовсе не существующихъ предметовъ въ такомъ рельефномъ очертаніи, какъ будто воображаемый предметъ воспринимается нами путемъ ощущенія. Я во-

ображаю себѣ предметъ—это значитъ: я сознаю удерживаемые памятью слѣды ощущенія, когда-то полученные отъ этого предмета, до такой степени ясно и отчетливо, что они вполнѣ замѣняютъ собой признаки предмета, воспринимаемые дѣйствительнымъ ощущеніемъ. Въ то же время я болѣе или менѣе ясно сознаю, что въ дѣйствительности нѣтъ воображаемаго предмета или, по крайней мѣрѣ, что, во время воображенія, я отъ него вовсе не получаю чувственнаго впечатлѣнія.

§ 69. Представленіе есть актъ совершенно непроизвольный. Какъ при дѣйствіи на насъ даннаго внѣшняго предмета не можетъ не возникнуть ощущеніе, точно также изъ состоявшагося ощущенія не можетъ не возникнуть представленіе;— и на оборотъ, мы неможемъ дать начало представленіямъ о предметахъ, никогда не вызывавшихъ въ насъ никакихъ ощущеній.

Тѣмъ не менѣе воображенію нерѣдко придаютъ *творческій* характеръ. Принимаютъ, что въ актѣ воображенія мы *создаемъ* представленія о предметахъ, вовсе не существующихъ, что мы *можемъ* себѣ представить какіе угодно предметы, совершенно независимо отъ опыта, что вообще между опытомъ (ощущеніемъ) и воображеніемъ нѣтъ ничего общаго.

Мнѣніе это не совсѣмъ основательно. *Создавать новыя, самобытныя представленія мы не въ состояніи.* Какъ ни своеобразны, какъ ни причудливы творенія воображенія, какъ ни далеко за дѣйствительнымъ міромъ уноситъ насъ полетъ пылкаго воображенія,—тѣмъ не менѣе въ его произведеніяхъ не имѣется ни одного представленія, возникшаго независимо отъ ощущенія. Предметъ не существующій, конечно, не можетъ производить никакихъ ощущеній, а помимо ощущенія нѣтъ и представленія, потому что представленіе есть ничто иное, какъ слѣдъ минувшаго ощущенія. Однако не подлежитъ сомнѣнію, что въ воображеніи могутъ рисоваться предметы несуществующіе и потому, конечно, не дававшіе намъ никакихъ чувственныхъ впечатлѣній. Явленіе это объясняется тѣмъ, что изъ числа представленій, хранимыхъ памятью, возникаетъ своеоб-

разное сочетаніе ихъ, дающее намъ изображеніе несуществующаго предмета.

Стало быть творческая сила воображенія заключается лишь въ способѣ сопоставленія представленій, полученныхъ нами путемъ ощущенія. Соединяя въ одно цѣлое нѣсколько представленій, возникшихъ на основаніи ощущеній, полученныхъ отъ различныхъ предметовъ, мы какъ будто создаемъ новое представленіе, т. е. представленіе о предметѣ, который въ изображаемомъ нами видѣ вовсе не существуетъ. Такъ напр. сочетая извѣстныя представленія о человѣкѣ съ представленіями о животномъ, воображеніе рисуетъ намъ небывалое существо съ человѣческимъ лицомъ и львинымъ туловищемъ и т. д.

§ 70. Всѣ представленія исключительно развиваются изъ чувственныхъ ощущеній, преимущественно изъ зрительныхъ, осязательныхъ и слуховыхъ. Ощущенія обонятельныя и вкусовыя даютъ болѣе опредѣленныя представленія лишь при сочетаніи съ впечатлѣніями другихъ органовъ чувствъ. И, конечно, представленія будутъ тѣмъ полнѣе, чѣмъ большее число разнородныхъ ощущеній участвовало въ ихъ развитіи. Представленіе о предметѣ, видимомъ и осязаемомъ, который въ то же время издаетъ звуки и имѣетъ вкусъ и запахъ, естественно, будетъ гораздо опредѣленнѣе, чѣмъ представленіе о какомъ либо предметѣ, сложившееся на основаніи ощущеній только одного изъ органовъ чувствъ.

§ 71. Органическія или тѣлесныя ощущенія не даютъ никакихъ представленій, собственно имъ присущихъ. Тѣмъ не менѣе послѣ органическаго ощущенія также возникаетъ рядъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ представленій. Но всѣ эти представленія принадлежатъ къ приведенной уже категоріи чувственныхъ или предметныхъ представленій Они выражаютъ собой лишь признаки или свойства внѣшнихъ предметовъ уже извѣстныхъ намъ, которымъ мы приписываемъ извѣстное дѣйствіе на насъ.

Желая болѣе точно опредѣлить характеръ возникшаго отъ чего бы то ни было органическаго ощущенія, мы прибѣгаемъ

къ картиннымъ выраженіямъ. Такъ напр. извѣстное непріятное тѣлесное ощущеніе вызываетъ представленіе о томъ, *какъ будто* въ раздражаемомъ мѣстѣ поетъ, сосетъ, грызетъ червякъ. Мы говоримъ: голова болитъ, *какъ будто* въ ней стучатъ молоткомъ. Въ то же время, однако, мы весьма хорошо знаемъ, что въ насъ нѣтъ ни червяка, ни молотка. Представленія же о червякѣ и о молоткѣ пріобрѣтены нами путемъ *чувственнаго опыта*. Стало быть, примѣняя ихъ къ нашимъ органическимъ ощущеніямъ, мы заимствуемъ изъ хранимыхъ памятью чувственныхъ представленій именно тѣ, которыя, по нашему мнѣнію, болѣе или менѣе точно могли бы указать на способъ происхожденія нашихъ органическихъ ощущеній.

При томъ нельзя упускать изъ виду, что самое тонкое сравненіе нашего органическаго ощущенія съ дѣйствіемъ на насъ извѣстныхъ внѣшнихъ предметовъ нисколько не даетъ дѣйствительнаго представленія о характерѣ органическаго ощущенія. Никогда не испытавши на себѣ, какое органическое ощущеніе на самомъ дѣлѣ получается отъ грызущаго червяка или отъ стука въ головѣ молотка, мы рѣшительно не въ состояніи составить себѣ хотя малѣйшее представленіе о тѣхъ органическихъ ощущеніяхъ, которыя кто-либо желаетъ выразить этими словами.

Сознаваясь въ этомъ, мы въ обыденной жизни нерѣдко отказываемся отъ описанія своихъ органическихъ ощущеній. Мы приводимъ просто причину, дѣйствительную или предполагаемую, нашихъ ощущеній, предоставляя всякому уяснить себѣ могущее отъ нея быть дѣйствіе. На вопросъ: что у насъ болитъ? Что мы чувствуемъ? мы отвѣчаемъ: я ушибся, я простудился и т. д.

§ 72. Представленія чувственныя или *первичныя представленія* съ теченіемъ времени подвергаются двоякому измѣненію — они *уясняются и обобщаются*.

Стоитъ только сравнить представленія ребенка о какомъ либо предметѣ съ представленіями взрослаго о томъ же предметѣ, чтобы убѣдиться въ поразительномъ различіи тѣхъ и

другихъ. Ребенокъ нетолько обозначаетъ однимъ и тѣмъ же названіемъ различные предметы, но и различаетъ ихъ одинъ отъ другаго по самымъ внѣшнимъ и несущественнымъ примѣтамъ.

Такое же различіе въ степени ясности представленій получается при сравненіи нашихъ представленій о данномъ предметѣ съ представленіями о томъ же предметѣ человѣка, спеціально изучившаго его. Такъ напр. живописецъ, описывая видѣнную вмѣстѣ съ нами картину, точно укажетъ на всѣ подробности и недостатки ея, тогда какъ мы, менѣе опытные по части живописи, ѐдва-ли будемъ въ состояніи передать главнѣйшія черты или болѣе рельефныя части ея.

Причина уясненія представленій заключается въ постепенномъ пріобрѣтеніи большаго количества слѣдовъ чувственныхъ ощущеній, путемъ частаго повторенія внѣшнихъ впечатлѣній (упражненіе, привычка).

Примѣчаніе: Процессъ уясненія представленій служитъ намъ серьезнымъ намекомъ на то, чтобы при воспитаніи дѣтей не упускать изъ виду наглядныхъ способовъ ученія, примѣняя систематическое упражненіе чувственной дѣятельности.

§ 73. Обобщеніе представленій*) есть актъ сравненія между собой множества различныхъ чувственныхъ представленій, при чемъ соединяются въ одно цѣлое всѣ существенныя, сходныя между собой, общія свойства и, въ то же время, выдѣляются всѣ частныя, несущественныя свойства сравниваемыхъ между собой предметовъ.

Возникающее такимъ образомъ одно, цѣлостное, болѣе обширное, общее представленіе называется — *отвлеченнымъ представленіемъ* или *понятіемъ (вторичнымъ представленіемъ)*.

Понятіе развивается изъ первичныхъ представленій точно такимъ же образомъ, какъ изъ слѣдовъ чувственнаго ощущенія родится первичное представленіе. Различіе перваго отъ послѣдняго заключается въ томъ, что полнота и точность первичнаго представленія зависитъ отъ наибольшаго числа слѣ-

*) Процессъ обобщенія представленій прекрасно изложенъ у Wundt, l. c. стр. 12, 394.

довъ чувственныхъ впечатлѣній, тогда какъ полнота и точность вторичнаго представленія зависитъ отъ наибольшаго числа однородныхъ, сходныхъ между собой, первичныхъ представленій.

Обобщенное представленіе — *понятіе* — можетъ быть разсматриваемо какъ сумма однородныхъ чувственныхъ *представленій*, между тѣмъ какъ первичное представленіе выражаетъ собой сумму слѣдовъ большаго или меньшаго числа *чувственныхъ ощущеній*.

Примѣчаніе: Соображая, что первичныя представленія происходятъ *изъ* чувственныхъ впечатлѣній, тогда какъ понятія возникаютъ лишь въ сферѣ представленій, нельзя не согласиться, что центры, служащіе органическимъ основаніемъ представленій и понятій, будутъ различны — предположеніе, получающее нѣкоторое вѣроятіе уже отъ того, что весьма сложное строеніе сѣраго корковаго вещества (центровъ представленія) по видимому допускаетъ различныя отправленія нервныхъ элементовъ, входящихъ въ его составъ.

§ 74. Первичныя представленія всегда изображаютъ собой *дѣйствительный предметъ*, данный въ природѣ и производившій на насъ извѣстныя чувственныя впечатлѣнія. Понятіе, напротивъ, выражаетъ собой лишь извѣстныя *отношенія* данныхъ предметовъ между собой. Такъ напр. чувственное (конкретное) *представленіе о деревѣ* изображаетъ собой данное въ природѣ, реальное дерево: березу, ель, сосну, яблоню и т. д. Мы не можемъ себѣ представить дерево просто или вообще, но непремѣнно представимъ себѣ извѣстное дерево, когда либо видѣнное нами. *Понятіе же о деревѣ* изображаетъ идеальное дерево, въ природѣ вовсе не существующее. Соединяя въ себѣ существенныя и общія примѣты *всѣхъ* извѣстныхъ намъ деревьевъ, понятіе, конечно, не можетъ соотвѣтствовать вполнѣ ни одному изъ нихъ, отдѣльно взятому. Такъ напр. въ понятіи о деревѣ, въ число его свойствъ входятъ и листья и иглы, хотя въ природѣ не имѣется дерева, обладающаго тѣми и другими. Точно также *понятіе о деньгахъ* включаетъ въ себѣ какъ золотыя и серебряныя монеты, такъ и кредитные и банковые билеты, тогда какъ *представленіе* о деньгахъ непремѣнно даетъ намъ изображеніе или золота или серебра или бумажныхъ денежныхъ знаковъ.

§ 75. Очевидно понятія будутъ настолько различны, насколько различенъ матеріалъ, изъ котораго они сложились. Точность понятія основана на точномъ знаніи, почерпнутомъ изъ чувственнаго опыта; поверхностныя свѣдѣнія (неточныя, малочисленныя представленія) даютъ лишь смутныя, неполныя, ошибочныя понятія.

Какъ представленія наши, точно также и понятія измѣняются съ теченіемъ времени. Возрастающій опытъ расширяетъ и пополняетъ понятія мыслящаго человѣка, тогда какъ у людей, неспособныхъ къ внимательному мышленію, пріобрѣтенныя ими когда-то понятія болѣе и болѣе съуживаются, какъ бы сглаживаются и мало по малу совсѣмъ расплываются. Многіе люди вообще не доходятъ, въ своемъ душевномъ развитіи, до пріобрѣтенія ясныхъ и точныхъ понятій о чемъ бы то ни было.

§ 76. По содержанію своему понятія раздѣляются на двѣ главныя группы: на вещественныя и невещественныя. Первыя также называются понятіями предметными или конкретными; послѣднія — отвлеченными или абстрактными.

Предметныя понятія (вторичныя представленія) возникаютъ изъ чувственнаго опыта; отвлеченныя же понятія (третичныя представленія) выражаютъ собой отношенія, устанавливаемыя нами между конкретными понятіями. Такъ напр. понятіе «человѣкъ» есть конкретное понятіе, сложившееся на основаніи первичныхъ представленій о множествѣ людей. Человѣчество же есть отвлеченное понятіе, возникшее отъ различныхъ отношеній «человѣка» къ самому себѣ и окружающему міру и, конечно, наше понятіе о «человѣчествѣ» будетъ тѣмъ полнѣе и отчетливѣе, чѣмъ яснѣе и точнѣе наше понятіе о «человѣкѣ». Слова: добро, зло, нравственность, законъ, религія и т. п. выражаютъ отвлеченныя понятія, получаемыя по сравненіи и обобщеніи различныхъ отношеній «человѣка» къ другимъ лицамъ.

Примѣчаніе. По поводу отвлеченныхъ понятій нельзя не упомянуть понятій о пространствѣ и времени. Нерѣдко приходится слышать фразы въ родѣ такой, что для воспріятія пространства и времени не имѣется особаго

чувственнаго органа и т. п. Едва ли что можетъ быть болѣе темно и сбивчиво. Неимѣніе органа для воспріятія пространства и времени ясно само собой, такъ какъ *пространство* и *время* никогда не могутъ быть предметами чувственнаго опыта.

Пространство и время суть отвлеченныя понятія, пріобрѣтаемыя на основаніи того факта, что все воспринимаемое нами имѣетъ протяженіе или происходитъ не вдругъ, но въ извѣстномъ, послѣдовательномъ порядкѣ.

Съ другой стороны, до самаго новѣйшаго времени эти два понятія многими признаются врожденными формами познавательной способности человѣка. Однакожъ, анализируя содержаніе душевной жизни, эмпирическая психологія указываетъ на совершенное отсутствіе понятій о пространствѣ и времени въ извѣстный періодъ душевнаго развитія. Дѣти не имѣютъ малѣйшаго понятія о томъ и другомъ и многіе, въ теченіи всей жизни, не пріобрѣтаютъ яснаго понятія о нихъ.

Понятія о пространствѣ и времени суть понятія отрицательныя. Утверждаютъ, что, если мысленно выбросить или уничтожить всѣ занимающіе пространство предметы, получится понятіе о «чистомъ пространствѣ». Но это— самообольщеніе. Въ результатѣ остается *ничто*. Ничто не можетъ быть предметомъ сознанія. То же самое должно сказать и о времени. Понятіе о времени обязано своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что всѣ наблюдаемыя нами явленія слѣдуютъ одно *за* другимъ, точно также, какъ занимающіе «пространство» предметы находятся одинъ *возлѣ* другаго. Мысленно останавливая движеніе явленій, мы отнюдь не получаемъ понятія о времени, но получаемъ только совершенную неподвижность данныхъ явленій.

§ 77. Процессъ уясненія и обобщенія представленій главнымъ образомъ обусловливается ихъ *движеніемъ*. Всѣ представленія въ высшей степени мимолетны и подвижны. Данное представленіе, сознаваемое нами болѣе или менѣе ясно, удерживается не долго. Черезъ непродолжительное время оно скрывается, является другое, за другимъ третье, четвертое и т. д.

Примѣчаніе. Движеніе представленій невольно наводитъ на мысль, что нервные элементы (центровъ представленія), приходившіе въ дѣятельное состояніе, не могутъ удерживать въ себѣ состоявшееся раздраженіе, но передаютъ его другому элементу, на подобіе того, какъ начатое движеніе не можетъ останавливаться само собой, но должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока не послѣдуетъ какого либо препятствія.

§ 78. Смѣна представленій происходитъ не случайнымъ образомъ.*) Каждое предъидущее представленіе опредѣляетъ

---

*) Die zeitliche Aufeinanderfolge der Gedanken. Von Strümpell. Въ Sammlung wissenschaftlicher Vorträge von Virchow u. Holzendorf. Berlin. 1872. IV. стр. 143.

собой послѣдующее, такъ что два ближайшихъ по очереди представленія всегда имѣютъ извѣстное взаимное отношеніе. Сочетаемыя такимъ образомъ представленія называютъ *рядами*. Рядъ представленій составляетъ какъ бы цѣпь, состоящую изъ большаго или меньшаго числа звеньевъ, изъ которыхъ каждое болѣе или менѣе тѣсно связано съ ближайшими сосѣдними. Такъ напр. въ данномъ ряду *a, b, c, d, e*... представленіе *a* связывается извѣстнымъ признакомъ съ представленіемъ *b*, представленіе же *b*, кромѣ признака, связывающаго его съ предъидущимъ *a*, имѣетъ еще другой, связывающій его съ слѣдующимъ *c* и т. д. Если составныя части или признаки представленій выразить другими буквами, то получается слѣдующій рядъ:

a, b, c, d, e....
ax, xy, yz, zt, t...

Связывающіе или опредѣляющіе взаимное отношеніе признаки представленій, входящихъ въ рядъ, могутъ быть одни и
a,
тѣ же или совершенно различные. Такъ напр. въ ряду: колоколъ,
b, c, d, e, f,....
пальба, война, Севастополь, Черное море, Константинополь.... представленія *a*, *b* и *c* связываются общимъ признакомъ слуховаго впечатлѣнія (x), тогда какъ представленіе *c* вызываетъ представленіе *d* по признаку одновременности или совпаденія (y), а представленія *d*, *e* и *f* связываются признакомъ пространственнаго протяженія (z) и т. д.

§ 79. Сочетаніе представленій показываетъ два замѣчательныхъ явленія:

1) Первый и послѣдній члены даннаго ряда представленій могутъ быть совершенно различны. Такъ напр. представленіе колоколъ (a) и Константинополь (f) очевидно не имѣютъ ничего общаго.

2) Одинъ и тотъ же первый членъ можетъ вести къ совершенно различнымъ послѣднимъ членамъ. Такъ напр. представленіе колоколъ (a) въ одномъ случаѣ даетъ рядъ:

похороны, памятникъ, Наполеонъ, островъ св. Елены, Атлан-
b, c, d, e, f,
тическій Океанъ;...:

въ другомъ:

мѣдь, желѣзо, чугунный заводъ, паровая труба, паровикъ,
b, c, d, e, f,
пароходъ, Волга, стерлядь,...
g, h, i...

въ третьемъ:

металлъ, золото, золотые часы, знаменитые часы въ Штрас-
b, c, d, e,
бургѣ, осада Штрасбурга, паштетъ, завтракъ у пріятеля,...
f, g, h,

§ 80. Говорить о первыхъ и послѣднихъ членахъ рядовъ представленій, въ строжайшемъ смыслѣ слова, не совсѣмъ правильно. Движеніе представленій продолжается съ перваго мгновенія ихъ возникновенія до послѣдней минуты сознанія, такъ что всѣ представленія, сознаваемыя нами въ теченіе жизни, составляютъ какъ бы одинъ безконечный рядъ, котораго отдѣльные члены болѣе или менѣе часто повторяются и болѣе или менѣе часто измѣняются. Рядъ этотъ прерывается лишь глубокимъ сномъ и случайными внѣшними впечатлѣніями, дающими другое направленіе возникшимъ представленіямъ. Въ менѣе строгомъ смыслѣ слова первыми членами рядовъ представленій можно называть только тѣ представленія, которыя ежедневно возникаютъ въ минуту просыпанія или, въ продолженіе дня, вызываются случайными внѣшними условіями, прерывающими данный ходъ представленій.

§ 81. Сочетаніе представленій есть актъ непроизвольный. Представленія приходятъ и уходятъ независимо отъ воли. Какъ бы мы ни желали удержать данное представленіе, оно исчезаетъ вопреки нашему желанію. Какъ бы мы ни старались вызывать извѣстное представленіе, оно можетъ не появиться. Мы не можемъ достигнуть того, чтобы послѣ даннаго представленія непремѣнно послѣдовало желаемое представленіе и не можемъ препятствовать тому, чтобы данный рядъ представ-

леній не прерывался случайно возникшимъ впечатлѣніемъ. Во время правильнаго движенія представленій нерѣдко возникаютъ такъ называемыя налетныя представленія, иногда довольно причудливыя и даже совершенно нелѣпыя. Представленія эти являются вдругъ, повидимому безъ всякаго повода и не имѣютъ никакого признака, могущаго ихъ связывать съ прерываемыми ими представленіями. Мы только съ трудомъ можемъ отдѣлиться отъ подобныхъ непрошенныхъ представленій (со-представленій). Когда намъ удается ихъ оттѣснить на задній планъ, то это происходитъ не отъ того, что мы не дали возникнуть налетному представленію, но отъ того, что съ усиленіемъ старались не обращать на него вниманія.

§ 82. Не менѣе замѣчательно то явленіе, что въ ряду представленій, легко и плавно слѣдующихъ одно за другимъ, вдругъ сознается пробѣлъ. Сочетаніе представленій прерывается, слѣдующее, ожидаемое нами представленіе не идетъ. Мы знаемъ болѣе или менѣе точно, какого именно представленія не достаетъ и знаемъ, что оно не разъ возникало прежде и непремѣнно возникнетъ впослѣдствіи. Тѣмъ не менѣе въ данную минуту искомое представленіе не является. Мы забыли его окончательно. Черезъ нѣсколько времени, на другой, на третій день это же самое представленіе, вдругъ являясь само собой, прерываетъ данный ходъ представленій. Такъ напр. мы забываемъ имя извѣстнаго лица. Имя это или названіе какого либо предмета какъ будто вертится на языкѣ, какъ будто раздается въ ухѣ, но найти его мы не можемъ, тогда какъ черезъ болѣе или менѣе значительное время мы вдругъ, безъ всякаго къ тому повода, вспоминаемъ его.

§ 83. Появленіе въ данное время и въ данномъ ряду опредѣленнаго представленія, изъ числа многихъ возможныхъ, зависитъ отъ самыхъ различныхъ условій: отъ даннаго настроенія, воспитанія, случайныхъ впечатлѣній и т. п. По общему опыту частое повтореніе одного и того же представленія (упражненіе) въ высшей степени способствуетъ его легкому и скорому возникновенію. Чѣмъ мы чаще заучивали данный урокъ,

тѣмъ онъ тверже удерживается памятью. Смотря по ходу душевнаго развитія, различіе представленій вообще, входящихъ въ составъ рядовъ, такъ значительно, что едва ли найдутся два человѣка, у которыхъ данный первый членъ ряда представленій повелъ бы къ одному и тому же сочетанію прочихъ членовъ.

§ 84. Главнѣйшіе законы сочетанія или ассоціаціи представленій—слѣдующіе:

1. Представленія, сходныя по своему содержанію, т. е. представленія, взаимное отношеніе которыхъ выражается однимъ и тѣмъ же признакомъ, легко вызываютъ другъ друга. Зрительныя представленія легко сочетаются съ зрительными, слуховыя съ слуховыми и т. д.

2. Представленія, когда либо послѣдовавшія одно за другимъ извѣстнымъ порядкомъ, вновь возникаютъ въ томъ же порядкѣ. Зрительныя представленія, сопровождаемыя слуховыми или обонятельными представленіями, при возникновеніи котораго-либо одного изъ нихъ, вызываютъ и другое. Представленіе о сказанной кѣмъ либо рѣчи вызываетъ представленіе о лицѣ, говорившемъ рѣчь, и наоборотъ. Представленіе о запахѣ извѣстнаго блюда вызываетъ представленіе о вкусѣ его.

3. Представленіе о цѣломъ сочетается съ представленіями о частяхъ его и наоборотъ, за представленіями о частяхъ возникаетъ представленіе о цѣломъ. Представленіе объ извѣстномъ городѣ вызываетъ представленія о домахъ, улицахъ, мостахъ, садахъ его и, наоборотъ, представленіе объ одномъ домѣ или предметѣ, принадлежащемъ этому городу, вызываетъ представленіе обо всемъ городѣ.

4. Представленіе объ одномъ происшествіи вызываетъ представленіе о другомъ, случившемся въ то же самое время. Представленіе объ одномъ приключеніи, когда либо постигшемъ насъ, вызываетъ представленія о сопровождавшихъ его обстоятельствахъ.

5. Представленія, связанныя между собой отношеніемъ причины къ дѣйствію (post hoc, propter hoc) и, наоборотъ,

дѣйствія къ причинѣ, легко вызываютъ одно другое. Представленіе о пасмурной погодѣ вызываетъ представленіе о дождѣ. Представленія о громѣ и молніи такъ тѣсно связаны, что рѣдко возникаетъ одно изъ нихъ, не вызывая тотчасъ и другаго.

6. Представленія пространственнаго протяженія легко вызываютъ другъ друга. Представленіе о дорогѣ вызываетъ представленіе о рѣкѣ, пересѣкающей дорогу и о городахъ, расположенныхъ на рѣкѣ.

Примѣчаніе. Многіе психологи принимаютъ, что представленія также вызываютъ одно другое по признаку противоположности. Такъ напр. представленіе о свѣтѣ будто бы вызываетъ представленіе о тьмѣ (lucus a non lucendo). Противоположныя представленія въ самомъ дѣлѣ нерѣдко примѣняются нами для болѣе точнаго опредѣленія или болѣе рѣзкаго различія даннаго предмета. (Такъ напр. доведенныя до абсурда понятія «бытія» и «небытія,» «я» и «не я»). Но сопоставленіе такихъ представленій есть искуственное сочетаніе ихъ. Сколько я ни старался, предаваясь не принужденному ходу представленій, уловить сочетаніе представленій противоположныхъ, но никогда не могъ убѣдиться въ непроизвольномъ возникновеніи ихъ.

§ 85. Внимательно разсматривая приведенныя въ предъидущемъ параграфѣ условія сочетанія представленій, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Iessen'а,[1]) что всѣ они могутъ быть приведены къ *одному общему закону*, а именно къ отношенію частей къ цѣлому, и, наоборотъ, цѣлаго къ частямъ.

§ 86. Смѣна или воспроизведеніе представленій (первичныхъ, вторичныхъ и третичныхъ), путемъ сочетанія ихъ называется *мышленіемъ*, когда направляется къ заданной нами себѣ цѣли. Ближайшая цѣль мышленія есть опредѣленіе послѣдняго члена ряда представленій, котораго первый членъ намъ извѣстенъ. Мышленіе есть актъ или процессъ соединенія между собой, по ихъ содержанію, представленій и понятій, слѣдующихъ одно за другимъ по законамъ ассоціаціи.

§ 87. Для того, чтобы мыслить, требуется предметъ, которымъ займутся наши мысли. Мыслить не о чемъ—дѣло невозможное. Вообще существуетъ только два предмета мышле-

*) Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie. Von Dr. P. Jessen. Berlin. 1855. стр. 229.

нія: мы сами и внѣшній міръ. Стало быть, мыслить можно только о самомъ себѣ и о томъ, что находится внѣ насъ. Но одно лишь существованіе какого нибудь предмета недостаточно для того, чтобы возникла объ немъ мысль. То, о чемъ я ничего не знаю, для меня не существуетъ вовсе. Единственный способъ, которымъ мы узнаемъ что либо о самомъ себѣ или объ окружающихъ насъ предметахъ и условіяхъ—это ощущеніе. Получаемое путемъ ощущенія знаніе предметовъ выражается представленіями и понятіями. Стало быть, матеріалъ или орудіе, которымъ дѣйствуетъ мышленіе, сводится къ представленіямъ. (Nihil est in intellectu, quod non antea fuerit in sensu).

§ 88. Законы, по которымъ совершается мышленіе, опредѣляются *логикою*. Форма мышленія—*сужденіе*. Сужденіе состоитъ въ сравненіи и сопоставленіи слѣдующихъ одно за другимъ представленій, по извѣстнымъ примѣтамъ. Смотря по способу соединенія представленій—сужденія бываютъ утвердительны и отрицательны, условны и безусловны, правильны и ошибочны. Результатомъ сужденія является *выводъ* или *заключеніе*. Совершенно удовлетворительный выводъ составляетъ *познаніе*. Выводъ признается нами вполнѣ удовлетворительнымъ, когда онъ болѣе не вызываетъ никакихъ дополнительныхъ представленій. Послѣдняя цѣль мышленія—достиженіе самаго полнаго и точнаго познанія. Способы пріобрѣтенія познаній заключаются въ анализѣ и наведеніи. Анализъ есть разборъ даннаго предмета или явленія по ихъ составнымъ частямъ; наведеніе же состоитъ въ постройкѣ общихъ выводовъ о предметахъ или явленіяхъ, на основаніи большаго или меньшаго числа отдѣльныхъ данныхъ. Путемъ частаго повторенія, вслѣдствіе воспитанія и опыта, извѣстные ряды представленій, развившіеся мышленіемъ, такъ прочно сочетаются между собой, что образуютъ замкнутыя, нераздѣльныя группы. Эти группы представленій и понятій выражаютъ собой наши взгляды, воззрѣнія, убѣжденія и составляютъ, въ болѣе или менѣе законченномъ видѣ, какъ бы психическое зерно личности человѣка.

§ 89. Мышленіе невозможно безъ *вниманія*. Вниманіемъ называется состояніе совершенно яснаго сознанія, возникшаго въ данное время, ощущенія или представленія. Вниманіе ослабѣваетъ подъ вліяніемъ постороннихъ впечатлѣній и усиливается при отсутствіи ихъ. Усиленіе и ослабленіе вниманія можетъ зависѣть какъ отъ внѣшнихъ, такъ и отъ внутреннихъ условій. Противоположное вниманію состояніе называется—*разсѣянностію*. Разсѣянность есть душевное состояніе, въ которомъ на насъ вдругъ дѣйствуютъ нѣсколько разнородныхъ впечатлѣній или возникаютъ, отъ чего бы то ни было, нѣсколько представленій въ одно и тоже время (со-представленій). Глубокое, сосредоточенное мышленіе нерѣдко сопровождается невнимательностью къ окружающимъ условіямъ и можетъ быть принимаемо за разсѣянность. Вниманіе всегда выражаетъ состояніе усиленной, разсѣянность—ослабленной мыслительной дѣятельности.

§ 90. Мышленіе проявляется двоякимъ образомъ: какъ дѣятельность *ума* и *разума*. Нѣкоторые психологи отличаютъ умъ отъ разума болѣе или менѣе строго. Однако приведенныя ими различія того и другаго весьма шатки и неопредѣленны. Такъ напр. утверждаютъ, что умъ допускаетъ различныя степени, тогда какъ разумъ проявляется у всѣхъ въ одинаковой степени. Умъ будто бы пріобрѣтается путемъ упражненія только въ той сферѣ, къ которой его примѣняютъ; разумъ же развивается какъ бы самостоятельно, независимо отъ опыта. Умъ будто бы проявляется въ области предметныхъ представленій, опредѣляетъ взаимныя отношенія данныхъ предметовъ, относится преимущественно къ практической жизни; разумъ, напротивъ, будто бы соединяетъ, группируетъ, обобщаетъ разрозненное, составляетъ отвлеченныя понятія, ставитъ задачи и цѣли, устанавливаетъ высшіе принципы нравственности. Умъ будто бы является исполнительною, разумъ—распорядительною способностію и т. д.*)

*) Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft von Dr. Th. Waitz. Braunschweig. 1849. стр. 630.
Jessen, l. c. стр. 249. 252.

§ 91. Внимательно разсматривая проявленіе ума и разума, нельзя не придти къ тому заключенію, что сходство ихъ значительно превосходитъ ихъ различіе. Умъ и разумъ повидимому суть ничто иное, какъ различныя, по степени своего развитія, проявленія *одной и той же мыслительной дѣятельности.* Такъ напр. ребенокъ можетъ быть умнымъ, составляя на основаніи чувственныхъ впечатлѣній правильныя сужденія объ окружающихъ его предметахъ, но разума еще не имѣетъ, потому что у него не достаетъ многихъ понятій, развивающихся только впослѣдствіи. Съ ослабленіемъ умственной способности въ старческомъ возрастѣ ослабѣваетъ также и разумъ. Въ полной зависимости отъ данной организаціи и отъ внѣшней обстановки, мыслительная дѣятельность у различныхъ людей проявляется въ самыхъ различныхъ видахъ и степеняхъ и, въ этомъ разнообразномъ проявленіи у каждой отдѣльной личности, называется—*умомъ.* Затѣмъ, развиваясь дальше до извѣстныхъ логическихъ формъ и постановленія общихъ принциповъ, обязательныхъ для всѣхъ, таже самая мыслительная дѣятельность называется—*разумомъ.* Такимъ образомъ умъ составляетъ предварительное условіе разума, а разумъ является какъ бы обобщеніемъ ума. Чѣмъ проницательнѣе и свѣтлѣе умъ, тѣмъ обширнѣе разовьется и разумъ и, наоборотъ, разумъ будетъ тѣмъ скуднѣе, чѣмъ слабѣе дѣятельность ума.

§ 92. Первичныя представленія, возникающія изъ чувственнаго ощущенія, и отвлеченныя понятія, повидимому, не имѣютъ ничего общаго между собой. Работая отвлеченными понятіями, мысль далеко уносится надъ чувственнымъ опытомъ. Размышляя о назначеніи человѣка, вникая въ сущность вещей, угадывая міровые законы, управляющіе вселенною, устанавливая нравственныя начала, человѣкъ какъ бы переступаетъ узкіе предѣлы своей организаціи. Въ сферѣ ума и разума душевная дѣятельность достигаетъ такой высокой самостоятельности, что повидимому совершенно отрывается отъ органическаго своего корня, на которомъ она выросла.... Тѣмъ не менѣе какъ высшіе проблески разума, такъ и мелочныя сообра-

женія ума въ теченіи обыденной жизни, постоянно возвращаются къ родной почвѣ *чувствительности*, отражаясь на внутреннее чувство *пріятно* или *непріятно*. Подъ вліяніемъ какъ отдѣльныхъ представленій, такъ и болѣе продолжительнаго мышленія, мы испытываемъ *удовольствіе* и *неудовольствіе*. Сопровождающія проявленіе мыслительной дѣятельности пріятныя и непріятныя ощущенія называются—*душевными чувствами*.

§ 93. Раздѣляя со всѣми и каждымъ предметныя ощущенія и развивая представленія и мысли такимъ же образомъ, какъ ихъ развиваютъ всѣ остальные люди, мы въ области душевныхъ чувствъ только живемъ своей собственною индивидуальною жизнію.

Можно имѣть совершенно одинаковый взглядъ на данный порядокъ вещей, но тѣмъ не менѣе въ своихъ душевныхъ чувствахъ рѣзко расходиться съ большинствомъ людей. Душевныя чувства существенно опредѣляютъ собой наше самосознаніе, составляя замкнутый въ себѣ внутренній міръ, колебательныя движенія котораго обусловливаютъ собой все счастіе и несчастіе человѣка.

Душевное чувство есть состояніе, совершенно независимое отъ нашего желанія. То возникая вдругъ, то развиваясь постепенно, душевное чувство является мимолетнымъ возбужденіемъ или продолжительнымъ измѣненіемъ самоощущенія. Притомъ степень или сила его весьма различна. Начиная съ едва замѣтнаго колебанія даннаго состоянія, душевное чувство можетъ доходить до глубокаго потрясенія всего организма и даже, при извѣстныхъ условіяхъ, вести къ внезапной смерти.

§ 94. Возникновеніе душевныхъ чувствъ зависитъ 1) отъ способа сочетанія, и 2) отъ содержанія представленій.

Представленія наши находятся въ постоянномъ движеніи. Возникшее по чему бы то ни было представленіе служитъ стимуломъ пробужденія другаго представленія; второе вызываетъ третье, третье — четвертое и т. д. Быстрота смѣны представленій весьма различна, какъ у различныхъ людей, такъ и у отдѣльнаго лица въ различное время. Одни соображаютъ быст-

ро, другіе медленно; у однихъ память острѣе, у другихъ слабѣе; у однихъ воображеніе пылкое и богатое, у другихъ скудное и вялое. Въ молодости воспроизведеніе представленій идетъ быстрѣе, въ старости медленнѣе. Вино ускоряетъ, холодъ задерживаетъ движеніе представленій. Но какъ ни различно движеніе нашихъ представленій, при нормальныхъ условіяхъ, у каждаго отдѣльнаго лица замѣчается *средняя быстрота* движенія его представленій, служащая непосредственнымъ выраженіемъ данной организаціи его нервныхъ центровъ. Всякое уклоненіе или измѣненіе средней быстроты движенія представленій сопровождается душевными чувствами. Быстрое движеніе представленій вызываетъ пріятныя, медленное же — непріятныя душевныя чувства. Такъ напр. равномѣрный, свободный, плавный ходъ нашихъ представленій вызываетъ *удовольствіе;* часто прерываемое, медленное, задерживаемое движеніе ихъ производитъ *неудовольствіе.* Удачное сочетаніе представленій, предвѣщающее намъ правильное рѣшеніе умственной задачи, даетъ намъ наслажденіе; и, наоборотъ, безуспѣшное усиліе связать наши мысли, пробѣлы памяти, затрудненіе и остановка въ сочетаніи представленій наводятъ неудовольствіе, скуку, досаду и т. д.

§ 95. Еще болѣе рѣзко отзывается въ чувствующей сферѣ *содержаніе* представленій. Всѣ представленія, соотвѣтствующія нашему благосостоянію, физическому или нравственному, вызываютъ *пріятныя,* — всѣ представленія, выражающія какое-нибудь ограниченіе, лишеніе или разстройство нашего состоянія, вызываютъ *непріятныя* душевныя чувства. Такъ напр. добрая вѣсть *радуетъ,* дурная — *огорчаетъ* насъ. Внезапный наплывъ неожиданныхъ, новыхъ представленій, производящихъ какое-нибудь непредвидѣнное измѣненіе въ нашемъ состояніи, поражаетъ насъ, приводя въ *страхъ, ужасъ, отчаяніе.*

Представленіе о скоромъ исполненіи нашихъ желаній вызываетъ *надежду;* представленіе же о вѣроятности не достигнуть цѣли выражается *уныніемъ* и *грустью.* Сознаніе необходимости отказаться отъ давно задуманнаго или представленіе

о лишеніи того, что мы цѣнили для себя болѣе или менѣе высоко, производитъ *печаль* и *досаду;* представленіе о противодѣйствіи нашимъ желаніямъ вызываетъ *гнѣвъ*. Представленіе о томъ, что въ извѣстномъ лицѣ мы найдемъ отголосокъ своихъ убѣжденій и сочувствіе нашимъ стремленіямъ, раждаетъ *привязанность*, а при участіи половаго влеченія — *любовь;* и наоборотъ, представленіе о противорѣчіи и порицаніи нашихъ лучшихъ стремленій, о лишеніи насъ чего-нибудь дорогаго для насъ, вызываетъ *ненависть* и *отвращеніе*. Сознаніе того, что въ виду заманчиваго искушенія нами исполненъ тяжелый долгъ, сопровождается высокимъ удовольствіемъ *спокойной совѣсти;* сознаніе же того, что мы уклонялись отъ пути нравственности, вызываетъ *угрызеніе совѣсти* и горькое, тревожное чувство *раскаянія* и т. д.

§ 96. Какъ ни различны содержаніе и ближайшій характеръ душевныхъ чувствъ и какъ ни различны внѣшнія обстоятельства и отношенія къ намъ другихъ людей, измѣняющія собой движеніе и содержаніе нашихъ представленій — душевныя чувства всегда сознаются нами въ видѣ *органическихъ ощущеній*, т. е. въ видѣ болѣе или менѣе опредѣленныхъ измѣненій *внутренняго чувства* или *самоощущенія*. При томъ душевныя чувства всегда принимаютъ болѣе или менѣе опредѣленный *мѣстный оттѣнокъ*. Разговорный языкъ душевныя чувства приводитъ въ непосредственное отношеніе къ извѣстнымъ органамъ. Такъ напр. грусть, печаль, тоску мы относимъ къ сердцу, досаду и гнѣвъ къ печени. Выраженіе «желчный» всѣми употребляется вмѣсто «раздражительный, вспыльчивый, сердитый». Чувство страха выражается непріятными ощущеніями въ груди. У всѣхъ народовъ тревожное біеніе сердца признается голосомъ совѣсти. Умственное напряженіе нерѣдко сознается нами въ видѣ явной боли внутри черепной полости и т. д.

§ 97. Тѣмъ не менѣе душевное чувство многими признается за какое-то особенное, какъ-бы новое, самостоятельное душевное состояніе, неимѣющее ничего общаго съ органическимъ (тѣлеснымъ) ощущеніемъ пріятнаго или непріятнаго.

Еслибъ это воззрѣніе было правильно, то душевное чувство непремѣнно должно было бы выражаться признаками, отличающими его отъ простыхъ органическихъ (тѣлесныхъ) ощущеній. Однакожъ опытъ показываетъ совершенно противоположное. Если кого спросить: что ты чувствуешь? то *печальный* отвѣтитъ намъ, что имѣетъ ощущеніе, *какъ будто* камень лежитъ на груди, *какъ будто* стѣсняется дыханіе, *какъ будто* нельзя перевести духа, *какъ будто* давитъ, щемитъ, сосетъ что-то сердце.... Чувствуя *радость*, онъ скажетъ, что ему кажется, *будто-бы* по всему тѣлу носится пріятная теплота, *будто-бы* ему день кажется свѣтлѣе, милѣе, краснѣе, *будто-бы* сила его выросла.... *Испугавшійся* увѣряетъ насъ, что *будто-бы* что-то стиснуло ему горло, *будто-бы* въ жилахъ остыла кровь, *будто-бы* ноги его налились свинцомъ и т. д.

Словомъ, всѣ, кто находится подъ вліяніемъ душевнаго чувства, для описанія своего состоянія прибѣгаютъ къ тѣмъ-же самымъ неопредѣленнымъ, картиннымъ представленіямъ, предположеніямъ, сравненіямъ и догадкамъ, которыми всѣ мы стараемся выражать свои органическія ощущенія.

§ 98. Одинаковое содержаніе представленій, служащихъ выраженіемъ какъ душевнаго чувства, такъ и простыхъ тѣлесныхъ ощущеній, вполнѣ оправдываетъ предположеніе, что душевныя состоянія, дающія возникнуть этимъ представленіямъ, будутъ одинаковы въ томъ и другомъ случаѣ. Стало быть душевныя чувства и органическія ощущенія, по сущности своей, тожественны.*)

Различіе же душевныхъ чувствъ отъ простыхъ органическихъ ощущеній заключается лишь *въ способѣ ихъ происхожденія.*

Простыя органическія ощущенія, извѣщая насъ о пріятныхъ или непріятныхъ перемѣнахъ въ нашемъ организмѣ, берутъ свое начало отъ дѣйствія на насъ внѣшнихъ предметовъ; органическія же ощущенія, принимающія форму душевныхъ

*) Zur Theorie der Gefühle von Dr. Frese. Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie. Berlin. 1870.

чувствъ, возникаютъ въ сферѣ представленій. Стимулъ, вызывающій простое тѣлесное ощущеніе, дѣйствуя на насъ извнѣ, предварительно раздражаетъ концевой аппаратъ центростремительныхъ нервовъ. Раздраженіе послѣднихъ передается общимъ чувствующимъ центрамъ и производитъ тѣлесное ощущеніе, пріятное или непріятное. Стимулъ же, вызывающій душевныя чувства, раждаясь въ сферѣ мыслительной дѣятельности, дѣйствуетъ на насъ изъ-внутри. Раздраженіе центровъ представленій (сѣраго корковаго вещества) переносится помощью межцентральныхъ проводниковъ на общіе чувствительные центры и вызываетъ душевное чувство, пріятное или непріятное. Въ томъ и другомъ случаѣ окончательнымъ результатомъ является раздраженіе чувствующихъ центровъ. Но раздраженіе извѣстнаго нервнаго органа, въ силу закона специфической энергіи, всегда даетъ одно и тоже явленіе, независимо отъ того, откуда произошло раздраженіе. Возникающія при *центральномъ* раздраженіи чувствующихъ центровъ органическія ощущенія мы называемъ *душевными чувствами* собственно потому, что болѣе или менѣе ясно сознаемъ ихъ внутреннее происхожденіе въ области мысли (представленій), безъ всякаго участія внѣшнихъ моментовъ, дѣйствующихъ лишь на периферію организма (концевые аппараты центростремительныхъ нервовъ).

Мѣстный же оттѣнокъ душевныхъ чувствъ, т. е. перемѣщеніе органическихъ ощущеній къ извѣстнымъ органамъ, какъ напр. къ сердцу, груди и т. д., по всей вѣроятности, зависитъ отъ *эксцентрическаго проявленія.* По крайней мѣрѣ раздраженіе периферическихъ нервовъ, присущихъ этимъ органамъ, производитъ точно такія же органическія ощущенія. Такъ напр. болѣзни сердца и легкихъ нерѣдко вызываютъ ощущенія, вполнѣ сходныя съ душевными чувствами тоски, страха и т. д.

§ 99. Такъ какъ въ сознаніи нашемъ постоянно существуютъ представленія и постоянно происходитъ ихъ сочетаніе, то

постоянно возникаютъ и душевныя чувства, сознаваемыя нами въ видѣ болѣе или менѣе значительнаго колебанія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній. Общая форма проявленія этихъ постоянныхъ ощущеній называется *настроеніемъ*. Настроеніе выражаетъ собой среднюю степень раздражительности чувствующихъ центровъ въ отношеніи къ сферѣ представленій. Хорошее настроеніе соотвѣтствуетъ пріятнымъ, дурное — непріятнымъ душевнымъ чувствамъ.

§ 100. Душевныя чувства называются *порывами*, когда достигаютъ сильной степени или удерживаются продолжительное время. Порывы также раздѣляются на *пріятные* и *непріятные*. Первые называются *положительными* или *возбуждающими* (радость, надежда и т. д.); послѣдніе—*отрицательными* или *угнетающими* (горе, тоска, страхъ и т. д.).

Примѣчаніе. Выраженіе «угнетающій порывъ» двусмысленно. Оно допускаетъ такое толкованіе, какъ будто во время угнетающаго порыва дѣятельность чувствующихъ центровъ ослаблена или угнетена, тогда какъ несомнѣнно они находятся въ состояніи сильнаго раздраженія (возбужденія). Характеръ угнетенія при отрицательныхъ порывахъ исключительно относится къ способу ихъ проявленія, т. е. къ сферѣ движеній. Всѣ возбуждающіе порывы усиливаютъ, всѣ угнетающіе—ослабляютъ мускульную дѣятельность.

§ 101. Глубокія душевныя чувства или порывы переходятъ въ *страсть*, когда дѣлаются источникомъ постояннаго стремленія человѣка и исключительно руководствуютъ его дѣйствія.

§ 102. Какъ душевныя чувства, такъ и порывы вызываютъ собой болѣе или менѣе значительныя измѣненія въ растительной сферѣ организма. Въ особенности этимъ измѣненіямъ подвергаются процессы кровообращенія, пищеваренія и общаго питанія. Такъ напр. возбуждающіе порывы ускоряютъ сердцебіеніе и способствуютъ пищеваренію, тогда какъ отрицательные порывы ослабляютъ жизненную дѣятельность, уменьшаютъ аппетитъ и разстраиваютъ сонъ. Самымъ полнымъ выраженіемъ душевныхъ чувствъ является личная мимика (улыбка, смѣхъ, слезы, судорожное искривленіе лица и т. д.).

О волѣ.

§ 103. Всѣ душевные процессы, о которыхъ до сихъ поръ было сказано, вполнѣ *субъективны.* О существованіи своихъ ощущеній, представленій и душевныхъ чувствъ знаетъ только тотъ, кто ихъ имѣетъ. На основаніи собственнаго опыта, мы, конечно, предполагаемъ, что всякій одаренъ такими же душевными способностями, какими обладаемъ и мы; но въ справедливости этого предположенія мы убѣждаемся лишь тогда, когда данное лицо чѣмъ нибудь проявляетъ или обнаруживаетъ то, что происходитъ въ его сознаніи.

§ 104. Съ другой стороны, мы остались бы пассивными свидѣтелями того, что совершается вокругъ насъ и беззащитно подверглись бы вліянію внѣшняго міра, если-бъ не нашли въ самихъ себѣ средства, по собственному побужденію *измѣнять* данное состояніе. Лишенные этого средства, мы походили бы на растенія и каменья, прикованные къ своимъ мѣстамъ, пока ихъ не сдвинетъ внѣшняя сила. Мало того, сознавая свое состояніе, и чувствуя то наслажденіе, то мученіе, мы походили бы на тѣхъ героевъ сказочнаго міра, которые, по мановенію волшебника, съ сохраненіемъ полной внутренней жизни, обращены были въ мраморныя статуи.

§ 105. Единственную возможность, какъ обнаруживать наши ощущенія, мысли и чувствованія, такъ и самостоятельно измѣнять окружающія насъ условія, даетъ намъ *способность производить движенія.* Движеніе происходитъ лишь посредствомъ сокращенія мышечныхъ волоконъ, составляющихъ концевые аппараты центробѣжныхъ нервовъ.

§ 106. По способу своего происхожденія, движенія, наблюдаемыя на человѣкѣ, раздѣляются на слѣдующія группы:

1) автоматическія движенія,

2) отраженныя,

3) инстинктивныя и

4) произвольныя.

§ 107. *Автоматическія движенія*—это рядъ мускульныхъ движеній, возникающихъ вслѣдствіе раздраженія извѣст-

ныхъ первныхъ элементовъ, непосредственно отъ данныхъ самою организацiею условiй. Преимущественно управляя растительными отправленiями организма, автоматическiя движенiя продолжаются въ теченiе всей жизни. Прекращенiе ихъ неминуемо влечетъ за собой смерть организма. Сюда принадлежатъ дыхательныя движенiя, бiенiе сердца и т. д.

Примѣчанiе. Впрочемъ дыхательныя движенiя нѣкоторыми физiологами причисляются также къ рефлективнымъ.

§ 108. *Отраженныя движенiя.* Отраженiемъ или рефлексомъ, въ собственномъ смыслѣ слова, называется передача раздраженiя *чувствительныхъ* нервныхъ элементовъ—*движущему*. Стало быть отраженнымъ будетъ то движенiе, которое вызывается ощущенiемъ. Такъ напр. отъ слабаго свѣта расширяются, отъ сильнаго съуживаются зрачки; отъ внезапнаго шума вздрагиваетъ все тѣло; щекотанiе перомъ губъ или носа производитъ подергиванiе губъ и чиханiе. Смотря по числу и расположенiю мышцъ, приходящихъ въ сокращенiе, отраженное движенiе бываетъ болѣе или менѣе сложно. Форма проявленiя отраженнаго движенiя зависитъ какъ отъ силы раздраженiя чувствительныхъ нервныхъ элементовъ, такъ и отношенiя ихъ къ мышечной системѣ. Слабое разраженiе приводитъ въ сокращенiе лишь ближайшiе къ раздражаемому мѣсту мускулы; при сильномъ же или продолжительномъ раздраженiи, мускульныя движенiя, возрастая въ числѣ, распространяются на болѣе отдаленныя части. Такъ напр. щекотанiе подошвы ноги сперва вызываетъ лишь отдѣльныя подергиванiя въ пальцахъ ея и стопѣ, а впослѣдствiи можетъ вести къ общимъ судорожнымъ движенiямъ ноги и всего туловища. Съ другой стороны мышцы, сокращаемыя въ актѣ рефлективнаго движенiя, нерѣдко *группируются* такимъ образомъ, что происходящимъ движенiемъ можетъ быть достигаемо *устраненiе* раздражающаго влiянiя. Такъ напр. раздраженiе чувствительныхъ нервовъ носовой полости производитъ чиханiе, разраженiе дыхательныхъ путей—кашель. Чиханiе и кашель, по группировкѣ и послѣдовательности мышечныхъ сокращенiй, составляютъ

рядъ движеній, въ высшей степени способныхъ удалить изъ означенныхъ органовъ раздражающее ихъ постороннее тѣло. Вслѣдствіе этого рефлективныя или отраженныя движенія многими признаются *цѣлесообразными*. Однако есть рядъ несомнѣнно рефлективныхъ движеній, очевидно лишенныхъ всякой цѣли, какъ напр. вздрагиваніе всего тѣла отъ внезапнаго шума. Мускульныя движенія, составляющія личную мимику (улыбка, смѣхъ и проч.) очевидно нисколько не содѣйствуютъ удаленію вызывающихъ ихъ условій.

Примѣчаніе 1. Какъ видоизмѣненіе рефлективнаго движенія можетъ быть разсматриваемо *совмѣстное движеніе* или *содвиженіе*. Содвиженіе происходитъ отъ передачи раздраженія одного движущаго нервнаго элемента другому. Такъ напр. сгибаніе мизинца влечетъ за собой сгибаніе и четвертаго пальца руки; при ходьбѣ приходятъ въ колебательныя движенія руки и т. д.

Примѣчаніе 2. Рефлексомъ, въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, называется переходъ раздраженія одного нервнаго элемента на другой разнородный по его специфической энергіи. Сюда принадлежитъ возникновеніе представленій изъ ощущеній и пробужденіе душевныхъ чувствъ изъ представленій. Видоизмѣненіемъ подобнаго рефлекса является *совмѣстное ощущеніе* и *совмѣстное представленіе* или *соощущеніе* и *сопредставленіе*, т. е. душевныя явленія, возникающія отъ передачи раздраженія извѣстныхъ нервныхъ элементовъ другимъ *однороднымъ*. Такъ напр. зубная боль на одной сторонѣ нерѣдко вызываетъ такую же боль и на другой. Представленіе объ одномъ предметѣ нерѣдко вызываетъ представленіе о другомъ, по видимому ничѣмъ не связанное съ предъидущимъ по законамъ сочетанія представленій (налетное представленіе).

Примѣчаніе 3. Нѣкоторые приписываютъ представленіямъ также способность вызывать чисто рефлективныя явленія. Такъ напр. представленіе объ отвратительномъ предметѣ производитъ рвоту; представленіе о лакомомъ блюдѣ усиливаетъ отдѣленіе слюны. Но я полагаю, что въ приведенныхъ примѣрахъ движеніе происходитъ не непосредственно отъ передачи раздраженія центровъ представленій центрамъ движущимъ. Послѣдніе вѣроятно раздражаются путемъ рефлекса, отъ раздраженія чувствующихъ центровъ. По крайней мѣрѣ рефлективное движеніе вызываютъ лишь тѣ представленія, которыя сопровождаются сильными душевными чувствами (органическими ощущеніями). Не представленіе отвратительнаго предмета собственно производитъ рвоту, но непріятное душевное чувство, вызываемое этимъ представленіемъ.

§ 109. *Инстинктивныя движенія.* Подъ этимъ названіемъ подразумѣваютъ болѣе или менѣе сложныя мускульныя движенія, возникающія на основаніи *извѣстныхъ* органическихъ ощущеній

и сопровождаемыя болѣе или менѣе темными представленіями объ удовлетвореніи возникшей въ насъ потребности. Инстинктивныя движенія главнымъ образомъ отличаются отъ рефлективныхъ своимъ частнымъ, опредѣленнымъ характеромъ. Такъ напр. на основаніи *побужденія* (инстинкта) къ самосохраненію *голодъ* и *жажда* заставляютъ насъ искать пищи и питья. Половое *побужденіе* влечетъ различные полы другъ къ другу.

§ 110. *Произвольныя движенія* составляютъ мускульныя движенія, вызываемыя болѣе или менѣе ясными *отвлеченными представленіями*. Сюда принадлежатъ всѣ тѣ разнообразныя и многочисленныя движенія, которыя укладываются въ общую рамку «слова и дѣла» человѣка (Сѣченовъ, рефлексы головнаго мозга). Рѣчь и дѣйствіе составляютъ самые главные способы какъ внѣшняго проявленія нашего субъективнаго состоянія, такъ и измѣненія данныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ условій.

§ 111. Произвольнымъ движеніямъ обыкновенно противопоставляютъ первыя три группы приведенныхъ въ предъидущихъ параграфахъ движеній, соединяя ихъ подъ общимъ названіемъ *непроизвольныхъ*. Однакожъ отрицаніе даннаго признака не есть достаточное основаніе для опредѣленія того явленія, у котораго не достаетъ отрицаемаго признака. Называя изъ двухъ окрашенныхъ предметовъ одинъ чернымъ, другой нечернымъ, мы положительно не знаемъ, какой цвѣтъ имѣетъ «нечерный» предметъ. Точно также, зная, что извѣстное движеніе *не* зависитъ отъ воли, мы еще не знаемъ, чѣмъ оно вызывается. Ближе разсматривая означенныя группы движеній, нельзя не замѣтить, что, съ одной стороны, непроизвольныя движенія *невполнѣ* изъяты отъ вліянія воли, а съ другой, что совершенно произвольныя движенія принимаютъ видъ непроизвольныхъ. Такъ напр. дыхательныя движенія, хотя происходятъ совершенно независимо отъ воли, но тѣмъ не менѣе могутъ быть по произволу ускоряемы, замедляемы и даже на время останавливаемы. Отраженныя и инстинктивныя движенія произвольно могутъ быть задерживаемы. Принятые законы обще-

житія и приличія главнымъ образомъ направлены къ тому, чтобы владѣть своими порывистыми, рефлекторными движеніями. Неумѣніе управлять своими инстинктами считается признакомъ душевнаго невѣжества. Нѣкоторыя же произвольныя движенія, какъ напр. чтеніе, игра на музыкальныхъ инструментахъ и т. п. до того быстры и отчетливы, что, повидимому, не сознавая вовсе произвольнаго ихъ происхожденія, мы называемъ ихъ даже механическими.

§ 112. Гораздо рельефнѣе вліянія воли выдается впередъ *физіологическое различіе* производимыхъ нами движеній.

Всѣ такъ называемыя непроизвольныя движенія, по формѣ своего проявленія, основаны на извѣстной группировкѣ мышцъ, сочетаемыхъ одна съ другою порядкомъ, даннымъ самою организаціею. Съ перваго дня жизни непроизвольныя движенія происходятъ съ одиноковой быстротою и послѣдовательностью (относительно участвующихъ въ нихъ мышцъ) у всѣхъ людей безъ различія. При извѣстныхъ условіяхъ мы ждемъ рядъ отраженныхъ движеній съ такою вѣрностью, что непоявленіе ихъ признается нами вѣрнымъ признакомъ уклоненія отъ нормы.

Напротивъ того, нѣтъ ни одного произвольнаго движенія, которое можно было бы произвести безъ предъидущаго упражненія. Всѣ такъ называемыя произвольныя движенія выучиваются медленно и съ трудомъ и потому проявляются въ самыхъ различныхъ степеняхъ ловкости и совершенства у различныхъ людей.

Произвольныя движенія, хотя болѣе или менѣе сознательно направляются къ извѣстной цѣли, но тѣмъ не менѣе могутъ быть совершенно нецѣлесообразны отъ неумѣнія ихъ производить. Отраженныя же движенія никогда не уклоняются отъ даннаго физіологическаго механизма и потому всегда настолько цѣлесообразны, насколько послѣдній допускаетъ достиженіе какой-либо цѣли.

Непроизвольныя движенія, въ особенности отраженныя, по законообразности своего проявленія, совершенно справедливо

называются предъопредѣленными—*роковыми*; произвольныя же движенія, наоборотъ, носятъ характеръ *случайныхъ* явленій.

§ 113. Въ виду изложеннаго было бы болѣе правильно всѣ движенія раздѣлить на *врожденныя* (непроизвольныя) и *пріобрѣтенныя* (произвольныя).

Первыя установлены самой организаціей, послѣднія развиваются путемъ опыта.

Проявленіе тѣхъ и другихъ, однако, въ продолженіе жизни значительно измѣняется. При возрастающемъ душевномъ развитіи врожденныя движенія, преимущественно отраженныя и инстинктивныя, все болѣе и болѣе подвергаются господству воли, тогда какъ пріобрѣтенныя движенія, по мѣрѣ частаго повторенія (упражненія), все болѣе и болѣе достигаютъ точности и непогрѣшимости врожденныхъ движеній.

§ 114. Произвольное движеніе или дѣйствіе, какъ ни быстро оно происходитъ, но по способу своего совершенія составляетъ весьма сложный процессъ. Внутренняя причина произвольнаго движенія называется *мотивомъ*, внѣшній же результатъ его *цѣлью*. Мотивъ и цѣль составляютъ собой необходимое условіе—conditio sine qua non—всякаго дѣйствія. Гдѣ нѣтъ ни мотива, ни цѣли, тамъ нѣтъ и дѣйствія, а проявляется лишь рядъ болѣе или менѣе сложныхъ мускульныхъ движеній.

§ 115. Когда мы находимся въ совершенно удовлетворительномъ состояніи, физическомъ или нравственномъ, то нѣтъ никакой надобности искать причины, заставляющей насъ, по собственному побужденію, прекратить это состояніе. По общему всѣмъ влеченію, мы стремимся къ пріятному и избѣгаемъ непріятнаго. Съ другой стороны, находясь въ состояніи неудовлетворительномъ, отъ чего бы то ни было, мы не имѣемъ повода удерживать это состояніе, если мы только способны собственною властію выйти изъ него.

Если же мы иногда пребываемъ въ непріятномъ состояніи, которое могли бы измѣнить сами, то это дѣлается для того только, чтобы впослѣдствіи достигнуть болѣе пріятнаго. Другими словами произвольное удерживаніе непріятнаго со-

стоянія является лишь средствомъ или предварительнымъ условіемъ для достиженія пріятнаго состоянія въ будущее время. Положеніе это одинаково вѣрно какъ въ сферѣ чувственныхъ, такъ и нравственныхъ явленій. Какъ больной произвольно подвергается мучительной операціи для того, чтобы впослѣдствіи пользоваться полнымъ здоровьемъ, точно также мы отказываемъ себѣ во многомъ или лишаемъ себя многаго для того только, чтобы въ извѣстныхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ найти себѣ болѣе прочное удовлетвореніе. Страданіе на землѣ многими признается залогомъ блаженства въ будущей жизни.

§ 116. Такимъ образомъ всякому дѣйствію (произвольному движенію) предшествуетъ *потребность* прекратить данное состояніе.

Потребность эта сознается нами въ видѣ *ощущенія*, чувственнаго или органическаго, когда дѣло идетъ о тѣлесномъ состояніи; она выражается *душевнымъ чувствомъ*, когда относится къ сферѣ представленій. Стало быть первоначальный мотивъ всякаго дѣйствія—*ощущеніе.*

§ 117. Сознавая потребность прекратить данное состояніе или ощущая непріятность его, мы въ то же время сознаемъ и необходимость перейти въ какое либо другое, болѣе пріятное состояніе. Мало того, мы должны предварительно *знать* кое-что о томъ новомъ состояніи, которымъ приходится замѣнить данное. Ничего не зная объ немъ, мы легко могли бы, прекративъ данное состояніе, приходить въ другое, гораздо болѣе непріятное, чѣмъ то, изъ котораго мы только что вышли. Однако о томъ новомъ, будущемъ состояніи, въ которое мы желаемъ перейти, мы имѣемъ свѣдѣнія лишь настолько, насколько мы способны составить себѣ объ немъ представленія (понятія). Представленія эти, болѣе или менѣе точно рисуя намъ другое привлекательное состояніе, выражаютъ собой *цѣль* нашего дѣйствія.

Конечно, нельзя отрицать, что могутъ быть случаи, гдѣ намъ не удается составить себѣ совершенно отчетливыя представленія о цѣли предполагаемаго дѣйствія. Въ такихъ слу-

чаяхъ, особливо когда мотивъ дѣйствія состоитъ въ весьма сильномъ непріятномъ ощущеніи, *одно лишь устраненіе* даннаго состоянія является единственною цѣлію дѣйствія, независимо отъ того, какое состояніе могло бы произойти по прекращеніи даннаго. Дѣйствія, вызываемыя только отрицательнымъ представленіемъ, легко принимаютъ видъ отраженныхъ или инстинктивныхъ движеній.

§ 118. Ощущая данное непріятное состояніе и изображая представленіями будущее пріятное, мы *рѣшаемся* на дѣйствіе.

Рѣшеніе заключается въ окончательномъ опредѣленіи цѣли дѣйствія. Рѣшеніе есть актъ мыслительной дѣятельности, главнымъ образомъ зависящій отъ жизненнаго опыта (воспитанія, примѣра и пр.). Въ мелочныхъ вопросахъ обыденной жизни рѣшеніе на извѣстныя дѣйствія, часто повторявшееся, обращается въ *привычку*. Извѣстно, что въ теченіе времени привычка пріобрѣтаетъ такую силу надъ нами, что только съ трудомъ можемъ отказаться отъ нея, если почему бы то ни было признаемъ неудобнымъ продолжать ее.

Опредѣленіе цѣли нашего дѣйствія признается нами окончательнымъ лишь тогда, когда рисуемое представленіемъ состояніе является намъ въ такомъ видѣ, что на самомъ дѣлѣ обѣщаетъ удовлетворить возникшему мотиву дѣйствія. Рѣшеніе есть актъ признанія полнаго согласія или соотвѣтствія мотива дѣйствія съ цѣлью его. Согласіе это сознается нами въ видѣ пріятнаго душевнаго чувства *надежды* (*увѣренности, ожиданія, убѣжденія*), что цѣль наша дѣйствительно будетъ достигнута вполнѣ. Пока нѣтъ этого «*предчувствія успѣха*» нашего дѣйствія, мы не рѣшаемся, мы колеблемся, недоумѣваемъ, произвести ли дѣйствіе или нѣтъ.

§ 119. Для того, чтобы рѣшеніе привести въ исполненіе, необходимо, чтобы къ сознанію мотива и цѣли дѣйствія присоединилось также знаніе того, можно ли вообще и какимъ образомъ достигнуть цѣли. Для произведенія вполнѣ цѣлесообразнаго дѣйствія необходимо знать, какія именно изъ числа всѣхъ возможныхъ движеній примѣнимы въ данномъ случаѣ.

т. е. мы должны имѣть представленія о мускульныхъ актахъ, необходимыхъ для достиженія цѣли. Намъ можетъ быть извѣстно, что состояніе *a* гораздо пріятнѣе состоянія *b*, въ которомъ мы находимся въ данное время. При томъ послѣднее, т. е. состояніе *b* до того можетъ намъ казаться тяжелымъ и невыносимымъ, что получаемое отъ него непріятное впечатлѣніе становится весьма сильнымъ мотивомъ дѣйствія. Въ то же время пріятное состояніе *a* рисуется въ нашемъ представленіи такъ рельефно, что нельзя не признать въ немъ ясной цѣли нашего дѣйствія. Мы совершенно готовы рѣшиться—мы даже рѣшаемся, но тѣмъ не менѣе произвести дѣйствіе не можемъ, потому, что не знаемъ, какія мускульныя движенія поведутъ насъ къ цѣли—словомъ, мы сознаемъ себя въ безвыходномъ положеніи. Знаніе мускульныхъ актовъ, способныхъ вести къ тому или другому измѣненію даннаго состоянія, конечно, даетъ намъ собственный опытъ. Мы производили нужныя движенія уже прежде или видѣли или слышали, какъ ихъ производятъ другіе.

§ 120. Съ возникновеніемъ двигательныхъ представленій даны всѣ предварительныя условія для совершенія дѣйствія. Дѣйствіе же происходитъ тогда, когда въ насъ уже не возникаетъ никакихъ ощущеній или представленій, отмѣняющихъ наше рѣшеніе, т. е. когда мотивъ, цѣль и двигательныя представленія сознаются нами до такой степени ясно, твердо и неуклончиво, что не даютъ возникнуть никакимъ возраженіямъ. Словомъ дѣйствіе всегда происходитъ на основаніи *сильнѣйшаго мотива* и *преобладающаго представленія о цѣли*. Другими словами, дѣйствіе вызывается тѣмъ представленіемъ, которое производитъ самое полное душевное чувство удовлетворенія нашей потребности. *Какое* именно представленіе вызываетъ столь полное и сильное душевное чувство—это зависитъ отъ самыхъ различныхъ условій, отъ степени душевнаго развитія, отъ возраста, воспитанія, случайныхъ обстоятельствъ и т. п. И потому какъ мотивы, такъ и цѣли дѣйствія людей чрезвычайно различны. Мотивы, ведущіе одного къ порывистому

стремленію къ извѣстнымъ цѣлямъ, другаго оставляютъ совершенно равнодушнымъ; и цѣли, которымъ одни придаютъ почти идеальное значеніе, для другихъ имѣютъ лишь мало привлекательнаго. Такъ напр. мотивы и цѣли юноши, готовящагося вступить въ жизнь, и старика, строго принимающаго въ соображеніе свою опытность, по субъективному содержанію и смыслу для дѣйствующаго лица, не допускаютъ никакого сравненія между собой. Всѣ мы, съ возрастающимъ опытомъ, болѣе или менѣе значительно измѣняемъ какъ мотивы, такъ и цѣли свои, отказываясь отъ однихъ и стремясь къ другимъ. (Omnia mutantur, nos et mutamur in illis).

§ 121. Всякое ощущеніе вызываетъ собой рядъ представленій. Ощущеніе, принимающее форму мотива дѣйствія, не изъято изъ общаго правила. Возникающія изъ него представленія, опредѣляя *цѣль* дѣйствія, вызываютъ одно другое по законамъ ассоціаціи и, въ то же время отражаясь на внутреннее чувство, даютъ начало различнымъ душевнымъ чувствамъ. Процессъ возникновенія этихъ представленій называется *соображеніемъ*. Смотря по содержанію мотива и цѣли, въ этомъ процессѣ могутъ участвовать всѣ душевные акты, извѣстные подъ названіемъ сравненія, сужденія, размышленія мышленія и т. д. Соображеніе, начиная съ возникновенія мотива и кончая извѣстнымъ мускульнымъ движеніемъ, можетъ продолжаться одну минуту и цѣлые мѣсяцы, смотря по значенію дѣйствія.

При каждомъ болѣе важномъ дѣйствіи процессъ соображенія сознается нами въ видѣ *внутренней борьбы* о томъ, произвести ли дѣйствіе или не произвести его. Въ особенности это бываетъ, когда въ соображеніе входятъ нравственные доводы. По окончаніи борьбы, въ какую бы сторону она ни клонилась, *послѣднее преобладающее* представленіе о цѣли, вытѣсняя собой всѣ остальныя и опираясь на сильномъ душевномъ чувствѣ, является *повелительнымъ побужденіемъ* къ производству дѣйствія. Ясно, что, при извѣстныхъ условіяхъ, окончательнымъ результатомъ рѣшенія оказывается отрицатель-

нымъ—мы рѣшаемся не производить дѣйствія. Но какъ бы то ни было, мы ясно сознаемъ, что такъ-то *должны* дѣйствовать или недѣйствовать и поступить иначе нельзя. Это-то повелительное побужденіе, заставляющее насъ въ одномъ случаѣ произвести, въ другомъ не произвести дѣйствіе, называется—*волею*.

§ 122. Умственное и нравственное достоинство какъ мотива и цѣли нашихъ дѣйствій, такъ и способа приведенія ихъ въ исполненіе, можетъ быть чрезвычайно различно. Мы говоримъ о дѣйствіяхъ разумныхъ и неразумныхъ, обдуманныхъ и легкомысленныхъ, нравственныхъ и безнравственныхъ и т. д.

Примѣчаніе. Лучшая сторона человѣка не всегда проявляется въ томъ, какъ онъ *дѣйствуетъ*, но въ томъ, какъ онъ *не дѣйствуетъ*. Сомообладаніе всѣми признается однимъ изъ высшихъ достоинствъ человѣка.

§ 123. Общее направленіе человѣка, умственное и нравственное, проявляющееся въ его поступкахъ, называется *характеромъ*. Характеръ есть результатъ какъ данной организаціи, такъ и внѣшней обстановки, при которой мы развиваемся. Главные источники характера—воспитаніе и жизненный опытъ.

Вполнѣ сложившемуся характеру приписываютъ такое постоянство и опредѣленность, что, при извѣстныхъ условіяхъ, мы твердо разсчитываемъ на то или другое дѣйствіе людей. Большая часть нашихъ житейскихъ отношеній основана на томъ, что болѣе или менѣе вѣрно ждемъ извѣстныя дѣйствія отъ даннаго лица. Правильно обсуживая характеръ, мы предъугадываемъ дѣйствія другихъ людей и устраиваемъ свои собственныя дѣла болѣе удачно. Съ другой стороны, источникомъ нашего огорченія и неудачи весьма нерѣдко является неумѣніе опредѣлить характеръ окружающихъ насъ, въ особенности привычка судить по себѣ о другихъ.

Многіе, въ теченіе всей жизни, не пріобрѣтаютъ твердаго характера, многіе же съ дѣтства еще принимаютъ одностороннее направленіе, нерѣдко ведущее къ серьезнымъ столкновеніямъ.

§. 124. Волю называютъ—*свободною.* Понятіе свободы имѣетъ отрицательный характеръ. Мы называемъ свободнымъ актъ или происшествіе, которое ничѣмъ не ограничивается и не встрѣчаетъ никакого препятствія.*) Воля была бы свободна, еслибъ она носила въ самой себѣ *всѣ* условія своего проявленія. Она была бы свободна, если-бъ внутреннее побужденіе къ дѣйствію одинаково легко могло состояться и не состояться, если-бъ такъ называемый выборъ дѣйствія могъ останавливаться на всѣхъ возможныхъ дѣйствіяхъ, если-бъ самоопредѣленіе человѣка (самопроизвольность**) находилось *внѣ* всякихъ отношеній къ окружающимъ его условіямъ.

§ 125. Опытъ до очевидности доказываетъ, что *такою свободою воли* мы не обладаемъ. Воля есть явленіе *условное.* Какъ всѣ душевные акты, такъ и проявленіе воли зависитъ отъ извѣстныхъ анатомическихъ и физіологическихъ данныхъ. Нервы и мышцы составляютъ conditio, sine qua non воли. И потому данное состояніе нервныхъ элементовъ не можетъ оставаться безъ вліянія на проявленіе воли. Мы производимъ нынѣ дѣйствія, на которыя никогда бы не рѣшились нѣсколько лѣтъ назадъ; и наоборотъ, годы спустя, мы производили дѣйствія, надъ которыми нынѣ сильно бы задумались. Нѣсколько рюмокъ вина весьма нагляднымъ образомъ измѣняютъ нашу волю. Докторъ Maudsley говоритъ, что люди тверже всего убѣждены въ полной свободѣ своихъ дѣйствій тогда, когда находятся въ нетрезвомъ состояніи или подъ вліяніемъ сновидѣній или въ состояніи помѣшательства.***) Съ другой стороны, производя извѣстныя дѣйствія мы ясно сознаемъ, что воля наша опредѣляется закономъ, недопускающимъ отступленія. Мы ясно сознаемъ, что, въ данномъ случаѣ, возможно лишь такое-то дѣйствіе и не-

---

*) Drobisch. Die moralische Statistik und die menschliche Willensfreiheit. Leipzig. 1867. Стр. 58.

**) Ловцовъ, въ переводѣ судебной медицины Бухнера. С.-Петербургъ. 1870 г. стр.

***) The physiology and pathology of the mind by K. Maudsley. London 1868. Стр. 170. Русскій переводъ явился въ 1870 г.

возможно всякое другое. Стало быть въ актѣ произвольнаго дѣйствія есть *нѣчто* принудительное, заставляющее насъ выбрать именно то, а не другое какое либо дѣйствіе. Это *нѣчто* приводится къ мотивамъ и цѣлямъ нашей воли. Мотивъ и цѣль, выражая собой содержаніе воли, существенно зависятъ какъ отъ данной организаціи, такъ и отъ окружающихъ насъ условій. Процессъ соображенія и актъ рѣшенія на дѣйствіе вполнѣ зависятъ какъ отъ правильнаго сочетанія представленій, такъ и отъ возникающихъ при томъ душевныхъ чувствъ. Наконецъ приведеніе въ исполненіе воли не есть нисколько дѣло случая. Оно является лишь результатомъ всего прежде пережитаго, всего прежде передуманнаго и перечуствованнаго. Многія дѣйствія были бы совершенно невозможны, если-бъ имъ не предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ произвольныхъ движеній. Словомъ всякое дѣйствіе имѣетъ болѣе или менѣе рѣзкій *біографическій* характеръ.*)

Актъ, опредѣляемый столь многими и столь различными моментами, ни коимъ образомъ не можетъ быть признаваемъ *свободнымъ.*

§ 126. Стало быть, лишенные свободы воли, мы дѣйствуемъ машино-образно и освобождаемся отъ всякой отвѣтственности за свои поступки? Нисколько. Какъ организація наша, такъ и внѣшняя обстановка даютъ намъ возможность *развиваться.* Высшее развитіе человѣка заключается въ ясномъ сознаніи извѣстныхъ умственныхъ и нравственныхъ принциповъ. Свобода наша заключается въ возможности придавать этимъ принципамъ такую силу, чтобы, при столкновеніи съ другими побужденіями, въ каждомъ отдѣльномъ дѣйствіи принципы эти одерживали бы побѣду. Высшая свобода человѣка—это безусловное признаніе своей зависимости отъ нравственныхъ и благоразумныхъ началъ.

---

*) Lehrbuch der empirischen Psychologie von Lindner. Wien. 1868. Стр. 184.

ЧАСТЬ II.

О НЕНОРМАЛЬНОМЪ ПРОЯВЛЕНІИ ДУШЕВНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Общее обозрѣніе душевнаго разстройства.

§ 127. Въ природѣ человѣка—приписывать сверхестественному вліянію всѣ явленія, уясненіе которыхъ ему не дается съ перваго разу. Въ глубокой древности*) всѣ болѣзни безъ исключенія относили къ непосредственному вмѣшательству боговъ или демоновъ. Посредниками между божествомъ и человѣчествомъ являлись жрецы. Жрецы, завѣдывая общественными дѣлами народа, во всѣхъ нуждахъ его, обращались къ богамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отправляли обязанности врачей. Религіозные обряды, молитвы, жертвоприношенія, омыванія, посты и т. п.—вотъ ихъ средства для облегченія и леченія ниспосланной свыше болѣзни.**) При такихъ условіяхъ весьма естественно, что помѣшательство, столь необычайное и загадочное явленіе, принимали за непосредственное проявленіе или гнѣва боговъ или терзанія нечистыхъ духовъ. Древніе Индусы считали сумасшествіе наказаніемъ за неповиновеніе дѣтей родителямъ. Подобное воззрѣніе встрѣчается у Евреевъ и Грековъ. Геродотъ разсказываетъ, что дочери, короля Прëта были превращены въ коровъ за порицаніе замужества, присовокупляя, что ихъ излѣчили здоровые юноши подъ руководствомъ какого-то Мелампа. Представленіе о превращеніи людей въ животныхъ встрѣчается почти у всѣхъ народовъ въ періодѣ ихъ младенчества. Представленіе объ оборотняхъ еще нынѣ не совсѣмъ покинуто воображеніемъ необразованныхъ людей.

§ 128. Съ возникновеніемъ первыхъ научныхъ стремленій врачебное искусство освободилось изъ-подъ опеки жрецовъ.

---

*) Versuch einer Literaturgeschichte der Pathologie und Therapie der psychischen Krankheiten. Von S. B. Friedreich. Würzburg. 1830.

**) Впрочемъ весьма рано жрецы уже прибѣгали къ употребленію лекарствъ будто бы открываемыхъ имъ богами въ сновидѣніяхъ.

Въ пятомъ столѣтіи до Р. Х. греческіе врачи (Гиппократъ) признавали помѣшательство за болѣзненное состояніе, вызываемое неправильнымъ смѣшеніемъ органическихъ соковъ (крови, слизи, желтой и черной желчи). Это воззрѣніе, въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ, осталось господствующимъ во все время классической древности.

Съ наступленіемъ среднихъ вѣковъ самостоятельная научная дѣятельность начала угасать. Медицинскія науки приходили въ застой. Ихъ теорія обратилась въ діалектику и пустой формализмъ; врачебная же практика уступила мѣсто невѣжеству и шарлатанству. Общее суевѣріе достигало до громадныхъ размѣровъ.

Сумасшествіе безусловно принимали за произведеніе нечистыхъ силъ. Служа предметомъ грубаго любопытства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дикаго страха и отвращенія, помѣшанные подвергались самому жестокому обращенію. Ихъ преслѣдовали, гнали, казнили,—обвиняя ихъ въ колдовствѣ и преступномъ союзѣ съ дьяволомъ.

Только въ XVI столѣтіи Европу озарило новое время. Наука воскресла. Естествовѣдѣніе быстрыми шагами пошло впередъ. Медицина не отставала. Знаменитѣйшіе врачи послѣднихъ двухъ столѣтій, не оставивъ безъ вниманія и душевныхъ болѣзней, возстановили научное понятіе о томъ, что помѣшательство не имѣетъ ничего общаго съ сверхъестественными силами, что оно ни что иное, какъ болѣзненное состояніе нашего организма.

Однако помѣшанные, хотя болѣе не подвергались явному гоненію, но попадали въ остроги и тюрьмы. Тамъ ихъ содержали наравнѣ съ преступниками. Голодъ, жажда, строгія тѣлесныя наказанія, приковываніе къ цѣпямъ служили главными средствами для «обуздыванія» ихъ болѣзненныхъ припадковъ, приписываемыхъ нравственной испорченности. Въ такомъ незавидномъ положеніи засталъ помѣшанныхъ XIX вѣкъ*).

*) Etude sur les hopitaux, considérés sous le rapport de leur construction etc. etc. par M. Armand Husson. Paris. 1862. Стр. 286.

§ 129. Пинель въ Парижѣ, состоя врачемъ при Бисетрѣ, старинномъ замкѣ, обращенномъ въ богоугодное заведеніе, первый приступилъ къ преобразованію быта умалишенныхъ. Затѣмъ ученикъ его Эскироль развивалъ научныя начала устройства домовъ умалишенныхъ. Въ скоромъ времени въ Англіи, Германіи и Италіи послѣдовали примѣру Пинеля и Эскироля. Во всѣхъ странахъ Европы возникли новыя спеціальныя заведенія для помѣшанныхъ. Въ нашемъ отечествѣ въ концѣ 18-го столѣтія при губернскихъ больницахъ устроены были особыя отдѣленія для помѣшанныхъ. Въ 1827 году въ Москвѣ Преображенская больница была преобразована въ домъ умалишенныхъ; въ 1832 г. въ С.-Петербургѣ устроена была, по англійскимъ образцамъ, больница всѣхъ скорбящихъ. Тамъ же въ 1861 г. при второмъ сухопутномъ госпиталѣ, по преобразованіи отдѣленія для помѣшанныхъ, профессоръ И. М. Балинскій первый у насъ началъ читать клиническія лекціи о душевныхъ болѣзняхъ. Затѣмъ еще въ исходѣ сороковыхъ годовъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ возникъ проектъ объ устройствѣ въ Россіи восьми окружныхъ домовъ умалишенныхъ — первый же изъ нихъ (приспособленный также къ клиникѣ по душевнымъ болѣзнямъ) былъ открытъ въ Казани въ 1869 г.

§ 130. Только съ устройствомъ домовъ умалишенныхъ, соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ потребностямъ больныхъ, стало возможнымъ болѣе точное и основательное изученіе душевныхъ болѣзней. Наблюденіе слѣдовало за наблюденіемъ. Собранные путемъ опыта научные факты не могли не привести къ попыткамъ построить теорію*) душевныхъ болѣзней. Составляетъ ли помѣшательство болѣзнь самой души или одного только тѣла?—вотъ вопросъ, по поводу котораго въ тридцатыхъ годахъ возникла весьма оживленная полемика. Одни принимали, что въ помѣшательствѣ сама душа поражается болѣзнію. Другіе, наоборотъ, утверждали, что разстраивается одна тѣ-

---

*) Historisch-kritische Darstellung der Theorien über das Wesen und den Sitz der psychischen Krankheiten. Von Dr. S. B. Friedreich. Leipzig. 1836.

лесная сторона человѣка. Приверженцы первой теоріи называются *спиритуалистами*, второй — *матеріалистами* или *соматиками*. Источникъ помѣшательства спиритуалисты видѣли въ преобладаніи и извращеніи страстей и даже въ грѣховности человѣка (Гейнротъ). Матеріалисты же, отвергая возможность болѣзни собственно души, утверждали, что ближайшее условіе душевнаго разстройства всегда есть болѣзненное состояніе тѣла.

Такъ какъ подробности полемики между спиритуалистами и матеріалистами имѣютъ только историческій интересъ, то я ограничусь лишь замѣчаніемъ, что соматическій взглядъ на душевныя болѣзни нынѣ признается господствующимъ.

Признавая головной мозгъ органомъ душевной дѣятельности, мы признаемъ помѣшательство за измѣненное проявленіе ея вслѣдствіе ненормальнаго состоянія нервныхъ центровъ. Помѣшательство есть ничто иное, какъ *болѣзнь головнаго мозга*. Безусловное принятіе этого положенія составляетъ собой первое предположеніе современной психіатріи.*)

§ 131. Дѣятельность головнаго мозга не ограничивается однимъ лишь проявленіемъ душевныхъ актовъ. Она выражается также управленіемъ растительными процессами. Поэтому болѣзненное состояніе мозга, сопровождаемое психическимъ разстройствомъ, обнаруживается также уклоненіемъ отъ нормы пищеваренія, кровообращенія, общаго питанія тѣла. Признаки разстройства растительной сферы организма, во время помѣшательства, нерѣдко ускользаютъ отъ нашего вниманія, отчасти потому, что не всегда достигаютъ значительнаго развитія, отчасти потому, что ихъ какъ бы оттѣсняетъ на задній планъ болѣе поразительное разстройство душевной дѣятельности.

§ 132. Какъ ни сумасбродно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, проявленіе помѣшательства, какъ ни странно искаженіе душевнаго быта помѣшанныхъ, — физіологическіе законы, опредѣляющіе собой нормальное проявленіе душевной дѣятельности,

*) Griesinger, l. c. стр. 1.

остаются непреложно тѣми же самыми и въ помѣшательствѣ. *Новыхъ* элементовъ въ помѣшательствѣ нѣтъ. Пониманіе и правильное обсужденіе душевныхъ болѣзней непосредственно вытекаетъ изъ примѣненія къ нимъ законовъ нормальной психической жизни. Основной фактъ въ помѣшательствѣ заключается въ томъ, что вслѣдствіе болѣзненнаго раздраженія нервныхъ центровъ возникаютъ ощущенія и представленія, сужденія, стремленія и душевныя чувства, несоотвѣтствующія тѣмъ внѣшнимъ условіямъ, дѣйствію которыхъ подвергается больной.*) Существенное значеніе, весь *смыслъ* помѣшательства сводится къ тому, что извѣстные душевные акты, вызываемые болѣзненнымъ состояніемъ нервныхъ центровъ, путаютъ, сбиваютъ, искажаютъ собой дѣйствительное отношеніе больнаго какъ къ внѣшнему міру, такъ и къ самому себѣ. Вслѣдствіе этого помѣшанный приходитъ въ противорѣчіе, въ болѣе или менѣе явный разладъ какъ съ даннымъ порядкомъ вещей, такъ и съ воззрѣніями и взглядами окружающихъ его. Онъ отрицаетъ то, что мы утверждаемъ, и наоборотъ — утверждаетъ то, съ чѣмъ мы согласиться не можемъ.

§ 133. Патологическіе процессы въ самомъ существѣ нервныхъ элементовъ, обусловливающіе собой ненормальное проявленіе душевной дѣятельности, могутъ быть весьма различны. Большая часть ихъ приводится къ ненормальному питанію мозговаго вещества, окончательнымъ результатомъ котораго нерѣдко является совершенное уничтоженіе нервнаго строенія вмѣстѣ съ прекращеніемъ извѣстныхъ душевныхъ явленій.

§ 134. Помѣшательство выражается:

1) разстройствомъ ощущенія;
2) искаженіемъ представленій и
3) измѣненіемъ произвольныхъ движеній.

1) Разстройство ощущенія.

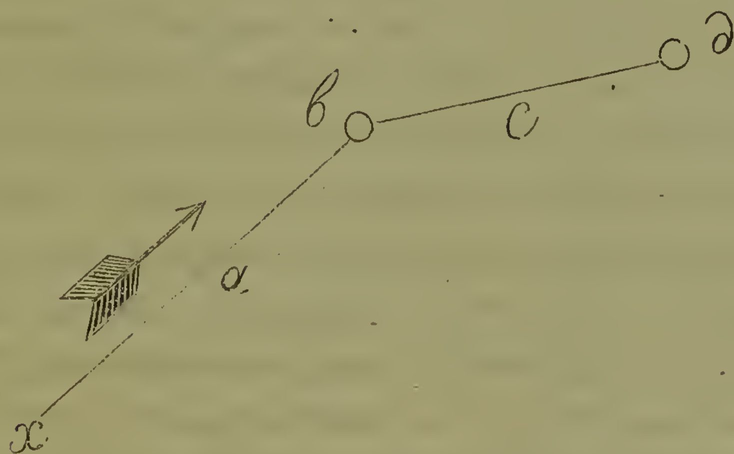
§ 135. Нормальное ощущеніе зависитъ отъ двухъ условій.

---

*) Griesinger, l. c. стр. 61.

Оно возникаетъ лишь тогда 1) когда концевой аппаратъ центростремительнаго нерва приходитъ въ дѣятельное состоянiе, вслѣдствiе дѣйствiя на него какого нибудь внѣшняго стимула, и 2) когда раздраженiе периферическаго нерва доходитъ до извѣстныхъ центральныхъ нервныхъ аппаратовъ.

Въ помѣшательствѣ намъ представляется тотъ замѣчательный фактъ, что непосредственное раздраженiе центральнаго нервнаго аппарата даетъ ощущенiе и тогда, когда вовсе не былъ раздраженъ периферическiй нервъ или концевой аппаратъ его. Центральное раздраженiе головнаго мозга вызываетъ ощущенiе и тогда, когда не имѣется никакого внѣшняго стимула, дѣйствующаго на центростремительный нервъ.

Положимъ, что a — центростремительный нервъ съ своимъ концевымъ аппаратомъ; b — центральный нервный элементъ или группа нервныхъ элементовъ, въ которую переходитъ нервъ (проводникъ) a. Раздражая a внѣшнимъ предметомъ x, мы получимъ раздраженiе элемента b, потому что периферическiй нервъ проводитъ свое возбужденное состоянiе къ соотвѣтствующему нервному центру. Раздраженiе же элемента b даетъ ощущенiе, вызывающее собой представленiе d, путемъ передачи своего раздраженiя по межцентральному проводнику c — элементу d. Въ болѣзненномъ состоянiи головнаго мозга можетъ возникнуть раздраженiе элемента b безъ предварительнаго раздраженiя проводника a и получается ощущенiе, настолько сходное съ нормальнымъ, насколько центральное раздраженiе эле-

мента *b* походитъ на раздраженіе того же самаго элемента, происходящее отъ раздраженія *a*.

Возникающее, на основаніи одного лишь центральнаго раздраженія, ощущеніе называется *галлюцинаціей*. Такъ какъ ощущеніе, какимъ бы образомъ оно ни состоялось, всегда вызываетъ собой представленіе о стимулѣ, производившемъ его, то и въ галлюцинаціи мы тотчасъ представляемъ себѣ внѣшній предметъ, которому приписываемъ свое ощущеніе. Такъ напр. если галлюцинація заключается въ ощущеніи, получаемомъ отъ раздраженія нервнаго элемента *b*, а послѣднее равняется ощущенію, возникающему отъ предварительнаго раздраженія *a*, то предметъ, представляющійся намъ во время галлюцинаціи, вполнѣ будетъ походить на предметъ *x*.

§ 136. Спрашивается, откуда возникаетъ центральное раздраженіе ощущающаго нервнаго элемента? Очевидно есть только два способа такого раздраженія. Или центральное раздраженіе происходитъ вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія самаго нервнаго элемента, какъ напр. неправильнаго питанія его; или раздраженіе передается ему, путемъ отраженія, какимъ нибудь другимъ нервнымъ элементомъ. Роль раздражающихъ, въ такомъ случаѣ, элементовъ берутъ на себя нервные центры представленія. Вслѣдствіе болѣзненныхъ условій, какъ напр. прилива крови, малокровія и т. п. раздражается нервный элементъ *d* (центръ представленія), раздраженіе же *d* межцентральными проводниками (*c*) передается ощущающему элементу *b* и вызываетъ въ немъ ощущеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что въ помѣшательствѣ встрѣчаются и тотъ и другой способъ происхожденія галлюцинацій.

§ 137. Изображаемый галлюцинаціей предметъ получаетъ въ сознаніи самого больнаго полное значеніе *дѣйствительнаго, реальнаго предмета*, потому собственно, что *ощущеніе*, вызывающее представленіе о немъ, *есть дѣйствительный душевный актъ*. Выражаясь разговорнымъ языкомъ, мы могли бы сказать, что галлюцинація есть ощущеніе, въ данное время, несуществующихъ вовсе въ объективномъ мірѣ предметовъ. Но

въ виду того, что нѣтъ возможности ощущать то, чего нѣтъ, многіе думаютъ, что галлюцинантъ только *воображаетъ*, что видитъ или слышитъ что либо, что ему только *кажется*, будто бы онъ слышалъ или видѣлъ какіе либо предметы, тогда какъ *на самомъ дѣлѣ* онъ *не видалъ* и *не слыхалъ* ничего подобнаго.

Взглядъ этотъ неправиленъ. *Воображая* только, что мы имѣемъ ощущеніе, мы въ то же время весьма хорошо знаемъ, что *не* имѣемъ его. Воображаемая боль и дѣйствительная боль далеко не одинаковы. Воображая только, что съ крыши одного дома перекинутъ мостъ на крышу другаго, мы врядъ ли пустимся въ воздушное путешествіе, потому собственно, что *знаемъ*, что мостъ, соединяющій обѣ крыши, существуетъ только въ нашемъ воображеніи, а въ дѣйствительности его нѣтъ. Галлюцинантъ, напротивъ того, вполнѣ увѣренъ въ *объективной реальности* предмета; онъ бросается въ окно не торопясь, медленно, торжественно, потому что *видитъ* колесницу, готовую унести его на небеса, тогда какъ человѣку, воображающему себѣ колесницу, хорошо извѣстно, что вовсе ея нѣтъ. Галлюцинантъ на самомъ дѣлѣ *видитъ* ее потому, что раздраженіе зрительнаго нервнаго центра и, слѣдовательно, зрительное ощущеніе въ немъ есть *дѣйствительный фактъ;* подъ вліяніемъ же *воображенія* мы только сознаемъ извѣстныя представленія, но соотвѣтствующихъ имъ ощущеній *не* имѣемъ.

Съ физіологической стороны вопроса, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ дѣйствительности, для галлюцинанта, представляющагося ему предмета, уже потому, что *единственный критерій реальности внѣшняго міра* вообще есть *ощущеніе*, т. е. дѣйствительное раздраженіе (дѣятельное состояніе) извѣстныхъ нервныхъ элементовъ головнаго мозга.

§ 138. Въ силу закона эксцентрическаго проявленія мы относимъ стимулъ, производящій ощущеніе, въ какомъ бы онъ мѣстѣ ни дѣйствовалъ на нервъ, безусловно къ внѣшнему міру. То же самое мы дѣлаемъ, имѣя галлюцинацію.

Такъ какъ въ нормальномъ состояніи особыя свойства ощущенія опредѣляются концевымъ аппаратомъ центростреми-

тельныхъ нервовъ, то эксцентрическое проявленіе нѣкоторые приводили къ тому, что центральное раздраженіе, обратнымъ путемъ, передается концевому аппарату органа чувствъ. Однако противъ этого взгляда говорятъ наблюденія весьма упорныхъ галлюцинацій у людей, лишенныхъ концеваго аппарата периферическаго нерва. Такъ напр. Эскироль наблюдалъ галлюцинаціи зрѣнія у больнаго, зрительный нервъ котораго былъ вполнѣ атрофированъ. Въ этомъ случаѣ анатомическія и физіологическія условія обратнаго провожденія нервнаго раздраженія, конечно, были уничтожены.

Болѣе вѣроятно объясненіе эксцентрическаго проявленія вліяніемъ привычки (§ 51). Зависимость эксцентрическаго проявленія отъ привычки отчасти подтверждается и тѣмъ, что галлюцинаціи встрѣчаются также при полномъ душевномъ здоровьи и въ такомъ случаѣ, при нѣкоторомъ знаніи физіологіи или вообще при извѣстной душевной развитости, могутъ быть понимаемы совершенно правильно (§ 141).

§ 139. Другой видъ ненормальнаго ощущенія есть *иллюзія*. Такъ называется ощущеніе, которое, хотя вызывается дѣйствительнымъ предметомъ внѣшняго міра, но не вполнѣ соотвѣтствуетъ этому предмету и потому даетъ начало представленіямъ, изображающимъ предметъ этотъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Кто напр. тѣнь свою принимаетъ за другаго человѣка, преслѣдующаго его; кто въ развѣшанной гдѣ-то простынѣ видитъ пришельца съ того міра; кто въ неопредѣленномъ шумѣ слышитъ извѣстную мелодію — тотъ имѣетъ иллюзію зрѣнія или слуха.

Во многихъ случаяхъ чрезвычайно трудно различать галлюцинацію отъ иллюзіи, тѣмъ болѣе, что онѣ часто встрѣчаются у одного и того же больнаго въ одно и то же время. Приведенное, однако, различіе, установленное Эскиролемъ, донынѣ признается всѣми врачами. Иллюзія зависитъ отъ весьма различныхъ условій. Недостатокъ вниманія, разсѣянность, сосредоточенное вниманіе на данный предметъ, нѣкоторые порывы, какъ напр. надежда и страхъ, нерѣдко производятъ иллюзіи

чувствъ. Ближайшія условія иллюзій могутъ находиться какъ въ концевомъ аппаратѣ периферическаго нерва, такъ и въ неправильномъ проведеніи раздраженія къ нервнымъ центрамъ и наконецъ въ центральныхъ нервныхъ аппаратахъ ощущенія и представленія.

§ 140. Галлюцинаціи и иллюзіи также называются *ложными ощущеніями*, *обманомъ чувствъ* или *субъективными ощущеніями*. Всѣ эти выраженія не совсѣмъ точны. Ощущеніе, qualis talis, никогда не можетъ быть ложнымъ. Оно всегда дѣйствительно настолько, насколько дѣйствительно состоявшееся раздраженіе ощущающаго нервнаго центра, совершенно независимо отъ способа его происхожденія. Ощущеніе только можетъ быть неправильнымъ, можетъ быть сильнѣе или слабѣе, продолжительнѣе или мимолетнѣе нормальнаго, можетъ быть измѣнено въ качественномъ отношеніи до такой степени, что къ нему не идетъ никакое сравненіе съ обычными ощущеніями, но тѣмъ не менѣе оно не бываетъ ложнымъ. Характеръ *ложности* всегда только относится къ предмету, которому мы приписываемъ свое ощущеніе.

Точно также *не* чувства обманываютъ насъ; наши органы чувствъ передаютъ намъ, въ видѣ ощущенія, только свое собственное измѣненіе (молекулярное движеніе), возникшее вслѣдствіе дѣйствія на нихъ какихъ-либо внѣшнихъ предметовъ. Ощущеніе есть ничто иное, какъ непосредственное выраженіе, въ извѣстной формѣ, даннаго раздраженія головнаго мозга. Если мы свои ощущенія относимъ не къ тѣмъ предметамъ, которымъ они дѣйствительно соотвѣтствуютъ, но къ какимъ нибудь другимъ, то мы вносимъ въ нихъ смыслъ, котораго они не имѣютъ— мы сами обманываемъ себя. Наконецъ, выраженіе «субъективныя ощущенія» вовсе не идетъ къ галлюцинаціямъ и иллюзіямъ уже потому, что всякое ощущеніе есть актъ совершенно субъективный. Но мы называемъ галлюцинаціи и иллюзіи субъективными ощущеніями собственно потому, что въ реальномъ, объективномъ мірѣ не имѣется того стимула или предмета, ко-

торому, по субъективному своему состоянію, мы приписываемъ свое ощущеніе.

§ 141. Выше было замѣчено, что галлюцинаціи и иллюзіи, сами по себѣ, не суть еще признаки помѣшательства. Человѣкъ, пользующійся совершенно здравымъ умомъ, можетъ имѣть ложныя ощущенія. Во всемірной исторіи собрано не мало примѣровъ галлюцинацій у душевно-здоровыхъ людей. Обще-извѣстны галлюцинаціи Мугамета, Игнатія Лойолы, Орлеанской Дѣвы. Многіе государственные люди, ученые, поэты были подвержены галлюцинаціямъ. Ванъ-Гельмонтъ, знаменитый врачъ XVI вѣка, видѣлъ свою собственную душу въ видѣ сіяющаго неземнымъ блескомъ человѣческаго облика. Лютеръ, увидѣвши дьявола, бросилъ въ него чернильницей. Философъ Спиноза, по утрамъ просыпаясь, видѣлъ у кровати своей изображеніе гадкаго негра. Лорду Байрону являлся умершій другъ его Муръ (Moore). Генералъ Бернадотте, впослѣдствіи Король Шведскій, слышалъ разговоръ съ нимъ неизвѣстной старухи, передающей ему важныя государственныя тайны.*) Въ средніе вѣка строгій аскетизмъ монашеской жизни не рѣдко придавалъ галлюцинаціямъ монаховъ, и въ особенности монахинь, характеръ повальной болѣзни. Въ исторіи помѣшательства послѣднихъ двухъ столѣтій французскаго психіатра Calmeil'я**) собрано множество любопытныхъ данныхъ по этому предмету. Подобныя явленія встрѣчаются и въ новѣйшее время, въ особенности въ области религіозныхъ стремленій.

§ 142. Хотя нельзя съ точностію утверждать, чтобы всѣ историческія личности, страдавшія ложными ощущеніями чувствъ, въ самомъ дѣлѣ находились въ совершенно нормальномъ душевномъ состояніи, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что галлюцинаціи и иллюзіи не очень рѣдко встрѣчаются въ обыденной жизни у людей, которыхъ признать помѣшанными

---

*) H. Lähr, über Irresein und Irrenanstalten. Berlin. 1857. стр. 22.

**) De la folie, considérée sous le point de vue pathologique, philosophique, historique et judiciaire depuis la renaissance des sciences en Europe jusqu'a dix-neuvieme siécle etc. par Calmeil. Paris. 1845.

невозможно. Но въ большинствѣ случаевъ, сюда принадлежащихъ, ложныя ощущенія бываютъ слишкомъ мимолетны и безсодержательны, чтобы привлекать къ себѣ наше вниманіе и потому приписываются нами лишь простой ошибкѣ.

Различіе ложныхъ ощущеній здороваго и помѣшаннаго единственно заключается въ способѣ ихъ пониманія со стороны страдающаго ими лица. Здоровый, при всей субъективной дѣйствительности своего ложнаго ощущенія, тѣмъ не менѣе, руководствуясь свидѣтельствомъ остальныхъ чувствъ и умственными выводами, признаетъ недѣйствительными предметы, созданные его галлюцинаціей; помѣшанный же, наоборотъ, безусловно принимая внутренній (субъективный) фактъ ощущенія за доказательство внѣшняго (объективнаго) факта — существованія предмета, упорно отстаиваетъ его реальность. Стало быть, помѣшанный лишается возможности критически относиться къ данному ощущенію.

Примѣчаніе. Допуская происхожденіе ложныхъ ощущеній отъ центральнаго раздраженія непосредственно ощущающихъ элементовъ и отъ передачи имъ раздраженія отъ центровъ представленій (§ 136), не позволительно ли будетъ предположеніе отнести къ первой категоріи галлюцинаціи здороваго и ко второй—галлюцинаціи помѣшаннаго?

§ 143. Галлюцинаціи и иллюзіи могутъ появляться въ одномъ только органѣ чувствъ или въ нѣсколькихъ, или во всѣхъ чувствахъ въ одно и то же время. Содержаніе ихъ, главнымъ образомъ, опредѣляется настроеніемъ и общимъ направленіемъ мыслей больнаго. Такъ напр. находящемуся въ хорошемъ расположеніи духа все представляется въ розовомъ свѣтѣ. Кто подавленъ горемъ, тому все кажется мрачно, безцвѣтно, грустно. Степень умственнаго развитія, родъ занятій, господствующее направленіе времени и т. д. имѣютъ значительное вліяніе на содержаніе ложныхъ ощущеній. Галлюцинаціи человѣка образованнаго не будутъ одинаковы съ галлюцинаціями простолюдина и тогда, когда относятся къ однимъ и тѣмъ же предметамъ.

§ 144. Галлюцинаціи и иллюзіи зрѣнія заключаются въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ свѣтовыхъ и зрительныхъ ощу-

щеніяхъ, начиная съ огненныхъ точекъ, полосъ, кружковъ, искръ, звѣздъ, различныхъ символическихъ фигуръ, и кончая полнымъ изображеніемъ извѣстныхъ лицъ и предметовъ. Болѣе систематическое группированіе ложныхъ ощущеній зрѣнія называется видѣніемъ.

Видѣнія помѣшанныхъ нерѣдко открываютъ имъ какъ небесное блаженство, такъ и мученія ада, то и другое въ громадныхъ, исполинскихъ размѣрахъ. Къ иллюзіямъ зрѣнія принадлежитъ замѣчательное явленіе *смѣшенія личностей,* т. е. принятіе неизвѣстныхъ лицъ за знакомыхъ и, наоборотъ, послѣднихъ за первыхъ. Точно также больные принимаютъ чужое имущество за свою собственность, видятъ свои вещи на другихъ, утверждаютъ, что прежде уже были въ извѣстной мѣстности, въ которой находятся въ первый разъ и т. п.

§ 145. Галлюцинаціи слуха, въ простѣйшей формѣ своей, принимаютъ видъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ звуковъ; въ болѣе сложной формѣ—отдѣльныхъ словъ, восклицаній, цѣлыхъ фразъ, продолжительнаго разговора. Больные очевидно прислушиваются своимъ голосамъ и нерѣдко отвѣчаютъ имъ. Ложныя слуховыя ощущенія нерѣдко принимаютъ форму угрозъ и приказаній свыше и потому легко ведутъ къ болѣе или менѣе опаснымъ дѣйствіямъ.

§ 146. Ложныя ощущенія обонянія и вкуса встрѣчаются нѣсколько рѣже галлюцинацій зрѣнія и слуха. Ложное обонянiе выражается запахомъ по большей части непріятнаго свойства, исходящимъ какъ отъ различныхъ внѣшнихъ предметовъ, такъ и самого больнаго. Все пахнетъ гадко, гнилью, смертью. Пріятный запахъ встрѣчается гораздо рѣже. Въ 1867 г. я пользовалъ больнаго, котораго по временамъ обдавалъ запахъ Св. Макарія, запахъ чрезвычайно пріятный, тонкій, хорошій, по увѣренію больнаго, нѣсколько похожій на запахъ ладыней. Появленіе этого запаха ему указывало на то, что его мысли благочестивы. Но по временамъ дьяволъ поддѣлывался подъ запахъ Св. Макарія, такъ что больной приходилъ въ недоумѣніе, благочестивы его мысли или нѣтъ. Тогда нерѣдко

дьявольскій запахъ обращался въ какой-то гадкій чадъ и самъ Спаситель далъ себя почувствовать въ видѣ самаго тонкаго запаха, сходнаго съ запахомъ розоваго масла. Всѣ эти явленія больной призналъ испытаніемъ, по которому его можетъ быть удостоятъ сана митрополита.

147. Галлюцинаціи и иллюзіи вкуса часто служатъ основаніемъ ложнаго представленія объ отравленіи. Больные ощущаютъ въ пищѣ ядъ, человѣческое мясо, разныя гадости и вслѣдствіе этого отказываются отъ нея,. иногда съ такимъ упорствомъ, что умираютъ голодною смертью. Въ другихъ случаяхъ пріятныя вкусовыя ощущенія даютъ больному необычайное наслажденіе. Онъ восхищается отличнымъ столомъ, употребляя самую обыкновенную пищу, пьетъ окрашенную воду за самое дорогое вино, мажетъ себѣ голову и лице своей мочей, которой приписываетъ благовоніе и цѣлительныя свойства. Нѣкоторые больные ѣдятъ свои собственныя испражненія.

§ 148. Ложныя ощущенія осязанія, выражаясь въ особенности въ видѣ уменьшенной чувствительности (Anaesthesia), ведутъ къ весьма страннымъ впечатлѣніямъ. Больному кажется, что онъ ходитъ по бархату, что летаетъ, что у него вовсе нѣтъ ногъ, что у него ноги деревянныя, стеклянныя, что все тѣло измѣнено въ своемъ составѣ, что у него нѣтъ головы и т. д.

§ 149. Осязательные нервы, кромѣ осязанія, служатъ также проводниками органическихъ ощущеній. Разстройство органическихъ ощущеній играетъ чрезвычайно важную роль въ помѣшательствѣ: самоощущеніе всегда измѣняется болѣе или менѣе значительно.

Больные иногда чувствуютъ себя весьма дурно, но, придавая своимъ ненормальнымъ, внутреннимъ ощущеніямъ ложное значеніе, тѣмъ не менѣе не признаютъ себя больными въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Иногда же ненормальныя органическія ощущенія отличаются характеромъ пріятнаго, такъ что больные чувствуютъ себя гораздо лучше, чѣмъ когда либо прежде. Въ первомъ случаѣ возникаетъ представленіе о ка-

комъ нибудь великомъ несчастіи, постигшемъ больнаго или угрожающемъ ему; въ послѣднемъ случаѣ развивается мысль о необыкновенномъ могуществѣ, счастіи, блаженствѣ. Появленіе мрачнаго и веселаго бреда до такой степени типично во всѣхъ случаяхъ помѣшательства, что Гризингеръ*) даетъ ему названіе: Primordial-Delirium. Въ томъ и другомъ случаѣ источникомъ своего ложнаго самоощущенія больные признаютъ внѣшній міръ и, конечно, нерѣдко прибѣгаютъ къ самымъ страннымъ воззрѣніямъ на свое положеніе. Болѣе рѣзкія, мѣстныя ощущенія во внутреннихъ органахъ даютъ поводъ къ разнымъ нелѣпымъ представленіямъ. Такъ напр. больные жалуются, что у нихъ горитъ сердце, въ желудкѣ завелись лягушки, разная гадь, что у нихъ не достаетъ печени, кишекъ, что въ головѣ у нихъ дѣйствуетъ пружина или сидитъ курица и т. д. Одинъ больной жаловался, что у него изо рта и изъ «отхожаго канала» безостановочно выдуваетъ вѣтромъ, что подвергаетъ его большимъ «распутствамъ»; что онъ страдаетъ глистами, родившимися въ немъ до такой степени, что нѣтъ ни одного мѣста въ организмѣ, гдѣ ихъ бы не было, что отъ глистовъ у него отнимались и руки и ноги, что все лицо и голова въ глистахъ, что глисты водятся подъ лопатками и оттуда наносятъ ему жесточайшія раны и причиняютъ ужаснѣйшія обиды. Прося у докторовъ совѣтъ отъ этихъ мученій, приписываемыхъ имъ какимъ-то загадочнымъ «индивидуальницамъ», больной нашъ заключилъ «ибо глисты, царствуемые въ моемъ желудкѣ и во всемъ тѣлѣ, до такой степени расцарствовались, что своей ужасною силою смрада нетолько отвергаютъ добрый путь, всюдупроходимый выходъ, но и даже постоянно похищаютъ внутренности мои и нарочно ускользаютъ, и потому я прошу всемилосерднаго Бога, чтобы глисты, существующіе во мнѣ, всѣ вышли въ отхожее мѣсто, ибо глистамъ тамъ наилучше быть».

Ощущеніе голода и жажды усиливаются или притупляют-

*) Archiv f. Psychiatrie.

ся или принимаютъ превратное направленіе. Больные ѣдятъ траву, песокъ, мышей, мухъ.

Средняя обыкновенная, комнатная температура ощущается въ видѣ невыносимаго жара или крайняго холода. Неопредѣленное, но чрезвычайно сильное ощущеніе стѣсненія въ груди, давленія въ сторонѣ сердца нерѣдко приводятъ больнаго до мучительныхъ припадковъ тоски, отчаянія и даже до самоубійства.

§ 150. Чрезвычайно трудно опредѣлить, зависятъ ли ненормальныя ощущенія внутренняго чувства отъ непосредственнаго раздраженія чувствительныхъ центровъ или же участвуютъ въ нихъ также периферическіе нервы, т. е. составляетъ ли измѣненное самоощущеніе больнаго галлюцинацію или иллюзію общаго чувства, или, въ самомъ дѣлѣ, раздражаются только концевые аппараты внутренностныхъ нервовъ. Докторъ Шюле обратилъ наше вниманіе на то обстоятельство, что у многихъ больныхъ болѣе или менѣе точно можно опредѣлить такъ называемыя невралгическія точки.

§ 151. Болѣзненное измѣненіе самоощущенія дополняется *ложными* душевными чувствами, т. е. душевными чувствами, не имѣющими никакого основанія въ объективной обстановкѣ больнаго. Онъ груститъ, тоскуетъ, боится, веселится, блаженствуетъ, торжествуетъ, сердится, приходитъ въ отчаяніе — не потому, что его окружаютъ условія, вызывающія подобные порывы, но потому только, что содержаніе его представленій рисуетъ ему данную обстановку въ ложномъ видѣ.

§ 152. Все, что происходитъ въ чувствительной сферѣ человѣка, дѣлается намъ извѣстнымъ преимущественно изъ его разсказа. Привыкши отнести извѣстныя мускульныя движенія (личную мимику, жесты) къ извѣстнымъ душевнымъ чувствамъ, мы, конечно, взглянувъ на данное лицо, можемъ въ большей или меньшей степени опредѣлить, грустенъ ли онъ или въ веселомъ положеніи, но никто не берется сказать, отъ чего въ томъ и другомъ случаѣ зависитъ его грусть или радость. Однако, мы не въ состояніи непосредственно передать кому ни-

будь свои ощущенія; мы можемъ только сообщать представленія, вызываемыя ими, и потому помѣшанный, желая выразить то, что онъ чувствуетъ, непремѣнно долженъ прибѣгнуть къ своимъ представленіямъ. Весьма часто мы находимъ, что его представленія, возникшія вслѣдствіе болѣзненнаго самоощущенія, въ высшей степени нелѣпы и изображаютъ даже совершенно невозможныя условія. Поэтому многіе уклоняются отъ признанія *дѣйствительными* и *самыя ощущенія* больнаго. Такъ напр. больной увѣряетъ насъ, что *чувствуетъ*, какъ въ животѣ его рѣжутся солдаты. Въ виду совершенной невозможности подобнаго факта, полагаютъ, что больной только *воображаетъ* себѣ это. Конечно, въ животѣ его не имѣется никакой рѣзни. Но тѣмъ не менѣе *ощущеніе*, вызывающее представленіе о несбыточной рѣзнѣ есть *дѣйствительное*; кромѣ того, оно должно быть по степени и качеству своимъ весьма сильное, крупное ощущеніе уже потому, что даетъ возникнуть такому обширному представленію, каково представленіе о рѣзнѣ солдатъ. Я совершенно увѣренъ, что мы вовсе не нашли бы слишкомъ нелѣпыми представленій помѣшаннаго, еслибъ мы могли перечувствовать всѣ болѣзненныя ощущенія его, вызывающія подобныя представленія. Возникаютъ же иногда въ нормальной душевной жизни такія странныя ощущенія, какимъ мы не можемъ подъискать вполнѣ подходящія представленія. Такъ напр. засыпая, не рѣдко намъ кажется, будто бы все тѣло расширяется, растягивается, растетъ до громадныхъ размѣровъ, или, наоборотъ, съуживается, сморщивается, почти вполнѣ уничтожается. Намъ кажется, что мы летаемъ на воздухѣ или падаемъ въ неизмѣримую бездну. Весьма обыкновенное явленіе— ощущеніе какъ бы электрическихъ токовъ или слабыхъ ударовъ по всему тѣлу. Во время сна мы нерѣдко имѣемъ столь сильныя и вмѣстѣ съ тѣмъ странныя ощущенія внутренняго чувства, что, вдругъ просыпаясь, невсегда тотчасъ увѣряемся въ томъ, что это было только во снѣ. Бываютъ же въ жизни минуты такого напряженія чувствующей сферы, что малѣйшія внѣшнія впечатлѣнія вызываютъ собой самыя непріятныя ощу-

щенія. Тогда тихій голосъ, напримѣръ, раздается въ ушахъ раздирающимъ трескомъ, звукъ собственнаго голоса имѣетъ что-то поразительное, ничтожный неопредѣленный шумъ причиняетъ боль, пламя обыкновенной свѣчи рѣжетъ глаза и т. д. Подобное состояніе усиленной раздражительности внутренняго чувства (Hyperaesthesia), служащее основаніемъ различныхъ нервныхъ припадковъ, даетъ намъ нѣкоторую возможность составить себѣ хотя слабое понятіе о свойствѣ болѣзненныхъ ощущеній помѣшаннаго.

2) Разстройство представленій.

§ 153. Такъ какъ ощущеніе составляетъ собой фундаментальный процессъ, на основаніи котораго развивается въ насъ представленіе, то легко понятно, что уклоненіе отъ нормы ощущенія должно вести и къ разстройству представленій.

Разстройство въ сферѣ представленій выражается *измѣненіемъ* ихъ *движенія* и *содержанія.* Ходъ представленій *замедляется* или *ускоряется.* Въ первомъ случаѣ сочетаніе мыслей идетъ чрезвычайно медленно и вяло. Внѣшнія впечатлѣнія остаются незамѣченными, потому что не сочетаются съ данными представленіями или сочетаются неправильно. Отдѣльныя представленія удерживаются весьма упорно и долго, такъ что не даютъ возникать другимъ. При ускореніи же движенія представленій, ассоціація ихъ происходитъ чрезвычайно быстро. Одно представленіе вызываетъ собой другое прежде, чѣмъ оно вполнѣ выяснилось; вмѣстѣ съ тѣмъ случайное внѣшнее впечатлѣніе, нерѣдко весьма ничтожное, тотчасъ уклоняетъ ходъ представленій отъ принятаго направленія. Возникаютъ также въ одно и то же время нѣсколько представленій (сопредставленій), какъ будто одно покрываетъ собой другое, такъ что ни одно изъ нихъ не можетъ быть сознаваемо совершенно ясно. Иногда представленія слѣдуютъ одно за другимъ съ такою быстротою, что слова, выражающія ихъ содержаніе, такъ сказать, не поспѣваютъ за ними. Рѣчь дѣлается сочетаніемъ

словъ ни чѣмъ не связанныхъ между собой, кромѣ развѣ сходства звуковъ.

Съ физіологической стороны замедленіе или ускореніе движенія представленій есть замедленная или ускоренная передача раздраженія одного центральнаго нервнаго элемента другому.

§ 154. Что касается содержанія представленій, то источникъ его есть предметное ощущеніе (Nihil in intellectu, quod non antea fuerit in sensu). Извращеніе ощущенія непосредственно влечетъ за собой искаженіе представленій. Такъ какъ вызываемое ощущеніемъ представленіе о стимулѣ, производящемъ ощущеніе, вполнѣ соотвѣтствуетъ самому свойству его, то конечно странныя, необычайныя ощущенія должны вызывать и странныя представленія. Источникомъ предметовъ, изображаемыхъ представленіемъ, по постоянному опыту, мы признаемъ внѣшній міръ. Однако пріобрѣтенное нами знаніе внѣшняго міра отрицаетъ тѣ предметы, которые изображаются представленіемъ, возникшимъ изъ ложнаго ощущенія—и вотъ больной приходитъ въ недоумѣніе, несогласіе, разладъ съ внѣшнимъ міромъ. Онъ долженъ себѣ сказать, что или *нѣтъ предметовъ*, изображаемыхъ возникшимъ представленіемъ, или онъ долженъ *отказаться отъ своего ложнаго представленія.* То и другое одинаково трудно и, въ большинствѣ случаевъ, одинаково невозможно, потому собственно, что въ основаніи всего разногласія лежитъ дѣйствительное, болѣзненное ощущеніе, отрицать которое нѣтъ никакой возможности. *Видѣть* или *слышать* и въ то же время увѣрять себя, что мы *не* видимъ и *не* слышимъ, мы не въ состояніи. Съ одной стороны, весь опытъ прошедшей жизни, а съ другой—*новое* ощущеніе—вотъ двѣ силы, которыя тянутъ больнаго по различнымъ направленіямъ. Можно ли имѣть ощущенія, хотя странныя, но ясныя и отчетливыя, когда во внѣшнемъ мірѣ нѣтъ предметовъ, вызывающихъ ихъ? Могутъ ли въ самомъ дѣлѣ существовать предметы, производящіе такія странныя ощущенія? Вотъ вопросы и сомнѣнія, которые задаетъ себѣ больной во время развитія помѣшательства; вотъ борьба, въ которую влечетъ его сила ложнаго ощущенія

и несогласіе возникшихъ изъ него представленій съ дѣйствительнымъ міромъ и опытомъ.

§ 155. Положимъ, что дѣло идетъ о ложныхъ ощущеніяхъ слуха. Больной, находясь одинъ, слышитъ голосъ, по свойству своему, совершенно сходный съ человѣческимъ голосомъ. Дѣйствительно ли я слышалъ голосъ?—спрашиваетъ онъ себя. Тутъ нѣтъ никого, кто могъ бы говорить со мной;—впрочемъ, не спрятанъ ли кто здѣсь? или не ошибся ли я? не показалось ли мнѣ только, что я слышалъ голосъ?.... Не имѣя возможности тотчасъ порѣшить свое сомнѣніе, больной, смотря по силѣ и содержанію ложнаго слуха, или забываетъ о немъ, или задумывается. Но голосъ повторяется разъ, другой, нѣсколько разъ, совершенно внятно, ясно, опредѣленно. И больной признаетъ за фактъ свое ложное ощущеніе. Теперь дѣло въ томъ, чтобы свести внутренній, субъективный фактъ къ объективному, внѣшнему міру. Больной съ новымъ стараніемъ начинаетъ догадываться, доискиваться, допытываться—откуда происходитъ голосъ? чей этотъ голосъ? кто говорилъ? не сверхъестественнаго ли происхожденія этотъ голосъ? не услышалъ ли я гласъ Божій—голосъ злаго духа?.... или не устроенъ ли здѣсь какой нибудь хитрый механизмъ, гдѣ-то спрятанный, передающій голосъ черезъ полъ, стѣны, потолокъ? Внимательно прислушиваясь, больной изслѣдуетъ свою комнату, стучитъ въ стѣну, чтобы опредѣлить ея звонкость, разсматриваетъ полъ, углы и т. д. Кто же, продолжаетъ онъ разсуждать—кто, однако, поставилъ передающій голосъ аппаратъ? какая цѣль этого устройства? не имѣю ли я враговъ, преслѣдующихъ меня?.... И вотъ больной разбираетъ до тонкости всѣ свои отношенія къ людямъ. Содержаніе ложнаго ощущенія служитъ руководящею нитью въ этомъ разборѣ. Чѣмъ я подавалъ поводъ къ такимъ-то словамъ? къ такой-то брани? къ такимъ угрозамъ? не сдѣлалъ-ли я чего нибудь дурнаго? не согрѣшилъ-ли я?... Въ самомъ дѣлѣ, я рѣдко бывалъ у обѣдни—тогда-то не говѣлъ—не постился—не исполнялъ своихъ обязанностей—еще бывши гимназистомъ у товарища укралъ карандашъ,—карандашъ хотя невеликое дѣло,

но всетаки кража,—я преступникъ,—злодѣй,—меня постигло Божье наказанье.... Остановившись на подобныхъ мысляхъ, больной — *бредитъ*. — Другой примѣръ. Больной имѣетъ сильное органическое ощущеніе въ сторонѣ сердца, не то что жгучей боли, не то что стѣсненія или давленія, но ощущеніе невыносимое, невыразимое, мучительное. Откуда это ощущеніе? Что случилось со мной? не боленъ ли я? Впрочемъ это что за болѣзнь? Бывалъ же я боленъ и видалъ больныхъ—нѣтъ болѣзни, въ которой могло бы быть такое страшное ощущеніе—это вовсе не болѣзнь—это мученіе, адское, предсмертное, мнѣ угрожаетъ погибель—я умру—такъ долженъ чувствовать себя человѣкъ передъ смертною казнію—не приговоренъ ли я къ смертной казни? и т. д. Признавши свои представленія о предполагаемыхъ причинахъ разстроеннаго самоощущенія за выраженіе дѣйствительныхъ, реальныхъ, внѣшнихъ условій, больной—*бредитъ*. Еще примѣръ. Больной вслѣдствіе пріятнаго самоощущенія чувствуетъ себя лучше обыкновеннаго. Какъ бы невполнѣ довѣряя такому измѣненію, онъ спрашиваетъ себя: что со мной случилось? откуда такая пріятная перемѣна? мнѣ кажется, что я помолодѣлъ, я сталъ крѣпче, сильнѣе, здоровѣе. У меня необыкновенная сила и могущество, какъ же я такъ долго не сознавалъ своихъ способностей — я ушелъ далеко — я генералъ, министръ, милліонеръ—государь и т. д. И тутъ, на основаніи ложнаго самоощущенія и, главнымъ образомъ, при содѣйствіи ложныхъ ощущеній внѣшнихъ чувствъ, больной создаетъ ложныя представленія о дѣйствительныхъ своихъ отношеніяхъ къ окружающему; онъ — *бредитъ*.

§ 156. *Бредъ* — ничто иное, какъ ложное представленіе или рядъ ложныхъ представленій, т. е. представленій, изображающихъ предметы или отношенія къ намъ внѣшняго міра въ неправильномъ видѣ, но въ тоже время признаваемыхъ нами совершенно истинными. Бредъ есть признаніе реальными предметовъ и отношеній къ намъ внѣшняго міра, существующихъ только въ одномъ лишь представленіи больнаго. Общая характеристика бреда всегда — противорѣчіе, отрицаніе, иска-

женіе дѣйствительныхъ объективныхъ отношеній больнаго къ окружающему міру (къ предметамъ и лицамъ) и конечно къ самому себѣ.

§ 157. Развитіе бреда—ничто иное, какъ психологическій процессъ *уясненія* самому себѣ больныхъ своихъ ненормальныхъ ощущеній, какъ предметныхъ, такъ и органическихъ (Zeller, Griesinger).

На развитіе бреда самое значительное вліяніе имѣетъ степень образованія и умственнаго склада вообще. Борьба, о которой я говорилъ выше, борьба между прежнимъ опытомъ и возникающими *новыми* ощущеніями, въ образованномъ человѣкѣ можетъ продолжаться весьма долго, тогда какъ простолюдинъ нерѣдко тотчасъ послѣ первыхъ ложныхъ ощущеній сходитъ съ ума, приписывая ихъ сверхъестественнымъ силамъ. Не разъ были наблюдаемы случаи, гдѣ больные въ періодѣ сомнѣнія и колебанія сознавали опасность сойти съ ума и только послѣ упорнаго сопротивленія, наконецъ, покорялись своимъ ложнымъ ощущеніямъ и признавали за фактически существующіе изображаемые ложными представленіями предметы и отношенія.

§ 158. Какъ только состоялся бредъ, то онъ, какъ всѣ вообще представленія, вызываетъ собой душевныя чувства. И конечно, смотря по содержанію бреда, вызываемыя имъ душевныя чувства будутъ пріятныя или непріятныя. Въ первомъ случаѣ больной проявляетъ затронутое самочувствіе, чувство собственнаго униженія, ничтожности, негодности. Въ послѣднемъ же—возникаетъ возвышенное самочувствіе, чувство собственнаго достоинства, совершенства, превосходства. Въ первомъ случаѣ больной представляется намъ глубоко несчастнымъ и совершенно неспособнымъ къ какой либо самостоятольной дѣятельности; въ послѣднемъ — торжествующимъ, блаженствующимъ и постоянно увлекается самодѣятельно выказывать свое превосходство надъ другими.

§ 159. Впрочемъ ложныя ощущенія внѣшняго и внутренняго чувства не суть единственныя условія бреда. Пред-

ставленія могутъ исказиться какъ вслѣдствіе ослабленія или потери памяти, такъ и вслѣдствіе того, что отъ непосредственнаго раздраженія представляющихъ нервныхъ центровъ (сѣраго корковаго вещества) возникаютъ какія нибудь несообразныя съ дѣйствительностью и нелѣпыя представленія. Въ нормальной же жизни нерѣдко случается, что, занимаясь напр. серьезнымъ умственнымъ трудомъ, вдругъ промелькаетъ въ нашемъ сознаніи какое нибудь постороннее, иногда совершенно нелѣпое представленіе, прерывающее на время наше мышленіе (§ 82). По большей части подобныя представленія мимолетны и не оставляютъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ. Въ болѣзненномъ же состояніи они иногда удерживаются очень долго, вытѣсняютъ собой другія, затрудняютъ свободное сочетаніе ихъ и, не смотря на усиліе больнаго отдѣлаться отъ нихъ, пріобрѣтаютъ такую силу, что становятся источникомъ различныхъ ложныхъ представленій и такимъ образомъ ведутъ къ бреду. Недостатокъ памяти можетъ произвести бредъ вслѣдствіе того, что въ рядахъ сочетаемыхъ между собой представленій образуются пробѣлы, такъ что результатъ мышленія дѣлается неполнымъ, отрывочнымъ и неточнымъ.

§ 160. Дальнѣйшее развитіе бреда всегда одинаково. По большей части отдѣльныя ложныя представленія укрѣпляются, систематизируются, приводятся въ болѣе опредѣленную форму, сочетаются съ нормальными, ведутъ къ развитію еще другихъ неправильныхъ представленій. Или, постепенно теряя свою ясность и отчетливость, они распадаются, сбиваются, путаются. Въ первомъ случаѣ развивается сумасшествіе, въ собственномъ смыслѣ слова; въ послѣднемъ—слабоуміе. Окончательной исходъ помѣшательства, не уступающаго раціональному леченію, есть ослабленіе и совершенный упадокъ мыслительной дѣятельности вообще.

Хотя бредъ составляетъ собой весьма важное и поразительное явленіе помѣшательства, но тѣмъ не менѣе онъ не есть *исключительный* признакъ его.

Есть случаи помѣшательства, гдѣ нѣтъ никакого явнаго

бреда, какъ мы увидимъ впослѣдствіи,—тѣмъ не менѣе процессъ мышленія разстроенъ.

3) Разстройство произвольныхъ движеній.

§ 161. Въ помѣшательствѣ произвольныя движенія измѣняются двоякимъ образомъ: они *замедляются* или *ускоряются*.

Въ первомъ случаѣ больной не производитъ почти никакихъ движеній, во второмъ его дѣйствія носятъ на себѣ характеръ торопливости, суеты, поспѣшности и нерѣдко принимаютъ опасное направленіе.

Послѣ нѣкотораго продолженія помѣшательства, крайніе характеры замедленія или ускоренія производимыхъ больнымъ движеній—уравновѣшиваются, такъ что по способу ихъ внѣшняго проявленія, казалось бы, нельзя вывести никакого заключенія о томъ, выражаютъ ли они какое нибудь болѣзненное состояніе или нѣтъ. Однако въ большинствѣ случаевъ, когда у помѣшаннаго произвольныя движенія сохраняютъ нормальный характеръ, то это указываетъ на болѣе глубокое душевное разстройство.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ произвольныя движенія дѣлаются слабѣе, не тверды, не рѣшительны, вслѣдствіе паралича и наконецъ, есть случаи помѣшательства, гдѣ появляются такъ называемыя автоматическія движенія: невольное гримасничанье, киваніе головой, подергиваніе рукъ, странные прыжки, искривленія всего туловища и т. д.

§ 162. По внутреннему своему содержанію (смыслу) поступки помѣшанныхъ тоже уклоняются отъ нормы двоякимъ образомъ: помѣшанный или *не совершаетъ* дѣйствій, свойственныхъ здоровому человѣку, или *производитъ* дѣйствія, несогласныя ни съ общимъ способомъ дѣйствія другихъ людей, ни съ обычными способами дѣйствія самого больнаго.

Оба ряда дѣйствій (положительныхъ и отрицательныхъ) могутъ проявляться у одного и того же субъекта. Большая часть ихъ относится къ мелочнымъ, обыденнымъ потребностямъ

жизни, къ обращенію съ окружающими, къ привычкамъ. Измѣненіе привычекъ имѣетъ весьма важное значеніе уже потому, что пріучаться къ чему нибудь новому гораздо легче, чѣмъ отказаться отъ старой привычки. Помѣшанный весьма часто пренебрегаетъ своимъ туалетомъ, не хочетъ умываться, или смѣнять бѣлье и т. д. Трудно допустить, чтобы подобныя странности могли проявляться вдругъ безъ всякой причины. И въ самомъ дѣлѣ, ближе ознакомившись съ больнымъ, мы узнаемъ, что онъ считаетъ себя недостойнымъ хорошаго платья или опасается чего-то страшнаго, если смѣнитъ бѣлье и т. п. Впрочемъ не всегда удается намъ тотчасъ угадать мотивы странныхъ поступковъ помѣшанныхъ. Одна дама окружала себя исключительно коричневымъ цвѣтомъ и въ то же время упорно молчала. Она носила коричневое платье и такія же перчатки; мебель была обита коричневой матеріей и т. д. Наконецъ загадка разрѣшилась. Дама за границей познакомилась съ герцогомъ Брауншвейгскимъ. На нѣмецкомъ языкѣ слово braun значитъ коричневый, а schweig — молчать; стало быть коричневый цвѣтъ и молчаніе выражали собой какое нибудь отношеніе больной къ названному герцогу. Не менѣе осмыслены были движенія одного больнаго, наблюдаемаго мною въ 1867 году. Больной этотъ, молодой человѣкъ, фабричный рабочій, который послѣ долгаго молчанія и почти неподвижнаго состоянія сталъ производить самыя разнообразныя и странныя движенія какъ руками, такъ и головой и всѣмъ туловищемъ. То онъ водилъ руками въ сторону, сгибая и разгибая кисть руки и пальцы, то вытягивалъ шею, склоняя голову на плечо, то зажмуривалъ, то выпучивалъ глаза, нахмуривался, приводилъ туловище въ совершенно прямое, натянутое положеніе, медленно поворачивалъ головой то въ одну, то въ другую сторону, принимая видъ, какъ будто прислушивается къ чему-то, приподнималъ ноги, изображая движенія, необходимыя для ходьбы, но съ мѣста не тронулся, стоялъ на одной ногѣ и т. п. Движенія эти то происходили медленно и плавно, то быстро и порывисто и не рѣдко повторялись по нѣсколько разъ. На вопросъ отъ чего онъ про-

изводитъ всѣ эти странныя движенія, больной долгое время не давалъ никакого отвѣта и очевидно старался ихъ повторять лишь безъ свидѣтелей. Въ свое время онъ выздоровѣлъ и объяснилъ, что движенія эти были — *членовыми отзывами*. Будучи рабочимъ и имѣя на своемъ попеченіи старуху мать, больной посредствомъ этихъ движеній хотѣлъ удостовѣриться въ томъ, что онъ не лишенъ способности заниматься своимъ дѣломъ. По всей вѣроятности, въ предъидущій періодъ болѣзни онъ, на основаніи разстроеннаго самоощущенія, опасался быть неспособнымъ къ своему мастерству, какъ выразился онъ самъ, и движенія его служили ему повѣркою того, что онъ не лишенъ возможности дѣйствовать.

§ 163. Какъ относительно своей наружности, такъ и въ образѣ жизни и въ занятіяхъ своихъ помѣшанный поступаетъ *иначе*, какъ поступалъ прежде при равныхъ условіяхъ. Такъ напр. онъ удаляется отъ своего семейства, перемѣняетъ часы обѣда и ужина, чаще ѣздитъ въ гости, посѣщаетъ трактиры противъ своей привычки, пропадаетъ на два-три дня, не объясняя гдѣ былъ, начинаетъ пить и пр. Въ то же время онъ бросаетъ свои занятія, пренебрегаетъ своими дѣлами. Одинъ утверждаетъ, что ему некогда заниматься, другой, что сталъ неспособенъ къ дѣлу, третій, что не зачѣмъ работать, такъ какъ въ скоромъ времени онъ будетъ богачемъ, четвертый, что ему нечего дѣлать, потому что дѣлъ никакихъ не имѣется, все остановилось, впереди уже ничего не будетъ, все кончено и т. д.

Весьма замѣчательны поступки помѣшаннаго при извѣстномъ направленіи его бреда. Если бы напр. здоровый, по какимъ бы то ни было причинамъ, сталъ подозрѣвать, что его *преслѣдуютъ*, то, по всей вѣроятности, всего прежде онъ старался бы удостовѣриться въ томъ, что его подозрѣніе не лишено основанія, затѣмъ сообщилъ бы своимъ друзьямъ замѣченныя имъ обстоятельства, посовѣтовался бы, предпринималъ бы какія нибудь мѣры для своей защиты, обратился бы наконецъ къ судебнымъ властямъ. Помѣшанный же, подъ вліяніемъ *бреда о преслѣдованіи*, ничего подобнаго не дѣлаетъ. Встре-

воженный и взволнованный, онъ погружается въ самого себя, переноситъ свои подозрѣнія на всѣхъ и каждаго, дичится людей, тщательно старается скрывать свои опасенія. И онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ судебнымъ властямъ, но идетъ не обыкнымъ путемъ, а прямо обращается къ высшимъ инстанціямъ, при чемъ въ своихъ докладныхъ запискахъ, жалобахъ, доносахъ и пр. безпощадно бранитъ и ругаетъ своихъ гонителей, не приводя ни малѣйшаго доказательства истины его обвиненій. Приходя въ состояніе порыва (страха, отчаянія) онъ не рѣдко прибѣгаетъ къ самоубійству, или бросается вооруженной рукой на перваго встрѣчнаго.... Такія же уклоненія отъ обычныхъ способовъ дѣйствія мы видимъ, когда помѣшанный, по какимъ бы то ни было ложнымъ соображеніямъ, затѣваетъ тяжебное дѣло (Krankhafte Processsucht). Прошенія, представляемыя имъ въ судебныя мѣста и весьма часто прямо адресованныя на Высочайшее имя, полны упущеній и небрежностей, совершенно уничтожающихъ законную ихъ силу; такъ напр. онѣ писаны на простой бумагѣ, безъ соблюденія узаконенныхъ формъ съ присовокупленіемъ разныхъ, къ дѣлу не идущихъ, подробностей. Такъ напр. одинъ больной въ прошеніи на Высочайшее имя и Министра Юстиціи, обвиняя Генералъ-Губернатора въ какомъ-то жестокомъ преступленіи, о которомъ можетъ объясниться лишь лично съ Государемъ, изложилъ свою претензію на вознагражденіе за каждый день, проведенный имъ въ домѣ умалишенныхъ, сперва по 10, затѣмъ уже по 70 р., и, ссылаясь на свою извѣстность въ литературномъ мірѣ, приложилъ въ доказательство своего поэтическаго таланта одно стихотвореніе, писанное въ насмѣшку на какого-то частнаго пристава.

Помѣшанный упорно дѣйствуетъ лишь по своимъ собственнымъ ложнымъ убѣжденіямъ, ставя ни во что мнѣніе другихъ и совѣтъ людей, которыми прежде дорожилъ.

§ 164. Пока помѣшанный только *чувствуетъ* неправильно и имѣетъ *представленія ложныя*, онъ, конечно, не производитъ никакого особаго вліянія на окружающую обстановку и на людей, съ которыми живетъ. Отношенія его къ окружающимъ,

главнымъ образомъ, будутъ зависѣть лишь отъ умѣнія послѣднихъ обращаться съ нимъ. Но какъ скоро онъ начнетъ *дѣйствовать* и приводить въ исполненіе задуманное его разстроеннымъ умомъ, то часто нарушается данный порядокъ вещей. Тутъ-то происходитъ первое столкновеніе его съ здравымъ умомъ, столкновеніе, нерѣдко вызывающее поступки, выходящіе изъ ряду обыкновенныхъ. Помѣшанный дѣлается опаснымъ себѣ и другимъ. Особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія дѣйствія помѣшанныхъ: отказываніе отъ пищи, самоубійство, воровство, убійство и поджигательство. Всѣ эти преступленія, главнымъ образомъ, вызываются ложными ощущеніями, преимущественно слуха, бредомъ и предсердечною тоскою (anxietas praecordialis).

Краткое обозрѣніе главнѣйшихъ формъ помѣшательства.

§ 165. Смотря по сочетанію главнѣйшихъ психическихъ явленій, наблюдаемыхъ въ помѣшательствѣ, принимаютъ нѣсколько формъ или видовъ его:

I. Состояніе душевнаго страданія (отрицательнаго порыва), проявляющееся въ видѣ общаго угнетенія. Melancholia.

II. Состояніе болѣе или менѣе значительнаго волненія, безпокойства и даже неистовства. Mania.

III. Самостоятельное ложное мышленіе, сопровождаемое постепеннымъ ослабленіемъ умственныхъ силъ. Dementia.

IV. Совершенный упадокъ мыслительной дѣятельности Amentia. Fatuitas.

V. Параличное помѣшательство или общій возрастающій параличъ. Paralysis generalis progrediens. (Dementia paralytica).

VI. Врожденный недостатокъ умственныхъ способностей. Imbecillitas congenita. Idiotismus.

§ 166. Такъ какъ первыя двѣ формы всегда предшествуютъ третьей и четвертой, то меланхолію и манію называютъ *первичнымъ*, а сумасшествіе (Dementia) и слабоуміе (Amentia)— *вторичнымъ* помѣшательствомъ.

Общій параличъ (параличное помѣшательство) есть самостоятельная первичная форма душевнаго разстройства, характеризующаяся тѣмъ, что съ самаго начала болѣзни уклоненіе отъ нормы психической дѣятельности сопровождается признаками паралича въ двигательной сферѣ организма.

§ 167. Наше законодательство принимаетъ только *два* вида помѣшательства: *сумасшествіе* и *безуміе*. По ст. 362 т. X ч. 1 гл. II *безумными* признаются неимѣющіе здраваго разсудка съ самаго младенчества, а по ст. 366 (тамъ же) *сумасшедшими* считаются тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ и, составляя болѣзнь, доходящую иногда до бѣшенства, требуетъ особаго надзора за больнымъ.

Очевидно, что, по смыслу закона, всѣ выше приведенные виды первичнаго и вторичнаго помѣшательства подходятъ подъ общее названіе *сумасшествія*, а лишь врожденный недостатокъ умственныхъ силъ подъ понятіе *безумія*. (Прил.).

§ 168. Въ новѣйшее время не разъ предлагали совершенно отказаться отъ раздѣленія на виды или формы помѣшательства. Многіе психіатры, въ самомъ дѣлѣ, раздѣляютъ теченіе помѣшательства только на періоды.*) Эти же періоды, отличаясь какъ своей продолжительностью, такъ и различной группировкою психическихъ явленій, однако, получаютъ нѣкоторую самостоятельность.**) Обозначая различные періоды помѣшательства особыми техническими терминами, мы получаемъ такъ называемыя формы его. Какъ бы то ни было, законодательство признаетъ только *одинъ* оффиціальный терминъ — сумасшествіе—для обозначенія всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ пріобрѣтеннаго помѣшательства.

Надѣясь, что болѣе систематическое описаніе помѣшательства будетъ нѣсколько нагляднѣе и легче ознакомитъ насъ съ весьма различнымъ проявленіемъ душевнаго разстройства, я

---

*) Neumann. Lehrbuch der Psychiatrie. Erlangen. 1859. стр. 167 и пр.
**) Griesinger, l. c. стр. 212.

предпочитаю придерживаться выше приведеннаго раздѣленія его на виды.

Меланхолія. Мрачное помѣшательство.

(Melancholia. Lypemania).

§ 169. Главный болѣзненный процессъ въ меланхоліи состоитъ въ *разстройствѣ чувствующей сферы* организма.

Меланхоликъ страдаетъ, чувствуетъ себя угнетеннымъ, въ высшей степени несчастливымъ; онъ не знаетъ ни радости, ни надежды. Все, что ни дѣйствуетъ на него, производитъ непріятное впечатлѣніе, все представляется ему въ мрачномъ видѣ; всему, что его окружаетъ, онъ придаетъ нехорошее значеніе, поддѣлывая подъ свое грустное настроеніе самыя ничтожныя обстоятельства или слова и дѣйствія другихъ лицъ.*) Меланхоликъ задумывается, ищетъ уединенія, пренебрегаетъ своими дѣлами, проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи, въ мрачномъ мечтаніи, словомъ—онъ проявляетъ болѣе или менѣе рѣзкое *измѣненіе своего характера.* Человѣкъ веселаго нрава, развязный, беззаботный, дѣятельный, начинаетъ тосковать, дѣлается раздражительнымъ, относится равнодушно и даже непріязненно къ ближайшимъ своимъ родственникамъ, съ которыми прежде жилъ какъ нельзя лучше. Послѣдніе, хотя замѣчаютъ эту перемѣну, но по большей части не признаютъ ее болѣзненнымъ явленіемъ. Говорятъ, что больной капризничаетъ, упрямится, злится. Такъ-ли это? Прежде онъ не капризничалъ, не упрямился. Никто не называлъ его злымъ — напротивъ всѣ любили его по причинѣ кроткаго его характера. И

---

*) Такъ напр. одна больная на многократное мое предложеніе писать письмо долго не соглашалась, утверждая, что *не можетъ* писать, что у нея нѣтъ мыслей и почеркъ руки не хорошъ и т. д. Собираясь уйти, я еще разъ повторилъ: «ну рѣшайтесь! я буду до трехъ считать, а болѣе ждать не стану, разъ — два — три.» Какъ только я произнесъ слово «три», больная ахнула и вскрикнула: «да, да, три! три ее! вотъ и вы уже собираетесь стереть меня съ лица земли. Другой разъ, когда взявши отъ нея апельсинъ, въ доказательство, что не брезгаю имъ, я велѣлъ стереть слѣды сока, стекшаго на полъ, больная съ самымъ жалкимъ выраженіемъ лица сказала: «Боже мой, что со мной будетъ, когда вы тотчасъ приказываете стереть слѣды вашего благодѣянія.»

не отъ чего было бы ему капризничать. Его не обижали, ему ни въ чемъ не отказывали... Но дѣйствія безъ причины быть не можетъ. Тяжелыя непріятныя ощущенія меланхолика, измѣняющія его настроеніе и характеръ, принадлежатъ къ разряду *ложныхъ* ощущеній, т. е. возникаютъ не вслѣдствіе данныхъ въ обстановкѣ больнаго внѣшнихъ условій, но вслѣдствіе болѣзненнаго (центральнаго) раздраженія извѣстныхъ частей головнаго мозга. *Всякое* ощущеніе, какимъ бы путемъ оно ни состоялось, даетъ начало представленіямъ о предметахъ (обстоятельствахъ, событіяхъ, отношеніяхъ), производившихъ его. Ложныя ощущенія не составляютъ исключенія. Эти-то представленія, возникающія изъ ложнаго самоощущенія, занимаютъ всю мыслительную дѣятельность меланхолика.

Въ то же время смѣна и сочетаніе представленій значительно замедляются: меланхоликъ не можетъ отрываться отъ своихъ мрачныхъ думъ.

Сначала представленія эти весьма сбивчивы и неясны, но съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ галлюнацій и иллюзій внѣшнихъ чувствъ, въ особенности слуха, принимаютъ болѣе опредѣленную форму. Больной слышитъ голоса, упрекающіе его; около него раздаются угрозы и порицаніе; въ словахъ окружающихъ онъ подмѣчаетъ насмѣшки надъ собой, недоброжелательство и т. п.

Иногда, въ особенности при нѣкоторомъ умственномъ развитіи, больной въ высшей степени озадаченъ странностью возникающихъ въ немъ представленій; вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая свое безсиліе бороться съ своими тяжелыми ощущеніями, онъ нерѣдко самъ выражаетъ опасеніе сойти съ ума.

По закону эксцентрическаго проявленія, меланхоликъ не можетъ не относить своихъ ложныхъ ощущеній къ внѣшнему міру. Онъ приводитъ ихъ въ зависимость отъ какихъ нибудь внѣшнихъ обстоятельствъ или даже подставляетъ имъ небывалыя причины. Подъискивая обстоятельства, могущія быть признаваемыми источниками его страданія, онъ относится недовѣрчиво и раздражительно къ окружающимъ. Онъ предпола-

гаетъ, что они что-то скрываютъ отъ него или приписываетъ имъ какіе либо враждебные противъ него замыслы, при чемъ старается скрыть отъ нихъ то, что происходитъ въ немъ самомъ. Но такъ какъ происхожденіе его страданія отъ данной обстановки рисуется лишь въ сферѣ его *представленій*, то, конечно, предположенія его оказываются *ложными;* больной *бредитъ*.

§ 170. По ближайшему содержанію ложныхъ ощущеній бредъ меланхолика проявляется въ весьма различномъ видѣ.

Разбирая свое прошедшее, больной въ каждомъ мелочномъ проступкѣ обыденной жизни видитъ преступленіе и приходитъ къ убѣжденію, что онъ величайшій злодѣй. Онъ считаетъ себя погибшимъ; ему угрожаетъ смертная казнь. Онъ увѣряетъ, что у него нѣтъ ни одной хорошей мысли, что всѣ мысли его гадки и скверны, что онъ никуда не годенъ, что не заслуживаетъ ни привѣтливаго слова, ни ласковаго обращенія. Одинъ больной, съ слезами на глазахъ, утверждалъ, что вслѣдствіе шопота ему на ухо голоса онъ считаетъ себя непризнаннымъ императоромъ, что эта мысль—такая дерзость, что непремѣнно слѣдуетъ ему размозжить голову. Тотъ же самый больной, бросаясь на колѣна, умоляетъ насъ, чтобы выпустили его куда-то, гдѣ ему скорѣе погибнуть, такъ какъ своимъ присутствіемъ въ больницѣ обременяетъ Государя Императора. Въ другихъ случаяхъ мысли больнаго съ самаго начала принимаютъ религіозное направленіе. Онъ пришелъ къ сознанію своихъ грѣховъ; сначала онъ молится усерднѣе прежняго, постится, по временамъ даже совершенно отказывается отъ пищи. Затѣмъ перестаетъ молиться, утверждая, что его молитва не будетъ услышана Богомъ. Онъ съ трудомъ рѣшается ѣсть, горько жалуясь на то, что каждый кусочекъ хлѣба, каждая ложка супа и пр. прибавитъ ему вѣчныхъ наказаній, — или онъ проситъ, чтобы представили его въ окружный судъ за то, что ѣлъ, потому что принявши пищу онъ лишилъ ея другихъ; онъ въ ванну не хочетъ садиться, потому что въ ней смываютъ съ него крещеніе; онъ ночь спалъ хорошо и приходитъ въ отчаяніе отъ этого, такъ

какъ ему спать не слѣдуетъ, — или онъ не ложится спать, потому что недостоинъ сна и т. д. Онъ считаетъ себя умершимъ, лежитъ неподвижно, съ закрытыми глазами, не оказывая ни малѣйшаго противодѣйствія, если даютъ его конечностямъ какое-либо неловкое положеніе (M. cataleptica). Ему кажется, что весь міръ погибъ, а остался лишь призрачный, безсодержательный міръ, существованіе въ которомъ онъ признаетъ наказаніемъ за свои грѣхи. Онъ считаетъ себя извергомъ, лишеннымъ всѣхъ нравственныхъ чувствъ. Онъ утверждаетъ, что находится въ аду, видитъ души умершихъ, слышитъ вопль отверженныхъ Богомъ. Еще въ другихъ случаяхъ всѣ мысли больнаго обращены къ будущему; онъ постоянно находится въ порывистомъ состояніи ожиданія, опасенія, страха; въ его ложныхъ представленіяхъ рисуется нѣчто страшное, грозное, роковое, готовое тотчасъ поразить его необыкновеннымъ несчастіемъ. Онъ умоляющимъ стономъ проситъ не выгнать его, не предать его на вѣчныя мученія, не лишать его царства небеснаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грусть и горе больнаго относятся къ другимъ лицамъ, близкимъ его сердцу, такъ напр. онъ считаетъ своихъ дѣтей умершими, убитыми, невинно погибшими, — или, считая себя нищимъ, онъ жалуется, что дѣтямъ, мужу, роднымъ ѣсть нечего и т. д. Бредъ объ отравленіи нерѣдко удерживается весьма продолжительное время и ведетъ къ упорному отказыванію больнаго отъ пищи.

§ 171. О чемъ бы ни бредилъ меланхоликъ, основная мысль его бреда всегда выражаетъ *самоуниженіе, сознаніе собственнаго ничтожества, негодности, грѣховности.*

На развитіе той или другой группы представленій сильнѣйшее вліяніе имѣетъ степень образованія, полъ, возрастъ, сословіе, занятія, семейныя отношенія и пр. личныя условія. Человѣкъ образованный бредитъ о своихъ грѣхахъ, о врагахъ, преслѣдующихъ его, о потерѣ состоянія, считаетъ себя преданнымъ суду, обвиняетъ себя во всевозможныхъ преступленіяхъ и т. д. Простолюдинъ же, выражая всѣ свои непріятныя ощущенія лишь отрывистыми словами: «тоска находитъ,

сердце щемитъ, сосетъ, горитъ,» какъ-то безотчетно поддается этому чувству, увѣряя себя, что его испортили, что онъ одержимъ нечистымъ духомъ.

§ 172. Какъ всѣ вообще представленія, такъ и ложныя, отражаясь на чувствующіе нервные центры, вызываютъ собой душевныя чувства.

Смотря по содержанію бреда своего, меланхоликъ приходитъ въ состояніе отрицательныхъ порывовъ: печали, страха, отчаянія. Вліяніемъ этихъ-то порывовъ объясняется его бездѣйствіе и неподвижность, такъ какъ всѣ непріятные порывы уменьшаютъ и задерживаютъ мускульную дѣятельность. И потому слова нѣкоторыхъ меланхоликовъ, что они желали бы дѣлать то и другое, или говорить о томъ или другомъ, но *не могутъ* ни говорить, ни дѣйствовать — выражаютъ полную физіологическую истину. Всѣ ихъ мускульныя движенія, въ самомъ дѣлѣ, связаны и угнетены.

§ 173. По степени задержанія движеній, меланхолія раздѣляется на *пассивную* и *активную*. Въ первомъ случаѣ больной, весь погружаясь въ созерцаніе своего горестнаго положенія, стоитъ или сидитъ на одномъ мѣстѣ, неподвижно и молча, съ слезами на глазахъ, съ выраженіемъ глубокаго страданія на лицѣ, какъ статуя, повидимому не обращая вниманія на окружающее, не ѣстъ, не пьетъ, не одѣвается, не ложится спать, на вопросы не отвѣчаетъ или изрѣдка, тихимъ голосомъ, едва внятно шепчетъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, даетъ надъ собой дѣлать, что угодно или оказываетъ лишь слабое, пассивное противодѣйствіе.

Крайняя степень этого состоянія называется M. attonita, M. stupida, M. cum stupore, Fatuitas acuta.

Въ активной меланхоліи отрицательный порывъ по временамъ усиливается до полнаго отчаянія и вызываетъ полусознательныя, полурефлективныя, болѣе или менѣе бурныя движенія. Больной рыдаетъ, стонетъ, кричитъ, ломаетъ руки, мечется въ стороны, бродитъ всюду, не зная куда дѣваться, убѣгаетъ изъ дому, пропадаетъ на цѣлые дни (M. errabunda).

Страхъ и отчаяніе, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ отъ подложечной тоски.

Подложечная или предсердечная тоска (anxietas praecordialis) есть невыносимое, мучительное ощущеніе жгучей боли, давленія, стѣсненія въ сторонѣ сердца. Подъ вліяніемъ этого страшнаго ощущенія, для описанія котораго больной словъ не находитъ, онъ нерѣдко прибѣгаетъ къ самоубійству или совершаетъ преступленіе (убійство, поджигательство) съ единственною цѣлью избавиться, во что бы то ни стало, отъ своей тоски. Въ другихъ случаяхъ страхъ и отчаяніе вызываются ложными ощущеніями внѣшнихъ чувствъ, въ особенности слуха и зрѣнія. Больнаго окружаютъ ужасающія видѣнія, призраки того свѣта; онъ слышитъ голоса демоновъ, угрозы, проклятія.

§ 174. Между крайними степенями меланхоліи наблюдается цѣлый рядъ переходныхъ формъ. Какъ въ активной, такъ и въ пассивной меланхоліи больной страдаетъ безсонницей, болѣе или менѣе упорною и большимъ или меньшимъ разстройствомъ растительныхъ отправленій. Онъ ѣстъ мало или совсѣмъ отказывается отъ пищи. Дыханіе поверхностно, перерывисто. Кровообращеніе нѣсколько ускорено, температура тѣла нерѣдко возвышена, кожа суха. Пульсъ слабъ и вялъ. Общее питаніе недостаточно. Больной худѣетъ. Вѣсъ тѣла уменьшается.

§ 175. На основаніи различнаго содержанія бреда меланхолія многими раздѣляется на различныя формы: какъ напр. M. religiosa (религіозное помѣшательство), Daemonomelancholia (помѣшательство о злыхъ духахъ), M. metamorphosis (помѣшательство о перерожденіи личности), M. nostalgica (тоска по родинѣ) и пр.

Однако виды эти не имѣютъ существеннаго значенія ни въ теоритическомъ, ни въ практическомъ отношеніи уже потому, что у одного и того же больнаго содержаніе бреда нерѣдко измѣняется.

§ 176. Меланхолія продолжается отъ трехъ мѣсяцевъ до одного года, до двухъ лѣтъ и болѣе. Меланхолія переходитъ:

1. Въ выздоровленіе. Меланхоликъ выздоравливаетъ рѣдко вдругъ. Болѣзненныя явленія обыкновенно прекращаются въ томъ же порядкѣ, въ какомъ развивались (Flemming). Мрачное настроеніе постепенно проходитъ, тоска утихаетъ, больной дѣлается общительнѣе, начинаетъ заниматься, перестаетъ бредить.

Вѣрнѣйшимъ признакомъ выздоровленія служитъ свободное признаніе бывшей болѣзни. Въ то же время растительная сфера оправляется, сонъ возстановляется, вѣсъ тѣла прибываетъ.

2. Въ манію. Мрачное настроеніе уступаетъ мѣсто какому-то возбужденному состоянію; больной дѣлается развязнымъ и разговорчивымъ, начинаетъ сердиться, продолжаетъ бредить. (§ 177).

3. Въ сумасшествіе и слабоуміе. Мрачное настроеніе смѣняется равнодушіемъ и апатіей; страданіе проходитъ, а ложныя представленія продолжаются, отражаясь лишь слабо или вовсе не отражаясь на внутреннее чувство, приходившее въ отупѣніе. Бредъ дѣлается самостоятельнымъ. Сознаніе и самосознаніе окончательно извращаются. Мыслительная дѣятельность постепенно ослабляется.

4. Въ смерть. Смерть наступаетъ отъ отказыванія въ пищѣ, общаго истощенія организма, отъ какой нибудь случайной болѣзни (чахотки).

Манія. Буйное помѣшательство.

(Mania).

§ 177. Манія характеризуется возбужденіемъ, волненіемъ, безпокойствомъ. Маніакъ чувствуетъ себя хорошо, онъ развязенъ и сообщителенъ. Настроеніе его часто мѣняется. По большей части веселый и беззаботный, онъ по временамъ подвергается грусти, повидимому безъ всякаго повода, но скоро оправляется, какъ будто ему некогда задумываться. Онъ относится небрежно къ общественному приличію и стыдливости, безцеремонно распоряжается по своему, не терпитъ противорѣчія. Онъ измѣняетъ своимъ привычкамъ, бросаетъ свои дѣла; дѣлается раз-

дражительнымъ и своевольнымъ, придирчивъ, сердится изъ-за пустяковъ. Окружающіе его скоро теряютъ всякое вліяніе на него. Маніакъ находчивъ, насмѣхается, подтруниваетъ надъ слабыми сторонами другихъ людей.

Въ то же время у него движеніе представленій ускорено болѣе или менѣе значительно. Смѣна представленій идетъ такъ быстро, что постоянно теряется связывающая ихъ нить — больной сбивается, путается. Увлекаемый наплывомъ своихъ представленій, онъ не додумываетъ возникшей мысли, быстро переходитъ отъ одной къ другой, такъ что черезъ нѣсколько времени самъ не знаетъ, о чемъ заговорилъ. Нерѣдко онъ произноситъ лишь отрывочныя фразы или отдѣльныя слова, сочетаемыя по одному только сходству звуковъ. Онъ какъ будто говоритъ стихами, возвышая свой голосъ и сильно жестикулируя. Вмѣсто отвѣта на предлагаемый вопросъ, онъ говоритъ цѣлыя рѣчи. Jessen,*) совершенно справедливо, различаетъ три степени ускоренія рѣчи у маніака. При первой степени рѣчь его походитъ на бесѣду или разговоръ болтуна. Больной говоритъ много, громко, оживленно, пользуется всякимъ случаемъ вставить свое слово, заговариваетъ съ каждымъ, кто попадаетъ ему навстрѣчу; молчать и спокойно выслушать другаго ему невозможно; онъ часто уклоняется отъ предмета разговора, примѣшиваетъ вещи не подходящія, но всетаки помнитъ то, что собственно хотѣлъ сказать и въ концѣ концовъ доходитъ до цѣли. При второй степени больной также хочетъ сказать что нибудь, имѣетъ болѣе или менѣе опредѣленную цѣль, но онъ сбивается до того, что совершенно потеряетъ ее изъ виду. При томъ отдѣльныя предложенія могутъ быть осмысленны, мысли даже могутъ слѣдовать одна за другой въ надлежащемъ порядкѣ, но каждая посторонняя мысль выдается впередъ такъ живо, что вытѣсняетъ собой главную мысль; если напомнить ему то, что онъ хотѣлъ сказать, то онъ опять начнетъ съ начала, но тотчасъ снова уклоняется въ сторону, увле-

*) L. c. стр. 562.

кается, уносится своими представленіями. При третьей степени больной уже не имѣетъ опредѣленной цѣли, онъ говоритъ неустанно и безостановочно потому только, что не можетъ не говорить; онъ говоритъ одинъ вслухъ, громко, съ оживленіемъ; по временамъ замѣчаются отдѣльныя мысли, но связи между ними нѣтъ и нерѣдко произносится лишь сущая безсмыслица. Рѣчь маніака прерывается пѣніемъ, свистомъ, хохотомъ, смѣхомъ.

§ 178. Вообще раздражительность движущихъ органовъ усилена. Случайныя внѣшнія впечатлѣнія, возникшая мысль или желаніе, минутное влеченіе почти непосредственно вызываютъ мускульную дѣятельность. Всѣ движенія маніака происходятъ быстро, порывисто, энергично. Онъ говоритъ, поетъ, ходитъ, пляшетъ, бѣгаетъ, цѣлуется, дерется; онъ раздражителенъ и склоненъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ (рветъ свое платье и бѣлье, ломаетъ посуду и мебель). Маніакъ берется за тысячу вещей, не оканчивая ни одной. Онъ дѣлаетъ проекты, строитъ планы, замышляетъ предпріятія съ видомъ человѣка, которому все ни почемъ, которому все возможно. На возраженія онъ не обращаетъ никакого вниманія или сердится на возражающаго. Является бредъ. Бредъ маніака непостоянный, измѣнчивый, мимолетный, всегда выражаетъ возвышенное самочувствіе, сознаніе собственнаго достоинства и превосходства надъ другими. Маніакъ воображаетъ себя богачемъ, генераломъ, пророкомъ, Наполеономъ, Китайскимъ императоромъ. Однако ложныя представленія его скоро забываются, уступая мѣсто болѣе нормальнымъ. Нерѣдко маніакъ самъ сознается въ томъ, что говоритъ вздоръ; онъ утверждаетъ, что теперь совершенно выздоровѣлъ, но черезъ короткое время опять приходитъ въ то же состояніе. Иногда, въ особенности при участіи ложныхъ ощущеній (слуха, зрѣнія), бредъ принимаетъ болѣе постоянныя формы и удерживается упорнѣе. Такъ напр. маніакъ утверждаетъ, что состоитъ въ родствѣ съ царствующимъ домомъ, что его преслѣдуютъ враги и т. д. Въ другихъ случаяхъ сбивчивость и путаница представленій его такъ сильны, что нѣтъ

никакой возможности уловить хотя бы малѣйшую частицу смысла въ тирадахъ больнаго.

По временамъ маніакъ подвергается припадкамъ полнаго неистовства. Послѣдніе вызываются или случайными внѣшними обстоятельствами, раздражающими больнаго или внутренними условіями (галлюцинаціями) и продолжаются весьма различное время, отъ нѣсколькихъ минутъ до цѣлыхъ часовъ. Въ высшей степени безпокойное, буйное состояніе больнаго можетъ, почти безъ ослабленій, продолжаться цѣлые мѣсяцы.

§ 179. Манія развивается не вдругъ. Въ большинствѣ случаевъ маніи предшествуетъ меланхолическій періодъ болѣзни, болѣе или менѣе продолжительный. Иногда этотъ періодъ продолжается такъ недолго или обнаруживается столь слабыми признаками, что совершенно ускользаетъ отъ вниманія окружающихъ. Иногда же явная меланхолія продолжается нѣсколько мѣсяцевъ, годъ и болѣе и затѣмъ уже переходитъ въ манію.

§ 180. Какъ меланхолія, такъ и манія, смотря по способу проявленія мускульной дѣятельности, представляютъ двѣ крайнія формы: Mania furibunda и M. tranquilla. Въ первомъ случаѣ больной изъ одного припадка бѣшенства переходитъ въ другой почти безъ перемежки или, по крайней мѣрѣ, послѣ весьма незначительныхъ промежутковъ. Въ спокойной маніи подобныхъ припадковъ вовсе не встрѣчается. Возбужденіе выражается лишь ускореніемъ представленій, излишней болтливостью и какою-то безотчетной суетливостью и подвижностью.

§ 181. Проявленіе маніи по содержанію ложныхъ представленій или бреда больнаго весьма различно. Такъ напр. принимаютъ: M. religiosa, Erotomania, M. persecutionis и т. д. Однако раздѣленіе маніакальнаго помѣшательства на подобные виды не имѣетъ особаго достоинства.

§ 182. Какъ въ меланхоліи, такъ и въ маніи, въ особенности въ первое время, растительныя отправленія организма разстроены болѣе или менѣе значительно. Не смотря на хорошій аппетитъ маніака и даже на усиленный пріемъ пищи, вѣсъ тѣла его значительно уменьшается, кровообращеніе уско-

рено, безсонница весьма упорная. Въ большинствѣ случаевъ, въ особенности у женскаго пола, половыя отправленія уклоняются отъ нормы. Менструація неправильна. Половое раздраженіе (Nymphomania) не рѣдко даетъ начало ложнымъ ощущеніямъ внутренняго чувства и ведетъ къ ложнымъ представленіямъ о мнимой беременности, о замужествѣ со знатнымъ лицомъ, о лишеніи невинности и т. д.

§ 183. Теченіе и продолжительность маніи далеко не одинаковы во всѣхъ случаяхъ. Теченіе ея бываетъ постоянное или прерывается ослабленіями, болѣе или менѣе продолжительными, или, наконецъ, періодическое. Маніакальное состояніе можетъ продолжаться съ $^1/_2$ часа (M. acuta) до нѣсколькихъ мѣсяцевъ (M. chronica). Припадки маніи повторяются черезъ дни, мѣсяцы и годы; есть даже примѣры періодическаго повторенія маніакальныхъ припадковъ чрезъ 2, 4 года и болѣе.

Манія переходитъ:

1. Въ выздоровленіе. Выздоровленію весьма часто предшествуетъ меланхолическій періодъ. Утихая и успокоиваясь, маніакъ вполнѣ походитъ на выздоравливающаго меланхолика и постепенно переходитъ въ нормальное состояніе. И тутъ главнѣйшій признакъ полнаго выздоровленія — признаніе бывшей болѣзни со стороны самого больнаго. Но признаніе это, конечно, лишь тогда получаетъ полное значеніе, когда сопровождается улучшеніемъ всѣхъ растительныхъ отправленій организма.

Иногда манія прекращается вдругъ. Больной, какъ бы очнувшись отъ глубокаго сна, приходитъ въ себя, по видимому совершенно здоровый. Однако въ такихъ случаяхъ требуется большая осторожность для того, чтобы не признать здоровымъ — больнаго.

Въ большинствѣ случаевъ внезапное «выздоровленіе» маніака есть ничто иное, какъ такъ называемый свободный промежутокъ (lucidum intervallum) періодическаго помѣшательства.

Характеристическая черта періодическаго помѣшательства заключается въ томъ, что болѣзненные припадки черезъ извѣст-

ное время утихаютъ, уступая мѣсто болѣе или менѣе нормальному состоянію, и затѣмъ вновь появляются въ прежнемъ видѣ.

Періодическое помѣшательство, въ нѣкоторомъ отношеніи, походитъ на перемежающуюся лихорадку. Если напр. пароксизмъ является черезъ день, то всетаки въ свободное отъ пароксизмовъ время субъектъ не признается вполнѣ здоровымъ, не потому, что у него замѣчаются болѣе или менѣе явные признаки болѣзни, но потому, что мы на другой день непремѣнно ждемъ новый пароксизмъ.

При значительной продолжительности свободныхъ промежутковъ періодическаго помѣшательства, въ самомъ дѣлѣ, можетъ возникнуть вопросъ: дѣйствительно-ли возстановлено полное душевное здоровье или нѣтъ? — вопросъ, въ судебно-медицинскомъ отношеніи, нелишенный значенія.

2. Переходъ маніи въ сумасшествіе и слабоуміе обозначается тѣмъ, что больной успокоивается, но продолжаетъ бредить.

3. Манія переходитъ въ меланхолію и затѣмъ уже можетъ состояться выздоровленіе или переходъ въ сумасшествіе. Иногда, впрочемъ, послѣ меланхолическаго періода, опять появляются маніакальные припадки. Это можетъ повторяться по нѣскольку разъ — случай, которому французы (Baillarger) дали названіе folie circulaire, manie á double tour, форма болѣзни, обыкновенно, неизлечимая.

4. Манія кончается смертью отъ общаго истощенія силъ или отъ какой нибудь случайной болѣзни.

Сумасшествіе.

(Insania, Vesania, Dementia).

§ 184. Меланхолія и манія, если не выздоравливаетъ больной, переходятъ въ собственно такъ называемое сумасшествіе.

Сумасшествіе характеризуется самостоятельностью бреда и постепеннымъ ослабленіемъ мыслительной дѣятельности. Чувствующая и движущая сферы сумасшедшаго приходятъ въ равновѣсіе. Сумасшедшій болѣе не страдаетъ и не тоскуетъ, какъ страдалъ и тосковалъ меланхоликъ. Онъ болѣе не побуждается

къ усиленной мускульной дѣятельности, какъ побуждался къ ней маніакъ. Онъ относится равнодушно ко всему, къ своему прошедшему и будущему и раздражается лишь тогда, когда противорѣчатъ или противодѣйствуютъ ему. Для сумасшедшаго призрачный міръ бреда становится ближе и дороже дѣйствительнаго міра. Впечатлѣнія, получаемыя изъ внѣшняго міра, трогаютъ его лишь на столько, на сколько они подходятъ къ его бреду. Если же не подойдутъ, то сумасшедшій ихъ оставитъ безъ всякаго вниманія. Сумасшедшій ставитъ ни во что окружающіе его отношенія и условія. Онъ идетъ своей дорогой, живетъ своею жизнію, нисколько не интересуясь тѣмъ, что скажутъ или сдѣлаютъ другіе люди. Сумасшедшіе живутъ цѣлые мѣсяцы и годы вмѣстѣ, въ одной и той же комнатѣ, ежедневно сидятъ рядомъ за общимъ столомъ — и между собой не разговариваютъ, не имѣя потребности сообщить другъ другу что-нибудь и не желая узнать что-нибудь.

Единственная исходная точка мышленія и стремленій сумасшедшаго — это искаженіе его самосознанія. Онъ цѣликомъ отдается тѣмъ ложнымъ ощущеніямъ, мыслямъ, убѣжденіямъ, которыя развивались въ немъ во время меланхоліи или маніи.

Разговаривая съ нами о своемъ бредѣ, сумасшедшій походитъ на человѣка, который говоритъ чужимъ нарѣчіемъ или предлагаетъ намъ неходящую монету и въ то же время порицаетъ насъ какъ за непониманіе его рѣчи, такъ и за непризнаніе его денегъ.

§ 185. По содержанію бреда, сумасшествіе проявляется въ весьма различныхъ видахъ. Чѣмъ точнѣе и яснѣе отдѣльныя ложныя представленія и понятія, составляющія бредъ сумасшедшаго, тѣмъ они болѣе систематично сочетаются между собой. И наоборотъ, чѣмъ они неопредѣленнѣе, темнѣе, сбивчивѣе, тѣмъ менѣе рельефно выдается главная мысль больнаго. Богатое психическое развитіе, конечно, даетъ болѣе обширный бредъ и потому Maudsley совершенно справедливо замѣчаетъ, что помѣшательство высоко образованнаго человѣка походитъ на бредъ австралійскаго туземца на столько на сколько развалины дворца походятъ на остатки развалившейся избы.

Сумасшествіе раздѣляется на *систематическое* и *общее*. Систематическій бредъ сумасшедшаго весьма часто принимаетъ форму такъ называемаго перерожденія личности, т. е. больной, окончательно отрекшись отъ своего прошлаго, признаетъ себя другимъ лицомъ, усваиваетъ себѣ вымышленное имя, фамилію, званіе, положеніе въ обществѣ, государствѣ и т. д. Всѣ мнимые генералы, министры, императоры, пророки, святые, спасители домовъ умалишенныхъ принадлежатъ къ разряду сумасшедшихъ. Бредъ этотъ является не вдругъ, но развивается постепенно, составляя окончательный выводъ, построенный на основаніи различныхъ ложныхъ ощущеній и представленій. Р. М., отставной поручикъ, самъ разсказывалъ, что по смерти отца въ 1864 г. съ нимъ сдѣлалась общая слабость и шумъ въ ушахъ. Жизнь онъ велъ тихую и религіозную, въ свободное отъ службы время предаваясь молитвѣ. Въ 1866 г. начали ему представляться разныя видѣнія въ видѣ говорящихъ животныхъ, спрашивающихъ его: «что Вамъ угодно, Ваше Благородіе?» или произносящихъ разныя «пакости,» которыя онъ невольно долженъ былъ повторять. Подозрѣвая, что все это происходитъ отъ деньщика, который вѣроятно занимается чародѣйствомъ, онъ прогналъ его, такъ какъ уже давно сталъ замѣчать, что тотъ ругаетъ иконы и всыпаетъ ему что-то въ пищу. Затѣмъ начали являться святые съ кадилами. Разъ въ воздухѣ поднялось что-то въ видѣ бури, а въ комнатѣ, гдѣ онъ молился, всѣ иконы начали ему поклоняться (Vertigo). Другой разъ ему показалось, что благословенная его икона ожила въ видѣ женскаго лица съ открытою грудью и заманивала его къ себѣ. Во время молитвы ему часто казалось, что Спаситель стоитъ рядомъ съ нимъ. Иногда онъ заговаривалъ не своимъ голосомъ и не своей волею, чувствуя въ горлѣ своемъ чужой голосъ. Кто-то шепталъ ему на ухо, то браня его, то молясь на него. По временамъ ему казалось, что кто-то сидитъ на его головѣ, а столкнуть его онъ никакъ не можетъ. Должно быть, это былъ святой духъ, въ видѣ голубя, заставляющій его перемѣнить имя и вмѣсто Романа называться Іисусомъ Хрис-

томъ. А онъ долго не понималъ себя: Романъ ли онъ или Іисусъ? Стараясь увѣрить себя въ томъ, что это дѣйствительно такъ, онъ началъ испытывать свои силы. Ему казалось, что знаетъ мысли всѣхъ людей и что всѣ стали ему молиться. Надобно объявить всему народу, кто онъ такой и отправить его въ С.-Петербургъ, такъ какъ онъ — Спаситель....

Подобнымъ образомъ доходятъ до своего бреда всѣ прожектеры, изобрѣтатели причудливыхъ машинъ, благодѣтели человѣчества, реформаторы всей вселенной, богачи, милліонеры и пр. встрѣчаемые въ каждомъ домѣ умалишенныхъ.

Въ меланхоліи сознаніе своей личности у больнаго сохраняется только въ формѣ отрицанія и самоуниженія; въ маніи оно, хотя поддерживается возвышеннымъ самочувствіемъ, но сбивается, измѣняется, колеблется отъ быстрой смѣны ощущеній и представленій. Въ сумасшествіи же сознаніе личности вполнѣ установляется, крѣпнетъ, заканчивается. Весьма любопытны тѣ случаи сумасшествія, когда сознаніе личности какъ бы раздвоивается. Больной утверждаетъ, что въ немъ находится кто-то другой. Простолюдинъ, конечно, признаетъ себя во власти нечистаго духа (кликуша). Больные же образованные не такъ просто объясняютъ дѣло. Такъ напр. одинъ больной утверждалъ, что въ немъ сидитъ «дежурантъ», который распоряжается имъ противъ воли и желанія и заставляетъ его дѣлать разныя вещи (бить стекла, рвать платье). Дежурантъ же вполнѣ зависитъ отъ Доктора, который, играя на фортепіано, заставляетъ его дѣлать то или другое и т. д.

Какъ въ меланхоліи, такъ и въ маніи продолжается борьба съ дѣйствительностью, при чемъ меланхоликъ, на первыхъ же порахъ, признаетъ себя побѣжденнымъ, тогда какъ маніакъ самоувѣренно стремится къ побѣдѣ. Въ сумасшествіи — борьбы нѣтъ. Сумасшедшій торжествуетъ или спокойно выжидаетъ, что будетъ. Онъ или довольствуется однимъ лишь сознаніемъ собственнаго достоинства, уходитъ въ сторону, уклоняется отъ окружающей его среды, или старается убѣдить и насъ въ превосходствѣ своихъ воззрѣній, нисколько не стѣсняясь ежедневно

повторять одно и тоже съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ той же самоувѣренностію. Не всегда, впрочемъ, сумасшедшій чувствуетъ себя счастливымъ въ своемъ бреду. Отъ мучительныхъ ощущеній онъ повременамъ приходитъ въ болѣе или менѣе сильное раздраженіе и волненіе. Н. К. увѣряетъ насъ, что въ Мюнхенѣ, въ какомъ-то дворцѣ, имѣются громадныя богатства: дворцы, брилліанты, волшебныя жезла, помощью которыхъ можно создать крѣпостныхъ людей, священная вода, которая немедленно убиваетъ того, кто прикоснется къ ней безъ дозволенія Бога, и дѣлаетъ всесвѣдущимъ того, кому Богъ разрѣшитъ ею владѣть. На всѣ эти сокровища онъ, К., имѣетъ нѣкоторыя права, основаніе которыхъ теряется въ старинѣ. Живши прежде на другой планетѣ, онъ убилъ солдата и вслѣдствіе этого долженъ жить на землѣ, пока не проснется Богъ, который давно заснулъ. Временемъ сна Бога пользуются его, К, враги, стараясь отбить у него права на выше упомянутыя сокровища. Съ этою цѣлью они безпокоятъ, мучатъ, дурачатъ, выводятъ его изъ терпѣнія; являются ему ангелы въ видѣ летающихъ кусочковъ бумаги со свѣчкою на концѣ, слышатся голоса, бранящіе и раздражающіе его; хлѣбъ говоритъ, говядина покрикиваетъ, чтобъ онъ не ѣлъ ея, подушка говоритъ, бумага не даетъ ему писать что нибудь, потому что она понимаетъ все; кости его говорятъ, сообщая ему, что по смерти его имъ покоя не дадутъ, а будутъ ихъ варить, жарить и съѣдать. При гніеніи его трупа образуются червяки, изъ нихъ путемъ обыкновеннаго превращенія выйдутъ куколки, бабочки и наконецъ тараканы; послѣдніе, напитавшись какой-то кислотой, находящейся въ его тѣлѣ, будутъ кусать всѣхъ развратныхъ людей, заявляющихъ претензію на его наслѣдство. По смерти его нужно влить въ его тѣло два стакана сѣрной кислоты, чтобы умертвить живыя кости. Его же задача въ томъ, чтобы не поддаваться своимъ врагамъ. По временамъ К. приходитъ въ сильное волненіе, рветъ свое платье и бѣлье, ломаетъ мебель, бьетъ себя по лицу и пр. По временамъ же, успокоившись, онъ увѣряетъ, что теперь совершенно выздоро-

вѣлъ и въ награду за его излеченіе предлагаетъ врачамъ не малую часть своего богатства. Находясь въ болѣе спокойномъ состояніи онъ не разъ заводилъ рѣчь о различныхъ религіозныхъ предметахъ, выказывая то нѣкоторую набожность, то сомнѣніе и вольнодумство. Подвергаясь ложнымъ ощущеніямъ (онъ слышалъ приказанія Бога, ему являлись святые) онъ однажды разсказалъ, что на пути отъ Казани въ С.-Петербургъ, недалеко отъ второй станціи, Богъ ему велѣлъ поджечь эту станцію, но, не желая подвергнуться уголовному суду, онъ «надулъ Бога» и недоѣзжая до станціи вернулся въ Казань, въ полной увѣренности, что, доѣхавши до станціи, онъ непремѣнно зажегъ бы ее.

§ 186. Замѣчательно, что весьма нерѣдко здравый смыслъ сумасшедшаго, хотя вполнѣ и безсильно уступаетъ предъ собственнымъ бредомъ, но довольно продолжительное время остается достаточно яснымъ для того, чтобы возражать противъ бреда другихъ больныхъ. Понимая, что его сосѣдъ въ домѣ умалишенныхъ бредитъ, и доказывая, болѣе или менѣе логично, всю несостоятельность чужаго бреда, сумасшедшій въ то же время отъ своихъ собственныхъ ложныхъ понятій не отступаетъ на шагъ. Онъ не допускаетъ противъ нихъ ни малѣйшаго возраженія, и отвѣчаетъ или діалектикою или холоднымъ презрѣніемъ или вспышками волненія.

§ 187. Поведеніе сумасшедшаго, осанка, походка, обращеніе его съ окружающими болѣе или менѣе рѣзко отражаютъ собой сокровенныя мысли, входящія въ составъ его бреда. Сумасшедшій старается на самомъ дѣлѣ разыгравать ту роль, которую ему удѣляетъ его искаженное самосознаніе и, конечно, разыгрываетъ ее тѣмъ удачнѣе, чѣмъ она ближе подходитъ къ его прежнему образу мыслей или чѣмъ она легче ему доступна по степени его образованія. Такъ напр. больной образованный, считая себя императоромъ, постарается придать себѣ величественный видъ, тогда какъ крестьянинъ, дошедши до того же бреда, довольствуется тѣмъ, что, отказываясь отъ

обычной работы, потребуетъ отъ сына и невѣстки, чтобы они кормили его лучше и дали ему царскую одежду.

Сумасшедшій является то гордымъ, надменнымъ, повелительнымъ, сдержаннымъ; то добродушнымъ, развязнымъ, обязательнымъ, услужливымъ; то отталкиваетъ насъ, то ищетъ нашей дружбы. Многіе сумасшедшіе умѣютъ владѣть собой, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, съ полнымъ успѣхомъ. Едва замѣтный странный взглядъ, улыбка, важная осанка, скромный поклонъ указываютъ опытному наблюдателю на преобладающее направленіе его бреда, тогда какъ посѣтитель дома умалишенныхъ въ поведеніи больнаго не замѣчаетъ ничего предосудительнаго. Въ другихъ случаяхъ общая распущенность, небрежность, неопрятность, невниманіе къ своей наружности, суетливость уже издали обличаютъ сумасшествіе.

§ 188. Многіе сумасшедшіе весьма хорошо знаютъ, по поводу какихъ именно мыслей или убѣжденій ихъ считаютъ помѣшанными и столь же хорошо умѣютъ скрывать свои слабыя стороны или ловкой діалектикою придавать себѣ видъ совершенно здоровыхъ людей. Ихъ жалобы напр. на притѣсненіе, на дурное обращеніе съ ними, неправильное задержаніе въ домѣ умалишенныхъ, на притязанія ихъ родственниковъ и т. д. нерѣдко произносятся съ тономъ такого глубокаго убѣжденія, скромнаго спокойствія, правдоподобности, что весьма легко можно впасть въ ошибку при обсужденіи ихъ душевнаго состоянія.

Съ другой стороны, сообщенія нѣкоторыхъ сумасшедшихъ, въ особенности письменныя (докладныя записки, жалобы, прошенія), до такой степени изобилуютъ злословіемъ, клеветою, язвительными насмѣшками и нападками, обвиненіями, бранью и ругательствомъ, что трудно встрѣтить что нибудь подобное во взаимныхъ отношеніяхъ здоровыхъ людей.

§ 189. Не всегда удается намъ съ точностью опредѣлить всѣ тѣ ложныя ощущенія, какъ внутренняго, такъ и внѣшнихъ чувствъ, которыя поддерживаютъ бредъ сумасшедшаго. Намъ рѣшительно невозможно представить себѣ то, что

чувствуетъ больной, погружаясь въ невѣдомый и недоступный намъ міръ своихъ ложныхъ ощущеній. Нѣкоторыя описанія сумасшедшими своихъ ощущеній такъ широки и такъ невыразимо-странны, что не вызываютъ въ насъ никакихъ представленій—мы просто теряемся и самое пылкое воображеніе отказывается ихъ осмыслить. Что мы напр. скажемъ, когда сумасшедшій насъ увѣряетъ, что у него такія ощущенія, какъ будто на землѣ ходитъ Спаситель и устраиваетъ рай, — или что у него изъ живота возникаютъ такія внушенія, что всѣ люди должны быть лишены своей головы. Какое понятіе мы можемъ себѣ составить о самоощущеніи больнаго, который разсказываетъ намъ, что отъ съѣденнаго имъ картофеля, попавшаго не въ кишечный каналъ, но проникшаго за позвоночный столбъ, у него начала таять колонна (позвоночный столбъ), почему онъ и проситъ всѣхъ докторовъ вставить ему новую колонну; что легкія у него совершенно лишены крови, по временамъ опускаются ниже колѣнъ и затѣмъ опять поднимаются вверхъ; что семь мѣсяцевъ назадъ сердце у него упало въ бокъ и прошло черезъ мочу; что мочу эту дали ему выпить съ чаемъ и сердце опять пристало къ мѣсту; что не можетъ пить воды, потому что въ желудкѣ осталось четыре стакана жидкости, а больше въ немъ помѣстить нельзя; что недавно отъ лимона образовались въ животѣ три дыры и на ногахъ развилась гангрена!

Нельзя не повторить, что всѣ эти, повидимому совершенно нелѣпыя, представленія едва ли показались бы намъ таковыми, еслибъ мы только могли перечувствовать хотя бы десятую долю того, что ощущаетъ сумасшедшій.

§ 190. Сумасшествіе продолжается десятки лѣтъ, повидимому, въ одномъ и томъ же состояніи. Но чѣмъ оно длится долѣе, тѣмъ явнѣе обнаруживается постепенное ослабленіе мыслительныхъ силъ. Нормальныя представленія, остатки прежняго душевнаго достоянія, по невоспроизведенію, забываются, рѣдѣютъ, какъ бы распадаются. Ряды ложныхъ представленій, составляющихъ болѣе или менѣе систематическій бредъ, соче-

таются слабѣе; весь умственный процессъ съуживается, является общая сбивчивость представленій, путаница, безсмыслица,—словомъ, сумасшедшій дѣлается слабоумнымъ.

Разстройство растительной сферы въ сумасшествіи менѣе рѣзко, чѣмъ въ меланхоліи и маніи. По большей части аппетитъ хорошъ, пищевареніе удовлетворительно, сонъ правиленъ, кровообращеніе нѣсколько ослаблено, мускульная дѣятельность вяла. Сумасшедшіе нерѣдко полнѣютъ, — что уже Эскироль принялъ за признакъ неизлечимости. Но какъ ни нормальны, повидимому, растительныя отправленія, какъ ни здоровымъ, въ физическомъ отношеніи, покажется сумасшедшій, тѣмъ не менѣе процессъ общаго питанія тѣла совершается слабо и вяло.

Сумасшествіе переходитъ:

1. Въ неполное выздоровленіе. Больной уживается съ остатками своего бреда на столько, что можетъ жить въ семействѣ, по крайней мѣрѣ, безвредно для себя и другихъ, хотя неспособенъ къ самостоятельной дѣятельности.

2. Въ слабоуміе съ отрывками бреда или же безъ оныхъ; и наконецъ

3. Въ смерть отъ постороннихъ болѣзней.

Слабоуміе.

(Amentia, Fatuitas).

§ 191. Слабоуміе (послѣдовательное безуміе) заключается какъ въ уничтоженіи смысла въ бредѣ больнаго, такъ и въ прогрессивномъ количественномъ уменьшеніи его представленій вообще. При томъ чувствительность болѣе и болѣе притупляется. Слабоумный дѣлается до крайности апатичнымъ. Въ большинствѣ случаевъ слабоуміе составляетъ исходъ сумасшествія. Но иногда маніакъ или меланхоликъ, не переходя періода явнаго сумасшествія, непосредственно впадаетъ въ слабоуміе. Слабоумный перестаетъ мыслить, потому что у него недостаетъ матеріала для мысли. Получаемыя имъ изъ внѣшняго міра впечатлѣнія какъ бы скользятъ съ него, не вызывая никакихъ опредѣленныхъ представ-

леній или вызывая только отрывочныя и сбивчивыя. Въ то же время сочетаніе представленій затрудняется, происходитъ поверхностно, прекращается; память слабѣетъ и съ теченіемъ времени совершенно уничтожается. Умственная дѣятельность слабоумнаго ограничивается какъ бы механическимъ, непроизвольнымъ воспроизведеніемъ запасенныхъ памятью представленій, какъ нормальныхъ, скудныхъ остатковъ давно-прошедшаго, такъ и ложныхъ, оставшихся послѣ меланхолическаго или маніакальнаго бреда.

Понятно, что при такихъ условіяхъ самосознаніе больнаго расплывается, тѣмъ болѣе, что тупое самоощущеніе не даетъ никакихъ опредѣленныхъ впечатлѣній. Сознаніе о личности совершенно прекращается — слабоумный олицетворяетъ собой безличность, нерѣдко забывая даже свое имя, званіе, сословіе и пр. Онъ перестаетъ говорить, потому что ему не о чемъ говорить. Онъ живетъ только растительною жизнію, онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ и даже объ этомъ самъ не заботится. На холодъ или жаръ онъ не жалуется, какіе нибудь случайныя поврежденія, ушибы и т. п. переноситъ безъ всякихъ признаковъ боли.

По временамъ слабоумные подвергаются какому-то неопредѣленному возбужденію: они ходятъ взадъ и впередъ, бродятъ всюду, встаютъ ночью безъ всякаго повода и положительно не могутъ давать отчета въ своемъ поведеніи. Неумѣстное обращеніе, насмѣшки, раздраженіе со стороны окружающихъ, которые нерѣдко ихъ дразнятъ, иногда вызываютъ припадки сильнаго волненія, не совсѣмъ безопасные.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда больной дошелъ уже до крайней степени слабоумія, у него являются такъ называемыя автоматическія движенія, какъ напр. качаніе головой, странныя подергиванія руками, ногами, всѣмъ туловищемъ, совершенно безсмысленныя гримасы и т. д.

Слабоуміе продолжается, смотря по степени умственнаго упадка, весьма различное время и оканчивается смертью, отъ какой нибудь случайной болѣзни или общаго истощенія силъ.

Паралличное помѣшательство или общій возрастающій параличъ.

(Paralysis generalis progrediens; Dementia paralytica).

§ 192. Общій возрастающій параличъ считается болѣзнію новою. По крайней мѣрѣ въ медицинской литературѣ первое указаніе на параличную форму душевныхъ болѣзней было сдѣлано въ концѣ прошлаго столѣтія. Нынѣ же общій параличъ встрѣчается весьма часто, преимущественно въ классѣ образованныхъ людей, и, повидимому, абсолютное число паралитиковъ возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

§ 193. Существенный характеръ этой болѣзни состоитъ въ одновременномъ развитіи какъ душевнаго разстройства, такъ и паралича въ движущей сферѣ организма. Такимъ образомъ параличное помѣшательство представляетъ два ряда идущихъ параллельно признаковъ, а именно: явленія помѣшательства и явленія разстроенной мускульной дѣятельности.

Душевное разстройство въ параличномъ помѣшательствѣ проявляется въ видѣ первичнаго или вторичнаго помѣшательства и отличается отъ непараличнаго тѣмъ, что съ самаго начала болѣзни обнаруживается явный упадокъ мыслительной дѣятельности.

Сопровождающій душевное разстройство параличъ характеризуется тѣмъ, что, начиная съ незначительнаго затрудненія въ движеніяхъ языка, постепенно поражаетъ всѣ движущіе органы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда не доводитъ до совершенной неподвижности какой либо части организма. (Paralysis generalis incompleta).

§ 194. Въ большинствѣ случаевъ общій параличъ начинается какъ бы апоплексическимъ ударомъ. Больной вдругъ падаетъ безъ чувствъ, лежитъ неподвижно нѣсколько минутъ, четверть часа, до часу, затѣмъ приходитъ въ себя, о случившемся ничего не помнитъ. Иногда, вмѣсто удара, больной чувствуетъ только головокруженіе, темноту передъ глазами, шумъ въ ушахъ, онъ спотыкается, но не падаетъ и тотчасъ

же оправляется. Въ томъ и другомъ случаѣ послѣ припадка замѣчается нѣкоторая забывчивость, разсѣянность, раздражительность или апатичное, какъ будто сонное состояніе больнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ иногда языкъ отнимается, иногда же только произношеніе словъ нѣсколько затрудняется, языкъ слегка запинается. Черезъ нѣсколько времени явленія эти прекращаются. Однако черезъ болѣе или менѣе значительный промежутокъ времени апоплектическій ударъ повторяется, и, надобно замѣтить, иногда наступаетъ ночью, во время сна, такъ что окружающіе больнаго могутъ и не замѣтить припадка. Затѣмъ измѣняется расположеніе духа больнаго. Онъ принимаетъ печальный, грустный видъ, начинаетъ хандрить, жалуется, что у него недостаетъ какихъ-либо органовъ, какъ напр. печени или желудка, что не можетъ ѣсть, потому что пища въ желудокъ не попадаетъ, а проходитъ мимо подъ кожей и т. п. Иногда же, наоборотъ, онъ приходитъ въ восторженное настроеніе, чувствуетъ себя крайне хорошо, преувеличиваетъ свои способности, суетится, строитъ обширные планы, покупаетъ дорогія вещи, превышающія его средства, или ничтожныя, которыя выдаетъ за драгоцѣнности. При томъ легко раздражается, подчасъ выходитъ изъ себя и наконецъ явно начинаетъ бредить о богатствѣ и величіи (délire de grandeur, delirium ambitiosum). Бредъ его сначала имѣетъ какой-то игривый характеръ (Nasse); больной производитъ впечатлѣніе лишь только хвастуна и привлекаетъ къ себѣ вниманіе лишь тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ безразсудно тратитъ деньги, уплачивая напр. за довольно посредственный обѣдъ въ трактирѣ по тридцати рублей и т. п.

Впослѣдствіи его ложныя представленія укореняются и выясняются; онъ повидимому совершенно увѣренъ въ ихъ истинѣ; онъ считаетъ себя милліонеромъ и въ скоромъ времени называетъ себя генераломъ, министромъ, императоромъ, губернаторомъ всей Европы, посланникомъ всѣхъ земныхъ и неземныхъ государствъ.

§ 195. Замѣчательно, что почти съ перваго появленія бреда, больной повидимому лишается понятія о *количествѣ*, *про-*

странствъ и времени. Онъ не довольствуется напр. состояніемъ въ 2, 3, 10 милліоновъ или называть себя государемъ опредѣленной страны, но тотчасъ переступаетъ всѣ предѣлы возможнаго и мыслимаго. У него 100,000 чистокровныхъ арабскихъ лошадей, 7,000 заводовъ или фабрикъ, 600,000 брилліантовъ, 20,000 милліоновъ ежегоднаго дохода. Онъ строитъ дома въ 15, 100, 900 этажей; его лошади бѣгутъ въ четверть минуты по 70 верстъ; у него *золотая* желѣзная дорога; дорога эта всегда готова и идетъ по всѣмъ направленіямъ, куда бы ему ни вздумалось ѣхать; въ каждомъ поѣздѣ имѣется 500 вагоновъ, въ каждомъ вагонѣ 500 комнатъ, каждая комната устроена на 500 человѣкъ; у него дворцы и дома съ брилліантовыми стѣнами, въ нихъ устроено нѣсколько тысячъ мраморныхъ ваннъ съ благовонною водою; онъ охотится и въ часъ стрѣляетъ 50,000 оленей, ловитъ 70,000 лисицъ, убиваетъ въ день 20,000 медвѣдей; къ обѣду ему подаютъ 200 милліоновъ превосходныхъ блюдъ; приглашая кого-либо къ себѣ на службу, онъ предлагаетъ по 100 милліоновъ рублей жалованья въ день; за поданную ему сигару онъ предлагаетъ въ подарокъ два-три сундука, наполненныхъ полуимперіалами; онъ получаетъ и отправляетъ телеграфическія депеши *всѣмъ*, чтобы увѣдомить о чемъ нибудь *всѣхъ* и пригласить къ себѣ, почему бы то ни было, *всѣхъ*.... Считая свои деньги и не находя цифры подходящей, онъ придумываетъ *новыя* слова, такъ напр. нѣсколько милліоновъ онъ называетъ будильонами, нѣсколько милліоновъ послѣднихъ составляютъ бурдоны; эти же бурдоны опять считаются милліонами и даютъ тогда аконы и т. д. Въ высшей степени замѣчательно, что паралитикъ, одержимый мрачнымъ помѣшательствомъ, тѣмъ не менѣе, отъ большихъ цифръ отказаться не можетъ. Такъ напр. онъ жалуется, что ходить не можетъ, потому что его напоили 120 бочками вина, что онъ весь пропитанъ спиртомъ, что въ немъ гибель ядовъ; онъ утверждаетъ, что принялъ на себя 2000 грѣховъ и т. д. Паралитикъ признаетъ своей собственностью все существующее и несуществующее и даже невозможное. Съ добродушной щед-

ротой подаривъ намъ *все*, онъ, тѣмъ не менѣе, утверждаетъ, что кромѣ того, т. е. кромѣ *всего*, еще осталось у него гораздо болѣе того, что сейчасъ только отдалъ намъ.

Въ то же время онъ приписываетъ себѣ всѣ способности, познанія, ученыя степени въ совершеннѣйшемъ видѣ; онъ знаетъ всѣ языки, онъ докторъ всѣхъ наукъ, путешествовалъ по всѣмъ краямъ свѣта, пользуется не только наилучшимъ здоровьемъ, но избыткомъ своего здоровья и своихъ силъ изцѣляетъ больныхъ; онъ величаетъ себя царемъ всѣхъ странъ, всей Европы и Америки, всего земнаго шара, всей вселенной; ему подвластны всѣ народы и, распоряжаясь ихъ судьбой, онъ перемѣщаетъ ихъ изъ одного конца свѣта на другой — и все это дѣлается въ одно мгновеніе, тотчасъ, безъ малѣйшаго затрудненія.

§ 196. Бредъ о величіи паралычнаго отъ подобнаго бреда сумасшедшаго рѣзко отличается *отсутствіемъ*, въ первомъ случаѣ, *внутренняго смысла*. Сумасшедшій также даетъ себѣ громкое имя или званіе, но онъ выдерживаетъ свою роль болѣе или менѣе удачно. Паралычный же вовсе не дорожитъ своимъ бредомъ и мѣняетъ его ежедневно, забывая то, что утверждалъ вчера. Сумасшедшій относится къ намъ, простымъ смертнымъ, высокомѣрно, равнодушно и гордо, уклоняется отъ насъ, какъ скоро мы не признаемъ его ложнаго величія. Паралычный, напротивъ, соглашается даже сложить съ себя императорскій санъ, но черезъ нѣсколько минутъ придаетъ себѣ какое нибудь другое высокое положеніе. Онъ относится къ намъ добродушно, любезно, покровительствуетъ намъ. Правда, если ему возражаютъ, онъ раздражается и сердится, на подобіе капризнаго ребенка, у котораго отняли игрушку, но скоро успокоивается и не знаетъ ни злости, ни мести, тогда какъ сумасшедшій за воображаемую обиду, за отказъ въ какой нибудь просьбѣ, за сдѣланное ему замѣчаніе, нерѣдко способенъ отомстить при первомъ удобномъ случаѣ.

Паралычный нисколько не увлекается своимъ бредомъ и высказываетъ его съ величайшимъ равнодушіемъ, какъ будто это дѣло совершенно естественное и въ то же время не отка-

зывается отъ своей дѣйствительной личности; онъ остается Петромъ или Иваномъ и кромѣ того называетъ себя государемъ. Сумасшедшій всегда говоритъ о себѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства и приходитъ нерѣдко въ сильное волненіе, когда кто его называетъ по дѣйствительному имени или званію.

§ 197. Съ теченіемъ времени бредъ о величіи прекращается точно также, какъ прекращается систематическій бредъ сумасшедшаго, по причинѣ возрастающаго ослабленія умственныхъ силъ, въ особенности памяти.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, съ самаго начала болѣзни, бреда опредѣленнаго вовсе не имѣется — больной просто является слабоумнымъ и въ высшей степени апатичнымъ.

§ 198. Рядомъ съ душевнымъ разстройствомъ идетъ параличъ движенія. Параличъ обыкновенно начинается съ языка. Произношеніе словъ затрудняется все болѣе и болѣе и по прошествіи нѣкотораго времени дѣлается совершенно невозможнымъ. Больной бормочетъ невнятно и глухо.

Въ довольно раннемъ періодѣ параличнаго помѣшательства замѣчается съуженіе обоихъ зрачковъ или расширеніе одного изъ нихъ, легкія подергиванія лицевыхъ мышцъ, дрожаніе губъ, языка, рукъ. Больной плохо владѣетъ пальцами, роняетъ ложку, вилку, стаканъ, пишетъ зигзагами, пропуская отдѣльныя буквы; пожатіе руки слабо, походка дѣлается шаткой, не твердой, не ловкой; больной спотыкается, подчасъ падаетъ.

Впослѣдствіи параличъ переходитъ и на растительную сферу организма. Глотаніе затрудняется; нерѣдко больные давятся отъ остатковъ пищи въ глоткѣ. Мочеиспусканіе и испражненіе низомъ происходитъ безсознательно; къ неопрятности своей больной относится совершенно равнодушно. Онъ худѣетъ, истощается; наконецъ являются пролежни на крестцѣ и бедрахъ. По временамъ повторяются апоплексическіе удары и, конечно, всегда усиливаютъ плохое состояніе больнаго. Нѣкоторые параличные подвергаются припадкамъ эпилепсіи.

Повременамъ и безъ всякаго внѣшняго повода паралитики приходятъ въ какое-то неопредѣленное, полубезсозна-

тельное возбужденіе и безпокойство; они кричатъ, бранятся, рвутъ платье и бѣлье, по цѣлымъ ночамъ не спятъ.

§ 199. Общій параличъ продолжается отъ одного года до четырехъ и шести лѣтъ и всегда оканчивается смертью.

Теченіе паралачнаго помѣшательства прерывается ослабленіями или ремиссіями, т. е. промежутками времени, въ продолженіе которыхъ болѣе или менѣе значительно улучшается состояніе больнаго.

Въ первое время ослабленія нерѣдко бываютъ до того полны, что окружающіе больнаго считаютъ его вполнѣ выздоровѣвшимъ. Во многихъ случаяхъ единственнымъ признакомъ того, что мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствительнымъ прекращеніемъ, а только съ ослабленіемъ болѣзни, служитъ легкое затрудненіе языка и нѣкоторая забывчивость и неспособность больнаго къ умственному труду. Подобныя ослабленія могутъ продолжаться, при благопріятныхъ условіяхъ, съ годъ и болѣе. Но черезъ болѣе или менѣе продолжительное время всѣ признаки общаго паралича появляются вновь и въ болѣе сильной степени. Чѣмъ долѣе продолжалась болѣзнь, тѣмъ незначительнѣе ослабленія и въ послѣднее время уже вовсе не имѣется ремиссій.

Повременамъ въ медицинской журналистикѣ сообщаются случаи совершеннаго выздоровленія отъ общаго паралича. Но большая часть этихъ случаевъ описаны такъ поверхностно, что общее мнѣніе врачей-спеціалистовъ о неизлечимости паралачнаго помѣшательства по сіе время не могло быть поколеблено.

§ 200. Съ общимъ параличемъ кончается рядъ обыкновенно принятыхъ формъ пріобрѣтеннаго помѣшательства. Кромѣ меланхоліи, маніи, сумасшествія, слабоумія и общаго паралича— душевныхъ болѣзней не существуетъ. Тѣмъ не менѣе мы бы ошиблись, еслибъ признали помѣшаннымъ *только* того, кто явно обнаруживаетъ одну которую либо изъ вышеприведенныхъ формъ душевнаго разстройства.

Помѣшательство не всегда развивается вполнѣ и нерѣдко

переходитъ въ неполное душевное здоровье. Въ томъ и другомъ случаѣ получается картина болѣзни, въ которой многихъ изъ важнѣйшихъ, болѣе крупныхъ явленій помѣшательства вовсе не имѣется налицо. Обстоятельство это подаетъ поводъ къ припятію такъ называемыхъ *отрывочныхъ формъ* или, какъ говорится, *сомнительныхъ случаевъ помѣшательства.* Такъ какъ большая часть преступленій, совершаемыхъ помѣшанными, относится къ отрывочному помѣшательству, то о немъ я буду говорить впослѣдствіи.

Безуміе.

(Idiotismus, Jmbecillitas congenita).

§ 201. Безуміе или врожденное слабоуміе (тупоуміе, безсмысліе), смотря по степени своей, проявляется въ столь различныхъ видахъ или оттѣнкахъ, что едва ли можно дать типическое описаніе его.

Общій характеръ безумія заключается въ притупленіи чувственныхъ впечатлѣній, въ слабости памяти и соображенія, въ болѣе или менѣе значительномъ упадкѣ мыслительной дѣятельности. Безумный разсуждаетъ очень слабо или вовсе не умѣетъ разсуждать. Неточныя и неопредѣленныя впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ плохо удерживаются памятью и вовсе не даютъ представленій или даютъ только неполныя, отрывочныя, смутныя представленія. Представленія же непрочно сочетаются между собой; изъ нихъ почти вовсе не возникаетъ понятій, потому что процессъ обобщенія представленій идетъ вяло и слабо.

При такихъ условіяхъ ясно, что сфера дѣйствій безумнаго должна быть весьма ограничена. Не имѣя ясныхъ представленій о цѣляхъ дѣйствія вообще, безумный не имѣетъ опредѣленныхъ желаній или стремленій, кромѣ удовлетворенія животныхъ побужденій (самосохраненія, половаго влеченія). Онъ относится равнодушно ко всѣмъ и всему, лишь бы только не раздражали его; онъ не радуется и не страдаетъ глубоко.

Важнѣйшимъ мѣриломъ душевныхъ способностей вообще служитъ языкъ, — способность отчетливо выражать словами

свои ощущенія и представленія. Безумный, умѣющій говорить, допускаетъ нѣкоторое воспитаніе или дрессировку надъ собой, пріучась держать себя болѣе или менѣе прилично, скромно, тихо, заниматься кое-какой работою, исправлять кое-какія домашнія обязанности. Въ нашихъ деревняхъ такъ называемые дурачки и дурочки (къ которымъ принадлежитъ также большая часть непомнящихъ родства и не малая часть странниковъ и странницъ) часто отправляютъ должность нянюшекъ за малолѣтними дѣтьми, пастуховъ, разсыльныхъ и т. п.

Безумные, неспособные говорить, по душевному своему состоянію, повидимому, нерѣдко стоятъ ниже нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ. Они лѣнивы, обжорливы, неопрятны. Есть безумные до того апатичные, что безмолвно переносятъ все, что надъ ними дѣлаютъ; но есть и безумные, ведущіе постоянную борьбу съ окружающими. Они кричатъ, грызутся, дерутся, ломаютъ безъ причины и цѣли все, что имъ ни попадается подъ руки.

§ 202. Въ большинствѣ случаевъ тѣлесное развитіе безумныхъ также неправильно. У нихъ часто встрѣчается ненормальное образованіе черепа (отъ ранняго сращенія черепныхъ швовъ), совершенно безсмысленное выраженіе лица, косоглазіе, золотушное тѣлосложеніе, ненормальное половое развитіе и, вслѣдствіе этого, усиленная похотливость. Припадки падучей болѣзни, пляска св. Витта, другія нервныя болѣзни нерѣдко осложняютъ собой ихъ жалкое состояніе.

У нѣкоторыхъ безумныхъ сильно развиты такъ называемыя автоматическія движенія, зависящія отъ болѣзненнаго раздраженія въ самыхъ центрахъ движущихъ органовъ.

§ 203. Совпаденіе врожденнаго безсмыслія съ зобомъ и рахитическимъ тѣлосложеніемъ вообще называется *кретинизмомъ*.

Во многихъ странахъ западной Европы кретинизмъ составляетъ *эндемическую* болѣзнь, т. е. мѣстное вырожденіе организма. Ближайшія условія кретинизма въ точности неизвѣстны. У насъ кретинизмъ встрѣчается въ Олонецкой, Архан-

гельской, Витебской губерніяхъ, въ восточной Сибири, около береговъ рѣки Лены и въ нѣкоторыхъ при-уральскихъ краяхъ.

ЧАСТЬ III.

О ПРИМѢНЕНІИ ПСИХОЛОГІИ И ПСИХІАТРІИ КЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ВОПРОСАМЪ.

§ 204. Правовѣдѣніе, какъ наука теоретическая, даетъ болѣе или менѣе прочное основаніе законодательству, законодательство же формулируетъ требованія правовѣдѣнія въ видѣ отдѣльныхъ законоположеній, опредѣляющихъ извѣстныя отношенія между собой какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго общества.

Съ другой стороны, какъ наука практическая, правовѣдѣніе руководствуетъ гражданское и уголовное судопроизводство.

§ 205. Исходная точка законодательства — это *возможность исполненія даннаго закона.* Законъ, соблюденіе котораго почему бы то ни было фактически невозможно, — пустая фраза. Предписаніе, чтобы всѣ люди, входящіе въ составъ государства, отличались подвигами добродѣтели, было бы настолько же неумѣстно, насколько нелѣпымъ явился бы законъ, предписывающій, чтобы всѣ граждане летали по воздуху.

Стало быть, требуя исполненія закона отъ кого бы то ни было, необходимо предварительно удостовѣриться въ томъ, что онъ дѣйствительно способенъ удовлетворить высказанному требованію.

Не находя непосредственно въ самомъ себѣ удостовѣренія въ *способности* каждаго человѣка исполнять законы, правовѣдѣніе должно обратиться къ тѣмъ наукамъ о природѣ человѣка, которыя могутъ или могли бы уяснить возникшій вопросъ.

Науки эти — *психологія* и *психіатрія.*

§ 206. Правовѣдѣніе нерѣдко прибѣгаетъ къ медицинскимъ и прочимъ естественнымъ наукамъ, когда вопросъ идетъ о дѣлахъ, рѣшеніе которыхъ требуетъ специальныхъ научныхъ или техническихъ свѣдѣній. Источникъ судебно-медицинской практики, говоритъ Friedreich,*) лежитъ въ самомъ правовѣдѣніи. Врачъ, qualis talis, въ ней не нуждается; она была вызвана потребностью правовѣдѣнія получить объясненіе извѣстныхъ явленій отъ наукъ медицинскихъ и естественныхъ. Такъ напр. юриспруденція собственными средствами не можетъ опредѣлить, послѣдовала ли, въ данномъ случаѣ, смерть отъ принятія яда или какой либо другой причины. Тѣмъ не менѣе рѣшеніе этого вопроса составляетъ необходимое предварительное условіе всѣхъ дальнѣйшихъ мѣропріятій правовѣда. Внѣшній фактъ, что А умеръ *послѣ* полученнаго отъ В толчка, еще не достаточенъ для того, чтобы утверждать, что смерть послѣдовала *вслѣдствіе* толчка и, слѣдовательно, что В долженъ быть обвиняемъ въ убійствѣ. Судебная же медицина находитъ, что найденныя у А. поврежденія или ушибы слишкомъ незначительны для того, чтобы причинить ему смерть; съ другой стороны, что у него лопнула аневризма сердца, которая, по степени своего развитія, могла лопаться во всякое время и совершенно независимо отъ какой либо внѣшней причины, но по всей вѣроятности лопнула въ данное время вслѣдствіе потрясенія А отъ паденія наземь. Стало быть смерть А произошла не непосредственно отъ насилія, нанесеннаго ему В, но отъ случайнаго болѣзненнаго состоянія, въ которомъ находился А. Можно также допустить, что В не толкнулъ бы А, еслибъ зналъ о существованіи аневризмы, могущей способствовать внезапной смерти. Но можно и допустить, что, по всей вѣроятности, обвиняли бы В въ убійствѣ, еслибъ судебному врачу не удалось распознать аневризму.

§ 207. Нѣтъ никакого основанія отказаться отъ приня-

---

*) Handbuch der gerichtärztlichen Praxis. Regensburg. 1855. Bd. II. S. V.

тыхъ въ судебной медицинѣ общихъ правилъ и тогда, когда дѣло касается душевнаго состоянія человѣка.

Мы принимаемъ, въ совершенномъ согласіи съ закономъ, что каждый человѣкъ способенъ исполнять его постановленія, что онъ въ состояніи завѣдывать своими дѣлами, совершать разные формальные акты, стремиться къ добру, избѣгать зла, противостоять искушенію, покоряться требованію долга, не допускать себя до нарушенія закона, — но все это cum grano salis, до поры до времени.

Спрашивается, какимъ образомъ случается или что требуется для того, чтобы способность человѣка исполнять законы обратилась въ противоположное состояніе, т. е. въ такое состояніе, которое законодательство признаетъ настолько исключительнымъ, что сочло нужнымъ примѣнить къ нему нѣкоторыя *особыя* установленія? Ясно, что для этого необходима какая нибудь перемѣна въ человѣкѣ. Не менѣе ясно, что перемѣна эта должна происходить въ *душевной сферѣ*, такъ какъ исполненіе или неисполненіе кѣмъ-либо даннаго правительствомъ закона безусловно составляетъ *душевный актъ*.

Изученіемъ душевнаго быта, его различныхъ проявленій, измѣненій и разстройства занимаются психологія и психіатрія. А потому, желая себѣ уяснить какой либо вопросъ, относящійся къ душевной дѣятельности человѣка, правовѣдѣніе не можетъ не обращаться къ означеннымъ наукамъ.

По словамъ Шаумана*) психологія (и психіатрія — присовокупляю я) учитъ законодателя смотрѣть на тѣхъ, кому онъ пишетъ законъ, не какъ на дикихъ звѣрей, какъ смотрѣлъ на нихъ Драконъ, или какъ на рабовъ, каковыми почиталъ ихъ Калигула, но, по примѣру Тита и Марка Авреліяна, признавать ихъ *людьми*; психологія (и психіатрія) учитъ его, что мечъ и тюрьма не суть ни единственныя, ни самыя существенныя средства для искорененія преступленія и что не одна только вооруженная десница правосудія сохраняетъ міръ и безопас-

*) Friedreich's Blätter für gerichtliche Anthropologie. 1860. стр. 20.

ность въ государствѣ; учитъ его издавать такіе уголовные законы, которые караютъ лишь злодѣя, а не невиннаго, устанавливая цѣлесообразныя наказанія; учитъ его обращаться съ обвиняемыми и мудро, и гуманно.

§ 208. Примѣненіе къ юридическимъ вопросамъ нашихъ свѣдѣній о нормальномъ и ненормальномъ душевномъ состояніи человѣка составляетъ предметъ *судебной психологіи.**)

Судебную психологію нельзя считать особенною, самобытною наукою. Она развиваетъ не какое нибудь новое ученіе; напротивъ, принципы, въ силу которыхъ она получаетъ значеніе прикладной науки, выработываются собственно *правовѣдѣніемъ,* составляя краеугольной камень «праваго и милостиваго» суда.

§ 209. Необходимость удостовѣриться въ существованіи способности человѣка исполнять законы является въ двухъ случаяхъ, а именно, когда нужно опредѣлить:

1) способенъ-ли кто пользоваться всѣми правами, предоставленными ему закономъ? и

2) подлежитъ-ли онъ за совершенный имъ проступокъ или преступленіе установленному закономъ наказанію?

Первый вопросъ предлагается судомъ гражданскимъ, второй — уголовнымъ.

Какъ способность распоряженія или способность располагать, правоспособность (validitas, facultas disponendi), такъ и способность ко вмѣненію (imputabilitas) выражаютъ собой чисто юридическія понятія.

§ 210. Однако было бы ошибочно подъ словами «спо-

---

*) Lehrbuch der gerichtl. Psychologie von Dr. F. Wilbrand. Erlangen. 1858.
System der gerichtlichen Psychologie von S. B. Friedreich. Regensburg. 1842.
Friedreich's Blätter für gerichtliche Anthropologie. 1860—1872.
Die Zurechnung etc. von Ebers Glogau. 1860.
Das Seelenleben des Menschen etc für Aerzte und Juristen von Günthner. Wien und Prag. 1861.
La folie devant les Tribuneaux par Legrand du Saulle. Paris. 1864.
Pathologie und Therapie der Psychosen von Flemming. Berlin 1859. стр. 436—485.
Grundzüge der Criminal-Psychologie. Von Kraft-Ebing. Erlangen. 1872.

собность ко вмѣненію» или «правоспособность» подразумѣвать какія нибудь особенныя, исключительныя душевныя способности человѣка. Выраженія «способность ко вмѣненію» и «способность распоряженія» суть ничто иное, какъ *юридическія формулы* для обозначенія извѣстнаго душевнаго состоянія даннаго лица. Законъ называетъ преступленіемъ всякое дѣяніе, запрещенное подъ страхомъ наказанія. Стало быть, преступленіе— это дѣяніе, влекущее за собой нѣкоторыя впередъ опредѣленныя послѣдствія. Способностью же ко вмѣненію называется то душевное состояніе субъекта (конечно во время совершенія имъ преступленія), которое заставляетъ судъ дать свободный ходъ законнымъ послѣдствіямъ преступленія. Способность ко вмѣненію—это то душевное состояніе субъекта, которое дѣлаетъ *возможнымъ* примѣненіе къ нему извѣстнаго наказанія. Разъясненіе же вопроса, подлежитъ-ли и въ какой мѣрѣ подлежитъ наказанію данный субъектъ? — называется *вмѣненіемъ*.

§ 211. Опредѣленіе способа и мѣры наказанія, сообразно съ обстоятельствами дѣла, вполнѣ принадлежитъ суду. Никто и не сомнѣвается въ томъ, что вмѣненіе составляетъ собой *юридическій актъ*, оканчивающійся приговоромъ или освобожденіемъ отъ суда обвиняемаго. Но изъ того, что судъ *вмѣняетъ*, далеко еще не слѣдуетъ, чтобы онъ также опредѣлялъ *способность* ко вмѣненію. Понятія «*опредѣленіе способности* ко вмѣненію» и «*вмѣненіе* кому-либо дѣянія въ вину» нисколько не совпадаютъ одно съ другимъ, уже потому, что способность ко вмѣненію есть *извѣстное душевное состояніе даннаго лица*, а вмѣненіе состоитъ въ *умственномъ актѣ* представителей суда. Для того, чтобы судъ *могъ* вмѣнять или не вмѣнять, предварительно требуется опредѣленіе *способности* ко вмѣненію заинтересованнаго лица. Способность ко вмѣненію — это фактическое обстоятельство, которое должно быть уже признано, для того чтобы приступить ко вмѣненію.

Нерѣдко смѣшиваютъ *вмѣненіе* съ опредѣленіемъ *способности* ко вмѣненію и потому, производя актъ вмѣненія, полагаютъ опредѣлить способность ко вмѣненію. Вслѣдствіе этого

случается, что лица, которыхъ способность ко вмѣненію своевременно не была опредѣлена, во время судебнаго слѣдствія— стало быть при самомъ актѣ вмѣненія — должны быть признаваемы неспособными ко вмѣненію. Было бы нелѣпо подвергнуть судебному слѣдствію лицо, *неспособное* ко вмѣненію. По крайней мѣрѣ вышла бы лишь жалкая комедія изъ судебнаго слѣдствія, которое *не могло бы* имѣть никакихъ уголовныхъ послѣдствій, потому что самимъ закономъ уже установлена *ненаказуемость* лицъ, неспособныхъ ко вмѣненію. Обстоятельство это конечпо не должно смѣшивать съ тѣмъ случаемъ, когда субъекту, *способному ко вмѣненію*, тѣмъ не менѣе *не вмѣняютъ* въ вину содѣяннаго. Ибо, по сущности своей, вмѣненіе можетъ вести какъ къ положительному, такъ и къ отрицательному результату. Утвердительный приговоръ присяжныхъ засѣдателей «виновенъ» составляетъ собой послѣднее слово вмѣненія точно также, какъ оканчиваетъ его отрицательный приговоръ «не виновенъ.» Но въ какую бы сторону ни склонялось вмѣненіе, всегда кореннымъ основаніемъ его является *способность* ко вмѣненію обвиняемаго. *Неспособность* же ко вмѣненію, прекращая собой возможность наказанія, въ то же время уничтожаетъ и необходимость разъясненія, слѣдуетъ ли и какъ слѣдуетъ его примѣнить и такимъ образомъ устраняетъ и самый актъ вмѣненія. И въ самомъ дѣлѣ судъ постоянно поступаетъ совершенно согласно съ нашимъ взглядомъ. Судебное слѣдствіе тотчасъ останавливается, т. е. дѣло вовсе не доходитъ до вмѣненія, какъ только доказана неспособность ко вмѣненію.*)

§ 212. Принимая въ соображеніе, что душевное состояніе далеко не одинаково у всѣхъ людей и подвергается болѣе или менѣе значительнымъ измѣненіямъ отъ случайныхъ причинъ, законодательство всѣхъ цивилизованныхъ странъ**) *извѣстныя душевныя состоянія фактически признаетъ причинами совер-*

---

*) Friedreich's Blätter и пр. 1873. II. стр. 153.

**) Traité de la médécine légale des aliénés par Morel. Paris. 1866. стр. 41.

*шеннаго прекращенія или нѣкотораго ограниченія выше (§ 209) означенныхъ юридическихъ способностей.**)

§ 213. Психологическія явленія не могутъ быть разсматриваемы какъ непосредственный и необходимый результатъ нашей организаціи. Душевная дѣятельность не обнаруживается уже «готовою и законченною» съ перваго своего возникновенія, но *развивается* постепенно въ теченіе жизни. Печень, сердце и прочіе органы растительной жизни уже съ рожденія человѣка проявляютъ тѣ отправленія, которыя имъ свойственны и впослѣдствіи и дѣятельность ихъ нисколько не совершенствуется въ продолженіе жизни. Головной мозгъ, напротивъ, съ рожденія обнаруживаетъ лишь одну часть своихъ отправленій сообща съ другими органами. Лишь путемъ продолжительнаго *воспитанія* нервные центры получаютъ высокое значеніе органа сознательной жизни и главнѣйшаго посредника отношеній человѣка къ остальной природѣ.**)

Человѣкъ растетъ при людяхъ, а потому подвергается постоянному вліянію ихъ. Сумма этихъ вліяній, направленныхъ на него болѣе или менѣе дѣятельно со стороны окружающихъ лицъ, составляетъ — воспитаніе.

Психическое развитіе человѣка весьма недостаточно и несовершенно, если ему не содѣйствуетъ воспитаніе. Лишенный воспитанія человѣкъ бываетъ дикимъ до такой степени, что стоитъ чуть ли не ниже животныхъ, управляемыхъ непреложнымъ инстинктомъ.

Съ другой стороны развитіе человѣка идетъ постепенно и по достиженіи извѣстной степени принимаетъ обратное направленіе. Постепенный ходъ душевнаго развитія болѣе или менѣе точно соотвѣтствуетъ лѣтамъ человѣка.

§ 214. Появленіе юридической способности исполнять законы приводится къ извѣстному возрасту. Возрастъ этотъ — *совершеннолѣтіе.*

---

*) Berner, Grundlinien der criminalistischen Imputationslehre. Berlin. 1863. стр. 75.

**) Maudsley, l. c. стр. 44.

Каждый совершеннолѣтній, передъ закономъ, *способенъ ко вмѣненію* до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказана его *невмѣняемость*. Послѣднюю законъ признаетъ лишь случайнымъ, исключительнымъ фактомъ.

§ 215. Обстоятельства, при которыхъ совершается преступленіе, могутъ сложиться такъ своеобразно, что подсудимый, не смотря на полную *способность* ко вмѣненію, тѣмъ не менѣе наказанію *не* подвергается, какъ напр. если преступленіе произошло вслѣдствіе случайной ошибки или необходимой обороны.

Подобныя внѣшнія условія, сопровождающія преступленіе, служили поводомъ принимать (не совсѣмъ впрочемъ логично) *неспособность ко вмѣненію* у людей совершенно здоровыхъ, т. е. у людей, психическое состояніе которыхъ не представляетъ никакого уклоненія отъ нормы.

Съ другой стороны законодательство приводитъ рядъ душевныхъ состояній, уничтожающихъ юридическую отвѣтственность вслѣдствіе *болѣзненныхъ (патологическихъ) явленій*, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ *душевнаго разстройства*, стало быть вслѣдствіе условій, производящихъ въ *душевномъ состояніи субъекта болѣе или менѣе значительное и существенное измѣненіе*. (§ 207).

§ 216. Не смотря на коренное различіе тѣхъ и другихъ состояній, до сего времени старались ихъ привести къ *одному общему знаменателю*, опредѣляя неспособность ко вмѣненію по одному и тому же признаку, какъ въ нормальномъ, такъ и въ ненормальномъ состояніи человѣка.

Основаніемъ этихъ опредѣленій служатъ слѣдующія воззрѣнія.

a) Психологическое воззрѣніе.

§ 217. Долгое время въ психологіи господствовало мнѣніе, что душа, какъ дѣйствующій и страдающій субъектъ, обладаетъ различными способностями, каковы напр. память, умъ, воображеніе, разумъ, сознаніе, самосознаніе и пр.

Этимъ способностямъ приписывали такую независимость другъ отъ друга, что находили совершенно естественнымъ прекращеніе, отъ чего бы то ни было, одной какой-либо душевной способности при сохраненіи всѣхъ остальныхъ. Воззрѣніе это создало какое-то странное отношеніе души къ своимъ собственнымъ способностямъ. Во время господства схоластической философіи въ самомъ дѣлѣ возникли пренія о томъ, не составляютъ-ли душевныя способности нѣчто отдѣльное, самостоятельное, отличное отъ самой души. Душа какъ будто распоряжается своими способностями по произволу наподобіе того, какъ человѣкъ открываетъ и закрываетъ ящики шкафа, носящіе различные ярлыки. Понадобился одинъ ящикъ, онъ откроетъ его; понадобится другой, — закрывъ первый, откроетъ послѣдній. Точно также душа приводитъ въ дѣйствіе то умъ, то воображеніе, то разумъ, будто бы между той и другой «способностью» нѣтъ ничего общаго.

§ 218. Подъ вліяніемъ этого ученія многими законодательствами приняты были нѣкоторые *отрицательные признаки* для опредѣленія того душевнаго состоянія, которымъ уничтожается способность ко вмѣненію. Такъ напр. въ сводахъ уголовныхъ законовъ мы встрѣчаемъ слѣдующія выраженія: совершенное лишеніе употребленія разсудка; отсутствіе сознанія того, что дѣлаютъ (въ Австріи); лишеніе способности обсудить послѣдствія своего дѣянія (въ Пруссіи); потеря умственныхъ способностей и разсудка (будто бы разсудокъ не есть умственная способность); отсутствіе надлежащаго разумѣнія; неимѣніе понятія о самомъ свойствѣ своего дѣянія (въ Россіи) и пр.

§ 219. Ученіе о душевныхъ способностяхъ, какъ самостоятельныхъ проявленіяхъ душевной дѣятельности, не можетъ быть признаваемо современнымъ. Если — говоритъ Гербартъ*) — къ научно-возникшимъ понятіямъ о томъ, *что происходитъ въ насъ*, прибавить предположеніе о *способностяхъ, которыми мы обладаемъ*, то психологія обратится въ миѳологію.

*) Lehrbuch der Psychologie. 3. Auflage herausgeg. von Hartenstein. Leipzig. 1850. стр. 8.

При внимательномъ самонаблюденіи не трудно убѣдиться, что всѣ такъ называемыя душевныя способности суть ничто иное, какъ различныя, по содержанію своему, проявленія одной и той же душевной дѣятельности. Различіе же ея проявленій зависитъ какъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ условій, вызывающихъ ее, такъ и отъ предметовъ, къ которымъ она относится. При томъ проявленіе одной способности самымъ тѣснымъ образомъ связано съ проявленіемъ другой. Одна и таже способность постоянно измѣняется и дальнѣйшее развитіе ея вполнѣ зависитъ отъ содѣйствія всѣхъ остальныхъ.

Съ другой стороны, измѣненіе или прекращеніе одной способности неминуемо влечетъ за собой измѣненіе и прекращеніе и другихъ. Такъ напр. неимѣніе памяти дѣлаетъ *невозможнымъ* всякое душевное развитіе. Мышленіе невозможно, если не имѣется представленій и понятій. Послѣднія вовсе не могутъ развиваться, если имъ не предшествуютъ извѣстныя чувственныя впечатлѣнія. Ясность и отчетливость мысли зависитъ какъ отъ числа представленій, могущихъ быть воспроизводимыми, такъ и отъ способа ихъ сочетанія. Для развитія разума необходима дѣятельность ума. Глупый не можетъ быть разумнымъ и наоборотъ — разумный человѣкъ не можетъ быть дуракомъ и т. д.

§ 220. Большая часть психологическихъ терминовъ (termini technici), которыми обозначаются такъ называемыя душевныя способности, въ высшей степени неопредѣленны. Почти каждый авторъ по части психологіи придаетъ употребляемымъ имъ терминамъ *свое* значеніе и смыслъ, котораго они не имѣютъ у другаго автора. Такъ напр. едва ли найдется общее и совершенно удовлетворительное опредѣленіе ума и разума (§ 90). Едва ли найдутся психологическіе факты, могущіе быть точно приводимы лишь къ уму *или* разуму, и не могущіе быть относимы и къ тому и другому. Слово сознаніе выражаетъ самое гибкое понятіе.*) Сознаніе обозначаетъ то

*) Сжатое обозрѣніе главнѣйшихъ воззрѣній философовъ и психологовъ на сознаніе дастъ А. Горвицъ (Psychologische Analysen auf physiologischer Grundlage. Von Adolf Horwicz. Halle. 1872, стр. 210 и пр.

данное опредѣленное душевное состояніе или даже мимолетный душевный актъ (сознаніе того, что дѣлаютъ), то общую способность относиться извѣстнымъ образомъ къ окружающимъ предметамъ или къ самому себѣ (самосознаніе) и т. д. Примѣненіе къ данному случаю столь различныхъ по своему смыслу выраженій, конечно, не можетъ способствовать ясному изложенію вопроса.

§ 221. Наконецъ *отрицаніе* даннаго явленія или признака извѣстнаго состоянія далеко не дастъ намъ точнаго представленія или понятія о томъ состояніи, которое опредѣляется отрицаніемъ. Отрицая напр. въ данномъ субъектѣ разсудокъ или разумѣніе или сознаніе того, что онъ дѣлаетъ, мы оставляемъ совершенно неопредѣленнымъ то душевное состояніе, признакомъ котораго должно служить отсутствіе этихъ способностей. Отрицая только одну душевную способность даннаго лица, напр. сознаніе того, что онъ дѣлаетъ, мы какъ будто признаемъ за нимъ всѣ остальныя способности. Стало быть, лишенный *только* сознанія того, что дѣлаетъ, тѣмъ не менѣе обладаетъ и умомъ и разумомъ? Или, наоборотъ, лишенный разсудка, онъ можетъ сознавать то, что дѣлаетъ и т. д.?

Подобное воззрѣніе очевидно приводитъ насъ къ противорѣчію, тѣмъ болѣе затруднительному, чѣмъ менѣе согласны между собой опредѣленія извѣстныхъ душевныхъ способностей.

б) Философское воззрѣніе.

§ 222. Воззрѣніе это основано на понятіи о свободной волѣ человѣка. Мы находимъ выраженія: недостатокъ свободы воли (въ уголовномъ кодексѣ великаго герцогства Баденъ), и лишеніе свободнаго опредѣленія воли (въ новомъ уголовномъ сводѣ сѣверо-германскаго союза).*)

§ 223. Эмпирическая психологія не только отрицаетъ свободу воли, но и не признаетъ даже волю за самостоятельную

*) Принятіе этой редакціи не можетъ не служить признакомъ *преобладанія* въ образованіи нѣмецкихъ ученыхъ философскаго направленія надъ практическимъ, такъ какъ изъ всѣхъ теорій наименѣе примѣнима къ практикѣ именно ученіе о свободной волѣ.

душевную дѣятельность.*) Съ другой стороны ни одна философская школа не могла доказать существованіе свободной воли и современная статистика приводитъ не маловажныя данныя въ пользу совершенной законообразности нашихъ произвольныхъ дѣйствій.**)

Воля есть проявленіе душевной дѣятельности въ опредѣленномъ отношеніи къ движущейся сферѣ организма. *Безъ* этого отношенія нѣтъ и не можетъ быть воли.

Вмѣстѣ съ тѣмъ воля составляетъ окончательный результатъ цѣлаго ряда душевныхъ явленій, болѣе или менѣе сложныхъ.

Единственнымъ основаніемъ свободы воли могла бы оказаться *возможность*, по собственному рѣшенію, произвести извѣстное дѣйствіе или не произвести его. Но выше было изложено (§ 121), что для дѣйствующаго лица *послѣднее побужденіе* къ дѣйствію является чѣмъ-то принудительнымъ, ограничивающимъ свободу выбора.

§ 224. Buckle говоритъ: когда мы совершаемъ какое либо дѣйствіе, то это происходитъ на основаніи какого либо мотива. Мотивы же опять суть *послѣдствія* чего нибудь предшествовавшаго. Такимъ образомъ, если-бъ мы были знакомы со всѣмъ предъидущимъ и съ законами, по которымъ оно происходило, то мы могли бы предсказать всѣ непосредственныя происшествія съ непреложною точностію. Такъ напр. зная характеръ знакомаго мнѣ лица, я часто могу сказать, какъ онъ будетъ дѣйствовать при извѣстныхъ условіяхъ. Если-бъ мое предсказаніе оказалось ошибочнымъ, то ошибку эту нельзя приписать произволу или прихоти его свободной воли, но должно довольствоваться предположеніемъ, что о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ свѣдѣнія мои были неточны или что я недостаточно изучалъ его обычную душевную дѣятельность. Если бъ я былъ въ состояніи судить совершенно правильно и зналъ бы вполнѣ его

---

*) Jessen, l. c. стр. 333 и д.
**) Die Gesetzmässigkeit in den scheinbar willkürlichen menschlichen Handlungen. Von Ad. Wagner. Hamburg. 1864.

душевное настроеніе и всѣ остальныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ онъ находился, то я могъ бы предсказать его поведеніе, какъ *послѣдствіе* этихъ условій.*)

Итакъ, отвергая умозрительную догму о свободѣ воли, знаменитый ученый приходитъ къ тому заключенію, что поступки людей исключительно опредѣляются ихъ *прошедшимъ*. Однако, такъ какъ все, что происходило прежде, приводится къ внутреннимъ или внѣшнимъ процессамъ, то ясно, что всѣ измѣненія, которыхъ полна исторія, всѣ перемѣны, которыя переживалъ человѣческій родъ, его развитіе, его упадокъ, его счастіе и бѣдствіе должны быть плодомъ двоякаго вліянія: дѣйствія внѣшнихъ явленій на духъ нашъ и дѣйствія нашего духа на внѣшнія явленія.

Въ томъ же смыслѣ высказывается Lindner. По его мнѣнію, всѣ предшествовавшія акту воли представленія и чувствованія могутъ быть разсматриваемы какъ болѣе *отдаленные мотивы* нашихъ дѣйствій.

Послѣдній же стимулъ или собственно такъ называемое «*движущее представленіе*» можетъ возникнуть въ такомъ видѣ, въ какомъ оно возникаетъ на самомъ дѣлѣ, лишь только вслѣдствіе предшествовавшихъ ему представленій, сочетавшихся извѣстнымъ образомъ и съ извѣстною цѣлію. Каждый отдѣльный актъ воли есть произведеніе взаимнаго дѣйствія всѣхъ составныхъ моментовъ душевнаго быта даннаго лица.**) Каждый отдѣльный актъ воли имѣетъ *біографическое* значеніе, болѣе или менѣе рѣзко выдающееся впередъ.

§ 225. Съ другой стороны, какъ утверждаетъ Draper,***) поступки человѣка вовсе не суть одни частныя и прямыя послѣдствія его желаній. Напротивъ, они весьма часто бываютъ исходомъ самыхъ разнообразныхъ условій.

---

*) Henry Thomas Buckle's Geschichte der Civilisation in England. Deutsch von Arnold Ruge. 2. Aufl. Leipzig und Heidelberg. 1864. Band I. стр. 16 и д.

**) Lehrbuch der empirischen Psychologie von Dr. A. Lindner. Wien. 167. стр. 185.

***) Исторія умственнаго развитія въ Европѣ.

Во всѣ дѣйствія человѣка, которыя имѣютъ быть совершенно произвольныхъ, входитъ много такого, чего онъ вовсе не желаетъ и можетъ быть входитъ даже больше, чѣмъ мы вообще полагаемъ. Многіе никогда не достигаютъ даже способности выбирать что имъ дѣлать и чего не дѣлать. Они оказываются простымъ созданіемъ обстоятельствъ, совершенно отъ нихъ не зависящихъ — они попадаютъ въ потокъ, увлекающій ихъ безъ ихъ согласія и безъ всякой борьбы.

§ 226. Наконецъ, вполнѣ признавая зависимость нашей воли отъ развитія и воспитанія, руководящихъ нашими поступками, кто станетъ отрицать, что чувственныя побужденія, вопреки нашему желанію и не смотря на борьбу, которую мы ведемъ съ ними, тѣмъ не менѣе *могутъ* одержать верхъ надъ нашими принципами? Кто можетъ утверждать, чтобы онъ стоялъ выше *всякаго* искушенія? Правда, искушеніе, влекущее къ преступленію одного, еще не есть искушеніе для другаго. Но можетъ ли кто совершенно вѣрно опредѣлить всѣ степени искушенія, которымъ противостоять не довѣряетъ себѣ? Какъ храбрость является лишь въ часъ опасности, такъ и добродѣтель выказываетъ себя лишь при испытаніи. Кто никогда не подвергался искушенію, тотъ борьбы не знаетъ, а кто не боролся, едва ли знаетъ, выйдетъ ли онъ изъ нея побѣдителемъ или побѣжденнымъ.*)

§ 227. Проявленіе воли вполнѣ зависитъ отъ извѣстныхъ анатомическихъ и физіологическихъ условій организма. Перерѣжьте движущій нервъ и самая энергическая воля окажется безсильною привести въ движеніе мизинецъ. Съ другой стороны, какъ только состоялось раздраженіе движущаго нервнаго элемента (вслѣдствіе волеваго акта), то происходитъ движеніе уже по однимъ органическимъ условіямъ, независимо отъ психическаго явленія, вызывавшаго его. Тотчасъ по возбужденіи и еще до окончательнаго совершенія извѣстнаго движенія, мы

---

*) Die Zurechnungsfähigkeit, oder Verbrechen und Seelenstörung vor Gericht. Von Dr. Schilling. Augsburg. 1866. стр. 82 и д. (Сочин. популярное).

можемъ болѣе не желать его продолженія, мы можемъ даже желать его прекращенія, но тѣмъ не менѣе въ ту же секунду остановить его нельзя. Данный импульсъ доводитъ до конца движеніе скорѣе, чѣмъ успѣетъ остановить начатое движеніе новый импульсъ, потому собственно, что по физіологическому механизму, возникшее въ движущемъ нервѣ раздраженіе *должно* доходить до периферическаго конца, до концеваго аппарата его, до мышцы, по неимѣнію возможности вдругъ останавливаться или прекращаться. Такъ напр. увидавъ комара на лѣвой рукѣ, мы произвольно приподнимаемъ другую руку съ цѣлію убить его. Въ то самое мгновеніе комаръ улетаетъ. Мы ясно понимаемъ, что *теперь* ударъ уже совершенно безполезенъ, но тѣмъ не менѣе удержаться отъ него не можемъ, — мы хлопаемъ, производя задуманное движеніе — *непроизвольно*.

Ручаться за то, что въ сферѣ нравственныхъ явленій не встрѣчались бы подобные факты, очевидно нельзя. Если же намъ иногда кажется, что совершенно зависѣло отъ насъ, въ данную минуту, выбрать то *или другое* дѣйствіе, то нерѣдко это намъ только и *кажется* такъ, потому что *не всѣ* моменты, участвовавшіе въ нашемъ рѣшеніи, были нами сознаваемы съ одинаковою ясностью.

Если нельзя сомнѣваться въ возможности произвести произвольное (задуманное) дѣйствіе — непроизвольно, у людей образованныхъ, привыкшихъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, то чего можно ожидать отъ людей, по недостаточному душевному развитію своему, гораздо менѣе способныхъ уяснить себѣ вообще процессъ произвольнаго акта движенія? Въ простонародіи вообще поступки людей совершаются по навыку и безотчетному подражанію гораздо чаще, чѣмъ по яснымъ представленіямъ и дѣйствительному внутреннему побужденію.

в) Нравственное воззрѣніе.

§ 228. По англійскому уголовному закону способность ко вмѣненію приводится къ способности отличать законное отъ незаконнаго (добра отъ зла). У насъ встрѣчаются выраженія:

непмѣніе понятія о незаконности своего дѣянія; непмѣніе понятія объ обязанностяхъ и законѣ; а въ Баденскомъ кодексѣ: отсутствіе сознанія противозаконности того, что дѣлаютъ.

§ 229. На вопросъ: что такое законное и незаконное или добро и зло, хорошо и дурно? можно дать столько различныхъ отвѣтовъ, сколько имѣется различныхъ точекъ зрѣнія для обсужденія его.

Добрымъ мы называемъ то, что согласуется съ закономъ Божіимъ, а злымъ — то, что противорѣчитъ ему. Но добро и то, что дозволяется свѣтскими законами и зло — то, что запрещается ими. Законнымъ или добрымъ мы также называемъ то, что приноситъ намъ пользу или доставляетъ удовольствіе; незаконнымъ же и злымъ — то, что причиняетъ намъ вредъ или дѣйствуетъ на насъ непріятно. Добро и то, что вызываетъ нашу похвалу, сочувствіе, признаніе; и зло то, что насъ отталкиваетъ, вызываетъ порицаніе, отвращеніе и т. д.

Всѣ эти опредѣленія, заимствованныя изъ обыденной жизни, явно указываютъ на нѣкоторое колебаніе нашихъ понятій о добрѣ и злѣ.

§ 240. Maudsley*) называетъ пагубнымъ заблужденіемъ то предположеніе, что понятіе (idea) объ одномъ и томъ же предметѣ или происшествіи всегда имѣетъ одинаковое количественное и качественное достоинство. Привычка говорить объ извѣстныхъ отвлеченныхъ понятіяхъ, какъ о постоянныхъ сущностяхъ (entities), не допускающихъ никакой перемѣны, составляетъ замѣчательный примѣръ того самообольщенія, которымъ человѣкъ обманываетъ самого себя, многими словами ничего не уясняя. Представленіе можетъ быть ясно, опредѣленно и правильно, но можетъ быть и неопредѣленно, неясно и неправильно. Если два представленія двоихъ лицъ носятъ одно и тоже названіе, то изъ этого далеко еще не слѣдуетъ, чтобы они имѣли одно и тоже значеніе. Извѣстныя представленія всегда будутъ имѣть различное значеніе для людей, находящихся на различныхъ сте-

*) l. c. стр. 128.

пеняхъ развитія; и если доброжелательный путешественникъ или усердный миссіонеръ вздумаетъ найти понятіе о божествѣ у жалкихъ дикарей, то слѣдовало бы ему остерегаться, чтобы онъ не уяснялъ себѣ мысли дикаря содержаніемъ своего собственнаго сознанія. Австралійскіе дикари не могутъ себѣ усвоить понятія о добрѣ и злѣ, для которыхъ языкъ ихъ не имѣетъ словъ, пока они не станутъ цивилизованными путемъ развитія, продолжавшаго свое вліяніе на нѣсколько поколѣній.

§ 231. Мы ежедневно видимъ, что одинъ и тотъ же поступокъ въ одномъ случаѣ называется добрымъ, въ другомъ— злымъ. Убійство запрещается закономъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ. Тѣмъ не менѣе убійство на войнѣ признается похвальнымъ поступкомъ. Самоубійство всѣми порицается. Но когда кто жертвуетъ своей жизнію ради спасенія другихъ, то мы называемъ его поступокъ — геройскимъ подвигомъ.

Стало быть прилагательныя «добрый» и «злой» нисколько не относятся къ самому поступку. Поступокъ или дѣяніе, само собой, есть ничто иное, какъ физіологическій процессъ мускульной дѣятельности, представляющій рядъ болѣе или менѣе сложныхъ движеній. Смыслъ и значеніе поступка заключаются не въ самомъ его совершеніи, но лишь только въ мотивѣ и цѣли его.

Казалось бы, поэтому, что вовсе не слѣдовало бы говорить *о дурныхъ* или *хорошихъ поступкахъ* людей, но только о добрыхъ или злыхъ *намѣреніяхъ*.

Однако хорошее намѣреніе недостаточно для того, чтобы признать добрымъ вызванный имъ поступокъ. Соображая, что большія деньги въ рукахъ скряги остаются безъ всякой пользы, я могъ бы ихъ украсть, съ добрымъ намѣреніемъ раздать ихъ бѣднымъ. Или увѣренные въ томъ, что извѣстное лицо причиняетъ вредъ только себѣ и другимъ, мы могли бы его убить съ хорошимъ намѣреніемъ навсегда устранить причиняемый имъ вредъ. Но въ томъ и другомъ примѣрѣ кража и убійство всѣми признаются поступками недобрыми. Извѣстное правило іезуитовъ «цѣль освящаетъ средства» порицается всѣми.

§ 232. Въ виду изложенныхъ колебаній нравственныхъ понятій нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Канта. Нравственное достоинство даннаго дѣйствія Кантъ приводитъ лишь только *къ принципу*, въ силу котораго состоялось рѣшеніе на поступокъ. Принципъ этотъ, по его мнѣнію, заключается въ сознаніи *долга*, т. е. въ томъ убѣжденіи, что руководящее *насъ* правило должно быть *общимъ для всѣхъ закономъ*.*) Нравственнымъ принципомъ мы признаемъ лишь то правило, которое заставляетъ насъ желать, чтобы въ данномъ случаѣ *всѣ безъ исключенія* дѣйствовали точно также, какъ поступали мы.

§ 233. Нравственное достоинство нашихъ желаній, намѣреній и поступковъ выражается голосомъ совѣсти.

Совѣсть есть ничто иное, какъ актъ критики, производимый нами надъ своими чувствами и мыслями съ примѣненіемъ выше означеннаго принципа. Этотъ критическій актъ совершается такъ быстро и непосредственно, что невольно вызываетъ вопросъ: не даны ли намъ самой природою извѣстные твердые принципы наподобіе указаннаго Кантомъ, руководящіе нашимъ нравственнымъ сознаніемъ?

Вопросъ этотъ, повидимому, требуетъ утвердительнаго отвѣта, если обратить вниманіе на то обстоятельство, что о добрѣ и злѣ, о законномъ и незаконномъ, о похвальномъ и дурномъ разсуждаетъ всякій.**) Какъ люди образованные и высоко одаренные, такъ и необразованные и люди недалекаго ума — *всѣ*, въ данномъ случаѣ, немедленно произносятъ свои нравственные приговоры. Мало того, — каждый изъ нихъ высказываетъ свое мнѣніе съ одинаковою твердостью, съ увѣренностію, съ убѣжденіемъ и нерѣдко даже съ сознаніемъ своей непогрѣшимости. Стало быть, въ человѣкѣ имѣется *нѣчто*, располагающее его критически относиться къ нравственному достоинству какъ своихъ собственныхъ, такъ и чужихъ поступковъ.

---

*) Kant, Metaphysik der Sitten. Riga. 1792. стр. 87.

**) Die Grundlehren der allgemeinen Ethik. Von Dr. Allihn. Leipzig. 1861. § 1.

§ 234. Но, съ другой стороны, мы видимъ, что нравственныя сужденія людей нерѣдко противорѣчатъ другъ другу. Одинъ хвалитъ, другой порицаетъ данный поступокъ, такъ что, повидимому, существованіе твердыхъ принциповъ, обязательныхъ для всѣхъ при оцѣнкѣ нравственнаго значенія нашихъ поступковъ, опять дѣлается сомнительнымъ.

Неполное согласіе и противорѣчіе между собой нашихъ нравственныхъ сужденій очевидно указываетъ на то, по крайней мѣрѣ, что нравственные принципы наши не суть непосредственный даръ природы.

По мнѣнію Owen'a*) человѣкъ отъ природы ни добръ, ни золъ. Имъ управляетъ то, что его окружаетъ и на него дѣйствуетъ. Если все окружающее его ведетъ къ доброму — то онъ будетъ добръ; если же къ дурному — то онъ будетъ золъ.

Человѣкъ родится существомъ, способнымъ воспринимать и вопроизводить всевозможныя впечатлѣнія. Если впечатлѣнія эти идутъ изъ хорошаго источника и ведутъ къ добрымъ началамъ, то человѣку нѣтъ повода быть существомъ злымъ и порочнымъ, уже потому, что зло и преступленіе не могутъ имѣть для него ничего привлекательнаго. И наоборотъ, если среда, въ которой мы развиваемся, не совершенствуетъ, но развращаетъ насъ, то не отъ чего намъ быть героями чести и добродѣтели.

Такимъ образомъ, какъ люди порочные, такъ и честные, обязаны своимъ нравственнымъ сознаніемъ лишь только общественнымъ условіямъ.

§ 235. Но человѣкъ не есть беззащитная жертва окружающихъ его условій. Онъ живетъ при родителяхъ, въ семьѣ, въ обществѣ, въ государствѣ. Кромѣ того условія, окружающія его, дѣйствуютъ на него не непосредственно, но направляются, примѣняются, видоизмѣняются другими лицами — словомъ, источникомъ нравственнаго сознанія является воспитаніе и жизненный опытъ.

---

*) Учебникъ уголовнаго права Спасовича. С. Петербургъ. 1863. стр. 49.

Непосредственность же проявленія, въ данномъ случаѣ, нравственной оцѣнки поступка, или, какъ говорится, *голосъ совѣсти* — приводится *къ привычкѣ съ ранняго дѣтства относиться къ данному факту извѣстнымъ образомъ.*

Привычка эта на дальнѣйшемъ жизненномъ пути можетъ быть осмыслена и уяснена собственнымъ мышленіемъ, она можетъ быть приведена въ ясно сознаваемый принципъ, но можетъ и остаться однимъ лишь навыкомъ, неимѣющимъ внутренняго значенія. Многіе, при данномъ столкновеніи, дѣйствуютъ *хорошо* или *дурно* точно также безсознательно, какъ напр. при обсужденіи какого-либо загадочнаго явленія высказываетъ грубое суевѣріе тотъ, кто съ дѣтства не получалъ воспитанія, искоренившаго предразсудки.

§ 236. Внимательно обсуживая примѣнимость къ способности ко вмѣненію приведенныхъ воззрѣній, нельзя не согласиться съ ихъ несостоятельностью.

Психологическое воззрѣніе не соотвѣтствуетъ опытнымъ даннымъ о душевномъ бытѣ человѣка и, основанное на принципѣ отрицанія, вовсе не предлагаетъ опредѣленія даннаго душевнаго состоянія.

Философское воззрѣніе рѣзко противорѣчитъ какъ нашему собственному опыту (сознанію), такъ и ученію современной физіологіи.

Нравственное воззрѣніе, при совершенной зависимости нравственнаго сознанія отъ получаемаго воспитанія и окружающей среды, подвергаетъ отвѣтственности данное лицо за чужіе грѣхи.

§ 237. Но какъ ни убѣдительны теоритическія возраженія противъ изложенныхъ въ предъидущихъ §§ воззрѣній на душевную дѣятельность человѣка — они лишились бы всякаго значенія, еслибъ ихъ не подтверждалъ опытъ.

Каждый врачъ, хотя нѣсколько знакомый съ душевными болѣзнями, знаетъ, что помѣшательство вовсе не есть *отрицаніе* извѣстныхъ душевныхъ способностей здороваго человѣка; что у весьма многихъ больныхъ способъ сочетанія представ-

леній разстроенъ такъ незначительно, что о прекращеніи «ума» и «разума» или «сознанія что дѣлаютъ» не можетъ быть и рѣчи; что весьма многіе помѣшанные, въ глубокомъ душевномъ разстройствѣ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, говорятъ умно и разумно и дѣйствуютъ обдуманно, цѣлесообразно, хитро и умѣютъ оправдывать свои поступки болѣе или менѣе удачно; что даже въ крайнихъ (исходныхъ) періодахъ помѣшательства нерѣдко проявляются проблести «ума» и «разума», ясно доказывающіе, что процессъ мышленія не былъ прекращенъ окончательно.

Точно также каждому психіатру извѣстно, что прекращеніе «свободной воли» не есть необходимое явленіе помѣшательства и не можетъ быть признаваемо признакомъ неспособности ко вмѣненію уже потому, что, по даннымъ современной науки, вполнѣ дозволительно сомнѣваться въ существованіи свободной воли вообще. Съ другой стороны не подлежитъ сомнѣнію, что въ помѣшательствѣ воля опредѣляется мотивами и побужденіями точно также, какъ въ нормальномъ состояніи и что вообще невозможно дѣйствіе безъ всякаго мотива и цѣли.

Наконецъ, современная психіатрія не разъ доказывала, что большая часть помѣшанныхъ вовсе не лишается нравственнаго сознанія, что только сохраненіе этого сознанія дѣлаетъ возможными тишину, порядокъ, спокойствіе, полезную дѣятельность больныхъ въ домахъ умалишенныхъ безъ примѣненія какихъ бы то ни было механическихъ смирительныхъ мѣръ (Norestraint system), и что вмѣстѣ съ нравственнымъ сознаніемъ вполнѣ сохраняется также религіозное чувство. Словомъ, въ обществѣ помѣшанныхъ мы встрѣчаемъ людей нравственныхъ и безнравственныхъ, вѣрующихъ и атеистовъ точно также, какъ мы встрѣчаемъ ихъ въ мірѣ здоровыхъ людей — съ тою только разницею, что въ домахъ умалишенныхъ представители противоположныхъ убѣжденій относятся другъ къ другу болѣе снисходительно, чѣмъ внѣ дома умалишенныхъ.

г) Физіологическое воззрѣніе.

§ 238. Признавъ несостоятельными существующія воззрѣнія, конечно, необходимо подъискивать другое, болѣе удобное основаніе для опредѣленія неспособности по вмѣненію.

Основаніе это я нахожу въ физіологическомъ воззрѣніи на душевную дѣятельность.

§ 239. Эмпирическая психологія, тщательно устраняясь отъ всякаго рода умозрительныхъ выводовъ относительно сущности душевныхъ явленій, показываетъ, что душевная дѣятельность, принимая форму отправленія головнаго мозга, является многосложнымъ, непрерывнымъ жизненнымъ процессомъ и сопровождается извѣстными измѣненіями въ нервной системѣ, отъ которыхъ вполнѣ зависитъ ея проявленіе.

Душевная дѣятельность пробуждается въ видѣ ощущенія, чувственнаго или органическаго. Слѣды ощущенія (память) даютъ начало представленіямъ и понятіямъ. Тѣ и другія находятся въ постоянномъ движеніи. Слѣдуя одно за другимъ и сочетаясь между собой по законамъ ассоціаціи, представленія служатъ матеріаломъ или орудіемъ мышленія. Мышленіе проявляется въ различныхъ формахъ, смотря по содержанію входящихъ въ него представленій (умъ, разумъ, воображеніе, нравственное сознаніе). Въ то же время представленія вызываютъ собой душевныя чувства. Послѣднія различны какъ по способу сочетанія, такъ и по ближайшему характеру вызывающихъ ихъ представленій. Наконецъ на основаніи взаимныхъ отношеній между собой представленій и душевныхъ чувствъ возникаетъ побужденіе производить какія нибудь измѣненія въ данномъ состояніи субъекта или въ окружающей его обстановкѣ. Побужденіе это, вызывая рядъ мускульныхъ движеній, называется — волею. Совершеніе же такихъ движеній, осмысленныхъ руководящими ими представленіями, составляетъ собой *дѣйствіе, дѣяніе, поступокъ* человѣка.

§ 240. Параллельно приведеннымъ явленіямъ идетъ физіологическій процессъ нервнаго раздраженія. Вслѣдствіе дѣйст-

вія на насъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ дѣятелей раздраженіе (молекулярное измѣненіе нервныхъ элементовъ) начинается въ концевомъ аппаратѣ центростремительныхъ нервовъ и проводится по нимъ къ извѣстнымъ нервнымъ органамъ, къ центрамъ ощущенія. Отсюда, путемъ межцентральныхъ нервныхъ волоконъ, раздраженіе передается другимъ нервнымъ органамъ, центрамъ представленія. Раздраженіе послѣднихъ, пользуясь такими же межцентральными проводниками, переходитъ, съ одной стороны, на чувствующіе центры, съ другой—на центры движенія, потому собственно, что по общему закону природы данное (молекулярное) движеніе не можетъ остановиться въ самомъ себѣ, если на пути своемъ не встрѣтитъ препятствія. Наконецъ, движущіе центры передаютъ свое раздраженіе ихъ концевому аппарату, мышцамъ, сокращеніе которыхъ составляетъ движеніе — слово и дѣло человѣка.

§ 241. *Здоровымъ* или *нормальнымъ* мы называемъ такое состояніе человѣка, въ которомъ весь жизненный процессъ совершается правильно, свободно, безпрепятственно.

Такъ какъ проявленіе психической дѣятельности и органическій процессъ раздраженія нервной системы идутъ параллельно другъ другу, то измѣненіе одного изъ нихъ всегда отзывается и на другомъ. Всякое измѣненіе душевной дѣятельности служитъ намъ признакомъ совмѣстнаго измѣненія въ нервной системѣ, въ особенности головнаго мозга, и наоборотъ, всякое измѣненіе нервнаго раздраженія болѣе или менѣе рѣзко измѣняетъ и проявленіе психической дѣятельности.

При нынѣшнемъ состояніи современной науки нѣтъ возможности дать совершенно законченное, абсолютное опредѣленіе здоровья. Здоровье не есть твердое, неподвижное, неизмѣняемое понятіе, установленное навсегда. Находясь въ полной зависимости отъ общей суммы нашихъ научныхъ познаній, опредѣленіе здоровья допускаетъ извѣстныя колебанія, уменьшающіяся лишь по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія науки.

Здоровьемъ мы называемъ совершеніе жизненнаго про-

цесса при *нормальныхъ условіяхъ.* Норму же этихъ условій опредѣляетъ физіологія (біологія).

§ 242. Опытъ наглядно доказываетъ, что въ нормальномъ состояніи человѣка душевное развитіе происходитъ лишь при содѣйствіи воспитанія и не вдругъ, но постепенно.

Точно также на основаніи опыта установлено, что требуемая законодательствомъ *степень развитія* (способность исполнять законъ) достигается лишь въ возрастѣ совершеннолѣтія. Стало быть для опредѣленія юридическихъ способностей (правоспособности и вмѣняемости) *здороваго* субъекта требуется лишь доказательство того, что его душевное состояніе въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ той степени развитія, которая свойственна возрасту совершеннолѣтія.

Признаки требуемой степени развитія не могутъ быть отъискиваемы въ какой либо одной сферѣ душевной дѣятельности.

Начиная съ отдѣльныхъ, разрозненныхъ чувственныхъ впечатлѣній и кончая установленіемъ высшихъ нравственныхъ и умственныхъ принциповъ, душевная дѣятельность является жизненнымъ процессомъ, различныя проявленія котораго, постоянно перекрещиваясь между собой, представляютъ ту или другую степень развитія. Поэтому опредѣленіе способности ко вмѣненію здороваго должно быть основано на изслѣдованіи *всего душевнаго быта* человѣка. Мало того. Такъ какъ растительныя отправленія нашего организма имѣютъ весьма значительное вліяніе на процессъ нервнаго раздраженія, а всякое измѣненіе послѣдняго не можетъ не отражаться и на проявленіи душевной дѣятельности, то необходимо также изслѣдованіе *всего* организма (mens sana in corpore sano).

Въ большинствѣ случаевъ задача наша значительно облегчается тѣмъ, что юридическія способности человѣка совершеннолѣтняго и притомъ здороваго законодательствомъ признаются *фактомъ, не требующимъ доказательства.*

§ 243. Было время, когда *болѣзнь* нетолько признавали *отрицаніемъ* здоровья, но даже чѣмъ-то особеннымъ, какимъ-то самостоятельнымъ существомъ, вступающимъ въ борьбу съ

здоровьемъ. Болѣзнь и здоровье олицетворяли собой двѣ враждебныя силы. Сильнѣйшія изъ нихъ брала верхъ. Если побѣждала болѣзнь, больной умиралъ; если же здоровье, наступало выздоровленіе.*) Этотъ сказочный взглядъ нынѣ оставленъ. Болѣзнь не есть нѣчто новое, чуждое, приходящее въ человѣка извнѣ. Болѣзнь есть ничто иное, какъ совершеніе жизненнаго процесса *при измѣненныхъ (ненормальныхъ) условіяхъ.* Общій характеръ этихъ условій заключается въ томъ, что дѣйствіе ихъ угрожаетъ организму какъ прекращеніемъ отправленія, такъ и уничтоженіемъ физіологическаго состава поражаемаго органа. Исходъ болѣзни исключительно зависитъ отъ того, насколько требуемыя для сохраненія организма отправленія *могутъ* совершаться при измѣненныхъ условіяхъ, насколько условія эти устранимы, насколько возможно, по устраненіи ихъ, возстановленіе жизненныхъ отправленій.

Какія именно условія почитаются ненормальными и въ какомъ видѣ, при ихъ дѣйствіи, измѣняется жизненный процессъ — на эти вопросы отвѣчаетъ *патологія (общая и частная).*

§ 244. Понятіе о душевномъ разстройствѣ нисколько не разнится отъ общаго понятія о болѣзни. Хотя простой народъ и не малое число людей такъ называемаго образованнаго общества допускаютъ вторженіе въ человѣка нечистаго духа, производящаго припадки помѣшательства, — но наука безусловно признаетъ душевное разстройство лишь *проявленіемъ психическаго процесса при измѣненныхъ (ненормальныхъ) условіяхъ.* Душевное разстройство не есть отрицаніе душевной дѣятельности, но представляетъ только *видоизмѣненіе ея проявленія вслѣдствіе измѣненія органическихъ процессовъ, идущихъ ей параллельно.*

§ 245. Если, почему бы то ни было, возникаетъ сомнѣніе въ нормальномъ душевномъ состояніи человѣка, то для опредѣленія его прежде всего необходимо подвергнуть его тщательному изслѣдованію.

*) J. Henle, Handbuch der rationellen Pathologie. 3. Aufl. Braunschweig, 1855. I. стр. 7.

Общимъ руководствомъ для опредѣленія душевнаго состоянія даннаго лица служатъ слѣдующія положенія:

1) Помѣшательство не можетъ быть выведено (принято или построено) на основаніи одного только, болѣе или менѣе поразительнаго явленія. Менѣе всего примѣнимы къ опредѣленію помѣшательства отрицательныя понятія, какъ напр. отсутствіе ума, разума, сознанія и т. д.*)

2) Помѣшательство представляетъ наблюденію цѣлый рядъ признаковъ, находящихся въ извѣстномъ отношеніи другъ къ другу. Явленія помѣшательства чрезвычайно рѣдко возникаютъ вдругъ и столь же рѣдко прекращаются вдругъ. Какъ время

---

*) Вполнѣ достойны вниманія слѣдующія слова Tardieu'а: „Rien n'est plus opposé à la réalité que l'idée, que l'on se fait d'un fou. Il existe un type de convention, une sorte de fou de théatre, si l'on me permet cette expression, qui n'a rien de la vérité, qui du moins ne se rencontre que rarement et qui cependant reste invinciblement gravé dans les esprits. Cette erreur n'est pas seulement celle du vulgaire, on la retrouve jusque dans les classes les plus éclairées. Pour le public et trop souvent pour ceux, qui dans le sein d'un conseil de famille, dans un jury, sur le siège d'un tribunal même ont á décider du sort d'un aliéné, il faut, pour caracteriser la folie, une incoherence absolue des idées et du langage, une impersonalité du malade enfin, l'abolition de toutes les facultés qui se rattachent à la volonté et à la conscience, comme la perception, l'attention, le jugement et la memoire. Ce préjugé, qui dénote simplement la plus complête ignorance de la folie, n'en est pas moins un embarras pour l'expertise médico-légale, qui doit avant tout s'en affranchir résolûment. Il y a très peu d'aliénés, qui l'orsqu' on leur demande leur nom, ne le disent pas; il pourront quelque fois dans les formes aiguës du délire maniaque se tromper sur leur personalité, mais dans le plus grand nombre des cas l'aliéné enoncera pertinemment son nom, son âge, son sexe, sa qualité. Tous les fous ne se présentent pas avec l'incoherence d'idées et de langage, qui ne caracterise que quelques ons d'entre eux. Il n'existe pas un type unique de la folie, il n' y a pas un fou, mais des fous et les ecpèçes en sont multiples et variées.

Un autre écueil plus dangereux encore, que doit éviter l'experte, ce sont les idées vagues, par lequelles certains médécins quelques-uns même versés dans l'étude des aliénés, croient pouvoir remplacer les caractères positifs et que j'appellerai nosologiques de la folie. „Les passions, a écrit Leuret, quand elles sont portées à l'excès, sont de veritables folies.“ Il n'est pas de doctrine plus fausse. Il n'est pas vrai, qu'il y ait une gradation insensible entre la passion, le paroxysme passionel et la folie: L'homme peut se laisser entraîner par la jalousie, l'orgueil, l'ambition, emporter par le colére, aveugler un instant par la passion, il ne sera ni un malade, ni un fou; il y a lá pour quiconque veut y réflechir, pour quiconque connaît la folie, une ligne de démarcation infranchissable, que le médécin instruit et consciencieux doit être le premier á reconnaître et à respecter. Ce qui fait la force de l'experte dans questions de folie, c'est de savoir resister á ces causes de confusion et d'erreur et de ne pas accepter cette stérile et dangereuse doctrine du nescio, quid, que j'ai entendu, non sans honte, professer devant une cour d'assises. Les caractères de la folie pas plus que ceux des autres maladies, n'ont rien d'arbitraire. Il s'agit d'une espèce morbide á définir d'aprés des signes connus.“ Étude médico-légale sur la folie. Par Ambroise Tardieu. Paris. 1872. стр. 57 и 58.

возникновенія, такъ и продолжительность ихъ весьма различны. Помѣшательство есть болѣзненный процессъ, развивающійся и истекающій по извѣстнымъ законамъ.

3) Общій характеръ помѣшательства заключается въ разстройствѣ ощущенія и представленія. Измѣняется самоощущеніе (настроеніе); возникаютъ ложныя ощущенія (галлюцинаціи и иллюзіи) и болѣзненные порывы (тоска). Сочетаніе представленій замедляется, ускоряется, затрудняется; содержаніе ихъ извращается, являются ложныя сужденія, неправильныя воззрѣнія, бредъ.

4) Единственнымъ способомъ внѣшняго проявленія душевной дѣятельности служитъ *мышечное движеніе*. Мускульная дѣятельность въ помѣшательствѣ задерживается и замедляется; ускоряется и усиливается; ослабляется и прекращается вполнѣ.

5) Мускульныя движенія, проявляющія данное душевное состояніе, приводятся къ мимикѣ и жестамъ, къ рѣчи и дѣйствіямъ или поступкамъ. Черты лица выражаютъ общій характеръ ощущеній (пріятный или непріятный); рѣчь обнаруживаетъ отношенія даннаго субъекта къ данной обстановкѣ (къ предметамъ, лицамъ, къ самому себѣ); дѣйствія, наконецъ, проявляютъ его побужденія, желанія и стремленія (характеръ, привычки).

6) Всѣ признаки помѣшательства, въ совокупности своей, указываютъ собой на болѣе или менѣе рѣзкое противорѣчіе и разладъ какъ съ состояніемъ здоровыхъ людей, такъ и съ состояніемъ самого субъекта до его болѣзни: помѣшанный чувствуетъ, мыслитъ и дѣйствуетъ *иначе*, какъ чувствуютъ, мыслятъ и дѣйствуютъ люди психически здоровые *при равныхъ внѣшнихъ условіяхъ*.

7) Какъ болѣзнь нервныхъ центровъ, помѣшательство сопровождается признаками болѣе или менѣе значительнаго разстройства растительныхъ отправленій организма: являются уклоненія отъ нормы пищеваренія, дыхательнаго процесса, кровообращенія, половыхъ отправленій, безсонница и т. д.

Въ дополненіе приведенныхъ положеній нельзя не присовокупить, что опредѣленіе, въ данномъ случаѣ, помѣшательства тѣмъ будетъ вѣрнѣе, чѣмъ точнѣе удается намъ указать на его происхожденіе. Такъ напр. въ высшей степени важно обратить вниманіе на наслѣдственное предрасположеніе къ душевнымъ и нервнымъ болѣзнямъ, на сильные отрицательные порывы, предшествовавшіе данному состоянію субъекта (горе, испугъ, страхъ и пр.), на злоупотребленіе спиртными напитками и пр.

§ 246. Главное проявленіе помѣшательства, которое привлекаетъ къ себѣ вниманіе законодательства — это *поступокъ (дѣйствіе, дѣяніе)* даннаго лица.

Дѣяніе помѣшаннаго не рѣдко бываетъ противозаконно.

Нарушеніе закона или преступленіе столь же древняго происхожденія, какъ и человѣческое общество. Преступленіе есть произведеніе взаимныхъ отношеній между собой людей. Преступленія возникали съ тѣхъ поръ, какъ только желанія и стремленія людей начали расходиться. По общему ходу развитія человѣческаго рода совершенно естественно, что первое толкованіе (опредѣленіе) преступленія и первая попытка наказатѣ виновнаго были основаны на религіозныхъ началахъ. Въ теченіи столѣтій, когда государство и церковь, сложившись въ извѣстныя формы, достигли нѣкоторой самостоятельности, опредѣленіе преступленія и наказанія перешло въ руки законодательной власти. Церковь, предоставляя себѣ лишь субъективное правосудіе, устанавливаетъ норму желаній и стремленій, борется съ порочными наклонностями, дѣйствуетъ на совѣсть, прибѣгаетъ къ молитвѣ, посту, покаянію. Государство, напротивъ, принимая на себя объективное правосудіе, преслѣдуетъ внѣшнее проявленіе зла, зорко слѣдитъ за совершившимся нарушеніемъ закона и опредѣляетъ мѣру наказанія (измѣненія установленныхъ закономъ отношеній даннаго субъекта къ обществу).

§ 247. Приведеніе карательныхъ мѣръ въ полное согласіе какъ съ обстоятельствами дѣла, такъ и съ личностію преступника донынѣ составляетъ главную задачу научнаго правосудія.

Существованіе же по настоящее время различныхъ теорій наказанія (теорія возмездія, устраненія, исправленія и пр.*) явно указываетъ на то, что еще не найденъ безспорный принципъ наказанія.**)

Уложеніе о наказаніяхъ *преступленіемъ* называетъ *всякое дѣйствіе (дѣяніе), закономъ запрещенное подъ страхомъ наказанія.*

Опредѣленіе это вполнѣ удовлетворительно потому собственно, что по требованію времени и возрастающаго общественнаго развитія, допускаетъ расширенія или ограниченія понятія о преступленіи, не вызывая необходимости измѣнить самое опредѣленіе.

§ 248. На основаніи физіологическаго воззрѣнія на душевную дѣятельность дѣяніе изъято отъ уголовной отвѣтственности, когда оно состоялось подъ вліяніемъ „*болѣзненныхъ (ненормальныхъ) условій*“ въ самомъ субъектѣ. Введеніе въ опредѣленіе неспособности ко вмѣненію понятія „*болѣзненности*“ исключаетъ собой всякое колебаніе и сомнѣніе. Болѣзненно-органическій моментъ, возникшій вслѣдствіе независимыхъ отъ произвола условій, является непреодолимою, естественною силою. Присоединеніе къ дѣянію «болѣзненныхъ условій» придаетъ ему тотъ роковой характеръ, который одинъ только уничтожаетъ всякое вмѣненіе. Какъ во время горячки больной начинаетъ бредить, нисколько не желая или намѣреваясь путаться въ своихъ мысляхъ, точно также при извѣстныхъ болѣзненныхъ условіяхъ дѣяніе человѣка принимаетъ преступное направленіе.... Растягиваемая по нѣскольку разъ сряду струна

---

*) Lehrbuch des deutschen Strafrechtes von Dr. Berner. 4. Aufl. Leipzig. 1868. стр. 6.

Спасовичъ, учебникъ уголовнаго права. стр, 16.

**) Въ небольшомъ сочиненіи, изложенномъ весьма ясно и общедоступно Ruf (Die Criminaljustiz, ihre Widersprüche und die Zukunft der Strafrechtspflege. Insbruck. 1870, стр. 103) даетъ бѣглый критическій разборъ развитія уголовнаго судопроизводства. Указавъ на колебаніе и неопредѣленность большей части юридическихъ воззрѣній какъ на преступленіе, такъ и на наказаніе, Ruf требуетъ, чтобы отказались отъ разбирательства вопроса о виновности подсудимыхъ, замѣняя его вопросомъ объ опасности ихъ для общества.

возвращается къ своей прежней длинѣ; при новомъ растяженіи — она обрывается. Обрываніе служитъ признакомъ того, что, ослабѣвши до извѣстной степени, струна далѣе противостоять растягиванію не могла. Подобнымъ образомъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ человѣкѣ возникаетъ борьба: совершить ли преступленіе или не совершить его? Пока онъ находится въ нормальномъ состояніи, законодательство допускаетъ, что въ возрастѣ совершеннолѣтія борьба эта *всегда можетъ* кончиться въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. въ пользу *несовершенія* преступленія. Въ болѣзненномъ же состояніи возможность эта прекращается — является преступленіе *больнаго* человѣка. Прекращеніе возможности руководствоваться тѣми соображеніями, которыми руководствуется человѣкъ здоровый или прекращеніе возможности удержаться отъ совершенія преступленія, вслѣдствіе болѣзненныхъ условій, и составляетъ состояніе *неспособности ко вмѣненію*. Совершенно справедливо замѣчаетъ Maudsley, что хотя можно до извѣстной степени удерживать мускульныя движенія, производимыя щекотаніемъ подошвы ноги, но никто не можетъ удержаться отъ судорожныхъ движеній, проявляющихся при отравленіи стрихниномъ спиннаго мозга. Роль стрихнина при появленіи судорогъ принимаютъ на себя извѣстныя уклоненія отъ нормы при болѣзненномъ душевномъ состояніи человѣка. Если дѣяніе было совершено при участіи подобныхъ уклоненій отъ нормы, то преступленіе изъ *психологическаго* факта обращается въ *органическій* фактъ. Подвергать же кого либо уголовной отвѣтственности за *измѣненіе* его органическихъ процессовъ, управляемыхъ непреложными естественными законами, было бы настолько неумѣстно, насколько мы считаемъ нелѣпымъ наказаніе Ксерксомъ обуревавшихся волнъ Босфора.

§ 249. Подтвержденіе изложеннаго мною взгляда мы находимъ въ предсмертной статьѣ Griesinger'a.*) По мнѣнію Гризингера существенный смыслъ того, что въ уголовныхъ дѣ-

*) Archiv für Psychiatrie. Berlin. 1866. I. 3.

лахъ судья желаетъ узнать отъ судебныхъ врачей, сводится къ тому: препятствовали ли и насколько препятствовали органическія причины субъекту въ логической разработкѣ мыслей и въ нормальномъ способѣ постановлять рѣшенія и исполнять ихъ? Органическими причинами будутъ всѣ условія, данныя самимъ организмомъ, независимо отъ воли, воспитанія, душевнаго развитія, отъ исторіи внутренней жизни человѣка, отъ логическихъ процессовъ. И вопросъ будетъ состоять въ томъ: производили ли эти причины въ субъектѣ такія явленія, которыя относительно проявленія его душевныхъ способностей отличаютъ его, не въ его пользу, отъ огромнаго большинства людей его же сословія, званія, воспитанія и т. д. Неблагопріятное въ этомъ смыслѣ вліяніе организма Гризингеръ называетъ «органическимъ обремененіемъ» (organische Belastung). Понятіе органическаго обремененія, обхватывающее собой все, достойное знанія для уясненія вопроса, имѣетъ достаточную гибкость (Flexibilität) для того, чтобы выразить всѣ постепенныя видоизмѣненія физіологическаго состоянія.

§ 250. *Дѣяніе* есть весьма сложный процессъ. *Критическіе признаки* его приводятся къ *мотиву*, *цѣли* и *рѣшенію*. Гдѣ нѣтъ этихъ психологическихъ моментовъ, тамъ и нѣтъ *дѣянія*, но получается лишь рядъ мускульныхъ движеній. Послѣднія, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть болѣе или менѣе сложны и даже казаться цѣлесообразными (какъ напр. нѣкоторыя отраженныя движенія), но тѣмъ не менѣе остаются лишь механическимъ процессомъ, лишеннымъ психологическаго смысла. *Смыслъ же или содержаніе вносится въ мускульное движеніе только мотивомъ и цѣлію.*

§ 251. Физіологическіе законы, управляющіе ненормальнымъ проявленіемъ психической дѣятельности, остаются непреложно тѣ же самые, которыми обусловливается нормальная душевная жизнь; измѣняются лишь органическія условія, при которыхъ, въ данное время, дѣйствуетъ извѣстный физіологическій законъ. И потому *всякое* преступленіе, *какъ здороваго, такъ и помѣшаннаго*, должно представить выше приведенные критическіе

признаки для того, чтобы быть признаннымъ *дѣяніемъ*. Недостаточное соображеніе этого обстоятельства нерѣдко ведетъ къ серьезнымъ недоумѣніямъ. Находя въ данномъ проступкѣ помѣшаннаго признаки *дѣянія*, признаютъ его *здоровымъ*, а поступокъ его *преступленіемъ*, руководствуясь тѣмъ предположеніемъ, что дѣйствія помѣшаннаго непремѣнно должны быть безсмысленны, безсознательны, необдуманны и потому не могутъ представить критическіе признаки дѣянія.

Источникъ этого заблужденія, по мнѣнію Solbrig'a,*) заключается въ томъ, что при обсужденіи преступныхъ дѣйствій помѣшаннаго привыкли слишкомъ исключительно ставить вопросъ: имѣется ли налицо преступленіе *или* помѣшательство? предполагая, что помѣшательство и преступленіе исключаютъ одно другое. Опытъ, однако, положительно отвергаетъ это воззрѣніе. «Извѣстно — говоритъ Tardieu**) — что помѣшанный можетъ совершать всѣ поступки, которые влекли бы за собой наказаніе, если-бъ виновный былъ душевно-здоровъ. Начиная съ бродяжничества, самаго мелкаго преступленія, установленнаго уголовнымъ закономъ или съ нарушеній права собственности и кончая самымъ грубымъ насиліемъ противъ лицъ — всѣ проступки и преступленія могутъ быть совершаемы и помѣшанными. Помѣшательство даже не исключаетъ поступковъ, предполагающихъ извѣстную умственную работу (travail de conception) и для исполненія которыхъ необходимы разсудокъ и соображеніе (l'intelligence et la reflexion), каковы напр. злоупотребленіе довѣріемъ, подлогъ. Точно также нерѣдко обвиняютъ помѣшаннаго въ самыхъ крупныхъ преступленіяхъ, въ изнасилованіи, дѣтоубійствѣ, убійствѣ, поджогѣ, такъ что весь рядъ преступленій, предусмотрѣнныхъ и наказываемыхъ уголовнымъ закономъ, представятся врачу-эксперту, призванному опредѣлить душевное состояніе того, кто виновникъ ихъ и подлежитъ наказанію лишь тогда, когда онъ душевно-здоровъ».

---

*) Verbrechen und Wahnsinn, München. 1867. стр. 5.
**) l. c. стр. 44.

Мало того. Преступленія нетолько совершаются какъ здоровыми, такъ и помѣшанными, но и совершаемыя тѣми и другими преступленія идутъ совершенно параллельно другъ другу.*)

Тѣ и другія, по своимъ общимъ примѣтамъ, могутъ быть приводимы къ тремъ главнымъ типамъ.

§ 252. 1) *Преступленіе хроническое* (crimen chronicum). Такъ я называю рядъ преступныхъ дѣяній, болѣе или менѣе часто повторяющихся въ жизни одного и того же лица.

Хроническое преступленіе совершаютъ люди душевно-здоровые, вслѣдствіе нравственной испорченности. Послѣдняя беретъ свое начало въ недостаточномъ воспитаніи, дурномъ примѣрѣ, развратномъ обществѣ, въ непосредственномъ наставленіи къ пороку. По происхожденію — по большей части — дѣти преступниковъ, заброшенные сироты, съ малолѣтства окружаемые порокомъ, эти несчастные обыкновенно начинаютъ съ незначительныхъ проступковъ и кончаютъ самыми крупными преступленіями. Они живутъ безъ честнаго труда или пользуются какимъ либо промысломъ лишь для того, чтобы отвести вниманіе отъ своихъ преступныхъ дѣяній. Вся жизнь этихъ людей — постоянная борьба за существованіе, направляемая, съ одной стороны, противъ имущества и жизни состоятельной части народонаселенія, съ другой — противъ правосудія. Привыкши къ лишеніямъ всякаго рода, по необходимости находчивые, люди эти нерѣдко показываютъ не въ малой степени

---

*) О ближайшихъ отношеніяхъ между преступленіемъ и помѣшательствомъ новѣйшее время дало намъ нѣкоторыя въ высшей степени любопытныя изслѣдованія. Такъ напр. Morel (Traité des dégénerescences de l'espèce humaine. Paris. 1853) утверждалъ, что помѣшательство и преступленіе, нерѣдко развиваясь на одной и той же органической почвѣ, суть ничто иное какъ различныя проявленія возрастающаго вырожденія человѣческаго рода.

Despine (Psychologie naturelle. Etude sur les facultés intellectuelles et morales dans leur état normal et dans leur manifestations anormales chez les aliénés et chez les criminels. Marseille. 1868) высказалъ предположеніе, что у преступниковъ по привычкѣ *недостаетъ* нравственнаго чувства (sens morale), т. е. способности составить себѣ нравственныя понятія вообще.

Наконецъ Thompson (Journal of mental science. 1870. Januar and Octobre), на основаніи многочисленныхъ наблюденій, сдѣланныхъ въ острогѣ, указалъ на наслѣдственное предрасположеніе къ преступленію и подвергалъ тщательному изслѣдованію физическія и душевныя особенности, которыми отличались преступники по привычкѣ отъ другихъ лицъ, случайно совершившихъ преступленіе.

умъ, хитрость, смѣлость, настойчивость и упорство въ своихъ замыслахъ и ихъ исполненіи; а съ другой стороны предаются съ дикой страстностью чувственнымъ увлеченіямъ, пьянству, разврату. Преступники «по призванію», они составляютъ собой какъ бы осадокъ народонаселенія столичныхъ городовъ и поддерживаютъ постоянную бдительность полицейскаго надзора.

§ 253. Однако хроническое преступленіе совершается также *больными*, нравственная испорченность которыхъ есть произведеніе душевнаго разстройства. Субъекты эти, до своей болѣзни, мало отличаются отъ остальныхъ людей той среды, въ которой живутъ и въ особенности не выказываютъ никакихъ рѣзкихъ преступныхъ наклонностей. Но заболѣвъ, они представляютъ глубокое извращеніе самоощущенія и душевныхъ чувствъ, находя какое-то странное, загадочное, неестественное удовольствіе въ томъ, что прежде имъ казалось отвратительнымъ. Вслѣдствіе измѣненнаго самочувствія больные эти, конечно, приходятъ также къ превратнымъ воззрѣніямъ (сужденіямъ, понятіямъ) на данныя отношенія. Тѣмъ не менѣе опредѣленнаго бреда у нихъ не замѣчается. Они даже нерѣдко умѣютъ путемъ остроумной, какъ бы игривой діалектики, придавать своимъ поступкамъ совершенно невинное значеніе (Folie raisonnante). Подъ вліяніемъ темныхъ побужденій, возникающихъ на основаніи извращеннаго самоощущенія и руководимые отрывочными представленіями, больные эти теряютъ всякое уваженіе къ приличію, правдѣ, обязанности, чести; они являются безстыдными, хитрыми и злыми; они лгутъ, обманываютъ, клевещутъ, предаются разврату, совершаютъ кражу и убійство. Многіе изъ нихъ относятся къ своимъ поступкамъ хладнокровно и нагло*); другіе же глубоко страдаютъ подъ гнетомъ своего нравственнаго измѣненія, непонятнаго для нихъ самихъ и съ отчаяніемъ жалуются на свое безсиліе побороть себя.

*) Въ одномъ журналѣ (если не ошибаюсь въ Quarterly Journal of psychological Medicine and medical Jurisprudence by W. A. Hammond. New-York. 1869) я читалъ о больномъ, который, изнасиловавъ и убивъ малолѣтнюю дѣвочку, записалъ о томъ въ своемъ дневникѣ, присовокупивъ «he were a very hot girl.»

Большая часть ихъ находится подъ вліяніемъ наслѣдственнаго предрасположенія къ помѣшательству.*)

§ 254. 2) *Случайное преступленіе* (Crimen intercurrens), т. е. преступленіе, совершаемое не вслѣдствіе нравственной испорченности, но вслѣдствіе какихъ либо другихъ причинъ, въ особенности же неблагопріятнаго стеченія обстоятельствъ, увлеченія, легкомыслія. Случайное преступленіе встрѣчается у людей, психически здоровыхъ, принадлежащихъ ко всѣмъ сословіямъ и званіямъ. Занимая болѣе или менѣе независимое положеніе, многіе изъ нихъ пользуются достаточнымъ состояніемъ или прокармливаютъ себя честнымъ трудомъ. Другіе же, хотя часто подвергаются лишеніямъ и бѣдности, но, тѣмъ не менѣе, въ колеяхъ обыденной жизни, къ пороку не прибѣгаютъ. Тѣ и другіе получали извѣстное воспитаніе, смотря по сословіямъ и средствамъ, но какъ тѣ, такъ и другіе не могли приходить къ твердымъ нравственнымъ убѣжденіямъ, руководствуясь въ своихъ дѣйствіяхъ скорѣе навыкомъ, чѣмъ строгими принципами. Третьи, наконецъ, относятся къ жизни невнимательно и легкомысленно. Нетрудолюбивые и склонные къ вину, развлеченіямъ и удовольствіямъ, они поддаются искушенію нерѣдко противъ голоса собственнаго сознанія. Люди эти легко падаютъ. Они совершаютъ преступленіе, сами задумавъ его (pour corriger la fortune) или вовлеченные въ него другими лицами, отъ слабости характера. Самый способъ совершенія ими преступленія нерѣдко свидѣтельствуетъ о томъ, что они новички на пути порока. Представители случайнаго преступленія разсѣяны вездѣ по всѣмъ классамъ народонаселенія и, если имъ удается укрываться отъ правосудія, нерѣдко переходятъ въ первую группу.

§ 255. Случайное преступленіе душевно-больныхъ, каковъ бы ни былъ ихъ нравственный и умственный уровень, возникаетъ вслѣдствіе болѣзненныхъ условій, встрѣчаемыхъ далеко не у всѣхъ помѣшанныхъ. Такія условія даются особымъ со-

---

*) Maudsley, l. c. стр. 356.

держаніемъ ложныхъ ощущеній и представленій (галлюцинацій и бреда). Больные эти живутъ, такъ сказать, не въ семъ мірѣ. Ихъ болѣзненныя представленія и побужденія далеко уносятъ ихъ надъ дѣйствительностью. Ложное сознаніе данной внѣшней обстановки заставляетъ ихъ относиться къ окружающему не такъ, какъ относится къ нему человѣкъ здоровый. Всѣ наши привычки, порядки, законы для нихъ обязательны лишь настолько, насколько соотвѣтствуютъ ихъ бреду; если же они не подходятъ, то нарушеніе ихъ происходитъ при первомъ удобномъ случаѣ. Случайное преступленіе помѣшаннаго, по внутреннему смыслу своему, нерѣдко въ высшей степени странное и дикое, часто носитъ характеръ обдуманнаго дѣйствія и приводится въ исполненіе съ большимъ хладнокровіемъ.

§ 256. 3) Наконецъ *внезапное* (*острое*) *преступленіе* (crimen acutum) совершается какъ здоровыми, такъ и помѣшанными, подъ вліяніемъ сильнаго порыва. Душевно-здоровые, совершившіе внезапное преступленіе, нерѣдко отличаются высокимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ и твердымъ, честнымъ характеромъ. Причина роковаго порыва создается столкновеніемъ съ жизнію, съ которымъ, смотря по личнымъ свойствамъ, субъекты, конечно, не всѣ могутъ справляться одинаковымъ образомъ. Сюда принадлежатъ, какъ говорится, преступники отъ несчастной любви, ревности, затронутаго честолюбія, запальчивости и пр.

§ 257. Помѣшанные совершаютъ острое преступленіе какъ подъ вліяніемъ порыва (мести, запальчивости), вызываемаго внѣшними обстоятельствами (какъ напр. дурнымъ съ ними обращеніемъ), такъ и въ припадкѣ болѣзни, принимающей форму порыва (тоски, страха, отчаянія). Послѣдняя, въ большинствѣ случаевъ, возникаетъ вдругъ, среди кажущагося полнаго здоровья или послѣ незначительныхъ предвѣстниковъ, весьма нерѣдко ускользающихъ отъ вниманія окружающихъ.

§ 258. Принимая въ соображеніе, что преступленіе, къ какой бы категоріи ни относили его, всегда есть *отдѣльный актъ*, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что два преступленія одного и того же лица могутъ имѣть совершенно различное

психологическое значеніе. Такъ напр. здоровый преступникъ, принадлежащій къ первой группѣ, все-таки можетъ совершать преступленіе въ состояніи сильнаго порыва (острое преступленіе), точно также какъ помѣшанный, совершивъ послѣднее, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ совершить и случайное преступленіе. Съ другой стороны, человѣкъ здоровый, совершивъ острое преступленіе, не всегда будетъ признаваемъ способнымъ совершить случайное преступленіе, тогда какъ, совершивъ случайное, онъ можетъ совершить и острое. Равнымъ образомъ помѣшанный, въ продолженіи своей болѣзни, не совершивъ ни хроническаго, ни случайнаго преступленія, можетъ приходить въ состояніе порыва и совершить острое преступленіе и т. д.

§ 259. Всѣ эти соображенія не могутъ не вызывать крайней осмотрительности и осторожности при обсужденіи даннаго преступленія.

Главное различіе между преступленіями психически здороваго и помѣшаннаго приводится къ тому, что первое обусловливается извѣстными *внѣшними* обстоятельствами, тогда какъ преступленіе душевно-больныхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, происходитъ при участіи лишь однихъ *внутреннихъ* условій. Преступленіе здороваго является результатомъ или цѣлаго ряда обстоятельствъ, подготовившихъ, такъ сказать, преступленіе, или случайныхъ причинъ, вдругъ повліявшихъ на человѣка; оно находится въ извѣстной связи какъ съ личными свойствами и характеромъ субъекта, такъ и съ окружающей его внѣшнею обстановкою, и потому становится намъ легко понятнымъ, какъ необходимое или случайное послѣдствіе всего прошедшаго даннаго лица. Преступленіе же душевно-больныхъ представляетъ собой болѣе или менѣе рѣзкое противорѣчіе съ прежнимъ (здоровымъ) состояніемъ субъекта; оно повидимому не подходитъ подъ общія побудительныя причины подобныхъ поступковъ; оно является изолированнымъ, оторваннымъ отъ корня фактомъ, не имѣющимъ никакой связи съ данными внѣшними условіями и потому производитъ на

насъ впечатлѣніе чего-то страннаго и загадочнаго. Тѣмъ не менѣе, однако, преступленіе душевно-больныхъ не изъято изъ общаго психологическаго закона, управляющаго нашими поступками; только процессъ дѣянія совершается при *иныхъ* внутреннихъ условіяхъ.

§ 260. Измѣненіе это заключается въ болѣзненномъ характерѣ одного какого либо или нѣсколькихъ моментовъ, составляющихъ *дѣяніе*. Такъ напр. неправильное отношеніе ихъ между собой, слишкомъ медленное или быстрое возникновеніе одного изъ другаго и т. д. уже существенно измѣняютъ внутренній смыслъ *всего* акта.

1. Мотивъ дѣйствія ненормаленъ. Болѣзненнымъ мотивомъ дѣянія является всякое ощущеніе (или душевное чувство), возникшее отъ непосредственнаго (центральнаго) раздраженія извѣстныхъ нервныхъ элементовъ и потому не соотвѣтствующее даннымъ внѣшнимъ стимуламъ, дѣйствію которыхъ подвергается больной. Сюда принадлежатъ, съ одной стороны, ложныя ощущенія внѣшнихъ чувствъ (галлюцинаціи и иллюзіи, преимущественно слуха и зрѣнія), съ другой — подложечная тоска и душевныя чувства, вызываемыя бредомъ (страхъ, отчаяніе). Самоубійство, убійство, поджигательство весьма часто совершаются подъ вліяніемъ тоски, не имѣющей никакого основанія въ внѣшней обстановкѣ субъекта. Въ другихъ случаяхъ мотивъ дѣйствія принимаетъ форму порыва, способнаго вызывать преступленіе и въ нормальномъ состояніи, какъ напр. порыва гнѣва, мести, ненависти, ревности и т. д. Но въ такомъ случаѣ психологическія условія порыва ненормальны. Такъ напр. гнѣвъ вызывается обидою въ дѣйствительности вовсе не послѣдовавшей, но созданною лишь бредомъ или галлюцинаціей слуха; месть обращается противъ воображаемаго врага.

Не умѣя опредѣлить *болѣзненность* мотива своего поступка, субъектъ впослѣдствіи нерѣдко соглашается на мотивъ, случайно подсказанный ему при допросѣ. Такъ напр., совершивъ убійство подъ вліяніемъ безотчетной тоски, субъектъ ми-

рится съ мыслію, что на самомъ дѣлѣ ненавидѣлъ убитое имъ лицо. Убивъ своего мужа, молодая крестьянка «созналась» въ томъ, что «разлюбила его, бѣгала отъ него, что онъ ей сталъ не милъ.» Но ненавидѣла она мужа своего потому, что считала себя испорченною.

2) Цѣль дѣянія выражается ложными представленіями (бредомъ). Субъектъ убиваетъ своихъ дѣтей для того, чтобы избавивъ ихъ отъ земныхъ мученій, скорѣе доставить имъ царство небесное. На основаніи ложныхъ ощущеній слуха, приписываемыхъ гласу Божьему, онъ совершаетъ преступленіе съ цѣлію заявить свою покорность Богу. Онъ нападаетъ вооруженной рукой на перваго встрѣчнаго для того, чтобы идти подъ судъ, считая преступленіемъ — самоубійство. Одержимый бредомъ, что его ждетъ смертная казнь, онъ убиваетъ жену и дѣтей своихъ для того, чтобы не разстаться съ ними. Мучимый предсердечной тоскою, онъ поджигаетъ домъ съ цѣлію избавиться отъ тоски, нисколько не уясняя себѣ, какимъ образомъ вспыхнувшій пожаръ, подвергая опасности всѣхъ окружающихъ, могъ бы облегчить *его* страданіе. Признавая себя «всероссійскимъ» царемъ по народному выбору, одинъ крестьянинъ, въ силу своего права наказывать и миловать, убилъ своего сына и сноху оттого, что они не выдали ему царской одежды, будто бы присланной ему митрополитомъ изъ С.-Петербурга. Желая преобразовать духовный бытъ всего міра, одинъ больной зарѣзалъ своего малолѣтняго сына для того, чтобы кровью невиннаго ребенка освятить какой-то торжественный обрядъ новой религіи.

3) Актъ рѣшенія происходитъ неправильно. Первое условіе нормальнаго рѣшенія на дѣйствіе — это правильная ассоціація представленій. Въ болѣзненномъ состояніи воспроизведеніе и сочетаніе представленій ускоряется или замедляется— въ обоихъ случаяхъ невозможенъ актъ соображенія, предшествующій рѣшенію на дѣйствіе. Въ первомъ случаѣ смѣна представленій идетъ такъ быстро, что вовсе не получается яснаго представленія о цѣли дѣйствія; во второмъ случаѣ одно или

нѣсколько представленій удерживаются такъ упорно, что не даютъ возникнуть другимъ, новымъ представленіямъ, могущимъ показать цѣль въ иномъ свѣтѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ сознаваемыя представленія о цѣли или вовсе не вызываютъ борьбы противоположныхъ представленій, или возникшая борьба производитъ самыя непріятныя душевныя чувства, такъ что больные нерѣдко сами заявляютъ о своемъ безсиліи продолжать ее и умоляютъ окружающихъ предпринимать мѣры для предохраненія ихъ отъ преступленія. Совершивъ же преступленіе, субъектъ весьма часто не можетъ себѣ уяснить, какимъ образомъ дошелъ до него и нерѣдко предается глубокому раскаянію. Находя преступленіе совершенно несогласнымъ съ своими нравственными убѣжденіями, онъ самъ первый признаетъ себя виновнымъ. «Ему было страшно, его тянула какая-то сила, ему велѣлъ внутренній голосъ, его лукавый смутилъ» — вотъ все, что субъектъ сообщаетъ намъ о своемъ душевномъ состояніи. Въ другихъ случаяхъ смѣна представленій можетъ идти совершенно правильно, такъ что больной, повидимому, совершенно послѣдовательно доходитъ до рѣшенія на преступленіе, не подвергаясь никакой внутренней борьбѣ. Находя вполнѣ естественными и правильными свои ложныя воззрѣнія на данную обстановку, больной отрицаетъ существующій порядокъ вещей; онъ считаетъ себя выше всякаго закона и нарушаетъ его, въ твердомъ убѣжденіи своей правоты. Подъ вліяніемъ подобнаго бреда, конечно, логическій процессъ разсужденія и соображенія, хотя происходитъ по общимъ законамъ логики, но долженъ вести къ ложнымъ выводамъ, потому что посылки, на которыхъ онъ построенъ, были неправильны, точно также какъ въ ариѳметической задачѣ вкравшаяся ошибка, несмотря на правильность дальнѣйшихъ операцій, даетъ ложный результатъ.

4) Послѣднее побужденіе къ дѣянію — воля — съ одной стороны является результатомъ процесса соображенія и рѣшенія, съ другой — опирается на болѣе или менѣе сильное душевное чувство, предвѣщающее достиженіе цѣли. Опредѣлить, почему именно въ данную минуту состоялось это послѣд-

нее побужденіе, приводящее въ дѣятельное состояніе движущіе нервы, опредѣлить, не могло ли оно состояться нѣсколько раньше или нѣсколько позже и въ такомъ случаѣ не вести къ преступленію — нѣтъ никакой возможности, если не признать фактомъ того, что достигшее извѣстной степени нервное раздраженіе въ центрахъ представленія и ощущенія, по органическимъ законамъ, *не можетъ не передаваться* центрамъ движенія. Какъ только состоялась эта передача, то раздраженіе движущаго нерва уже идетъ своимъ порядкомъ отъ центра до периферіи вдоль нерва, приводя въ сокращеніе извѣстную группу мышцъ. Прекратить или остановить возникшее раздраженіе движущаго нерва уже невозможно. Какъ ни быстро, по раздраженіи нерва, происходитъ мускульное сокращеніе, тѣмъ не менѣе оно требуетъ извѣстнаго промежутка времени. Естественно, что раздраженіе длиннаго нерва доходитъ до мышцы нѣсколько позже, чѣмъ доходитъ раздраженіе болѣе короткаго нерва. Не менѣе ясно, что предупрежденіе результата даннаго раздраженія возможно лишь посредствомъ новаго раздраженія кратчайшимъ путемъ или, при одинаковой длинѣ заинтересованныхъ нервовъ, болѣе быстрымъ совершеніемъ самаго процесса проведенія раздраженія по нервнымъ нитямъ. Если, по какимъ бы то ни было причинамъ, послѣ даннаго стимула къ движенію возникаетъ новое побужденіе — новый волевой актъ, — то своевременный успѣхъ этого вторичнаго проявленія воли исключительно зависитъ отъ того, имѣется ли въ числѣ центробѣжныхъ нервовъ кратчайшій путь, по которому новый импульсъ могъ бы предупредить прежній еще до сокращенія имъ мышцъ, или можетъ ли быть ускорено само проведеніе по нервамъ процесса раздраженія. По группировкѣ противодѣйствующихъ мускуловъ (Antagonistae) существованіе подобныхъ кратчайшихъ нервныхъ путей столь же невѣроятно, сколь невозможно ускореніе самого процесса проведенія по нимъ даннаго раздраженія.

Обыденный опытъ вполнѣ подтверждаетъ невозможность

остановить движеніе, къ производству котораго уже послѣдовало раздраженіе центробѣжнаго нерва (§ 227).

5) Наконецъ самый способъ дѣянія и поведеніе субъекта послѣ совершенія преступленія болѣе или менѣе явно указываетъ на болѣзненное происхожденіе его.

Сильныя душевныя волненія уже въ нормальномъ состояніи легко вызываютъ бурныя мускульныя движенія, посящія рефлективный характеръ; а въ болѣзненномъ состояніи, по замѣчанію Maudsley'я, нѣкоторыя дѣйствія вполнѣ принимаютъ судорожную форму. Съ другой стороны мускульныя движенія, составляющія преступное дѣяніе, происходятъ медленно и обдуманно, указывая собой на совершенное хладнокровіе субъекта. Но соображеніе, очевидно руководившее ими, выражается иначе, чѣмъ въ нормальномъ состояніи. Такъ напр. субъектъ дѣйствуетъ безъ всякой предосторожности, среди бѣлаго дня, при свидѣтеляхъ, не скрывая горячихъ слѣдовъ преступленія и не принимая мѣръ для собственной безопасности. Онъ заявляетъ самъ о случившемся, торжественно или скромно. Одинъ больной съѣлъ сердце убитаго имъ ребенка. Другой легъ спать и дѣйствительно заснулъ на полу рядомъ съ трупами убитыхъ имъ трехъ дѣтей. Третій нанесъ трупу жены, убитой имъ же, безчисленное множество мелкихъ уколовъ въ груди и половые органы. Четвертый, подожегши домъ, легъ на лежанку, спокойно дожидаясь своей смерти.*)

---

*) Продолженіе руководства къ судебной медицинѣ, издаваемагô Медицинскимъ Департаментомъ при Сборникѣ сочиненій по судебной медицинѣ и пр. (1873. 1874), мною получено было слишкомъ поздно, чтобы воспользоваться прекраснымъ трудомъ Г. Штейнберга, взявшаго на себя обработку судебно-психологическаго отдѣла «Практическаго руководства къ судебной медицинѣ И. Л. Каспера.»

Въ высшей степени достойны вниманія какъ врачей такъ юристовъ вполнѣ справедливыя замѣчанія, сдѣланныя Г. Штейнбергомъ по поводу освидѣтельствованія сумашедшихъ и безумныхъ въ особомъ присутствіи Губернскихъ правленій (§ 7). Далѣе въ §§ 8—15 (изслѣдованіе больнаго; мнѣніе; распознаваніе невмѣняемости и пр.), составленныхъ съ полнымъ знаніемъ дѣла, врачъ-экспертъ найдетъ драгоцѣнныя указанія для правильнаго рѣшенія своей задачи. Наконецъ глава II. (Частная Судебная Психологія), еще не оконченная, насколько можно судить по первымъ тремъ §§, обѣщаетъ быть самымъ полнымъ руководствомъ въ числѣ послѣ существующихъ по сему предмету сочиненій.

Объ экспертизѣ и экспертахъ.

§ 261. Какъ ни различно участіе отдѣльныхъ моментовъ, въ совокупности своей составляющихъ дѣяніе, тѣмъ не менѣе преступленіе есть *одинъ* актъ, раздѣленіе котораго на отдѣльные послѣдовательные періоды возможно лишь по теоріи. Дѣло врача, по оцѣнкѣ каждаго отдѣльнаго момента, вывести заключеніе о значеніи *всего* акта.

Задача судебнаго врача — привести внѣшній фактъ преступленія къ его внутреннимъ (физіологическимъ или патологическимъ) условіямъ, путемъ изложенія данныхъ, добытыхъ при изслѣдованіи и наблюденіи субъекта.

Вислоцкій*) совершенно послѣдовательно приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

a) главный предметъ судебно-медицинскаго изслѣдованія и единственное основаніе заключенія врача, по его спеціальности — есть *человѣческій организмъ*;

b) если врачу-эксперту приходится обсуждать какіе либо посторонніе предметы или обстоятельства дѣла, то онъ обсуждаетъ лишь ихъ *отношеніе къ человѣческому организму*, разслѣдованіе котораго составляетъ для него единственное основаніе, единственную точку исхода для обсужденія этого отношенія;

c) такъ какъ изслѣдованіе *организма* можетъ быть произведено *только* врачемъ, а судья, по неимѣнію соотвѣтствующихъ свѣдѣній, *не въ состояніи* дать врачу наставленія относительно производства экспертизы, то врачъ-экспертъ, относительно своего дѣйствія, *не можетъ быть въ зависимости отъ судьи*, ибо судебная цѣль его дѣйствія требуетъ непремѣнно его самостоятельности въ этомъ отношеніи;

d) такъ какъ врачъ-экспертъ, при своемъ изслѣдованіи, принужденъ руководствоваться обстоятельствами судебнаго дѣла, которыхъ значеніе въ отношеніи человѣческаго организма онъ только одинъ оцѣнить въ состояніи, то онъ зависитъ относительно своего дѣйствія отъ судебнаго дѣла, но отнюдь не отъ судьи;

*) О достоинствѣ судебно-медицинской экспертизы въ уголовномъ судопроизводствѣ. Разсужденіе д-ра Вислоцкаго. Варшава. 1872. стр. 57.

e) такъ какъ судья не въ состояніи оцѣнить всю важность обстоятельствъ дѣла для медицинской экспертизы, то врачъ-экспертъ не долженъ стѣсняться вовсе вопросами судьи, а долженъ производить и направлять свое изслѣдованіе по собственному усмотрѣнію; и наконецъ,

f) присутствіе судьи при извѣстныхъ родахъ медицинскаго изслѣдованія обусловливается единственно формальною стороною дѣла и необходимо иногда самому врачу для усиленія судебной достовѣрности его экспертизы.

Приведенныя положенія доктора Вислоцкаго вполнѣ примѣнимы и къ судебно-психологической экспертизѣ. И тутъ дѣло врача — привести данное явленіе (преступленіе) къ извѣстному состоянію *организма* (душевному здоровью или разстройству субъекта).

Въ силу этихъ соображеній задача судебнаго врача всегда заключается лишь *въ научномъ распознаваніи* (*Diagnosis*) даннаго душевнаго состоянія. «Нужно ли—говорятъ Tuke и Bucknill*) — рѣшить вопросъ чисто медицинскій или судебно-медицинскій, основанія распознаванія помѣшательства, по своему значенію и очевиднымъ послѣдствіямъ, въ томъ и другомъ случаѣ должны быть тѣ же самыя. Хотя въ уголовныхъ дѣлахъ свойству самаго преступленія и способу его совершенія нерѣдко должно приписать немаловажное вліяніе на составленіе мнѣнія, но тѣмъ не менѣе обстоятельства эти по существу дѣла суть ничто иное какъ часть поведенія больнаго, а поведеніе (conduct) его должно быть изслѣдовано самымъ тщательнымъ образомъ и тогда, когда поставленъ вопросъ чисто медицинскій.»

§ 262. Мнѣніе эксперта можетъ быть только троякое: экспертъ утверждаетъ, что субъектъ или находится въ нормальномъ душевномъ состояніи или одержимъ сумасшествіемъ (въ смыслѣ закона**) или, наконецъ, по имѣющимся налицо

*) A Manual of psychological medicine. By Bucknill and Tuke. 2. ed. London. 1862. стр. 302,

**) Или, конечно, дѣйствовалъ въ припадкѣ умоизступленія или безпамятства.

даннымъ, состояніе его безъ дальнѣйшаго испытанія и наблюденія съ точностью опредѣлено быть не можетъ.

Примѣчаніе. Если требуется отзывъ эксперта о давно прошедшемъ состояніи субъекта, то могутъ быть случаи, въ которыхъ, по неимѣнію достаточныхъ данныхъ, окончательное рѣшеніе вопроса дѣлается невозможнымъ.

§ 263. Для полученія точныхъ отвѣтовъ со стороны экспертовъ необходима правильная постановка вопроса. Вопросъ: способенъ ли кто ко вмѣненію, какъ вопросъ юридическій, не долженъ быть предлагаемъ врачамъ-экспертамъ. Если же онъ всетаки поставленъ, то, по нашему мнѣнію, врачъ имѣетъ полное право уклоняться отъ отвѣта. Liman*) повидимому другаго мнѣнія. Заявляя свое согласіе отвѣчать на приведенный вопросъ, онъ впрочемъ присовокупляетъ: «если врачу ставится вопросъ о способности ко вмѣненію, то *онъ не можетъ* имѣть никакого другаго значенія кромѣ того: не имѣются ли налицо болѣзненные моменты, которые должны быть принимаемы во вниманіе при опредѣленіи способности ко вмѣненію? Всѣ же остальные психологическіе доводы, могущіе, въ глазахъ судьи, служить въ пользу неспособности ко вмѣненію, нисколько не касаются врача, какъ представителя только своей науки. Врачъ исключительно имѣетъ дѣло съ болѣзнію, съ душевнымъ разстройствомъ и съ тѣми отношеніями, въ которыхъ оно находится къ данному преступному дѣянію.» Вполнѣ соглашаясь съ приведенными словами, мы однако полагаемъ, что во избѣжаніе могущихъ быть недоумѣній противъ принятой Liman'омъ постановки вопроса должно возражать съ формальной стороны. По сущности дѣла, вопросы о неспособности ко вмѣненію и о душевномъ разстройствѣ субъекта совершенно тождественны.

§ 264. Полемика о компетентности**) врачей и юристовъ относительно опредѣленія, въ данномъ случаѣ, душевнаго разстройства, рѣшена самимъ закономъ въ пользу *врачей-экспер-*

---

*) Zweifelhafte Geisteszustände vor Gericht. Berlin. 1869. стр. 7 и 8.

**) Вопросъ о компетентности судебной психологіи, какъ врачебной науки, нынѣ имѣетъ лишь историческій интересъ. Желающіе ближе познакомиться съ нимъ, найдутъ его изложеніе въ Friedreich's System der gerichtlichen Psychologie. стр. 142. См. также приведенныя ниже статьи Mittermayer'a.

товъ. Тѣмъ не менѣе повременамъ слышатся жалобы со стороны представителей правосудія, будто бы врачи вдаются въ психологическія разсужденія о способности ко вмѣненію. Упоминая о подобномъ незаконномъ превышеніи своихъ правъ врачами, профессоръ Бернскаго университета Pfotenhauer,*) справедливо замѣчаетъ, что судья обращается къ экспертамъ *за совѣтомъ* относительно такихъ только предметовъ, о которыхъ его собственныя юридическія знанія и житейская опытность не могутъ дать удовлетворительное объясненіе. А потому онъ долженъ направлять свой вопросъ, предлагаемый эксперту, именно на тѣ пункты, по которымъ желаетъ получить объясненіе, такъ чтобы экспертъ зналъ, въ какой мѣрѣ требуется его помощь и такимъ образомъ могъ удержаться отъ сужденія о другихъ пунктахъ, какъ бы близко эти пункты ни соприкасались съ его спеціальностію. Главная задача судьи состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить: есть ли данный случай — преступленіе, какое именно, кѣмъ совершено, можетъ ли быть оно вмѣнено въ вину совершившему его лицу и какое наказаніе слѣдуетъ назначить преступнику. Поэтому врачъ, правильно понимающій свои права и обязанности, не коснется въ своемъ заключеніи ни одного изъ этихъ существенно юридическихъ вопросовъ, не станетъ рѣшать ихъ самъ собой и ограничится лишь тѣмъ, что доставитъ, при помощи своихъ спеціальныхъ знаній и практической опытности, необходимый матеріалъ, недостающія основы для судейскаго приговора, давая такимъ образомъ судьѣ средства самому выработывать извѣстное убѣжденіе и, если возможно, рѣшить съ юридической достовѣрностью тотъ или другой изъ выше приведенныхъ вопросовъ. Если врачъ-экспертъ удержится въ этихъ границахъ, то этимъ самымъ онъ предохранитъ себя отъ упрека въ превышеніи своихъ правъ. При томъ ему рѣшительно все равно, въ какой мѣрѣ — значительной или незначительной онъ будетъ способствовать образованію убѣжденія судьи.»

---

*) Границы между судейской и судебно-медицинской дѣятельностью. С.-Петербургъ. 1866. стр. 56.

§ 265. Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается Mittermayer. Признавая главною причиною какъ недостаточныхъ врачебныхъ мнѣній, такъ и различныхъ недоумѣній со стороны юристовъ *незнакомство съ новѣйшими успѣхами психіатріи*, Mittermayer писалъ рядъ статей*) съ цѣлію уяснить существенные вопросы судебной психологіи.

Онъ требуетъ, чтобы эксперты, *какова бы ни была постановка вопроса*, всегда приводили свое мнѣніе къ заключенію *о здоровомъ или болѣзненномъ душевномъ состояніи человѣка.* Весьма нерѣдко, говоритъ Mittermayer,**) экспертамъ предлагаются неудобные вопросы вслѣдствіе *ошибочнаго опредѣленія* неспособности ко вмѣненію въ соотвѣтствующихъ законоположеніяхъ, какъ напр. былъ ли обвиняемый, во время совершенія преступленія, одержимъ сумасшествіемъ (Wahnsinn), т. е. *особою формою* помѣшательства***) или имѣлъ онъ сознаніе о наказуемости своего дѣянія или могъ онъ различать правое отъ неправаго? Совершенно справедливо заключаетъ Maudsley,****) что помѣшанный, если того требуетъ его личная выгода, нерѣдко владѣетъ собой въ изумительной степени и въ большинствѣ случаевъ хорошо различаетъ добро отъ зла, но, не смотря на познаніе добра, приводитъ въ исполненіе зло *вслѣдствіе болѣзненныхъ побужденій*, такъ какъ онъ болѣе не обуздывается тѣми мотивами, которые были бы совершенно достаточны для здоровой части народонаселенія.

Въ виду этихъ соображеній, вполнѣ согласныхъ съ общимъ психіатрическимъ опытомъ, нельзя не удивляться тому, что многіе изъ современныхъ юристовъ не могли еще уяснить себѣ сущность дѣла. Такъ напр. Вислоцкій, весьма точно и правильно опредѣливъ общую задачу судебно-медицинской экспертизы, находитъ, что значеніе вопроса о помѣшательствѣ еще

---

*) Friedreich's Blätter etc. 1863. I. III. IV. VI. 1864. III. V. 1865. III. 1866. стр. 1. 163. 243. 323. 1867. стр. 3. 161.

**) Тамъ же. 1866. стр. 13.

***) Въ Пруссіи до новѣйшаго времени законъ признавалъ двѣ формы душевнаго разстройства: Wahnsinn (сумасшествіе) и Blödsinn (слабоуміе).

****) L. c. стр. 290.

увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что «опредѣленіе существованія умопомѣшательства, по мнѣнію многихъ, въ особенности англійскихъ и американскихъ юристовъ и судей, не должно составить исключительной принадлежности судебно-медицинской экспертизы. Въ этомъ отношеніи мнѣніе опытнаго судьи или свидѣтельство напримѣръ проницательнаго лица, могущаго сравнить настоящее умственное состояніе подсудимаго съ его прежнимъ состояніемъ, дѣйствіемъ и характеромъ, достовѣрнѣе свидѣтельства врача, который видитъ больнаго въ первый разъ.»*) Слова эти служатъ явнымъ доказательствомъ тому, что англійскіе и американскіе судьи, на которыхъ указываетъ Вислоцкій, вполнѣ заслуживаютъ дѣлаемый Mittermayer'омъ упрекъ въ незнакомствѣ съ новѣйшими успѣхами психіатріи. И потому Вислоцкій совершенно напрасно ссылается на приведенныя Elwel'емъ слова сэра Вельямина Броди, что большая ошибка предполагать, что этотъ вопросъ (о сумасшествіи) можетъ быть рѣшенъ единственно медицинскимъ экспертомъ. Всякій, пользующійся здравымъ смысломъ и знающій поэтому (?) хорошо человѣческую природу, разсматривающій этотъ предметъ съ надлежащимъ вниманіемъ, имѣетъ право составить себѣ мнѣніе объ немъ: и *это болѣе дѣло тѣхъ, назначеніе которыхъ примѣнять законъ, чѣмъ врачей.*» И опять совершенно напрасно Вислоцкій приводитъ взглядъ Жюиса Деніо, что «въ сомнительныхъ случаяхъ свидѣтельство должно быть представлено тѣмъ лицомъ, которое знало сумасшедшаго въ состояніи полнаго здоровья, которое (т. е. лицо) замѣчало измѣненія въ умственномъ его состояніи, происходившія въ немъ съ тѣхъ поръ и обстоятельства, доказывающія состояніе его памяти и разсудка и домашней жизни, подробности, которыя забыты свидѣтелемъ, но впечатлѣнія которыхъ остались однакоже въ его душѣ.»

Въ томъ-то именно и дѣло, что *не-врачи не въ состояніи* опредѣлить сумасшествіе потому собственно, что распознаваніе

*) L. c. стр. 77.

помѣшательства есть *чисто научный актъ, требующій извѣстныя теоритическія и практическія познанія*, недоступныя не врачу. Мы нисколько не отрицаемъ, что въ извѣстныхъ періодахъ и формахъ сумасшествіе выдается такъ рѣзко впередъ, что даже гг. Броди, Жюисъ Депіо и какое нибудь проницательное лицо едва ли будутъ сомнѣватъся въ существованіи его; мы также не отвергаемъ, что они «имѣютъ полное право» составить себѣ о немъ свое мнѣніе — но тѣмъ не менѣе, какъ ни явно было бы сумасшествіе, законъ безусловно требуетъ *удостовѣренія врача* въ дѣйствительности помѣшательства. Если это требованіе нельзя обойти въ явныхъ случаяхъ сумасшествія, то, конечно, не можетъ быть и рѣчи о томъ—обойти его въ сомнительныхъ случаяхъ.

§ 266. Вполнѣ правильный и здравый взглядъ на положеніе эксперта высказываетъ Владиміровъ.*) Сжатое изложеніе его воззрѣнія даетъ намъ рефератъ Директора Медицинскаго Департамента, Е. В. Пеликана.**) «Какъ извѣстно — говоритъ Пеликанъ — относительно роли и значенія врача-эксперта, у насъ до сихъ поръ — и на трибунахъ и на кафедрахъ — господствуетъ нѣкоторое смѣшеніе понятій, такъ что въ концѣ концовъ врачъ-экспертъ отождествляется съ свидѣтелемъ. Причины этому надобно искать, съ одной стороны, въ новизнѣ самаго суда, съ введеніемъ котораго судебная медицина только и заняла надлежащее ей видное мѣсто, а съ другой, въ томъ враждебномъ настроеніи, съ которымѣ на самыхъ первыхъ порахъ встрѣтила экспертизу извѣстная часть нашей прессы, результатомъ котораго должно было явиться стремленіе къ ея ограниченію.

Опредѣлить значеніе медицинской экспертизы и роль су-

---

*) О значеніи врачей-экспертовъ въ уголовномъ судопроизводствѣ. Харьковъ. 1870.

**) Судебный Вѣстникъ. 1870. № 85. Отдѣлъ библіографическій.— Мнѣніе Пеликана, бывшаго профессора судебной медицины при Мед. Хир. Академіи, имѣетъ столь важное научное и практическое значеніе, а съ другой стороны принятые, имъ общіе принципы до такой степени примѣнимы и къ судебной психологіи, что я считаю долгомъ авторской справедливости, привести здѣсь цѣликомъ слова Пеликана, тѣмъ болѣе что не многимъ, можетъ быть, удастся прочитать ихъ въ летучемъ № газеты.

дебнаго врача въ уголовныхъ дѣлахъ, указать раціональныя начала юридическаго устройства экспертизы и дать ей такого рода процессуальную организацію, при которой научное изслѣдованіе истины не встрѣчало бы препятствій, вслѣдствіе непониманія юристами судебно-медицинскихъ вопросовъ и ненадлежащихъ критеріевъ съ ихъ стороны, для оцѣнки достоинства медицинскихъ заключеній — такова задача, поставленная Владиміровымъ, и, надобно замѣтить, выполненная имъ весьма удовлетворительно.

Разсмотрѣвъ послѣдовательно разныя воззрѣнія на значеніе экспертизы, Владиміровъ совершенно справедливо находитъ, что мнѣніе, будто бы экспертиза не составляетъ особаго вида уголовныхъ доказательствъ, а есть только дополненіе личнаго осмотра судьи, экспертъ же — ничто иное какъ его помощникъ — не имѣетъ за собой основаній ни въ положительномъ законѣ, ни въ теоріи. Присутствіе судьи при экспертизѣ удовлетворяетъ только формальной сторонѣ дѣла — не болѣе и имѣетъ чисто судебное значеніе; его задача указать въ общихъ чертахъ пункты для экспертизы, охранять предписанія закона о медицинскихъ изслѣдованіяхъ и ознакомиться съ явленіями, открытыми экспертомъ, и добытыми имъ результатами. Съ теоритической стороны роль эксперта, какъ помощника судьи, не выдерживаетъ критики въ томъ отношеніи, что экспертъ призывается вовсе не затѣмъ, чтобы онъ сдѣлалъ возможнымъ для судьи личный осмотръ, ибо только опытный глазъ эксперта и можетъ оцѣнить значеніе подлежащихъ наблюденію фактовъ.

Съ другой стороны экспертиза можетъ имѣть мѣсто и безъ личнаго осмотра, такъ какъ во многихъ случаяхъ эксперты даютъ свое заключеніе на основаніи свидѣтельскихъ показаній. Помощникомъ судьи можно назвать и свидѣтеля, такъ какъ и

*) Понятіе «помощи», которую можетъ оказать судьѣ врачъ, неточно выражаетъ ихъ взаимныя отношенія уже потому, что тотъ и другой работаютъ въ совершенно разныхъ направленіяхъ. Судья желаетъ опредѣлить отношенія даннаго лица къ закону; врачъ опредѣляетъ данное душевное состояніе этого лица, при чемъ ему, какъ врачу, никакого дѣла нѣтъ до того, «поможетъ» ли его мнѣніе судьѣ или нѣтъ правильно совершить актъ вмѣненія въ вину извѣстному лицу преступленія.

онъ помогаетъ судьѣ въ открытіи истины — стало быть такой взглядъ на эксперта безсодержателенъ; будучи же установлено единственно на внѣшнемъ моментѣ, такое понятіе объ экспертѣ-врачѣ можетъ повести къ невѣрнымъ выводамъ, въ видѣ напр. того, что при разногласіи мнѣній экспертовъ, судьѣ должно принадлежать рѣшеніе, какое изъ нихъ важнѣе въ научномъ отношеніи.

Еще менѣе состоятельно воззрѣніе на эксперта, какъ на свидѣтеля. Хотя вообще и трудно провести рѣзкую границу между сужденіемъ и простою передачею факта, такъ какъ фактъ и мнѣніе противополагаются другъ другу какъ выраженія различныхъ степеней достовѣрности — *мнѣніе* врача-эксперта, достигая высшей степени достовѣрности, дѣлается *фактомъ* и *показаніе свидѣтеля*, потерявъ свой фактическій характеръ, перестаетъ быть фактомъ, а дѣлается *мнѣніемъ* — тѣмъ не менѣе разница между экспертомъ и свидѣтелемъ является та, что свидѣтель даетъ суду только факты, а экспертъ — мнѣнія; для передачи первыхъ совершенно достаточно нормальнаго, непосредственно-чувственнаго воспріятія; для послѣднихъ же требуется научное развитіе и спеціальныя свѣдѣнія. Смѣшеніе понятій врача-эксперта и свидѣтеля продолжалось на судѣ до тѣхъ поръ, пока Кассаціонный Департаментъ не разъяснилъ этого въ своемъ рѣшеніи по дѣлу студента Данилова (1867. № 178).

Подробно разсмотрѣвъ, какъ съ теоритической точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія закона, дѣятельность врача-эксперта на предварительномъ судебномъ слѣдствіи, Владиміровъ переходитъ къ тому окончательному выводу на счетъ значенія экспертизы и роли врача-эксперта — что онъ совершенно самостоятельный изслѣдователь и оцѣнщикъ фактовъ въ подлежащей ему области — словомъ, что онъ есть *научный судья*.*)

---

*) Вислоцкій (l. c. стр. 161 и пр.) оспариваетъ справедливость этого воззрѣнія, признавая эксперта лишь за judex facti, въ противоположность судьѣ, какъ judex judicans. Намъ кажется, что почтенный авторъ нѣсколько увлекается одними только словами. Примѣняя къ эксперту понятіе «судьи» (въ особенности же съ именемъ прилагательнымъ, «научнаго»), Владиміровъ, очевидно, хотѣлъ только сказать, что послѣдній выводъ эксперта, какъ основанный на *научныхъ данныхъ*, не подлежитъ дальнѣйшему обсужденію со сто-

Съ такимъ выводомъ нельзя не согласиться; онъ вполнѣ раціоналенъ. Такой взглядъ на врача-эксперта я постоянно проводилъ какъ на каѳедрѣ, такъ и въ печати и для меня тѣмъ пріятнѣе видѣть, что онъ начинаетъ пріобрѣтать себѣ сторонниковъ въ средѣ образованныхъ юристовъ.

Имъ мотивирована 333 ст. Суд. Уст. 20-го Ноября 1864 г., по которой «свѣдущіе люди, производя освидѣтельствованіе, не должны упускать изъ виду и такихъ признаковъ, на которые слѣдователь не обратилъ вниманія, но изслѣдованіе коихъ можетъ привести къ открытію истины» и въ которой (т. е. въ статьѣ закона) Владиміровъ находитъ главный базисъ и аргументъ для своего вывода на счетъ того, что врачъ — не исполнитель только отдѣльныхъ дѣйствій, предписываемыхъ ему судьею, а совершенно самостоятельный изслѣдователь медицинскихъ вопросовъ.

Дѣятельности врача-эксперта на предварительномъ слѣдствіи самымъ опредѣлительнымъ образомъ приданъ закономъ самобытный характеръ: врачу-эксперту дано право знакомиться съ тѣми свѣдѣніями, какія собраны по данному дѣлу слѣдователемъ (ст. 341. Уст. Суд.); обращать вниманіе на все, помимо указаній слѣдователя (ст. 333) и дѣлать распросы свидѣтелей и постороннихъ лицъ (ст. 1722 и 1752. Т. XIII. изд. 1857).

Таковы же его положеніе и дѣятельность и на судебномъ слѣдствіи: онъ присутствуетъ при производствѣ судебнаго слѣд-

---

роны суда (не медицинскаго, не научнаго) или, что врачъ-экспертъ, въ своей области, есть настолько же самостоятельный судья, насколько самостоятельно обсуждаетъ виновность или невиновность подсудимаго самый судъ. Мало того. Я полагаю даже, что въ извѣстномъ смыслѣ къ эксперту вполнѣ примѣнимо понятіе «judex judicans». Такъ напр. окончательный отзывъ эксперта, не допускающій опроверженія, есть conditio sine qua non судебнаго приговора о виновности или невиновности. По признаніи подсудимаго сумасшедшимъ о виновности его уже не можетъ быть и рѣчи, потому что законъ безусловно признаетъ помѣшательство причиною невмѣняемости. Врачъ-экспертъ, конечно, высказавъ свое мнѣніе, останавливается на немъ и не дѣлаетъ никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ; судья же, принявъ мнѣніе эксперта, также не можетъ войти въ разсужденіе о виновности или невиновности субъекта, но непосредственно примѣняетъ къ нему подлежащія законоположенія. Такимъ образомъ мнѣніе эксперта по сущности дѣла, рѣшаетъ вопросъ о *возможности или невозможности акта вмѣненія.* Стало быть при извѣстныхъ условіяхъ экспертиза—judicium facti—включаетъ въ себѣ и судейскій приговоръ; но послѣдній только произносится не врачемъ, а судомъ.

ствія*); ему дано право читать письменное производство дѣла (Касс. рѣш. 1868. № 944) и только, къ сожалѣнію, Правительствующій Сенатъ не призналъ за экспертомъ права предлагать, черезъ предсѣдателя, на судебномъ слѣдствіи вопросы свидѣтелямъ.

Свое мнѣніе по этому вопросу Кассаціонный Департаментъ (1868. № 944) мотивировалъ тѣмъ, что, не выслушавъ еще заключенія экспертовъ, предсѣдатель, въ большинствѣ случаевъ, не будетъ имѣть возможности оцѣнить необходимость предложенія того или другаго вопроса, и что установленный закономъ порядокъ допроса экспертовъ таковъ, что они должны излагать свое мнѣніе и если при этомъ встрѣтятъ какое либо недоразумѣніе въ отношеніи какого-либо обстоятельства, вслѣдствіе чего они не могутъ дать правильнаго заключенія, то должны объ этомъ заявить суду, и затѣмъ встрѣтившееся затрудненіе должно быть разъяснено не по ихъ инипіативѣ, а по иниціативѣ предсѣдателя и сторонъ.

Нельзя не согласиться, что такой способъ предложенія вопросовъ свидѣтелямъ невозможно признать удовлетворительнымъ.

Рѣшеніе Кассаціоннаго Департамента таково, что оно вмѣняетъ въ обязанность экспертамъ давать научное мнѣніе въ то время, когда они не могутъ составить себѣ опредѣленнаго убѣжденія, приступать къ изложенію своего заключенія, чувствуя всю его несостоятельность и не будучи въ состояніи придти къ какому либо выводу, за недостаткомъ и невыясненностью подлежащихъ данныхъ. Имъ создается для врача-эксперта ненормальное положеніе на судѣ: отъ него требуютъ научнаго мнѣнія — и вмѣстѣ съ тѣмъ лишаютъ его возможности критически отнестись къ матеріалу, изъ котораго должно быть построено мнѣніе; желаютъ слышать разъясненіе извѣстнаго факта — и не позволяютъ разъяснить этотъ фактъ предвари-

*) Впрочемъ лишь только съ согласія сторонъ,—что, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удобно.

тельно для самого себя; обязывают строгой основательностью — и лишают полной къ тому возможности.

Надо полагать, что рѣшеніе это потеряетъ со временемъ свой обязательный характеръ, когда достаточно выяснится тотъ логическій порядокъ вещей, по которому научное мнѣніе врача-эксперта возможно только тогда, когда имъ предварительно подвергнуты будутъ всестороннему разсмотрѣнію и критической оцѣнкѣ самые факты. Цѣль судебнаго слѣдствія не въ одной только повѣркѣ собранныхъ на предварительномъ слѣдствіи данныхъ, но и въ самостоятельномъ изслѣдованіи (ст. 692. Уст. Суд.).

Съ другой стороны предоставленіе суду права оцѣнивать необходимость того или другаго вопроса свидѣтелю со стороны эксперта равносильно предоставленію суду права, оцѣнивать значеніе того или другаго факта для научнаго приговора эксперта, а такое право *явилось бы могилой научной экспертизы* и не имѣетъ за собой никакого основанія ни въ наукѣ, ни даже въ законѣ.

Опредѣливши такимъ образомъ значеніе судебно-медицинской экспертизы — какъ совершенно самостоятельнаго изслѣдованія, — а роль судебнаго врача — какъ научнаго судьи — Владиміровъ успокоиваетъ тѣхъ, которые по чему либо боятся подчинить судъ авторитету медиковъ, такъ какъ это подчиненіе существуетъ и такъ на дѣлѣ; оно не можетъ не существовать, оно должно существовать. Уже одно то обстоятельство, что за рѣшеніемъ извѣстныхъ вопросовъ правосудіе прибѣгаетъ къ врачебной наукѣ, — создаетъ для послѣдней *авторитетное положеніе* въ отношеніи суда. Вообще кругъ дѣйствій авторитета въ обществѣ громаденъ и *авторитетныя отношенія въ дѣлахъ мысли представляются необходимостью.* Человѣкъ, нуждающійся въ чуждыхъ его спеціальности свѣдѣніяхъ, всегда обращается къ спеціалисту; имѣющій тяжбу — къ адвокату; больной — къ медику; строющій домъ — къ архитектору и т. д. Весь вопросъ въ дѣлѣ авторитета заключается въ его выборѣ. Поэтому признаніе этого факта съ формальной стороны явилось бы ничѣмъ инымъ, какъ только логической необходимостью.

Примѣчаніе. Крайне желательно, чтобы изложенный взглядъ наконецъ перешелъ in succum et sanguinem юристовъ, тѣмъ болѣе, что судебная практика повременамъ указываетъ на случаи, повидимому, вызывающіе старую полемику о компетентности врачей и юристовъ. Иногда кажется, будто бы дѣло идетъ о спорной области, въ которой встрѣчаются юристъ и врачъ-экспертъ для того только, чтобы побороть другъ друга, при чемъ побѣда остается за діалектикой и краснорѣчіемъ. Юристъ принимаетъ видъ строгаго экзаменатора, а врачъ, не имѣя возможности примѣнять извѣстные практическіе пріемы*) изслѣдованія субъекта, долженъ обратиться въ обличителя незнанія своего противника...

§ 267. Итакъ экспертиза составляетъ собой совершенно самостоятельный, научный актъ, *не имѣющій ничего общаго съ правосудіемъ.* «Экспертиза» можетъ быть производима и производится врачемъ во всякое время безъ малѣйшаго повода со стороны суда, какъ только врачъ, почему бы то ни было, ставитъ себѣ тѣ же самые вопросы, которые иногда задаетъ ему судъ. Такъ напр. онъ опредѣляетъ причину смерти, изслѣдуетъ отравленіе, разпознаетъ душевное разстройство и т. д.

Какое нибудь научное изслѣдованіе, предпринимаемое врачемъ съ цѣлію уяснить себѣ данный вопросъ, и научное изслѣдованіе, сдѣланное по приглашенію суда, по сущности своей, нисколько не разнятся между собой. Это воззрѣніе, очевидно, принимаетъ и Mittermayer, утверждая, что «наилучшимъ образцомъ для способа дѣйствій эксперта, занимающагося испытаніемъ умственныхъ способностей подсудимаго, можетъ служить способъ дѣйствій, котораго держится опытный врачъ дома умалишенныхъ при изслѣдованіи душевнаго состоянія больнаго во время пріема его въ это заведеніе.»**)

Единственное различіе дѣйствій врача въ томъ и другомъ случаѣ заключается въ томъ, что добытыя въ первомъ случаѣ результаты остаются въ распоряженіи врача, а во второмъ отдаются на распоряженіе суда для примѣненія ихъ къ извѣстнымъ судебнымъ вопросамъ. Судебному врачу совершенно без-

---

*) Всякій согласится, что предлагать вопросы подсудимому не непосредственно, но чрезъ Предсѣдателя суда, крайне неудобно при экспертизѣ психіатрической, гдѣ важно каждое движеніе лица, выраженіе глазъ и т. п.

**) Владиміровъ, l. c. стр. 90.

различно, отъ чего и зачѣмъ его спрашиваютъ; онъ отвѣчаетъ лишь потому, что его спрашиваютъ и, конечно, отвѣчаетъ настолько ясно, точно, опредѣленно, насколько ему позволитъ это его личное знаніе и пониманіе дѣла, нисколько не заботясь о томъ, получитъ ли судъ изъ его мнѣнія какія нибудь основанія для *своей*, т. е. юридической надобности.

Съ другой стороны, правовѣдѣніе — въ извѣстныхъ случаяхъ — *вполнѣ зависитъ отъ экспертизы.*

Правосудіе встрѣчаетъ вопросы, на которые оно, при всемъ своемъ желаніи, отвѣчать *не можетъ*; но отвѣтъ на которые ему необходимъ для того, чтобы пріидти къ извѣстнымъ *судебнымъ* выводамъ. Словомъ, правосудіе *должно* спрашивать медицину и *должно принимать въ соображеніе* получаемые отъ нея отвѣты.

Было бы странно и неразумно, замѣчаетъ докторъ Jendritza,*) пригласивъ эксперта, отвергать его мнѣніе и, безъ призванія къ его спеціальности, поставить на его мѣсто самого себя.

§ 268. Нельзя не выразить также желанія, чтобы на обсужденіе присяжныхъ засѣдателей не былъ предоставленъ вопросъ о душевномъ здоровіи или разстройствѣ даннаго лица, такъ какъ вопросъ этотъ — *совершенно спеціальный*, предполагающій, для своего рѣшенія, извѣстныя научныя свѣдѣнія.

Казалось бы, что, изложивъ взаимныя отношенія эксперта и судьи, незачѣмъ заговаривать о присяжныхъ засѣдателяхъ. Но передавая изъ рукъ судьи на руки присяжныхъ засѣдателей окончательное признаніе кого либо виновнымъ или невиновнымъ, многіе полагаютъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ быть измѣняемы и самыя основанія приговора, тѣмъ болѣе, что законодательство не признаетъ обязательнымъ для присяжныхъ — мнѣніе эксперта. Но тѣмъ не менѣе было бы въ высшей степени странно, еслибъ, въ данномъ случаѣ, по утвержденіи экспертомъ, что субъектъ одержимъ сумасшествіемъ, присяж-

*) Allg. Zeitsch. für Psychiatrie. 1858. стр. 70.

ные засѣдатели *могли* его признать здоровымъ и, наоборотъ, еслибъ послѣдніе его признали сумасшедшимъ, тогда какъ экспертъ, на основаніи научнаго изслѣдованія, нашелъ его здоровымъ.

§ 269. Едва ли кто станетъ оспаривать общее мѣсто, что незачѣмъ спрашивать другаго о томъ, что извѣстно намъ самимъ. Еслибъ опредѣленіе даннаго душевнаго состоянія было такъ легко и просто, что присяжные засѣдатели *могли бы* себѣ составить самостоятельное, безошибочное мнѣніе, то совершенно непонятно, отчего законодательство отсылаетъ ихъ къ экспертизѣ. Но законъ называетъ врачей, профессоровъ, техниковъ и пр. людьми *свѣдущими.* Отсылая же присяжныхъ къ *свѣдущимъ*, законъ первыхъ, очевидно, признаетъ *несвѣдущими*... «Но можетъ ли медикъ, — спрашиваетъ Владиміровъ*) — въ теченіе судебнаго засѣданія посвятить присяжныхъ въ тайны своей науки? или: въ состояніи ли присяжные уразумѣть медицинскую экспертизу? и отвѣчаетъ, что, ни сколько не уменьшая достоинства суда присяжныхъ, онъ скажетъ, что послѣдніе не могутъ понимать медицинской экспертизы. Присяжные могутъ принять и не принять рѣшенія эксперта, но не имѣютъ возможности обсуждать и критиковать его рѣшеніе.

Относительно обязательной силы врачебнаго мнѣнія Berner**) признаетъ слѣдующія положенія:

1) Технически-медицинское мнѣніе *вообще обязательно*; оно же необязательно, если заключаетъ въ себѣ очевидное противорѣчіе.

2) Необязательно разсужденіе врача о предметахъ общаго здраваго смысла (des gemeinen Menschenverstandes), какъ напр. о предметахъ эмпирической психологіи, основанныхъ *только* на знаніи людей.

3) Заключеніе врача о неспособности ко вмѣненію подлежитъ тщательному разсмотрѣнію судьи.

---

*) l. c. стр. 114 и 115.

**) l. c стр. 115.

Съ этими положеніями нельзя не согласиться, но было бы желательно, чтобы не всякій приписывалъ себѣ «знаніе людей» и выводилъ, на основаніи этого «знанія,» заключенія о данныхъ эмпирической психологіи.*)

Въ самомъ дѣлѣ, замѣчаетъ Rönne,**) только психіатрія сообща съ психологіей можетъ рѣшить эту задачу (т. е. способенъ ли кто къ вмѣненію или нѣтъ) и для судьи это мнѣніе *настолько же обязательно, насколько обязательно всякое другое* мнѣніе о вопросахъ, рѣшеніе которыхъ предполагаетъ спеціальныя научныя познанія и опытъ.

Наконецъ, признавать правильнымъ или неправильнымъ мнѣніе, данное экспертомъ, во всякомъ случаѣ, можетъ только тотъ, кто *лучше* его знаетъ дѣло. Едва ли можно допустить, чтобы эксперты *менѣе* присяжныхъ засѣдателей были знакомы съ разпознаваніемъ душевнаго состоянія. И потому критика или оцѣнка мнѣнія эксперта точно также не подлежитъ присяжнымъ засѣдателямъ, какъ она не можетъ принадлежать судьямъ.

Однако говорятъ, что присяжные засѣдатели судятъ *по совѣсти* и кромѣ своего святаго убѣжденія не должны руководствоваться никакими другими доводами. Но можно ли судить о научныхъ вопросахъ *по совѣсти*, *безъ* знанія, *безъ* опыта, *безъ* научнаго образованія? Можно ли *по совѣсти* признать кого-либо душевно-здоровымъ, когда врачъ-экспертъ, посвятившій всю свою жизнь изученію душевныхъ болѣзней, признаетъ его помѣшаннымъ?

Въ виду соображенія, что наука не всегда можетъ давать совершенно удовлетворительные отвѣты на возникающіе въ судѣ вопросы, экспертъ также обязанъ принимать присягу, въ удостовѣреніе того, что скажетъ полную истину, насколько она ему доступна при его личномъ знаніи дѣла, при чемъ, конечно, ему предоставляется уклоняться отъ всякаго отвѣта, когда считаетъ себя некомпетентнымъ въ возникшемъ дѣлѣ.

---

*) Zur Frage über die Zurechnung. Friedreichs Blätter 1873 II. стр. 155.
**) Die criminalistische Zurechnungsfähigkeit. Berlin 1870. стр. 11.

Присяга же эксперта очевидно лишается всего своего значенія, если высказанное имъ подъ присягою *научное* мнѣніе можетъ быть оставлено безъ вниманія противъ *ненаучнаго* убѣжденія присяжныхъ, защищаемаго только ихъ присягою.

§ 270. Если мнѣнія двухъ экспертовъ (со стороны обвиненія и защиты) противорѣчатъ одно другому, то я считаю совершенно неправильнымъ признавать одно изъ нихъ достаточнымъ для окончательнаго приговора присяжныхъ. Въ такихъ случаяхъ слѣдовало бы прибѣгнуть къ мнѣнію (superarbitrium) научныхъ корпорацій, обществъ и подобныхъ учрежденій. Для того, чтобы, въ случаѣ разногласія мнѣній врачей-экспертовъ, судъ не былъ поставленъ въ неопредѣленное положеніе дѣйствовать ощупью, не имѣя научныхъ критеріевъ въ оцѣнкѣ разнорѣчивыхъ мнѣній, Владиміровъ*) предлагаетъ принятіе судомъ того мнѣнія, на сторонѣ котораго значительное большинство экспертовъ. Для этого необходимо, чтобы на судѣ было экспертовъ какъ можно больше и чтобы между ними были представители всѣхъ элементовъ суда, т. е. обвиненія, защиты и суда; при отсутствіи же явнаго численнаго перевѣса экспертовъ на сторонѣ того или другаго мнѣнія, судомъ должно быть принято то изъ нихъ, которое служитъ въ пользу обвиняемаго.

§ 271. Отверженіе присяжными засѣдателями экспертизы я считаю возможнымъ лишь въ двухъ случаяхъ. Во первыхъ при формальныхъ недостаткахъ мнѣнія и во вторыхъ, когда экспертъ уклоняется отъ рѣшительнаго отвѣта по неимѣнію достаточныхъ научныхъ данныхъ.

Формальные недостатки мнѣнія эксперта заключаются въ примѣненіи ложныхъ показаній, ошибочныхъ данныхъ, въ явномъ противорѣчіи и т. п., т. е. въ обстоятельствахъ, само собой уничтожающихъ научное достоинство экспертизы. Что же касается уклончиваго отвѣта со стороны эксперта на предложенный судомъ вопросъ, то присяжные засѣдатели, очевидно, имѣютъ полное право постановить свое рѣшеніе безъ экспер-

*) l. c. стр. 135.

тизы, какъ скоро послѣдняя окончательно отказывается отъ объясненія. Одни только предположенія и догадки со стороны экспертизы, конечно, никогда не могутъ быть признаваемы достаточнымъ основаніемъ для приговора присяжныхъ уже потому, что всякое «предположеніе» носитъ въ себѣ возможность заблужденія.

§ 272. Во избѣжаніе отверженія со стороны присяжныхъ засѣдателей мнѣнія эксперта, многіе высказываютъ требованіе, чтобы послѣднее было изложено съ такою «убѣдительною силою» и въ такой ясной формѣ, чтобы присяжные засѣдатели безъ затрудненія могли себѣ его усвоить. Но не должно забывать, что полное пониманіе даннымъ лицомъ научнаго уясненія какого либо вопроса нерѣдко требуетъ довольно обширныхъ предварительныхъ познаній со стороны этого лица и что относительно душевныхъ болѣзней даже у представителей образованнаго общества еще нынѣ встрѣчаются обильные предразсудки, въ высшей степени затрудняющіе правильное пониманіе дѣла.

Обратить же мнѣніе эксперта въ чтеніе лекцій или въ отрицаніе предразсудковъ было бы настолько неудобно, насколько несообразно съ цѣлію суда.

§ 273. Изложенныя на предъидущихъ страницахъ воззрѣнія приводятся къ нѣкоторымъ общимъ выводамъ, которые весьма ясно и отчетливо сформулированы въ «положеніяхъ къ судебной психологіи,» принятыхъ собраніемъ нѣмецкихъ психіатровъ въ 1865 г.*)

Положеній этихъ, какъ замѣчаетъ Mittermayer,**) нельзя не признать результатами новѣйшей психіатріи, тѣмъ болѣе важными, что представившіе ихъ врачи, по своему положенію при заведеніяхъ для помѣшанныхъ, соединяютъ обширную опытность съ основательнымъ общимъ образованіемъ. Мы встрѣ-

---

*) Allg. Zeitschr. f. Psychiatrie. 1865. стр. 340.

**) Архивъ Судебной Медицины и пр. 1866. IV стр. 64.

чаемъ здѣсь имена Flemming'а, Roller'а, Solbrig'а, Jessen'а, Lähr'а и др.*)

I. Объ экспертахъ.

§ 274. 1. Однихъ только психологическихъ свѣдѣній недостаточно для обсужденія болѣзненныхъ душевныхъ состояній, которыя всегда обусловливаются ненормальными тѣлесными состояніями. Экспертомъ по части психіатріи можетъ быть признаваемъ лишь тотъ врачъ, который путемъ изученія и собственнаго опыта ознакомился съ душевными болѣзнями.

2. Судебный врачъ никогда не участвуетъ въ занятіяхъ суда для обсужденія какого либо судебнаго вопроса (Rechtsfall), но приглашается только въ качествѣ свѣдущаго лица для подачи мнѣнія о какомъ либо сомнительномъ обстоятельствѣ.

3. Всегда подлежитъ рѣшенію: признать ли здоровымъ или болѣзненнымъ душевное состояніе изслѣдуемаго лица? Въ этомъ заключается задача врача, какова бы ни была постановка вопроса со стороны суда. Весьма желательно, чтобы судья ставилъ вопросъ въ указанномъ смыслѣ.

4. Достоинство врачебнаго мнѣнія (и также заключенія высшей медицинской инстанціи — superarbitrium) исключительно основано на своей убѣдительной силѣ. Рѣшеніе судьи не можетъ быть связываемо ни формальнымъ содержаніемъ мнѣнія, ни научнымъ (?) или служебнымъ авторитетомъ высказавшаго его лица (ср. § 266).

5. Судья долженъ повѣрить достоинство врачебнаго мнѣнія и если не признаетъ его убѣдительнымъ, спросить заключенія у другаго эксперта или у высшей медицинской инстанціи, а если передъ нимъ нѣсколько заключеній, то оцѣнить ихъ сравнительное достоинство (ср. § 270).

---

*) Flemming — бывшій Директоръ дома умалишенныхъ въ Шверинѣ (Sachsenberg); Roller—Директоръ д. у. въ Баденѣ (Illenau); Solbrig—Директоръ д. у. и профессоръ психіатріи въ Мюнхенѣ; Jessen—директоръ частной лечебницы для помѣшанныхъ въ Килѣ (Hornheim); Lähr — директоръ такого же заведенія при Берлинѣ (Shweizerhof).

II. О врачебномъ мнѣніи.

6. Экспертъ, давая свое мнѣніе, можетъ пользоваться любою носологическою системою (для опредѣленія формы болѣзни), предполагая, что онъ въ состояніи достаточно опредѣлить принятыя въ ней формы болѣзни.

7. Во мнѣніи должны быть приняты во вниманіе нетолько психическіе, но и тѣлесные признаки душевнаго разстройства. Взаимная связь обоихъ рядовъ признаковъ, гдѣ только возможно, должна быть доказана.

8. Распознаваніе душевныхъ болѣзней всего вѣрнѣе основывается на доказательствѣ, что наблюдаемые признаки относятся къ какой либо формѣ сихъ болѣзней, извѣстной эксперту.

9. Если распознаваніе шатко (сомнительно), то экспертъ совершенно независимо отъ могущихъ быть отъ того послѣдствій, открыто долженъ о томъ заявить.

10. Всякое врачебное мнѣніе должно, если возможно, содержать подробную исторію болѣзни или быть основано на таковой. Поэтому врачу необходимо подробное знаніе всѣхъ фактовъ, получаемыхъ судебнымъ слѣдствіемъ и, въ случаѣ надобности, онъ въ правѣ требовать какъ дополненія ихъ, такъ и личнаго изслѣдованія субъекта.

11. Поступки, составляющіе предметъ судебнаго слѣдствія, конечно, обратятъ на себя особое вниманіе во мнѣніи эксперта, но не должны быть обсуживаемы независимо отъ остальныхъ явленій или даже исключительно служить предметомъ психологическихъ разсужденій.

III. О способности ко вмѣненію.

12. Способность ко вмѣненію опредѣляется присяжными засѣдателями (или судомъ), въ сомнительныхъ же случаяхъ по выслушаніи мнѣнія эксперта.

13. Каждый душевно-больной передъ закономъ признается неспособнымъ ко вмѣненію.

14. Судить о неспособности ко вмѣненію душевно-больныхъ можно лишь на основаніи общаго психологическаго со-

стоянія, а не по отдѣльнымъ обстоятельствамъ или психическимъ явленіямъ.

15. Неспособность душевно-больныхъ ко вмѣненію не уничтожается слѣдующими обстоятельствами, предпочтительно передъ другими:

а) тѣмъ, что они въ состояніи разсуждать о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ;

б) тѣмъ, что относительно совершеннаго ими поступка они могутъ различать правое отъ неправаго.

в) тѣмъ, что они чувствуютъ раскаяніе.

г) тѣмъ, что нельзя доказать прямой связи (зависимости) между поступкомъ, съ одной стороны, и ненормальными представленіями, настроеніемъ и побужденіями больнаго — съ другой.

д) тѣмъ, что у больнаго вообще нельзя доказать никакихъ сумасбродныхъ мыслей.

ЧАСТЬ IV.

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ, ИСКЛЮЧАЮЩИХЪ СПОСОБНОСТЬ КО ВМѢНЕНІЮ ВЪ НОРМАЛЬНОМЪ ДУШЕВНОМЪ СОСТОЯНІИ.

1. Совершенная невинность содѣяннаго.

§ 278. Называя преступленіемъ — дѣяніе, запрещенное подъ страхомъ наказанія, законъ, конечно, не можетъ преслѣдовать дѣяніе, вовсе не запрещенное, какъ ни пагубны были бы его случайныя послѣдствія.

2. Ошибка, случайная или вслѣдствіе обмана.

§ 279. Ошибка и обманъ дѣлаютъ невозможнымъ вмѣненіе кому либо въ вину содѣяннаго, потому собственно, что сами понятія ошибки и обмана исключаютъ собой необходимые признаки преступленія.

3. Принужденіе отъ превосходящей непреодолимой силы и

4. Необходимая оборона.

§ 280. Оба эти условія выражаютъ собой лишь случайные внѣшніе факты, не имѣющіе ничего общаго съ тѣмъ душевнымъ состояніемъ субъекта, которое признается причиною неспособности ко вмѣненію. Впрочемъ нѣтъ основанія утверждать, чтобы, въ случаѣ посягательства на жизнь кого либо, оборона была *необходима*, такъ какъ субъекту долженъ быть предоставляемъ выборъ: убить своего противника, ради спасенія себя, или дать себя убить ему въ силу нравственнаго принципа, что терпѣть зло лучше, чѣмъ нанести его другому. Признаніе принужденія отъ превосходящей силы и необходимой обороны условіями ненаказуемости содѣяннаго есть ничто иное какъ признаніе вполнѣ законными какъ побужденія къ самосохраненію, такъ и вызываемаго имъ дѣянія, хотя бы послѣднее принимало форму преступленія.

5. Малолѣтство и несовершеннолѣтіе.

§ 281. Большая часть законодательствъ Западной Европы опредѣляютъ малолѣтство и несовершеннолѣтіе по французскому уголовному закону. Послѣдній относитъ совершеннолѣтіе къ 16 лѣтнему возрасту и требуетъ, что до достиженія его предварительно рѣшенъ былъ вопросъ «дѣйствовалъ ли субъектъ съ разумѣніемъ (discernement) или нѣтъ»? Отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ лишь нѣсколько смягчаетъ наказаніе; утвердительный же подвергаетъ подсудимаго тому же наказанію, которое дается совершеннолѣтнему. Въ другихъ государствахъ совершеннолѣтіе принимается съ достиженіемъ 14, 16 или 18 лѣтъ. У насъ несовершеннолѣтіе по уголовнымъ дѣламъ раздѣляется на четыре періода:*)

---

*) По гражданскимъ дѣламъ принимается совершеннолѣтіе
1) для вступленія въ дѣйствительную службу 16 лѣтній возрастъ,
2) для брака въ мужскомъ полѣ 18-й, въ женскомъ 16-лѣтній.
3) для управленія имуществомъ и вступленія въ договоры и обязательства, для мужскаго и женскаго пола 17-й съ попечительствомъ, а 21-лѣтній возарстъ безъ онаго.

а) До 7 лѣтъ — полное невмѣненіе.

б) Отъ 7 до 10 лѣтъ дѣти могутъ быть судимы, но вмѣсто наказанія отдаются своимъ родственникамъ для домашняго исправленія.

в) Отъ 10 до 14 лѣтъ ставится вопросъ о разумѣніи.

Если найдено было, что преступленіе совершено безъ разумѣнія, то подсудимый наказанію не подвергается; если же онъ дѣйствовалъ съ разумѣніемъ, то наказаніе значительно смягчается.

г) Въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ до 21 года вопросъ о разумѣніи не ставится, но наказаніе назначается нѣсколько смягченное.*)

§ 282. Приведенную систему Mittermayer признаетъ не основательною, какъ потому, что принятіе извѣстнаго возраста (14, 16, 17, 18 лѣтъ) совершенно произвольно, такъ и потому, что точное опредѣленіе его крайне затруднительно.**)

Въ самомъ дѣлѣ, число лѣтъ *само собой* никогда не можетъ служить вѣрнымъ признакомъ извѣстнаго душевнаго развитія, требуемаго закономъ.

Ежедневный опытъ доказываетъ, что развитіе дѣтей идетъ далеко не равномѣрно. 12-лѣтній мальчикъ нерѣдко бываетъ умнѣе 18-лѣтняго юноши. Данная организація и окружающія условія (климатъ, воспитаніе, общество) имѣютъ столь громадное вліяніе на ускореніе или замедленіе развитія, что опредѣленіе извѣстнаго срока несовершеннолѣтія непремѣнно приведетъ къ страннымъ недоразумѣніямъ. Такъ напр. подсудимый, совершившій преступленіе за нѣсколько дней до достиженія 21 года, по закону долженъ быть наказанъ менѣе строго, тогда какъ онъ будетъ наказанъ наравнѣ съ совершеннолѣтними, если бы онъ совершилъ тоже преступленіе, при тѣхъ же условіяхъ, лишь нѣсколько дней позже.

---

4) для участія въ дѣлахъ дворянскаго собранія 21-лѣтній возрастъ, въ выборахъ городскихъ и для избранія въ сельскія и волостныя должности 25-лѣтній (И. К. Война: Сборникъ законовъ, правилъ, постановленій и распоряженій Правительства для врачей и пр. Кіевъ. 1872. стр. 422).

*) Курсъ русскаго уголовнаго права А. Лохвицкаго. С. Петербургъ. Изд. 2-е. 1871 стр. 101.

**) Friedreich's Blätter etc. 1864. стр. 339.

§ 283. Съ другой стороны принятіе или непринятіе «разумѣнія» также зависитъ отъ произвола судьи, пока не имѣется точнаго опредѣленія этого понятія или явныхъ признаковъ его. Чѣмъ должно доказать, что несовершеннолѣтній, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствовалъ съ разумѣніемъ или безъ онаго? *Знаніе* того, что-такое добро и зло, далеко еще не есть дѣйствительное *понятіе* о беззаконности того или другаго дѣйствія.

Для того, чтобы «разумѣніе» могло быть признаваемо основаніемъ вмѣненія Mittermayer совершенно справедливо требуетъ

а) развитія умственныхъ способностей вообще до такой степени, чтобы сдѣлать возможнымъ для подсудимаго *обсужденіе* своихъ поступковъ;

б) знанія извѣстныхъ гражданскихъ отношеній и послѣдствій извѣстнаго дѣянія;

в) знанія извѣстныхъ законоположеній, и наконецъ

г) развитія извѣстныхъ нравственныхъ представленій, настолько сильныхъ, чтобы противостоять побужденію къ дѣйствію—словомъ, для того, чтобы въ данномъ случаѣ опредѣлить «разумѣніе» необходима извѣстная, довольно высокая степень развитія душевной дѣятельности во *всѣхъ* ея проявленіяхъ.

§ 284. Какъ ни постепенно и неравномѣрно шло бы развитіе дѣтей, всегда оно обозначается двумя физіологическими моментами: смѣною молочныхъ зубовъ и пробужденіемъ половой дѣятельности.

Оба эти процессы продолжаются извѣстное время, далеко не одинаковое у всѣхъ. По этому только *окончаніе* ихъ можетъ служить положительнымъ основаніемъ для опредѣленія возраста совершеннолѣтія.

Малолѣтствомъ будетъ періодъ жизни до окончательной смѣны молочныхъ зубовъ, стало быть до 8, 9, 10 и даже 12 лѣтъ; а несовершеннолѣтіемъ, въ собственномъ смыслѣ слова, періодъ жизни до полнаго развитія половыхъ отправленій (возмужалости).

Однако принятіе и этихъ сроковъ окончательно не рѣшаетъ вопроса о вмѣненіи, потому что развитіе не всегда идетъ однообразно во всѣхъ сферахъ организма. Изъ того напр., что у молодаго человѣка лѣтъ 17 или 18 вполнѣ развиты половыя отправленія, еще не слѣдуетъ, чтобы вполнѣ созрѣвала и его душевная дѣятельность. Напротивъ того, слишкомъ раннее половое развитіе нерѣдко совпадаетъ съ недостаточнымъ и вообще ненормальнымъ душевнымъ развитіемъ.

Поэтому означеннымъ физіологическимъ моментамъ должно приписать лишь отрицательное значеніе, т. е. малолѣтнимъ должно считать того у кого до 10, 12, 14 лѣтъ не окончилась смѣна молочныхъ зубовъ, а совершеннолѣтнимъ лишь того, у кого, по достиженіи 21 года, въ самомъ дѣлѣ закончено половое развитіе.

Въ томъ и другомъ случаѣ несовершеніе этихъ физіологическихъ процессовъ въ указанныхъ возрастахъ признается явленіемъ *болѣзненнымъ*.

§ 285. Принятіе малолѣтства и несовершеннолѣтія вполнѣ оправдывается физіологическимъ ходомъ развитія человѣка.

Въ дѣтскомъ возрастѣ (до 9, 10, 12 лѣтъ), значительно преобладаетъ рефлективная дѣятельность организма. Малѣйшаго впечатлѣнія достаточно для того, чтобы вызвать рядъ мускульныхъ движеній. Дѣти бѣгаютъ, прыгаютъ, рѣзвятся вовсе не отъ того, что *хотятъ* бѣгать и прыгать, на основаніи такихъ-то побудительныхъ причинъ, но отъ того только, что пріятное самоощущеніе (въ особенности въ сферѣ мышечнаго чувства), отражаясь на движущіе центры, вызываетъ усиленную мускульную дѣятельность, точно также, какъ подъ вліяніемъ пріятныхъ душевныхъ чувствъ (удовольствія, радости и пр.) человѣкъ дѣлается разговорчивѣе и живѣе въ своихъ движеніяхъ, нисколько не сознавая въ себѣ желанія или намѣренія ускорять свою рѣчь или производить болѣе быстрые жесты.

Предаваясь всецѣло тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя ихъ окружаютъ, дѣти думаютъ только о томъ, что дѣйствуетъ на

нихъ въ данную минуту, относясь безразлично къ прошедшему и не задавая себѣ вопроса о будущемъ. Они приходятъ отъ одного впечатлѣнія къ другому, наслаждаясь имъ или быстро отворачиваясь отъ него, не вникая въ причины ихъ различія. Дѣти быстро увлекаются своими неясными побужденіями къ дѣйствію, не сознавая въ себѣ повода не поддаваться имъ. У дѣтей, конечно, имѣется не малое число представленій о внѣшнемъ мірѣ, объ окружающихъ лицахъ, о данныхъ отношеніяхъ, но всѣ эти представленія имѣютъ только *фактическое* значеніе. Свидѣтельствуя лишь о существованіи такихъ-то предметовъ, обстоятельствъ, отношеній, представленія дѣтей не приведены еще въ связь, систему, соотношеніе; они разрозненны, отрывочны, неопредѣленны — изъ нихъ еще не образовалось ни понятій, ни принциповъ.

§ 286. При такихъ условіяхъ совершенно естественно, что дѣйствія дѣтей обязаны своимъ происхожденіемъ лишь мимолетнымъ мотивамъ, которые, по прошествіи нѣкотораго времени, могутъ быть совершенно забыты. Когда на вопросъ: отчего ты это сдѣлалъ? дѣти отвѣчаютъ: «такъ, не знаю», то отвѣтъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ, выражаетъ безусловную истину. Точно также дѣти не умѣютъ опредѣлить цѣль своихъ поступковъ. Темные же мотивы и неопредѣленныя представленія о цѣли, конечно, въ результатѣ не могутъ давать поступокъ, подлежащій вмѣненію.

§ 287. Въ высшей степени важно, при обсужденіи поступковъ, выходящихъ изъ ряду обыкновенныхъ, обращать вниманіе на физическую сторону дѣтей. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣти (до 10, 12, 14 лѣтъ), подъ вліяніемъ дурнаго питанія, разстройства пищеваренія, безсонной ночи, глистовъ и пр. проявляютъ капризы, упрямство и даже безнравственныя влеченія (онанизмъ), не свойственныя имъ въ нормальномъ состояніи. Точно также не подлежитъ сомнѣнію, что въ періодѣ малолѣтства дѣти подвергаются различнымъ нервнымъ припадкамъ и *явному душевному* разстройству, которое нерѣдко

ускользаетъ отъ вниманія окружающихъ*). Докторъ Blanford въ Лондонѣ указываетъ на дѣтей, слабоуміе которыхъ выражается лишь нравственными недостатками. Такихъ дѣтей называютъ лѣнтяями, злыми, вздорными, безпокойными, упрямыми, трусливыми, склонными къ воровству и т. д., тогда какъ они — *душевно-больны.***)

§ 288. Съ наступленіемъ несовершеннолѣтія, въ собственномъ смыслѣ слова (отъ 14 до 21 года) происходитъ весьма значительная перемѣна въ душевномъ состояніи человѣка. Рефлективная дѣятельность уменьшается, бурныя, рѣзкія мускульныя движенія утихаютъ — дѣти дѣлаются болѣе спокойными и тише. Является извѣстная сосредоточенность, мечтательность, созерцаніе — словомъ, на основаніи всѣхъ собранныхъ впечатлѣній и представленій, бродящихъ въ головѣ, начинается процессъ *осмысленія* ихъ. Дѣти ставятъ себѣ вопросы о происхожденіи, о взаимной связи, о послѣдствіяхъ явленій. Пробуждается критика. Съ наступленіемъ половаго развитія возникаютъ совершенно новыя, темныя, загадочныя ощущенія (внутренняго чувства), приводящія къ столь же неяснымъ представленіямъ объ отношеніяхъ къ другому полу. Оказавши до сихъ поръ дѣвушкамъ весьма мало уваженія, юноша теперь видитъ въ нихъ представительницъ прекраснаго пола, къ которымъ влечетъ его какъ бы таинственная сила; и наоборотъ, дѣвушка, беззастѣнчиво участвовавъ въ шумныхъ играхъ мальчиковъ, вдругъ обращается въ дѣвицу и руководится загадочною стыдливостью, признаетъ въ юношѣ сильнѣйшаго....

Періодъ половаго развитія нерѣдко сопровождается серьознымъ разстройствомъ всего организма. Мужчины часто поражаются отложеніемъ бугорковъ въ легкихъ (чахотка), женщины— дѣвичьей немочью (chlorosis). Тѣ и другіе предрасположены къ душевнымъ болѣзнямъ.

---

*) Ueber Irresein der Kinder von Dr. Berkhahn. Neuwied. 1863. — Güntz, Wahnsinn der Schulkinder. Allg. Zeitsch. für Psych. 1859. стр. 187.

**) Wiener medicinische Wochenschrift. 1867. № 18.

Примѣчаніе. Справедливая оцѣнка душевнаго состоянія несовершеннолѣтнихъ возможна лишь при точномъ знаніи житейской обстановки, характера и привычекъ тѣхъ лицъ, въ сообществѣ которыхъ выросъ несовершеннолѣтній.*)

6. Старческій возрастъ.

§ 289. Старческій возрастъ нетолько измѣняетъ физіологическій составъ организма, но и даетъ всей душевной жизни особое направленіе. Физическія силы слабѣютъ, мускулатура теряетъ свою гибкость и энергію; подкожный жиръ всасывается, являются морщины, худоба; углы и края костей выдаются впередъ болѣе рѣзко; волоса сѣдѣютъ и вылезаютъ; кожа высыхаетъ, принимаетъ перґаменто-образный видъ; температура тѣла уменьшается; зубы выпадаютъ, вслѣдствіе чего нѣсколько укорачивается продольный діаметръ лица; кости дѣлаются хрупкими, походка нетвердою; голова и руки дрожатъ. Подобныя же измѣненія происходятъ во внутреннихъ органахъ. Сердце и легкія уменьшаются объемомъ, является одышка; желудокъ и пищеварительный каналъ съуживаются; артеріи (особливо мозговыя и сердечныя) окостенѣваютъ, стѣнки ихъ утолщаются, діаметръ уменьшается; венозные сосуды расширяются, кровообращеніе вообще замедляется, питаніе тѣла уменьшается.

Въ то же время дѣятельность внѣшнихъ чувствъ и общая чувствительность притупляется, память слабѣетъ, энергія мышленія уменьшается; воспріятіе новыхъ впечатлѣній затрудняется, воспринимаемыя же впечатлѣнія разработываются неправильно. Старики бываютъ равнодушны и апатичны, недовѣрчивы, сварливы, то угрюмы и недовольны, то уже слишкомъ развязны и разговорчивы до болтливости. Ничего не ожидая отъ будущаго и постоянно ссылаясь на пережитый ими опытъ, старики нерѣдко относятся враждебно къ современнымъ вопросамъ отъ того только, что у нихъ недостаетъ силы мышленія для правильной оцѣнки новыхъ воззрѣній. По слабости памяти, нѣ-

*) Legrand du Saulle, Étude médico-légale sur les enfants et vieillards. Annales d'hygiène et médécine légale 1868. стр. 385. въ Friedreich's Blätter etc. 1869. стр. 164.

сколько искажая прошедшее, которое имъ является въ свѣтѣ какого-то блестящаго, чуть ли не героическаго періода, старики расхваливаютъ «доброе, старое время,» порицая стремленія «молодаго поколѣнія» и тогда, когда у представителей его уже начинаютъ серебриться волоса. Нерѣдко является скряжничество, жестокость, сладострастіе.

Признакомъ болѣе высокаго умственнаго развитія служитъ сознаніе того, что многое недоступно нашему сознанію лишь по ограниченности нашего собственнаго ума, тогда какъ слаборазвитые люди обыкновенно очень довольны своимъ доморощеннымъ умомъ и вовсе не чувствуютъ потребности быть умнѣе. Точно также старики, дѣйствительно еще бодрые и свѣжіе, весьма хорошо понимаютъ, что сила ихъ начинаетъ слабѣть, между тѣмъ какъ старики, приближающіеся къ дряхлости, нисколько не сознавая своего умственнаго упадка, даже обижаются, когда имъ намекаютъ на старость. Примѣрами подобнаго умственнаго упадка служатъ, съ одной стороны, les jeunes pères высшаго французскаго общества, болѣзненное сладострастіе которыхъ нерѣдко выражается женитьбою на 16 и 17 лѣтнихъ дѣвицахъ,*) съ другой — тѣ «энергичные» старики, упорство которыхъ въ своихъ собственныхъ несовременныхъ воззрѣніяхъ часто доходитъ до дѣтскаго упрямства.

Высшая степень старческой дряхлости выражается крайнимъ ребячествомъ и совершеннымъ слабоуміемъ (Fatuitas, Dementia senilis).

§ 290. Не разъ врачи (еще въ древности) старались опредѣлить наступленіе старческой дряхлости по возрасту человѣка. Подобныя попытки Canstatt**) совершенно справедливо признаетъ неосновательными.

Дряхлость наступаетъ то раньше, то позже. Счастливыя натуры до глубокой старости сохраняютъ свѣтлый умъ. Гумбольдъ въ 90 лѣтъ былъ совершенно бодръ и свѣжъ; Ньютонъ

---

*) Lasègue, Journal des Sciences. 1863. № 34.
**) Die Krankheiten des höheren Alters. Erlangen. 1839. I. стр. 11.

же, погружаясь въ апокалипсисъ, 70 лѣтъ сдѣлался слабоумнымъ.

Старческій возрастъ обыкновенно принимаютъ съ 65, 70 и 75 лѣтъ. Но появленіе признаковъ дряхлости далеко не одинаково у всѣхъ. Нѣкоторые органы старѣютъ скорѣе, другіе медленнѣе, смотря потому, какимъ образомъ пользовались ими въ продолженіе жизни.

Иногда физическая сила повидимому сохраняется, а разрушается сила мышленія; иногда же, наоборотъ, мысль остается живою, а сила физическая упадаетъ.

§ 291. Старикъ въ юридическомъ смыслѣ слова, т. е. человѣкъ, по достиженіи извѣстнаго возраста (60 — 70 лѣтъ), представляющій выше приведенные признаки регрессивнаго хода органической жизни, неспособенъ ко вмѣненію потому собственно, что душевная дѣятельность его происходитъ подъ вліяніемъ разрушающихъ весь организмъ условій.

Тѣмъ болѣе поразительно, что по новѣйшее время правовѣдѣніе смотритъ на способность ко вмѣненію стариковъ съ совершенно иной точки зрѣнія. По мнѣнію Калмыкова*) старость имѣетъ вліяніе лишь на способность подлежать извѣстному наказанію по причинѣ недостатка физическихъ силъ для перенесенія его и что въ старческомъ возрастѣ смягчается наказаніе только изъ человѣколюбія и сострраданія, такъ какъ старость сама собой «не уничтожаетъ ни умственныхъ, ни душевныхъ силъ человѣка.» Если «разумѣніе и воля» въ старости иногда ослабляются, то это происходитъ отъ постороннихъ причинъ, независимо отъ старости (будто бы?); напротивъ того, старикъ, будучи освобожденъ отъ чувственныхъ страстей и побужденій, руководимый долголѣтнимъ опытомъ, можетъ еще свободнѣе располагать своими дѣяніями, нежели юноша— поэтому состояніе его не *только не уничтожаетъ способности ко вмѣненію, но еще усиливаетъ ее.»* Того же ложнаго взгляда на старческій возрастъ придерживается и Лохвиц-

*) Любавскій, учебникъ уголовнаго права, составленный по лекціямъ профессора Калмыкова. С. Петербургъ. 1866 стр. 68.

кій,*) говоря, что «старость не можетъ служить началомъ смягченія, напротивъ того, должна отягчать наказаніе: у старика всѣ страсти успокоиваются, онъ пріобрѣлъ или долженъ былъ пріобрѣсти привычку къ соблюденію закона.»

Приведенное мнѣніе очевидно противорѣчитъ опыту. Стоитъ только внимательно наблюдать стариковъ, даже не дошедшихъ до дряхлости, чтобы убѣдиться въ томъ, что нѣкоторое ослабленіе умственной дѣятельности составляетъ правило, а совершенная свѣжесть и бодрость—исключеніе изъ правила. И потому старикъ долженъ быть изъятъ отъ наказанія или подлежать менѣе тяжкому наказанію вовсе не изъ милости, изъ человѣколюбія и сострадапія, но по строжайшей *справедливости.*

Примѣчаніе. Спасовичъ**) относитъ старческую дряхлость (senectus decrepita) къ особенному виду сумасшествія. Современная психіатрія, напротивъ, считаетъ упадокъ и ослабленіе душевной дѣятельности въ регрессивномъ періодѣ человѣческой жизни явленіемъ настолько естественнымъ и нормальнымъ, что исключаетъ его изъ числа принятыхъ формъ помѣшательства.

7. Глухонѣмота.

§ 292. Врожденный недостатокъ органа слуха нетолько лишаетъ человѣка всѣхъ представленій, возникающихъ изъ слуховыхъ ощущеній, но и влечетъ за собой нѣмоту. Глухонѣмота, однако, не есть безусловное препятствіе душевнаго развитія. Воспитаніе глухонѣмыхъ въ особыхъ заведеніяхъ нерѣдко даетъ блестящіе результаты. А потому развитіе глухонѣмаго вполнѣ зависитъ отъ умѣнія окружающихъ его передать ему знаками свои познанія и руководствовать его побужденія. Но такъ какъ это умѣніе, въ большинствѣ случаевъ, довольно ограничено, въ особенности въ простонародіи, то глухонѣмые по большей части соображаютъ слабо и не вполнѣ понимаютъ окружающія ихъ отношенія; они бываютъ недовѣрчивы, запальчивы, мстительны.

§ 293. Глухонѣмота не всегда составляетъ врожденный недостатокъ. На первомъ, второмъ или третьемъ году жизни, когда ребенокъ уже начинаетъ говорить, можетъ развиваться

---

*) l. c. стр. 111.
**) l. c. стр. 123.

глухонѣмота вслѣдствіе случайныхъ болѣзней (отека головнаго мозга, скарлатины, мѣстнаго страданія уха и пр.). и затѣмъ уже является нѣмота — ребенокъ разучивается говорить.

Замѣчательно, что пріобрѣтенная въ зрѣломъ возрастѣ глухота нерѣдко производитъ усиленную раздражительность, недовѣрчивость и съ теченіемъ времени ведетъ къ общему ослабленію душевной дѣятельности.

Испытаніе глухонѣмаго и точное опредѣленіе степени его душевнаго развитія можетъ быть весьма затруднительно по неумѣнію замѣнить рѣчь непонятными для него знаками. И потому нужно съ большою осторожностью отнестись къ примѣненію закона, по которому глухонѣмота составляетъ причину неспособности ко вмѣненію лишь тогда, когда «нѣтъ сомнѣнія, что субъектъ не получилъ ни черезъ воспитаніе, ни черезъ общество съ другими никакого понятія ни о законѣ, ни объ обязанностяхъ.»

ОБЪ УСЛОВІЯХЪ, УНИЧТОЖАЮЩИХЪ СПОСОБНОСТЬ КО ВМѢНЕНІЮ ВЪ НЕНОРМАЛЬНОМЪ СОСТОЯНІИ ЧЕЛОВѢКА.

8. Нѣкоторыя состоянія, исключительно свойственныя женскому организму.

§ 294. Сюда принадлежатъ менструація, беременность, роды и послѣродовое состояніе. Приведенныя состоянія входятъ въ составъ нормальной (физіологической) жизни женщины и потому сами собой не составляютъ *болѣзни*, въ собственномъ смыслѣ слова. Но тѣмъ не менѣе онѣ нетолько подвергаютъ женскій организмъ весьма значительному измѣненію, но и нерѣдко дѣлаются источникомъ весьма важныхъ уклоненій отъ нормы, какъ въ физическомъ, такъ и въ психическомъ отношеніяхъ и, въ такомъ случаѣ, подаютъ поводъ къ судебно-психологическимъ вопросамъ.

a. Менструація (Menstrua).

§ 295. Появленіе менструаціи указываетъ собой на окон-

чаніе половаго развитія женщины.*) Возрастъ, въ которомъ показывается первая менструація, нѣсколько колеблется вслѣдствіе личныхъ условій и внѣшнихъ обстоятельствъ, въ особенности климата. Въ южныхъ странахъ менструація обыкновенно является ранѣе, въ сѣверныхъ позже (между 10 и 12, 14 и 16, 18 и 21 годомъ жизни).

Существенный физіологическій актъ во время менструаціи заключается въ періодическомъ созрѣваніи яичка. Процессъ этотъ сопровождается переполненіемъ крови набуханіемъ внутреннихъ половыхъ частей и выступленіемъ крови на слизистой оболочкѣ матки. Кровь вытекаетъ наружу. Менструація продолжается отъ 3 до 6 и 10 дней и возвращается чрезъ каждые 28 дней.

Когда отдѣлившееся во время менструаціи зрѣлое яичко на пути своемъ (въ маткѣ) оплодотворяется, то наступаетъ беременность, а менструація вновь появляется уже не ранѣе отнятія отъ груди родившагося въ свое время ребенка.

Если же не послѣдовало зачатія, то яичко менструальною кровью уносится наружу.

§ 296. Совершенно нормальная менструація не производитъ никакихъ особыхъ явленій въ женскомъ организмѣ. Жалуются развѣ на чувство утомленія, тяжести, лѣни, нерасположенія, на легкія непріятныя ощущенія въ сторонѣ крестца, бедръ, матки.

Но весьма часто менструація не совсѣмъ правильна. Она является рѣже или чаще, совсѣмъ не является; продолжается долѣе обыкновеннаго; крови отдѣляется или очень мало или слишкомъ много; наконецъ менструація сопровождается болью и различными нервными припадками.

§ 297. Нерѣдко, въ особенности когда менструація продолжается долго и при обильномъ кровотеченіи, а съ другой стороны при прекращеніи регулъ, (Chlorosis) душевная сфера женщины разстроивается болѣе или менѣе значительно. Является

*) Funke, Lehrbuch der Physiologie. 4. Aufl. Leipzig. 1866. II. стр. 989.

усиленная раздражительность, ничѣмъ не мотивированная вспыльчивость, нерасположеніе, вражда къ окружающимъ, рѣзкое и жестокое обращеніе съ дѣтьми, наклонность на все смотрѣть съ мрачной стороны, тоска, влеченіе къ самоубійству — словомъ, совершенно ложное пониманіе данной обстановки и данныхъ отношеній.

Подобныхъ припадковъ, повторяющихся ежемѣсячно, окружающіе весьма часто не признаютъ болѣзненнымъ явленіемъ, потому только, что привыкли къ нимъ и знаютъ, что черезъ нѣсколько дней утихнетъ буря, тогда какъ врачи-спеціалисты не могутъ не признавать въ этихъ случаяхъ періодическаго помѣшательства. (Griesinger).*)

§ 298. Менструація обыкновенно прекращается между 40 и 45 лѣтъ. Прекращеніе менструаціи состоится не вдругъ, но въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ. Время это называется — климактерическимъ періодомъ. Съ прекращеніемъ менструаціи погасаетъ половая дѣятельность женщины. Во время климактерическаго періода нерѣдко наблюдается такое же разстройство душевной сферы, которымъ сопровождается неправильная менструація.

Какъ менструація, такъ и климактерическій періодъ нерѣдко ведутъ непосредственно къ развитію полнаго помѣшательства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что во время менструаціи и климактерическаго періода могутъ быть совершаемы преступленія, неподлежащія вмѣненію.

б. Беременность (Graviditas).

§ 299. Во время беременности женскій организмъ подвергается весьма значительнымъ измѣненіямъ. Беременная женщина расходуетъ органическія вещества, принятыя ею въ видѣ пищи и питья, не только на содержаніе и сохраненіе собственнаго тѣла, но и на развитіе новаго, самостоятельнаго организма.

---

*) Pathologie und Therapie etc. стр. 205.

Подъ конецъ беременности даже часть органическихъ соковъ матери преобразуется въ будущую пищу ребенка, въ молоко.

Однако у беременныхъ общее питаніе тѣла далеко не всегда усилено. Нерѣдко пріемъ пищи даже уменьшается, такъ что зародышъ, въ точномъ смыслѣ слова, растетъ на счетъ материнскаго организма.

Съ другой стороны матка увеличивается объемомъ, производитъ давленіе на другіе органы, расположенные въ брюшной полости, болѣе или менѣе значительно затрудняя общее кровообращеніе. Такое существенное измѣненіе растительной сферы представляетъ удобную почву для развитія болѣзненныхъ явленій. Въ числѣ послѣднихъ занимаютъ первое мѣсто: приливы крови къ головѣ и груди, головная боль, головокруженіе, шумъ въ ушахъ, наклонность къ обморокамъ, трепетаніе сердца.*) Къ этимъ явленіямъ присоединяется болѣе или менѣе значительное измѣненіе въ душевной сферѣ. Усиленная впечатлительность, раздражительность, нерасположеніе духа, безотчетная вспыльчивость, тоскливое настроеніе, глубокое извращеніе характера — составляютъ весьма нерѣдкія явленія въ беременности. Ellinger разсказываетъ, что во время своей беременности одна мать до такой степени жестоко обращалась съ любимцемъ-сыномъ, — что его нужно было удалить изъ дому. По разрѣшеніи же отъ беременности возстановилось прежнее къ нему расположеніе матери.**)

§ 300. Нѣкоторыя беременныя показываютъ весьма странныя явленія, а именно странныя ощущенія, непосредственно относящіяся къ растительной сферѣ организма. Возникаютъ причудливыя извращенія органическихъ ощущеній голода и жажды. Беременныя выражаютъ непреодолимое желаніе испробовать какія-то необыкновенныя блюда или даже совершенно неупотребительныя въ пищу вещества. Нерѣдко онѣ настаи-

---

*) Lehrbuch der Geburtshilfe. Von Dr. E. Siebold. Braunschweig. 1854. стр. 63.

**) Die anthropologischen Momente der Zurechnungsfähigkeit. St. Gallen. 1861. стр. 28.

ваютъ на исполнении своихъ желаній съ какимъ-то дикимъ, безотчетнымъ упорствомъ. Такъ называемыя «прихоти» беременныхъ, по большей части невиннаго характера, хотя удовлетвореніе ихъ нерѣдко физически невозможно. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ принимаютъ опасное направленіе. Такъ напр. одна беременная предлагала большую сумму денегъ молодому человѣку за дозволеніе вырѣзать изъ его плеча кусокъ мяса. Другая попыталась убить своего мужа для того, чтобы съѣсть его сердце.

Очевидно, что болѣзненное (качественное) извращеніе побужденія къ самосохраненію легко могутъ вести къ инстинктивнымъ движеніямъ, результатомъ которыхъ является преступленіе.

§ 301. Беременныя, въ продолженіе своей беременности, иногда не могутъ избавиться отъ какого-то затаеннаго, неопредѣленнаго опасенія и страха, что или роды кончатся не благополучно или ребенокъ окажется уродомъ. Подобный порывъ, хотя лишенный основанія, но поддерживаемый тяжелыми, томящими сновидѣніями, не можетъ не имѣть вліянія на все душевное состояніе беременныхъ.

Не менѣе важное значеніе должно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, приписать порыву стыда у дѣвицъ, которыя, сначала стараясь разувѣрить себя въ своей беременности, впослѣдствіи, когда ее отрицать уже нельзя, не знаютъ, какимъ образомъ уйти отъ позора. При томъ, конечно, обманутая надежда на выходъ замужъ, невѣрность любовника и др. обстоятельства не мало содѣйствуютъ глубокому потрясенію душевной сферы.

§ 302. Наконецъ, не подлежитъ сомнѣнію, что подъ вліяніемъ беременности развивается полное помѣшательство. Всѣмъ психіатрамъ извѣстны женщины, которыя каждый разъ, находясь въ беременности, подвергались сумасшествію, прекратившемуся недолго до родовъ.*) И потому преступленія, совер-

*) Friedreich, Handbuch der allgemeinen Pathologie der psych. Krankheiten. Erlangen. 1839. стр. 238.

шаемыя беременными, всегда вызываютъ самое тщательное изслѣдованіе субъекта.*)

в. Роды (Partus).

§ 303. Подробно разсматривая тѣ особенности и измѣненія въ женскомъ организмѣ, которыми отличается актъ родовъ, докторъ Jörg**) полагаетъ, что *всѣ* вообще женщины съ третьяго періода родовъ до окончанія пятаго не могутъ быть признаваемы вполнѣ способными ко вмѣненію.

Вліяніе акта родовъ на душевную дѣятельность женщины приводится къ тремъ моментамъ:

а) Къ порыву опасенія и страха относительно исхода родовъ, непосредственно передъ ихъ наступленіемъ. Беременныя, въ особенности когда имъ родить въ первый разъ, нерѣдко увѣряютъ себя, что не переживутъ родовъ. Мысль эта ихъ не покидаетъ ни на минуту и подъ вліяніемъ мрачной игры воображенія возникаетъ тревожное, возбужденное, «нервное» состояніе, которое, вмѣсто того, чтобы подготовить беременную къ предстоящему физіологическому труду, только обезсиливаетъ ее болѣе или менѣе значительно. Порывъ страха, конечно, дѣйствуетъ еще болѣе вредно, когда къ нему присоединяется порывъ стыда, когда, напуганная первыми потугами, беременная должна себѣ сказать, что насталъ роковой часъ позора....

б) Къ сильной боли и потрясенію всего организма, въ особенности въ третьемъ и четвертомъ періодахъ родовъ.

Жестокая боль, сопровождающая потуги, нерѣдко приводитъ роженицу въ такое возбужденное состояніе, что для ускоренія мучительныхъ родовъ или для устраненія вызывающей ихъ причины, она, отбиваясь всѣми силами, причиняетъ ребенку смертельное поврежденіе и даже убиваетъ его. Состояніе это явно носитъ рефлективный характеръ акта, вызы-

---

*) Die Zurechnungsfähigkeit der Schwangern und Gebärenden von Dr. S. C. G. Jörg. Leipzig. 1837. стр. 117.
**) l. c. стр. 319.

ваемаго побужденіемъ къ самосохраненію. Къ нему нерѣдко присоединяется острый бредъ, переходящій въ обморочное состояніе, просыпаясь отъ котораго роженица ничего не помнитъ изъ прошедшаго.*)

в) Къ сильному ослабленію и упадку, вслѣдствіе обильнаго кровотеченія, непосредственно по окончаніи родовъ.

Состояніе это (какъ вообще сильная анэмія) нерѣдко вызываетъ жестокіе припадки неистовства, извѣстные подъ названіемъ неистовства рожеництъ (Mania puerperalis).

г) Послѣродовое состояніе, въ особенности, кормленіе ребенка грудью (Lactatio).

§ 304. Послѣ родовъ женщины неодинаково быстро оправляются. Потрясеніе организма было такъ значительно, что силы возвращаются весьма медленно, или осталось налицо какое нибудь мѣстное разстройство половыхъ и другихъ органовъ (маточное раздраженіе, хроническіе воспалительные процессы, неправильное положеніе матки, разстроенное пищевареніе и др.). При такихъ условіяхъ кормленіе ребенка грудью, увеличивая общую слабость матери, въ особенности, когда оно продолжается долго (1—2 года) нерѣдко вызываетъ душевное разстройство.

9) Нетрезвое состояніе.

(Status ebriosus, Ebrietas).

§ 305. На первый взглядъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ, что въ числѣ условій, уничтожающихъ способность ко вмѣненію въ ненормальномъ состояніи, упоминается также о нетрезвомъ состояніи. По крайней мѣрѣ нетрезвое состояніе обыкновенно не признается болѣзнію и пьянаго не называютъ больнымъ. Съ другой стороны пьянство не считается ни проступкомъ, ни преступленіемъ, такъ какъ подъ страхомъ наказанія запрещены лишь нѣкоторыя дѣйствія, могущія быть производимыми какъ въ трезвомъ, такъ и въ нетрезвомъ состояніи.

---

*) Die transitorischen Störungen des Selbstbewusstseins etc. Erlangen. 1868. стр. 114.

Самый же актъ, приводящій къ опьяненію, относится лишь къ нравственной слабости, къ дурнымъ привычкамъ, легкомыслію и т. д. Опьяненіе усиливаетъ наказаніе, когда подсудимый нарочно напился для того, чтобы совершить преступленіе, и нѣсколько ослабляется по совершеніи извѣстныхъ, исключительныхъ преступленій, какъ напр. разрытіе могилъ и пр.

§ 306. Какъ бы то ни было, нетрезвое состояніе требуетъ строгаго различія отъ предшествовавшаго ему состоянія человѣка: помѣшанный можетъ приходить въ опьяненіе точно также, какъ и душевно-здоровый. Потому совершенно неправильно поставить напр. вопросъ: находился ли субъектъ въ нетрезвомъ состояніи *или* въ помѣшательствѣ? То и другое состояніе нетолько не исключаютъ другъ друга, но и могутъ походить одно на другое въ такой степени, что различіе ихъ становится крайне затруднительнымъ, конечно только въ данное время, и наконецъ помѣшанный также можетъ находиться въ нетрезвомъ состояніи.

§ 307. Для опьяненія требуется предварительно дѣйствіе извѣстнаго вещества, безъ котораго немыслимо нетрезвое состояніе. Вещество это—алкоголь (спиртъ, водка, вино, пиво и пр.).

Введеніе въ человѣческій организмъ веществъ, дѣйствующихъ на него болѣе или менѣе разрушительно, называется *отравленіемъ.**) Ядомъ называется вещество, дѣйствующее при извѣстныхъ условіяхъ, вредно и могущее прекратить даже жизнь.**) Мы говоримъ объ отравленіи мышьякомъ, стрихниномъ, опіемъ и др., о признакахъ отравленія, о патологическихъ процессахъ, производимыхъ имъ, о леченіи его. Слѣдовательно отравленіе, вызывающее извѣстныя уклоненія отъ нормы жизненныхъ явленій, признается *процессомъ болѣзненнымъ*. Но такъ какъ явленія эти, въ большинствѣ случаевъ, зависятъ отъ количества яда, введеннаго въ организмъ, то

---

*) Oesterlen, Handbuch der Heilmittellehre. 4. Aufl. Tübingen. 1851. стр. 60.

**) Lessing, Materia medica. Leipzig. 1859. стр. 462.

отрава признается болѣзнію лишь тогда, когда признаки ея достигаютъ извѣстной степени. Давая напр. больному, съ цѣлію леченія, мышьякъ или опій, мы, конечно, еще не отравляемъ его; назначая ему хорошее вино, мы еще не дѣлаемъ покушенія на отравленіе. Тѣмъ не менѣе введеніе алкоголя, въ извѣстномъ количествѣ, въ человѣческій организмъ — есть *отравленіе* и, стало быть, каждый, находясь въ извѣстной степени опьяненія — человѣкъ *отравленный* и потому *больной.**)

Въ трупахъ умершихъ въ нетрезвомъ состояніи найденъ былъ алкоголь въ мозгу, легкихъ, печени и др. частяхъ. Большее или меньшее пропитываніе вреднымъ веществомъ органическихъ тканей, преимущественно головнаго мозга, несомнѣнно составляетъ состояніе ненормальное, не могущее не отражаться и на проявленіе душевной дѣятельности.

§ 308. Такъ какъ одно только присутствіе въ организмѣ ядовитаго вещества еще не достаточно для дѣйствительнаго отравленія, а съ другой стороны — нѣтъ возможности точно опредѣлить количество алкоголя, необходимое для отравленія, то остается только изучать тѣ явленія, которыми обнаруживается отравленіе, для того, чтобы, по степени ихъ, опредѣлить «болѣзненность» нетрезваго состоянія.

Опьяненіе проявляется чрезвычайно различно, какъ по организаціи и возрасту (полу) людей, такъ и по количеству и формѣ принятаго алкоголя, по времени и продолжительности его введенія въ организмъ и по многимъ случайнымъ (и личнымъ) условіямъ.

Какъ всѣ возбуждающія средства (excitantia), такъ и алкоголь сначала производитъ возбужденіе, затѣмъ притупленіе и, наконецъ, совершенный упадокъ жизненной дѣятельности, преимущественно въ сферѣ мышечной и нервной и можетъ вести даже къ смерти.

§ 309. Признаки опьяненія могутъ быть приведены къ тремъ періодамъ.

---

*) Формакологія. Лекціи Дыбковскаго. Кіевъ. 1871. стр. 419. и т. д.

1) Въ первомъ періодѣ, подъ вліяніемъ ускореннаго кровообращенія и возвышенной температуры, возникаютъ пріятныя ощущенія общаго чувства; субъектъ чувствуетъ себя хорошо, лучше чѣмъ въ трезвомъ состояніи, выказываетъ веселое настроеніе. Въ то же время теченіе его представленій ускорятся, сочетаніе ихъ происходитъ легче, свободнѣе, удачнѣе, вызывая собой пріятные порывы довольствія, надежды, самоувѣренности; все является ему въ розовомъ свѣтѣ, различные, болѣе или менѣе неосновательные и даже несбыточные планы и проекты кажутся ему легко исполнимыми; онъ забываетъ горе и заботу. Раздражительность движущей сферы возрастаетъ: черты лица оживляются, глаза блестятъ, рѣчь свободна, плавна, быстра, жесты и другія движенія развязны, непринужденны. Субъектъ дѣлается предпріимчивымъ, смѣлѣе; увлекаемый возвышеннымъ самочувствіемъ, нерѣдко выказываетъ болѣе или менѣе неправильную оцѣнку данныхъ условій и отношеній.

2) Во второмъ періодѣ пріятное самоощущеніе и хорошее настроеніе мало-по-малу уступаютъ мѣсто утомленію, равнодушію, апатичному состоянію. Внѣшнія впечатлѣнія какъ бы ускользаютъ отъ вниманія субъекта или воспринимаются смутно, неточно, неправильно; смѣна представленій повременамъ прерывается, память измѣняетъ, субъектъ забываетъ, что хотѣлъ сказать, сбивается, путаетъ. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ правильнаго воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній дѣлается невозможнымъ актъ критики, умственной и нравственной, надъ своими поступками; субъектъ является автоматомъ, не понимающимъ того, что происходитъ вокругъ него, и не способнымъ отдать себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ самъ. Рѣчь его дѣлается медленнѣе, отрывистою, невнятною; языкъ не слушается, произнося вмѣсто словъ одни лишь глухіе звуки; черты лица неподвижны, съ выраженіемъ тупости; всѣ остальныя движенія нетверды, походка шатка.

3) Наконецъ, то ранѣе, то позже наступаетъ сонъ болѣе или менѣе глубокій, тяжелый, продолжительный. Просыпаясь

отъ сна, субъектъ чувствуетъ себя какъ бы ослабленнымъ, утомленнымъ, разбитымъ. Событія, собственныя слова и поступки во время опьяненія онъ помнитъ лишь смутно и отрывочно или даже вовсе не помнитъ ихъ.

§ 310. Къ приведеннымъ признакамъ, выражающимъ, такъ сказать, *количественное* дѣйствіе алкоголя, присоединяются явленія, указывающія, если можно такъ выразиться, на *качественное* дѣйствіе его.

Сюда относятся нѣкоторыя душевныя проявленія, идущія въ разрѣзъ съ обыкновеннымъ состояніемъ субъекта, составляя болѣе или менѣе явное противорѣчіе съ его привычками, характеромъ, образомъ мыслей въ трезвомъ состояніи. Такъ напр. въ первомъ періодѣ опьяненія у нѣкоторыхъ субъектовъ, являются странности, болѣе или менѣе рѣзко отличающія ихъ отъ другихъ людей. Вмѣсто возбужденія, они выказываютъ угнетеніе, нерѣдко доходящее до мрачнаго углубленія въ самого себя, до самообвиненія; они плачутъ, грустятъ, просятъ прощенія, называя себя негодными, недостойными дружбы, уваженія и т. п. Другіе дѣлаются до такой степени раздражительными и обидчивыми, что малѣйшаго слова или намека достаточно для того, чтобы вызвать сильную бурю негодованія и гнѣва. Въ томъ и другомъ случаѣ странное состояніе ихъ иногда столь рѣзко выдается впередъ, что нельзя не признать въ немъ прототиповъ меланхолическаго и маніакальнаго настроенія (Ἡ μήθη μίκρα μανία ἐστιν). Третьи, повидимому, сознавая себя болѣе сильными и могущественными, принимаютъ грозный, вызывающій видъ, предлагаютъ и совершаютъ дѣйствія, которыя они считали бы невозможными въ трезвомъ состояніи. Люди тихіе и смирные являются хвастунами, крикунами, придирчивыми; скромные относятся небрежно къ общественному приличію; расчетливые высказываютъ несвойственную имъ щедрость, покупаютъ совершенно ненужныя, дорогія вещи, о пріобрѣтеніи которыхъ впослѣдствіи искренно жалѣютъ, не понимая, какимъ образомъ дошли до нихъ, или дарятъ безъ всякаго повода болѣе или менѣе цѣнные пред-

сты (перстень, часы) такимъ лицамъ, которымъ въ трезвомъ состояніи никогда не предлагали бы подарка. Наконецъ встрѣчаютъ ложныя ощущенія внѣшнихъ чувствъ, бредъ и явное неистовство, нерѣдко принимаемое за одно лишь «самодурство.» Подъ вліяніемъ галлюцинацій и иллюзій, преимущественно зрѣнія и слуха, возникаетъ совершенно ложное пониманіе данной обстановки и могутъ быть совершаемы дѣйствія, относимыя закономъ къ числу преступленій, въ особенности оскорбленія словами и дѣйствіями, и преступленія противъ нравственности, такъ какъ опьяненіе нерѣдко возбуждаетъ половое побужденіе.

Весьма замѣчательно, что у нѣкоторыхъ лицъ, непривыкшихъ къ вину, самое ничтожное количество его уже можетъ вести къ припадкамъ умоизступленія.

§ 311. Болѣе продолжительное и вошедшее въ привычку употребленіе спиртныхъ напитковъ (хроническое отравленіе алкоголемъ) нерѣдко ведетъ за собой явное помѣшательство. Послѣднее принимаетъ форму остраго или хроническаго душевнаго разстройства. Первое называется бѣлою горячкою (Delirium tremens), второе — помѣшательствомъ пьяницъ (Mania potatorum). Наконецъ встрѣчается еще періодическое помѣшательство пьяницъ или запой (Dipsomania). Запой — это болѣзненное состояніе, сопровождаемое сильнымъ, непреодолимымъ, мучительнымъ желаніемъ пить, по удовлетвореніи котораго въ продолженіи нѣсколькихъ дней, недѣль и мѣсяцевъ и болѣе, субъектъ болѣе или менѣе продолжительное время (иногда годъ и болѣе) строго воздерживается отъ вина.

Составляетъ ли запой послѣдствіе неумѣреннаго употребленія вина или, наоборотъ, является послѣднее вслѣдствіе перваго — это вопросъ, рѣшеніе котораго иногда очень трудно. Есть примѣры, что запой, вызываемый случайнымъ употребленіемъ вина, продолжается вслѣдствіе нравственной слабости; но есть также случаи, когда ему предшествуетъ болѣзненное состояніе: потеря аппетита, безсонница, тоска, невыносимое ощущеніе чего-то грызущаго въ сторонѣ сердца, мимолетныя

галлюцинаціи, мрачное настроеніе, неопредѣленный страхъ, опасеніе чего-то недобраго. Всѣ эти признаки нерѣдко основаны на наслѣдственномъ предрасположеніи. Изъ числа лицъ, подверженныхъ запою, нѣкоторые во время продолженія его бываютъ мрачны, угрюмы, апатичны; другіе же раздражительны, грозны, склонны къ внезапнымъ вспышкамъ и насильственнымъ дѣйствіямъ. Тѣ и другіе, если не прекратится запой, въ концѣ концовъ впадаютъ въ общее слабоуміе.

§ 312. Что касается вопроса—можетъ ли и насколько можетъ нетрезвое состояніе быть признаваемо условіемъ, уничтожающимъ способность ко вмѣненію, то отвѣтъ очевидно зависитъ отъ степени опьяненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Принимая въ соображеніе, что подъ вліяніемъ вина существенно измѣняются и даже вполнѣ уничтожаются условія нормальнаго проявленія душевной дѣятельности (пропитываніе мозга спиртомъ, приливы крови къ головѣ и пр.), нельзя не согласиться съ тѣмъ, что въ нетрезвомъ состояніи легко могутъ быть совершаемы преступленія, не подлежащія вмѣненію.

10. Порывы.

(Affectus animi, motus s. perturbatio animi).

§ 313. Чаще всего ведутъ къ преступленіямъ порывы гнѣва, стыда и страха.

Гнѣвъ вызывается сознаніемъ нанесеннаго субъекту другимъ лицомъ ущерба, въ физическомъ или нравственномъ отношеніи. Мотивъ гнѣвнаго дѣянія всегда заключается въ сильномъ непріятномъ душевномъ чувствѣ.

§ 314. По превосходному описанію Domrich'a,*) въ порывѣ гнѣва «*одинъ* рядъ представленій, сильно задѣвающихъ самочувствіе (самолюбіе) субъекта, исключительно удерживается сознаніемъ и какъ бы инстинктивно возбуждаетъ движеніе тѣла. Субъектъ вдругъ чувствуетъ какъ бы пріостановку сердца и странное ощущеніе стѣсненія съ задерживаніемъ дыханія. Ощущеніе это распространяется по груди и сливается съ ощуще-

*) Die psychischen Zustände etc. Jena. 1849. стр. 332.

ніемъ теплоты, доходящей до головы, и непріятнаго колотья въ кожѣ лица и покровахъ черепа. Сердце бьется сильнѣе и сокращается энергичнѣе; дыханіе неправильно, отрывисто, тяжело; грудь волнуется; верхніе вѣки какъ бы насильственно приподнимаются; глазное яблоко выпячивается, взоръ дикъ и неподвиженъ, волоса становятся дыбомъ, ротъ закрытъ, кровь накопляется въ лицѣ и внутреннихъ частяхъ головы, шейныя вены переполняются, лицо краснѣетъ и горитъ, глаза блестятъ, наливаются кровью, кровь поднимается выше, большая лобная (гнѣвная) вена набухаетъ, голова кружится, мысли теряются, соображеніе изчезаетъ — возникаютъ *судорожныя движенія.* Глаза, до сихъ поръ неподвижные, вдругъ поворачиваются, ротъ раскрывается, челюсти судорожно сжимаются и разжимаются или сдвигаются въ стороны, на устахъ пѣна; все еще тяжелыя дыхательныя движенія сопровождаются отрывистыми, глухими звуками, какъ бы стономъ, сжатые кулаки бьютъ куда попало, ноги топаютъ, каждая мышца подергивается и сокращается съ необыкновенною силою — поднимается стукъ, крикъ, неистовство.... Мало по-малу утихаетъ буря, пароксизмы слабѣютъ, судорожно-сокращенные мускулы начинаютъ дрожать: субъектъ чувствуетъ себя какъ бы разбитымъ и до изнеможенія утомленнымъ.»

§ 315. Всѣ, кто хотя нѣсколько знакомъ съ физіологическими законами организма, не задумаются изложенное состояніе признать за обширный процессъ *отраженія,* т. е. за процессъ, явленія котораго слѣдуютъ одно за другимъ по данному физіологическимъ механизмомъ порядку, безъ участія въ немъ тѣхъ психическихъ моментовъ, которые при спокойномъ состояніи управляютъ нашими движеніями. Мало того. Во время описаннаго состоянія происходятъ столь многочисленныя и быстрыя движенія почти во всѣхъ мышцахъ, какихъ *никто не можетъ* производить по собственному желанію. Въ то же время подъ вліяніемъ этого процесса весь организмъ подвергается глубокому потрясенію, отъ котораго онъ оправляется лишь постепенно и медленно.

Соображая, съ одной стороны, что отраженіе или рефлексъ, заключается въ непосредственномъ переходѣ раздраженія ощущающихъ нервныхъ элементовъ на движущіе, съ другой — что нормальная душевная дѣятельность лишь возможна при нормальныхъ жизненныхъ условіяхъ,*) нельзя не согласиться, что дѣяніе, состоявшееся при такомъ сильномъ потрясеніи организма, не можетъ быть признаваемо нормальнымъ.

§ 316. Въ нормальномъ состояніи мотивомъ дается представленіе о цѣли. Послѣднее, руководимое соображеніемъ, сочетается съ извѣстными двигательными представленіями и ведетъ къ дѣянію лишь тогда, когда окончательное рѣшеніе на дѣйствіе сопровождается пріятнымъ душевнымъ чувствомъ ожидаемаго полнаго удовлетворенія мотиву.

Порывъ гнѣва *ничего подобнаго не представляетъ.* Вмѣсто смѣны представленій, необходимой для соображенія, имѣется на лицо лишь «*одинъ рядъ* представленій, сильно задѣвающихъ самочувствіе субъекта.» Стало быть *сочетаніе* представленій разстроено. Удержаніе же извѣстныхъ представленій и задержаніе всѣхъ остальныхъ вовсе не допускаетъ развитія опредѣленнаго представленія о цѣли. Вмѣсто того, чтобы переходить на другіе однородные нервные элементы (центры представленія) раздраженіе одной части этихъ центровъ цѣликомъ передается чувствующимъ центрамъ. Раздраженіе же послѣднихъ, вмѣсто того, чтобы вызывать собой новыя представленія, также цѣликомъ передается на движущіе центры и вмѣсто борьбы представленій, вмѣсто акта рѣшенія, вмѣсто выбора того или другаго дѣйствія — является бурная мускульная дѣятельность, потрясающая весь организмъ.

Дѣло случая, сочетаются ли мускульныя движенія къ дѣянію (преступленію) или нѣтъ. Если противникъ налицо, то въ самомъ дѣлѣ субъектъ можетъ напасть на него; если же

*) Когда напр. по физіологической нормѣ требуется 60 — 70 ударовъ сердца въ минуту, то ясно, что питаніе головнаго мозга, получающаго въ данное время извѣстное количество артеріальной крови, будетъ неодинаково, если число сокращеній сердца увеличится или уменьшится; не менѣе ясно, что въ такомъ случаѣ также питаніе мозга будетъ ненормально.

его нѣтъ, то весь напоръ рефлективнаго нервнаго раздраженія направляется къ неодушевленнымъ предметамъ, разрушая столы, стулья, зеркала и пр. Не много мудрости требуется для того, чтобы *эти* предметы признать совершенно безучастными въ возбужденіи гнѣвнаго порыва. Съ другой стороны, самому субъекту никакого дѣла нѣтъ до того, чтобы разрушить именно *эти* предметы—дѣйствія его суть ничто иное, какъ физіологическое разрѣшеніе даннаго нервнаго напряженія. Дождь падаетъ не для того, чтобы оплодотворить изсохшую землю, но потому, что не можетъ удержаться въ воздухѣ; громъ ударяетъ въ дерево, не для того, чтобы разбить его, но потому, что оно стояло въ томъ направленіи, по которому должна была идти молнія. Точно также неистовствуетъ разгнѣванный не для того, чтобы достигнуть извѣстной цѣли, но потому только, что ему не подвластны потрясающіе его организмъ процессы.

§ 317. Стыдъ—это страхъ позора, а страхъ—это сильное непріятное душевное чувство, вызываемое болѣе или менѣе опредѣленными представленіями объ угрожающей опасности или несчастіи. Страхъ нерѣдко ведетъ къ отчаянію.

Въ порывѣ страха, по Domrich'у*) прежде всего въ сторонѣ сердца возникаетъ странное, неопредѣленное, невыразимое ощущеніе безпокойства и боязливой тоски; сердце ощущается. Ощущеніе это становится все болѣе и болѣе опредѣленнымъ, страхъ заставляетъ сердце стучать; оно работаетъ быстро и бурно, хотя выгоняетъ небольшія волны крови, но сокращается энергично; толчки его потрясаютъ грудь и потрясеніе это какъ бы ощущается въ мозгу; дыхательныя движенія свободны, но происходятъ отрывисто, поверхностно, неровно. Въ тоже время иннервація всѣхъ мышцъ, служащихъ произвольнымъ движеніямъ, ослаблена и сила ихъ сокращенія значительно уменьшается.

Подъ вліяніемъ страха также разстроено сочетаніе представленій: въ сознаніи носится лишь одно ужасающее, страш-

---

*) l. c. стр. 318.

ное, угрожающее представленіе о предстоящемъ злѣ съ такою силою, что не даетъ возникнуть никакимъ другимъ представленіямъ. При такомъ состояніи, конечно, оцѣнка опасности, основанная на соображеніи всѣхъ окружающихъ субъектъ условій, дѣлается не возможною. Обсужденіе возможности миновать опасность, выборъ между принятіемъ и непринятіемъ мѣръ для защиты, наконецъ рѣшеніе на тотъ или другой поступокъ—всѣ эти акты или вовсе не имѣютъ мѣста или, смотря по степени порыва, происходятъ неправильно и отрывочно. Въ то же время происходитъ отраженіе раздраженія чувствующей сферы на движущіе органы, а именно на задерживающіе движеніе нервные элементы. Субъектъ приходитъ какъ бы въ параличное состояніе. Затѣмъ, какъ бы отъ избытка нервнаго напряженія (раздраженія), вдругъ совершается переходъ его на движущіе нервные центры и возникаетъ рядъ болѣе или менѣе сложныхъ мускульныхъ сокращеній. Субъектъ, такъ сказать, слѣпо и жертвуя самимъ собой, бросается навстрѣчу ожидаемой имъ опасности, онъ совершаетъ дѣйствіе нерѣдко преступное. Послѣднее нерѣдко принимаетъ форму необходимой обороны. Въ такомъ случаѣ представленіе о цѣли дѣянія вполнѣ отрицательно, выражая собой лишь устраненіе, во что бы то ни стало, даннаго состоянія страха. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ страха, субъектъ убиваетъ кого либо для того только, чтобы самому не быть убитымъ имъ, точно также какъ онъ бросается въ воду, не для того, чтобы покуситься на собственную жизнь, но для того, чтобы спасти себя отъ преслѣдованія и т. п.

§ 318. Порывы встрѣчаются какъ въ нормальномъ, такъ и въ ненормальномъ состояніи, но чрезвычайно трудно опредѣлить съ точностью границы здоровья и болѣзни. Моралисты, правда, утверждаютъ, что человѣкъ здоровый нетолько долженъ, но и *можетъ* владѣть собой настолько, чтобы не приходить въ состояніе порыва, могущее его вести къ преступленію. Однако едва ли можно считать рѣшеннымъ вопросъ о нашей *способности* въ самомъ дѣлѣ устоять противъ *всякаго сильнаго по-*

рыва. Бываютъ же преступленія отъ благороднаго негодованія, отъ честнаго гнѣва! Осудить каждаго за порывистое, хотя бы преступное дѣяніе на основаніи лишь сознанія собственнаго хладнокровія, было бы настолько опасно, сколько несправедливо, уже потому, что, не испытавши на себѣ подобнаго состоянія, чрезвычайно трудно оцѣнить его правильно у другихъ.

§ 319. При оцѣнкѣ дѣянія, совершеннаго подъ вліяніемъ порыва, прежде всего должно опредѣлить—остались ли нормальными или нѣтъ условія его проявленія? Рѣшеніе этого вопроса приводится, съ одной стороны, къ *степени* порыва, съ другой, къ сопровождающимъ его обстоятельствамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что *высшая* степень порыва сама собой есть *явленіе ненормальное*, уже потому, что потрясеніе организма, если-бъ такой порывъ продолжался болѣе продолжительное время, непремѣнно повело бы къ смерти или, по крайней мѣрѣ, къ болѣе или менѣе значительнымъ органическимъ разстройствамъ. Такое же основаніе могутъ имѣть и болѣе слабыя степени порыва. Kraft-Ebing*) указываетъ на необыкновенно сильную, врожденную раздражительность нѣкоторыхъ лицъ еще въ раннемъ дѣтствѣ и относитъ ее къ болѣзненному сложенію головнаго мозга, ближе не опредѣлимому. Такія лица почти всегда принадлежатъ къ семейству, различные члены котораго подвержены были помѣшательству или другимъ нервнымъ болѣзнямъ. Послѣднія (какъ напр. апоплексическіе удары, механическія поврежденія черепа, эпилепсія, истерика и др.), хотя невсегда производятъ явное помѣшательство, но весьма часто вызываютъ усиленную воспріимчивость, представляющую удобную почву для возникновенія уже при ничтожныхъ поводахъ сильныхъ (болѣзненныхъ) порывовъ.

Тоже самое должно сказать о злоупотребленіи спиртныхъ напитковъ и общемъ малокровіи, столь часто совпадающемъ съ разстройствомъ, въ какомъ бы то ни было отношеніи, половой

*) l. c. стр. 102.

дѣятельности женщины. Немотивированныя вспышки бурнаго гнѣва нерѣдко наблюдаются во время менструацiи.

11. Просонки.

(Somnolentia).

§ 320. Просыпаясь отъ сна, мы вовсе не помнимъ своихъ сновидѣнiй или помнимъ ихъ только отрывочно или смутно. Изрѣдка нѣкоторыя болѣе рѣзкiя подробности видѣннаго нами во снѣ удерживаются памятью болѣе продолжительное время. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ мы ясно сознаемъ, что сопровождающiя просыпанiе такого рода представленiя принадлежатъ только что прекратившемуся сновидѣнiю.

Случается, что, просыпаясь, мы *этого* сознанiя не имѣемъ Такое состоянiе называется — *просонками*. Стало быть, просонки это состоянiе, въ которомъ извѣстныя представленiя, входящiя въ составъ сновидѣнiя, удерживаются нами до такой степени рельефно и упорно, что или совершенно застилаютъ собой внѣшнiя впечатлѣнiя, получаемыя отъ окружающей обстановки, или болѣе или менѣе значительно ослабляютъ ихъ воспрiятiе. Въ просонкахъ внѣшнiя впечатлѣнiя какъ бы поддѣлываются подъ содержанiе сновидѣнiя такимъ образомъ, что субъектъ признаетъ дѣйствительными обстоятельства, данныя лишь сновидѣнiемъ и, конечно, поступаетъ согласно съ этимъ ложнымъ взглядомъ на реальную обстановку.

Дѣянiе же, совершенное въ просонкахъ, вполнѣ походитъ на поступокъ, вызываемый ложными ощущенiями внѣшнихъ чувствъ или бредомъ.

§ 321. Просонки физiологически объясняются общимъ закономъ, что данное въ одномъ мѣстѣ *болѣе сильное* раздраженiе нѣсколько ослабляетъ возникшее въ другомъ мѣстѣ *менѣе сильное* раздраженiе. Очевидно раздраженiе извѣстныхъ частей головнаго мозга, состоявшееся во время сновидѣнiя и вызвавшее извѣстную группу представленiй, удерживаемыхъ въ просонкахъ, *сильнѣе* того раздраженiя, которое возникаетъ подъ влiянiемъ внѣшнихъ впечатлѣнiй, — потому что позволительно при-

нимать, что обыкновенная обстановка, окружающая насъ, къ которой мы вполнѣ привыкли, будетъ имѣть на насъ болѣе слабое вліяніе, чѣмъ сновидѣніе, сложившееся, быть можетъ, изъ необыкновенныхъ, странныхъ представленій.

Просонки возникаютъ при внезапномъ просыпаніи какъ вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ (какъ наприм. шума), такъ и отъ самого свойства сновидѣнія. Просонки всегда продолжаются недолго и переходятъ въ совершенное бодрствованіе. Главнѣйшія причины просонковъ: сильное утомленіе, высокая температура окружающей среды, спиртные напитки и пр.

§ 322. Состояніе просонковъ является въ различныхъ степеняхъ. Слабѣйшая степень выражается тѣмъ, что проснувшись мы недоумѣваемъ, отнести ли наши представленія къ видѣнному нами во снѣ или къ дѣйствительности. Въ большинствѣ случаевъ, протирая глаза и воспринимая внѣшнія впечатлѣнія, мы тотчасъ сознаемъ данную обстановку и просонки вполнѣ уступаютъ полному бодрствованію. При болѣе сильной степени просонковъ, субъектъ, вдругъ просыпаясь, соскакиваетъ со сна со всѣми признаками сильнаго порыва. Порывъ этотъ, въ большинствѣ случаевъ, страхъ или испугъ, обязанъ своимъ происхожденіемъ лишь сновидѣнію. И въ самомъ дѣлѣ, сновидѣнія угрожающаго характера, о какой либо опасности, о нападеніи разбойниковъ, о борьбѣ съ кѣмъ либо, о грабежѣ и т. п. чаще всего ведутъ къ просонкамъ.

Въ высшей степени замѣчательно, что состояніе просонковъ наблюдаемо было лишь у лицъ мужскаго пола.*)

§ 323. Friedreich**) обращаетъ наше вниманіе на затрудненіе, въ данномъ случаѣ, *доказать* дѣйствительность просонковъ, когда при совершеніи дѣянія не было свидѣтелей. Въ такихъ случаяхъ мнѣніе врача должно быть построено на слѣдующихъ основаніяхъ:

а) Субъектъ вообще имѣетъ тяжелый, не легко пробудимый сонъ и просыпается отъ него съ нѣкоторымъ усиліемъ.

---

*) Kraft-Ebing, l. c. стр. 10.
**) System der gerichtl. Psych. etc. стр. 566.

Кромѣ того онъ принадлежитъ къ семейству, въ которомъ встрѣчаемы были подобныя состоянія (Kraft-Ebing).

б) Сну предшествовали обстоятельства, вызывающія тревожное состояніе субъекта и могущія произвести живыя сновидѣнія.

в) Дѣяніе было совершено въ то время, когда, по обыкновенію своему, субъектъ спалъ или по особымъ причинамъ легъ спать.

г) Существовали внѣшнія или внутреннія условія внезапнаго просыпанія.

д) Дѣяніе всегда носитъ отпечатокъ случайнаго, не задуманнаго заранѣе поступка.

з) Приходя въ себя, субъектъ въ высшей степени удивленъ своимъ дѣяніемъ, не понимаетъ, что и какъ могъ совершить его и предается глубокому раскаянію.*)

12. Лунатизмъ.

(Noctambulatio, Somnambulismus, Morbus lunaticus).

§ 324. Во всѣхъ руководствахъ и учебникахъ судебной психологіи упоминается о сомнамбулизмѣ, лунатизмѣ, хожденіи во снѣ или соннеходствѣ. Такъ называется загадочное состояніе человѣка, въ которомъ онъ, проснувшись отъ сна, повидимому продолжаетъ оставаться подъ вліяніемъ сновидѣній— словомъ, соннеходство есть ничто иное, какъ состояніе болѣе продолжительныхъ просонковъ.

Соннеходство проявляется въ различныхъ степеняхъ. Слабѣйшая степень лунатизма встрѣчается у дѣтей и молодыхъ людей подъ вліяніемъ болѣзненнаго раздраженія отъ глистовъ и въ періодѣ половаго развитія. Субъектъ просыпается, встаетъ, бродитъ по комнатамъ, иногда даже выходитъ изъ дому, производитъ какія-то странныя дѣйствія, прячется куда-то, опять ложится, и нерѣдко не въ свою постель, въ какомъ нибудь

---

*) Чувство раскаянія нельзя признать необходимымъ; оно можетъ уступить мѣсто сожалѣнію, такъ какъ субъекту, не чувствующему себя *виновнымъ*, не зачѣмъ раскаяться.

углу, подъ диваномъ, засыпаетъ вновь и на другой день ничего не помнитъ о случившемся.

Если припадокъ сильнѣе, то лунатикъ, какъ говорится, продолжая спать, т. е. продолжая находиться подъ вліяніемъ сновидѣнія, встаетъ, ходитъ съ закрытыми или широко раскрытыми глазами, безъ явной цѣли или производитъ болѣе или менѣе осмысленныя дѣйствія. То совершаетъ онъ обычныя дѣйствія, производимыя имъ днемъ, исполняя какія либо домашнія дѣла, то, повидимому, руководствуется какими-то скрытными замыслами и приводитъ въ исполненіе давно задуманное намѣреніе.

Лунатикъ или вовсе не воспринимаетъ внѣшнихъ впечатлѣній или воспринимаетъ ихъ смутно, неясно, неполно. Обыкновенно онъ молчитъ или шепчетъ про себя что-то невнятное; на предлагаемые ему вопросы не отвѣчаетъ или входитъ въ болѣе или менѣе отрывочные разговоры. Черезъ нѣкоторое время онъ опять ложится спать и на другой день о случившемся по большей части ничего не помнитъ, а если помнитъ кое-что, то относитъ свои отрывочныя воспоминанія къ видѣнному имъ будто во снѣ.

§ 325. Припадки соннехода преимущественно являются ночью, въ рѣдкихъ случаяхъ и днемъ, наяву. Носится преданіе, что лунатики для своихъ похожденій съ особою охотою выбираютъ опасныя мѣстности (крыши, мосты, высокія стѣны), что въ подобныхъ случаяхъ, если ихъ окликнуть, они вдругъ, приходя въ себя, легко падаютъ и подвергаются судорожнымъ припадкамъ; что иногда они совершали во снѣ цѣлыя путешествія, писали ученыя сочиненія, говорили чужимъ, совершенно имъ неизвѣстнымъ нарѣчіемъ, что, наконецъ, соннеходство будто бы находится въ зависимости отъ перемѣны мѣсяца — словомъ, сомнамбулизмъ какъ-то уходитъ въ загадочный, нѣсколько романтическій туманъ.

§ 326. Собранные въ литературѣ*) болѣе замѣчательные

---

*) Friedreich, System etc. стр. 567.
Jessen, Versuch etc. стр. 570.
Kraft-Ebing, l. c. стр. 16.

случаи соннеходства, по большей части, относятся къ довольно отдаленнымъ временамъ, къ 17 и 18-ому столѣтіямъ. Въ наши дни припадки лунатизма у взрослыхъ очевидно встрѣчаются гораздо рѣже, чѣмъ у молодыхъ людей и дѣтей. Какъ бы то ни было, въ дѣйствительности соннеходства сомнѣваться нельзя. Соннеходство объясняютъ болѣе или менѣе опредѣленными сновидѣніями. Представленія эти до такой степени живы и сильны, что, по пробужденіи отъ сна, вовсе не даютъ возникнуть впечатлѣніямъ окружающей обстановки или значительно ослабляютъ ихъ воспріятіе.

Происхожденіе сновидѣній*) еще нуждается въ точномъ физіологическомъ уясненіи. Мы знаемъ только, что сновидѣнія берутъ свое начало и получаютъ извѣстное направленіе отъ чувственныхъ впечатлѣній и представленій, сильно занимавшихъ насъ въ теченіе дня, такъ и отъ случайнаго раздраженія возникшаго уже во время сна. Такъ напр. рѣшеніе какого нибудь труднаго вопроса насъ не покидаетъ и ночью во время сна. Лица, съ которыми мы видѣлись днемъ, являются намъ и во снѣ. Неловкое положеніе, принятое нами въ постели, невольное движеніе, производимое нами, спаденіе одѣяла, какой нибудь шумъ, нарушающій ночную тишину, возникшая отъ чего бы то ни было боль и т. п. случайныя впечатлѣнія придаютъ особый оттѣнокъ и направленіе нашимъ сновидѣніямъ.

Съ другой стороны всякій знаетъ, до какой степени ярки и рельефны нѣкоторыя сновидѣнія. Кажущаяся истина изображаемыхъ сновидѣніемъ лицъ, предметовъ и событій иногда до того убѣдительна, что, просыпаясь, мы серьезно предлагаемъ себѣ вопросъ: неужели все это только сонъ и даже нерѣдко жалѣемъ о томъ, что сонъ далеко превосходитъ собой дѣйствительность.

§ 327. Допуская, конечно, сновидѣнія лишь только во время сна, остается нерѣшеннымъ вопросъ, чѣмъ вызывается дневное соннеходство. По крайней мѣрѣ я считаю неумѣстнымъ

---

*) Jessen, Versuch etc. стр. 509.

допустить, чтобы кто-либо вдругъ заснулъ днемъ, возъимѣлъ сновидѣніе и, проснувшись, перешелъ въ лунатизмъ. Потому я позволяю себѣ указать на одно явленіе, свойственное нормальной душевной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ бросающее, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый свѣтъ и на соннеходство. Какъ во время умственной работы, такъ и на досугѣ, когда мысли наши слѣдуютъ одна за другою въ извѣстномъ направленіи, иногда вдругъ промелькаетъ въ нашемъ сознаніи какое нибудь отдѣльное представленіе, нерѣдко совершенно нелѣпое и не имѣющее никакой связи съ предшествовавшими ему представленіями. Эти мимолетныя представленія иногда удерживаются въ нашемъ сознаніи такъ упорно, что мы не только прерываемъ свое занятіе, но и относительно долгое время не можетъ освободиться отъ нихъ. Они надоѣдаютъ намъ, навязываются, преслѣдуютъ насъ точно также, какъ въ ушахъ иногда совершенно невольно раздается мелодія, когда-то услышанная нами. Стало быть, въ нормальной жизни имѣются условія, при которыхъ, безъ всякаго съ нашей стороны дѣятельнаго участія, вдругъ можетъ состояться раздраженіе извѣстныхъ нервныхъ элементовъ въ головномъ мозгу, отъ котораго непроизвольно возникаютъ извѣстныя представленія (Reizvorstellungen) — процессъ, въ высшей степени сходный съ невольнымъ воспоминаніемъ забытыхъ нами въ данное время представленій.

Къ этимъ-то невольнымъ, налетнымъ представленіямъ, мнѣ кажется, могутъ быть отнесены, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые случаи такъ называемаго дневнаго соннеходства. Другіе же, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ отрывочнымъ формамъ эпилепсіи (petit-mal).

13. Нѣкоторыя болѣзни, приводящія въ умоизступленіе и совершенное безпамятство.

§ 328. Во время умоизступленія сознаніе внѣшней обстановки (предметовъ, лицъ, данныхъ отношеній) уступаетъ мѣсто ложному взгляду на все окружающее.

Сочетаніе представленій прерывается, сбивается, получаетъ

неправильное направленіе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе вдругъ возникшихъ ложныхъ ощущеній (галлюцинацій и иллюзій), преимущественно слуха и зрѣнія. Больной слышитъ какіе-то звуки, звонъ, голоса, брань, угрозы; ему кажется, что надъ нимъ смѣются, что его преслѣдуютъ, что нападаютъ на него, вызываютъ его на борьбу, хотятъ его убить. Передъ его глазами носится кровь, вспыхиваетъ огонь, сверкаетъ молнія; ему представляются страшныя привидѣнія, дьяволъ, черти. Мысли его путаются. Въ то же время возникаетъ сильный непріятный порывъ, принимающій форму гнѣва, мести, страха, испуга, ужаса, отчаянія. Больному кажется, что на него находитъ что-то страшное, необыкновенное, небывалое, отъ чего нужно ему отбиваться во что бы ни стало. Онъ приходитъ въ сильнѣйшее возбужденіе, разряжающееся взрывомъ бурныхъ мускульныхъ движеній; является неистовство, бѣшенство. Въ умоизступленіи болѣе или менѣе рѣзко выдается впередъ то маніакальный, то меланхолическій характеръ (тоска) душевнаго разстройства. Въ первомъ случаѣ больной дѣйствуетъ наступательно, бросаясь на перваго встрѣчнаго и разрушая все, что загораживаетъ ему дорогу; во второмъ онъ защищается, ради спасенія себя, отъ угрожающей ему мнимой опасности.

§ 329. Совершенно иную картину представляетъ припадокъ безпамятства.

И тутъ сознаніе разстроено. Внѣшнія впечатлѣнія или вовсе не воспринимаются или воспринимаются ложно. Окружающее больнаго какъ бы, ускользаетъ отъ его вниманія, наподобіе того, какъ человѣкъ, углубившись въ извѣстное занятіе, не замѣчаетъ того, что дѣлается вокругъ него. Возникаютъ иллюзіи и галлюцинаціи, въ особенности слуха (голоса тихіе, беззвучные); больной слышитъ внутреннее повелѣніе, указывающее ему что дѣлать. Пробуждаются отрывочныя, мимолетныя, ложныя представленія и побужденія, которымъ больной поддается безотчетно. Онъ принимаетъ видъ человѣка, чѣмъ нибудь озабоченнаго и производитъ дѣйствія, то болѣе

или менѣе осмысленныя, то въ высшей степени странныя и нелѣпыя. Притомъ движенія его происходятъ свободно, медленно, нерѣдко обдуманно и съ хитростью, болѣе или менѣе цѣлесообразно; иногда же, напротивъ, невнимательно, небрежно, торопливо. По способу своего механизма поступки больнаго совершенно сходны съ произвольными дѣйствіями. И въ самомъ дѣлѣ различіе ихъ отъ нормальныхъ дѣйствій заключается *не* въ отсутствіи, но въ болѣзненномъ происхожденіи мотива и цѣли дѣйствія.*)

§ 330. Припадки умоизступленія и безпамятства продолжаются не долго, отъ нѣсколькихъ секундъ или минутъ до четверти часа.

О случившемся во время припадка субъектъ впослѣдствіи ничего не помнитъ или сохраняетъ лишь весьма отрывочныя и смутныя восноминанія.

§ 331. Внѣшніе признаки умоизступленія (и отчасти безпамятства) нерѣдко наблюдаются въ различныхъ видахъ душевнаго разстройства. Но такъ какъ причины и внутренній

---

*) Весьма распространено мнѣніе, что припадки умоизступленія и безпамятства составляютъ собой *безсознательное* состояніе субъекта. Выраженіе это неточно и неправильно. Простѣйшія формы сознанія—это *ощущеніе и представленіе* и потому *всякое* состояніе человѣка, сопровождаемое какимъ бы то ни было ощущеніемъ или представленіемъ, хотя бы возникшимъ на болѣзненномъ основаніи, уже есть *состояніе сознательное.* Безсознательно же будетъ лишь такое состояніе, въ которомъ не имѣется ни ощущенія, ни представленія. При нормальныхъ условіяхъ признается безсознательнымъ состояніемъ только спокойный глубокій сонъ, нетревожимый никакими сновидѣніями; при ненормальныхъ же условіяхъ—обморокъ, коматозное состояніе, періодъ судорогъ во время полнаго эпилептическаго припадка. Во всѣхъ случаяхъ умоизступленія и безпамятства характеръ «безсознательности» относится не къ самому субъекту, но только къ внѣшней обстановкѣ, при которой возникаютъ припадки. Но изъ того, что субъектъ данныя внѣшнія условія сознаетъ ложно, неточно, сбивчиво, неправильно или даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вовсе не сознаетъ ихъ, далеко еще не слѣдуетъ, что бы онъ находился въ совершенно безсознательномъ состояніи, потому собственно, что въ тоже время *онъ имѣетъ ощущенія и представленія*, *вызываемыя внутренними (болѣзненными) условіями*, *и составляющія*, *конечно*, *содержаніе его сознанія.* Такъ какъ эти ощущенія и представленія (выражающіяся личной мимикой, рѣчью и поступками больнаго) не соотвѣтствуютъ данной внѣшней обстановкѣ, то мы признаемъ сознаніе субъекта *извращеннымъ.* Но *извращеніе* сознанія еще не есть *отрицаніе* его. Наконецъ въ совершенно безсознательномъ состояніи возможны одни только мускульныя движенія, автоматическія или рефлективныя, но ни въ какомъ случаѣ нельзя допустить *дѣянія*, потому что послѣднее есть рядъ мускульныхъ движеній, осмысленныхъ *ощущеніемъ* (мотивомъ) и *представленіемъ* (о цѣли).

(субъективный) смыслъ этихъ припадковъ не всегда одинаковы, то умоизступленіе и безпамятство, встрѣчаемыя въ помѣшательствѣ, обыкновенно получаютъ особыя названія, соотвѣтствующія тѣмъ формамъ болѣзни, въ которыхъ они появляются. Такъ напр. меланхоликъ, въ припадкѣ умоизступленія отъ предсердечной тоски (Raptus melancholicus) убиваетъ кого либо для того только, чтобы избавиться отъ своей тоски, тогда какъ маніакъ, въ томъ же припадкѣ (Mania transitorus) нападаетъ на перваго встрѣчнаго, принимая его за врага, для того, чтобы отмстить ему за смертельную обиду. Кромѣ того къ умоизступленію и безпамятству ведутъ сильные порывы (гнѣва, ревности, страха), нетрезвое состояніе, беременность, истерика и другія состоянія. Первое же мѣсто въ числѣ болѣзней, приводящихъ въ умоизступленіе и безпамятство, безсомнѣнно занимаетъ эпилепсія.

§ 332. Эпилепсія или падучая болѣзнь*) (Morbus caducus, M. heracleus, M. sacer; Epilepsia) обыкновенно раздѣляется на двѣ формы: на вполнѣ развитую и отрывочную. Первая характеризуется появленіемъ неправильно-періодическихъ судорожныхъ сокращеній мышцъ, какъ конечностей, такъ и туловища и лица, вмѣстѣ съ временнымъ прекращеніемъ сознанія; отрывочная же эпилепсія представляетъ лишь помраченіе, отуманиваніе, болѣе или менѣе глубокое разстройство сознанія, причемъ или вовсе не имѣется судорогъ или замѣчаются лишь слабыя подергиванія отдѣльныхъ частей тѣла.

§ 333. Отношенія эпилепсіи къ душевной дѣятельности вообще весьма различны.

а) эпилепсія можетъ продолжаться очень долго и даже всю жизнь человѣка, повидимому не производя замѣтнаго вліянія на его душевную дѣятельность. Такъ напр. разсказываютъ, что Юлій Цезарь, Ньютонъ, Наполеонъ I. и другія историческія лица подвергались припадкамъ эпилепсіи.

б) эпилепсія производитъ постепенное ослабленіе мысли-

---

*) Сборникъ сочиненій. издав. Мед. Депар. 1873 Т. II стр. 41.

тельной дѣятельности, со временемъ доходящее до совершеннаго слабоумія.

в) эпилепсія сопровождается врожденнымъ безуміемъ; и наконецъ

г) у эпилептиковъ наблюдается помѣшательство, въ собственномъ смыслѣ слова. Тутъ возможны три случая:

аа) у людей, подверженныхъ эпилепсіи, развивается помѣшательство, какъ случайное осложненіе. Обѣ болѣзни (эпилепсія и помѣшательство) идутъ параллельно, повидимому независимо одна отъ другой. Развившееся помѣшательство на ходъ и характеръ эпилепсіи не имѣетъ замѣтнаго вліянія; эпилептическіе же припадки содѣйствуютъ къ скорѣйшему переходу помѣшательства въ общее слабоуміе.

бб) Эпилепсія, съ самаго начала, сопровождается помѣшательствомъ, такъ что обѣ болѣзни сливаются какъ бы въ одну — эпилептическое помѣшательство. Душевное разстройство почти исключительно принимаетъ форму неистовства. Маніакальные припадки или предшествуютъ эпилептическимъ или слѣдуютъ непосредственно за ними, въ томъ и другомъ случаѣ продолжаясь отъ нѣсколькихъ дней до нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Эпилектическое помѣшательство (Mania epileptica, Folie epileptique; epileptisches Irresein) главнымъ образомъ отличается отъ обыкновенной маніи (Mania simplex) внезапнымъ появленіемъ и столь же быстрымъ прекращеніемъ своихъ припадковъ. Безо всякихъ предвѣстниковъ или послѣ весьма незначительнаго измѣненія настроенія (угрюмость, мрачное расположеніе духа, упорная молчаливость) больной вдругъ приходитъ въ сильнѣйшее маніакальное возбужденіе, отъ котораго, болѣе или менѣе скоро, вдругъ же успокоивается, не представивъ переходнаго состоянія постепеннаго улучшенія.

вв) Къ развившемуся помѣшательству (первичному или вторичному) присоединяется эпилепсія какъ случайное осложненіе, или какъ дальнѣйшее послѣдствіе того же самаго болѣзненнаго процесса, результатомъ котораго появилось душевное разстройство.

§ 334. Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ правильное разпознаваніе душевнаго состоянія даннаго субъекта не трудно, потому что всѣ они характеризуются совпаденіемъ помѣшательства съ полными припадками эпилепсіи.

Далеко не то же можно сказать объ отрывочной эпилепсіи или эпилептическомъ головокруженіи (Vertigo epileptica, le petit mal). Отрывочная эпилепсія нерѣдко проявляется въ такой слабой степени, что вызываетъ справедливое сомнѣніе въ дѣйствительности эпилептическаго характера припадковъ. Тѣмъ не менѣе отрывочная эпилепсія съ теченіемъ времени ведетъ также къ общему слабоумію.

Случаи совпаденія отрывочной эпилепсіи съ помѣшательствомъ, повидимому, встрѣчаются рѣдко. По крайней мѣрѣ въ теченіе болѣе шестнадцати лѣтъ я не наблюдалъ ни одного помѣшаннаго, въ точномъ смыслѣ слова, въ то же время подверженнаго отрывочной эпилепсіи. Сочетаніе этихъ двухъ болѣзней по всей вѣроятности ускользаетъ отъ нашего вниманія отъ того, что помѣшательство, выдаваясь впередъ болѣе рѣзко, какъ бы прикрываетъ собой отрывочные припадки эпилепсіи.

§ 335. Припадки отрывочной эпилепсіи до такой степени разнообразны, что едва ли возможно дать точное описаніе ихъ. Общій характеръ ихъ заключается въ временномъ, весьма не продолжительномъ извращеніи (искаженіи, разстройствѣ) сознанія, вслѣдствіе чего больные производятъ болѣе или менѣе странныя движенія или совершаютъ нелѣпыя дѣйствія и даже проступки и преступленія.

Такъ напр. Эскироль у нѣкоторыхъ больныхъ наблюдалъ лишь *начало* припадка, какъ онъ выражается; у другихъ— только остолбенѣніе, слабыя судорожныя подергиванія отдѣльныхъ мышцъ. Въ другихъ случаяхъ больной съ неподвижнымъ, дикимъ взоромъ вдругъ прерываетъ свою рѣчь, повидимому теряя сознаніе того, что дѣлается вкругъ него, чрезъ нѣсколько секундъ продолжаетъ начатую фразу и, пришедши въ себя, ничего не помнитъ о случившемся. Иные больные вдругъ пускаются въ бѣгъ, какъ будто испуганные чѣмъ-то, покрики-

ваютъ, качаютъ головой, руками, ногами. Внезапно и безъ всякихъ предвѣстниковъ — говоритъ Труссо — больной чувствуетъ une espèce d'etonnement (удивленіе, смущеніе); если онъ разговариваетъ въ это время, то внезапно останавливается на срединѣ фразы, глаза его смотрятъ дико, опъ не видитъ, пе слышитъ, не чувствуетъ ничего (?). Весь припадокъ продолжается нѣсколько секундъ, больной приходитъ въ себя, не подозрѣвая того, что съ нимъ происходило. Я зналъ больныхъ, которые, вдругъ ощущая страшный шумъ (гулъ) въ ушахъ, чувствовали, что не могутъ произносить ни одного слова; къ этому мучительному чувству присоединялось опасеніе, что вотъ сейчасъ съ ними произойдетъ что-то страшное, необыкновенное, ужасное. Въ другихъ случаяхъ больные улыбались какъ-то странно и безсмысленно, производили странныя тѣлодвиженія или нелѣпыя дѣйствія, перебирали и разбрасывали свои вещи, снимали свое платье, раздѣвались, прятали или рвали свои вещи на мелкіе куски. При томъ они, повидимому, вовсе не находились въ возбужденномъ состояніи, но скорѣе показывали озабоченный и серьезный видъ, какъ будто ими руководила какая нибудь непріятная мысль.

§ 336. Эпилепсія, однако, привлекаетъ къ себѣ вниманіе судебной психологіи не только тогда, когда больной подвергается припадкамъ, полнымъ или отрывочнымъ, но и въ свободное отъ припадковъ время, т. е. въ тѣ промежутки времени, которые раздѣляютъ одинъ припадокъ отъ другаго.

Разсматривая этотъ періодъ, нужно, независимо отъ общаго ослабленія мыслительной дѣятельности, обратить вниманіе:

а) на предвѣстники;

б) на непосредственныя, и, наконецъ,

в) на болѣе отдаленныя послѣдствія припадковъ.

§ 337. Не подлежитъ сомнѣнію, что многіе эпилептики подвергаются своимъ припадкамъ вдругъ, безъ всякихъ предвѣстниковъ. Однако не менѣе достовѣрно и то, что многіе уже за нѣсколько дней до припадка показываютъ болѣе или

менѣе значительное измѣненіе душевной дѣятельности. Весьма нерѣдко припадку непосредственно предшествуетъ крикъ. Крикъ можетъ зависѣть отъ одного только судорожнаго съуженія гортаннаго отверстія, но можетъ быть также рефлективнымъ явленіемъ вслѣдствіе какого нибудь страшнаго впечатлѣнія (галлюцинаціи или иллюзіи).

Мрачное настроеніе, неопредѣленное безпокойство, тоска, усиленная раздражительность, говорливость, какая-то безотчетная суета, безсонница—очень часто предшествуютъ припадкамъ. Ромбергъ наблюдалъ молодаго человѣка, у котораго предвѣстники эпилептическаго припадка выражались возникновеніемъ какихъ-то «совершенно особенныхъ» мыслей, которыя онъ не могъ себѣ уяснить. Мысли эти сильно его тревожили, но стремленіе его отдавать себѣ въ нихъ отчетъ или избавиться отъ нихъ прерывалось припадкомъ. Я зналъ больнаго, который въ продолженіи нѣсколькихъ дней передъ припадкомъ бродилъ по корридорамъ больницы. У каждаго встрѣчнаго онъ выпрашивалъ платокъ, табакерку, сигару, гривенникъ и пр., а данныя ему кѣмъ либо вещи тотчасъ бросалъ въ ретирадъ; тоже онъ дѣлалъ съ вещами, которыя ему удавалось украсть у кого либо изъ окружающихъ. Нерѣдко больные предчувствуютъ приближеніе припадка и убѣдительно просятъ предпринимать какія либо мѣры для предохраненія ихъ отъ опасныхъ случайностей.

По наблюденіямъ Гризингера у многихъ эпилептиковъ передъ припадками замѣчается довольно значительное душевное разстройство: то помраченіе сознанія, наподобіе опьяненія, то мрачное, досадливое настроеніе. Случается, что эпилептики, повидимому подъ вліяніемъ ложныхъ ощущеній зрѣнія или слуха, нѣсколько времени передъ припадкомъ вдругъ бросаются на перваго встрѣчнаго.

§ 338. Эпилептическій припадокъ весьма рѣдко переходитъ непосредственно въ совершенно нормальное состояніе, въ особенности, когда болѣзнь уже длится болѣе продолжительное время. Очнувшись отъ болѣе или менѣе глубокаго сна,

наступающаго тотчасъ послѣ припадка, эпилептикъ по большей части является какъ бы угнетеннымъ и разбитымъ. Онъ смотритъ мрачно и туповато, жалуется на утомленіе, головную боль, общую слабость.

У нѣкоторыхъ больныхъ припадки, повидимому, не оставляютъ никакого слѣда; у другихъ мыслительная способность возстановляется лишь черезъ нѣсколько часовъ; еще у другихъ нѣсколько дней продолжается ослабленіе памяти и туманное соображеніе.

§ 339. Какъ болѣе отдаленное послѣдствіе эпилепсіи, является *измѣненіе характера и нравственныхъ побужденій больнаго* уже въ такое время, когда еще не замѣчается явнаго ослабленія мыслительныхъ силъ. Въ особенности рѣзко выдается впередъ *усиленная раздражительность* эпилептиковъ. Самые ничтожные поводы достаточны для того, чтобы вызвать бурныя вспышки гнѣва. Больной недоволенъ, придирчивъ, сердится, какъ говорится, ни за что, ни про что, жалуется на все и всѣхъ, онъ сварливъ, грубъ, склоненъ къ насилію.

Не безъ основанія Фалре обращаетъ особенное вниманіе на *значительное колебаніе настроенія* эпилептиковъ. То они бываютъ мрачны, молчаливы, угрюмы, уединяются отъ окружающихъ, то веселы, развязны, говорливы, навязчивы. То эпилептикъ относится къ намъ ласково, подружески, откровенно, то сдержанно недовѣрчиво, недоброжелательно; то онъ тоскуетъ, жалуется, съ слезами на глазахъ, на свою горькую участь, умоляетъ о помощи, то—и нерѣдко возбуждаясь подъ вліяніемъ своего собственнаго разсказа—приходитъ въ волненіе, обвиняетъ, упрекаетъ, угрожаетъ, бранится, прибѣгаетъ къ насилію. По временамъ эпилептикъ трудолюбивъ, дѣятеленъ, послушенъ; по временамъ же лѣнивъ и упрямъ; то показываетъ вниманіе и смѣтливость, то является тупоумнымъ и лишеннымъ всякаго соображенія. Скрытность, хитрость, лукавство, нравственное невѣжество эпилептиковъ общеизвѣстны.

§ 340. Клиническое различіе полной и отрывочной эпилепсіи дѣлаетъ въ высшей степени вѣроятнымъ предположе-

ніе, что судебно-психологическое значеніе припадковъ той и другой формы болѣзни не будетъ одинаково, и въ самомъ дѣлѣ полный припадокъ эпилепсіи *вовсе не можетъ быть* предметомъ судебно-психологической экспертизы.

Во время полнаго припадка эпилепсіи, т. е. въ то время, когда больной, лишенный сознанія, лежитъ безпомощно и подвергается болѣе или менѣе сильнымъ судорогамъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о совершеніи имъ какого нибудь уголовнаго преступленія или какого либо гражданскаго акта. То и другое (преступленіе и гражданскій актъ) прежде всего, и независимо отъ своего внутренняго содержанія, составляютъ собой *дѣяніе* человѣка. Всякое же дѣяніе — это рядъ мускульныхъ движеній, слѣдующихъ одно за другимъ извѣстнымъ порядкомъ, опредѣляемымъ *мотивомъ* и *цѣлію* дѣйствія. Возникновеніе какого бы то ни было мотива или какой бы то ни было цѣли предполагаетъ сознаніе. Ясно, что лишенный сознанія, никто не можетъ производить осмысленныя движенія; столь же ясно, что во время судорожныхъ мышечныхъ сокращеній тѣ же самыя мышцы не могутъ быть сокращаемы послѣдовательнымъ порядкомъ. Неспособность же производить дѣяніе вообще исключаетъ собой также способность совершать преступленіе или гражданскій актъ.

§ 341. Итакъ эпилепсія можетъ подавать поводъ къ судебно-психологической экспертизѣ лишь тогда, когда преступленіе совершено

1) во время неполнаго припадка;

2) нѣсколько времени до или послѣ припадковъ; и

3) въ свободный отъ припадковъ промежутокъ.

Результатомъ же экспертизы можетъ оказаться, что эпилептикъ

а) былъ душевно-здоровъ (?); или

б) представлялъ, въ извѣстной степени, общее ослабленіе умственныхъ способностей (слабоуміе); или

в) былъ одержимъ помѣшательствомъ; или, наконецъ,

г) находился въ припадкѣ умоизступленія или безпамятства.

14. Сумасшествіе.

§ 342. Когда кто одержимъ явнымъ помѣшательствомъ, первичнымъ или вторичнымъ, то опредѣленіе его душевнаго состоянія едва ли встрѣтитъ какое нибудь затрудненіе. Врачъ, знакомый съ проявленіемъ душевныхъ болѣзней не только по теоріи, но и на практикѣ, въ большинствѣ случаевъ, если не тотчасъ, то по внимательномъ испытаніи субъекта, безошибочно опредѣлитъ его болѣзнь.

Гораздо труднѣе распознаваніе отрывочнаго помѣшательства. Главные характеры отрывочнаго помѣшательства заключаются въ кажущейся незначительности, въ слабой степени и неполнотѣ, и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ мимолетности болѣзненныхъ припадковъ.

Въ глазахъ поверхностнаго наблюдателя одержимые отрывочнымъ помѣшательствомъ могутъ казаться совершенно здоровыми. Окружающіе даже нерѣдко и не подозрѣваютъ въ нихъ болѣзненнаго состоянія.

По поводу противозаконныхъ поступковъ, совершенныхъ этими больными, слѣдствіе иногда производится только тогда, когда субъектъ уже вполнѣ выздоровѣлъ, или по крайней мѣрѣ, перешедши въ періодъ ослабленія болѣзни, не представляетъ никакихъ признаковъ душевнаго разстройства.

Въ такихъ случаяхъ обсужденіе совершеннаго субъектомъ преступнаго дѣянія возможно лишь на основаніи показаній свидѣтелей или, если таковыхъ нѣтъ, самого субъекта. Мало того, послѣдній можетъ и не помнить о случившемся или передавать его несогласно съ истиною, такъ что весь дальнѣйшій ходъ дѣла исключительно зависитъ отъ соображеній врача — или суда.

Само собой разумѣется, что въ такихъ случаяхъ экспертиза должна дѣйствовать крайне осторожно.

а. Отрывочная меланхолія.

(Raptus melancholicus. Melancholia transitoria).

§ 343. Отрывочная меланхолія*) состоитъ въ одномъ только

*) Kraft-Ebing, Die transitorischen Störungen etc. стр. 90.

сильномъ душевномъ чувствѣ глубокаго *страданія*. Чувство это такъ неопредѣленно, что даже не вызываетъ попытки объясненія со стороны больнаго: субъектъ не бредитъ, но только *тоскуетъ*. Тоска его мучительна, несносна, невыразима. Безотчетно поддаваясь этому состоянію, больной сознаетъ лишь непреодолимую потребность, во что бы то ни стало, избавиться отъ своей тоски. По какому-то загадочному, но тѣмъ не менѣе почти типичному сочетанію представленій, нерѣдко, впрочемъ, вслѣдствіе болѣе или менѣе опредѣленныхъ галлюцинацій слуха, возникаетъ мысль, что единственное спасеніе — это совершеніе какого нибудь страшнаго дѣянія, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ. Мысль эта промелькаетъ вдругъ или развивается медленно. Въ томъ и другомъ случаѣ она уже не покидаетъ больнаго, преслѣдуетъ его, навязывается ему, не отстаетъ отъ него, не даетъ ему покоя ни днемъ, ни ночью и вытѣсняетъ собой всѣ остальныя представленія (Zwangsvorstellung). Иногда она сознается лишь въ видѣ смутнаго, темнаго, неяснаго побужденія убить кого нибудь или поджечь что либо; иногда она уясняется настолько, что замыселъ направляется противъ извѣстнаго лица или дома. Приведенное мрачное представленіе нерѣдко сочетается съ представленіемъ о самоубійствѣ. Въ большинствѣ случаевъ тоска сопровождается общимъ грустнымъ настроеніемъ, наклонностью къ уединенію; больной нерѣдко уходитъ изъ дома, прячется въ лѣсу, бродитъ по полямъ, пропадаетъ неизвѣстно куда на цѣлые дни (Mel. errabunda); онъ не сообщителенъ, молчаливъ, страдаетъ безсонницей; общее питаніе тѣла вяло. Нерѣдко субъектъ, хотя мучится опасеніемъ чего-то недобраго, но тщательно скрываетъ свои тяжелыя ощущенія и возникающія изъ нихъ мрачныя представленія и потому въ присутствіи постороннихъ лицъ владѣетъ собой на столько, что на самомъ дѣлѣ въ его поведеніи не замѣчаютъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ. Тѣмъ съ большей осторожностью должно относиться къ заявленіямъ окружающихъ и сосѣдей больнаго. Показанія свидѣтелей (постороннихъ лицъ), что субъектъ по ихъ мнѣнію находился въ совершенно нормальномъ состоя-

ніи требуютъ тщательной повѣрки, въ особенности когда они даны лицами необразованнаго класса народа, наблюдательность котораго вообще развита очень слабо. Чтобы получить отъ подобныхъ свидѣтелей показанія, соотвѣтствующія истинѣ, надобно говорить ихъ языкомъ. Не разъ намъ случалось слышать, что получались совершенно ложные отвѣты на задаваемые въ судебномъ слѣдствіи вопросы, отъ того только, что свидѣтели вовсе не понимали ихъ смысла.

§ 344. Въ отрывочной меланхоліи характеръ пассивности или активности удерживается болѣе или менѣе рѣзко. Въ первомъ случаѣ преступное дѣйствіе можетъ быть совершаемо обдуманно и даже съ нѣкоторою хитростью; въ послѣднемъ— оно болѣе или менѣе явно носитъ отпечатокъ порыва страха или отчаянія (предсердечной тоски). Въ томъ и другомъ случаѣ, по совершеніи дѣянія, нерѣдко наступаетъ болѣе или менѣе значительное улучшеніе въ состояніи больнаго.

б. Отрывочная манія.

(Mania transitoria, Furor maniacus, furor brevis).

§ 345. Отрывочная манія есть ничто иное какъ внезапный припадокъ буйнаго бреда и неистовства.

Въ большинствѣ случаевъ подобные припадки вызываются ложными ощущеніями внѣшнихъ чувствъ, въ особенности зрѣнія и слуха. Больной видитъ предъ собой кровь, огонь, какіе-то страшные призраки; онъ слышитъ брань, ругань, угрозы. Онъ вдругъ приходитъ въ состояніе сильнаго безпокойства, начинаетъ шумѣть, драться, нападаетъ на окружающихъ. Безсвязныя слова, крикъ, брань, угрозы, порывисто произносимые больнымъ, болѣе или менѣе явно указываютъ на то, что онъ окружающихъ принимаетъ за другихъ (иллюзія), что ему представляется что нибудь страшное и ужасающее (галлюцинація), что онъ защищается отъ какихъ-то враговъ (бредъ) и т. д.

Во время припадка весь видъ больнаго свидѣтельствуетъ о сильномъ возбужденіи: глаза горятъ, лицо краснѣетъ, темпе-

ратура возвышена, кровообращеніе ускорено, руки, ноги, все тѣло дрожитъ. Минутъ черезъ 10, 20, 40, черезъ 2, 3 часа и болѣе больной утихаетъ и, въ большинствѣ случаевъ, засыпаетъ глубокимъ сномъ. На другой день о случившемся ничего не помнитъ.

Обыкновенно принимаютъ, что первый припадокъ скоро преходящаго неистовства бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ.

Отрывочная манія, главнымъ образомъ, вызывается неправильнымъ кровообращеніемъ въ полости черепа, вслѣдствіе алкогольнаго отравленія, сильнаго утомленія, солнечнаго удара, возбуждающихъ порывовъ и пр.

в. Отрывочное сумасшествіе.

§ 346. Отрывочное сумасшествіе проявляется въ формѣ *однопредметнаго* и *нравственнаго* помѣшательства.

Подъ названіемъ *однопредметнаго* или *частнаго помѣшательства* или *мономаніи* (Monomania) подразумѣвали отдѣльный самостоятельный видъ душевнаго разстройства, состоящій будто бы въ томъ, что бредъ больнаго ограничивается однимъ только предметомъ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сохраняется полное душевное здоровье. Взглядъ этотъ нынѣ оставленъ. Мономанія, говоритъ профессоръ Solbrig,*) есть плодъ самаго вреднаго злоупотребленія, когда либо возникшаго отъ игры отвлеченными понятіями на реальной почвѣ психической казуистики. Такъ называемый однопредметный бредъ (Jdée fixe) можетъ являться какъ во время развитія помѣшательства, такъ и въ періодѣ сумасшествія, и, наконецъ, послѣ несовершеннаго выздоровленія отъ него (Reconvalescentia cum defectu).

Въ первомъ случаѣ однопредметный бредъ черезъ болѣе или менѣе продолжительное время развивается далѣе, служа какъ бы центромъ, около котораго группируются остальныя

---

*) Verbrechen und Wahnsinn. München. 1867. стр. 27. См. также Falret, De la Non-existence de la Monomanie. Paris. 1854.

ложныя представленія. Во второмъ случаѣ больной преимущественно обнаруживаетъ только одну ложную мысль, тщательно скрывая другія.*) Наконецъ, послѣ несовершеннаго выздоровленія отъ помѣшательства при общемъ ослабленіи мыслительной дѣятельности, отдѣльныя ложныя представленія могутъ быть удерживаемы больнымъ въ видѣ отрывочныхъ остатковъ бывшаго болѣе широкаго бреда. Очевидная нелѣпость нѣкоторыхъ idées fixes довольно явственно указываетъ на общій упадокъ мышленія потому, что признаніе со стороны больнаго подобныхъ представленій совершенно нормальными ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть согласуемо съ нормальнымъ мышленіемъ.

§ 347. При внимательномъ наблюденіи такъ называемые мономаны проявляютъ какъ признаки общаго притупленія своихъ ощущеній и чувствованій, такъ и самые разнообразные, ошибочные, причудливые взгляды на данный порядокъ вещей. Въ большинствѣ случаевъ мономанъ является человѣкомъ апатичнымъ, празднымъ, неспособнымъ къ самостоятельной дѣятельности. Онъ относится равнодушно къ своему прошедшему и будущему, не имѣетъ ни интересовъ, ни стремленій, связывающихъ его съ міромъ здоровыхъ людей; онъ живетъ особнякомъ, принимаетъ различныя странныя и нелѣпыя привычки и показываетъ болѣе или менѣе глубокое измѣненіе своего характера. По временамъ онъ раздражается, придирается, вспыхиваетъ. Съ теченіемъ времени состояніе это мало-по-малу переходитъ въ общее слабоуміе.

§ 348. Названіе «мономанія» нынѣ употребляется только ради краткости для указанія на преобладающія ложныя мысли больнаго. Изъ числа всевозможныхъ «мономаній» особаго вниманія достойны такъ называемыя monomania homicidii, pyromania, kleptomania, т. е. однопредметное помѣшательство убійства, поджигательства, воровства.

Принятіе же подобныхъ «мономаній» (непреодолимаго вле-

*) Griesinger, l. c. стр. 333.

ченія къ убійству, къ поджигательству и пр.) не оправдывается ни теоріей, ни практикой. *Убійство, поджигательство и воровство могутъ быть совершаемы каждымъ помѣшаннымъ, совершенно независимо отъ формы его душевнаго разстройства.*

Такъ называемая мономанія главнымъ образомъ основана на ложныхъ ощущеніяхъ внѣшнихъ чувствъ, преимущественно слуха и на глубокомъ разстройствѣ самоощущенія.

§ 349. *Нравственное помѣшательство* или *помѣшательство безъ бреда* (Mania sine delirio, Mania moralis, moral insanity) представляетъ собой форму душевнаго разстройства, при которой мыслительная дѣятельность повидимому проявляется совершенно правильно, тогда какъ извращаются одни лишь душевныя чувства и нравственныя побужденія больнаго.

Нравственныя впечатлѣнія, получаемыя отъ окружающихъ условій, отъ семейныхъ и общественныхъ отношеній, неестественно измѣняются; все то, что прежде дѣйствовало пріятно, теперь дѣйствуетъ дурно; все, что прежде казалось отвратительнымъ, теперь производитъ пріятное впечатлѣніе*) на больнаго. Качественно-измѣненное самоощущеніе и самочувствіе больнаго бываетъ неопредѣленное или опредѣленное. Въ первомъ случаѣ онъ производитъ цѣлый рядъ дѣйствій, въ высшей степени странныхъ, нелѣпыхъ и загадочныхъ, такъ что нѣтъ возможности ихъ осмыслить (Folie d'actions); во второмъ случаѣ онъ увлекается побужденіемъ къ болѣе или менѣе порочнымъ, преступнымъ, опаснымъ поступкамъ (Folie impulsive, F. instinctive, F. destructive), выражая полное равнодушіе или даже «инстинктивное презрѣніе» правъ, чести и имущества другихъ лицъ.**)

Такъ какъ въ дѣйствіяхъ человѣка нельзя не видѣть обнаруживанія его мыслей, то, конечно, нелѣпые поступки не могутъ не быть приведены къ измѣненію самаго акта мышленія. Тѣмъ не менѣе въ сферѣ мышленія не замѣчается явнаго раз-

*) Maudsley l. c. стр. 345. 356.
**) Solbrig, l. c. стр. 9.

стройства или опредѣленнаго бреда. Одержимые нравственнымъ помѣшательствомъ повидимому разсуждаютъ правильно и логично; они стараются оправдывать свои поступки, придавая имъ значеніе, несходное съ тѣмъ, которое они имѣютъ въ нашихъ глазахъ и прибѣгаютъ къ діалектикѣ, ко лжи, къ обману, къ притворству (Folie raisonnante).

Нерѣдко больные чувствуютъ себя въ высшей степени несчастливыми; они понимаютъ, что дѣйствуютъ дурно; они ужасаются своихъ темныхъ побужденій, вызываемыхъ разстроеннымъ самоощущеніемъ; они обвиняютъ себя въ безнравственности и съ отчаяніемъ жалуются на совершенное безсиліе побороть свои побужденія. Въ другихъ случаяхъ они относятся совершенно хладнокровно къ своимъ влеченіямъ, предаваясь имъ нагло, открыто и даже съ какимъ-то дикимъ чувствомъ собственнаго достоинства. Въ обращеніи съ другими лицами, въ особенности съ домашними, больной недовѣрчивъ, лжетъ, клевещетъ, жалуется на притѣсненіе со стороны родныхъ, считаетъ себя жертвою интриги и въ глазахъ постороннихъ не безъ успѣха разигрываетъ роль невиннаго страдальца.

§ 350. Какъ ни разнообразно проявленіе нравственнаго помѣшательства у отдѣльныхъ лицъ, при внимательномъ наблюденіи всегда оказывается, что они страдаютъ глубокимъ извращеніемъ самоощущенія и рѣзкимъ измѣненіемъ характера, къ чему нерѣдко присоединяются какъ ложныя ощущенія внѣшнихъ чувствъ, такъ и болѣе или менѣе странныя представленія. Больной находится въ какомъ-то душевномъ туманѣ, изъ котораго по временамъ можетъ выйдти, повидимому, совершенно здоровый, но въ который опять погружается, уносимый невольною игрою темныхъ побужденій.

Въ большинствѣ случаевъ нравственное помѣшательство встрѣчается у лицъ, имѣющихъ наслѣдственное предрасположеніе къ душевному разстройству и принадлежащихъ къ образованному классу общества.

Какъ мономанія, такъ и нравственное помѣшательство составляютъ лишь переходное состояніе, ведущее или къ пол-

ному сумасшествію или къ постепенному развитію общаго слабоумія.

15. Безуміе.

§ 351. Распознаваніе вполнѣ развитаго безумія — не трудно; но для опредѣленія слабыхъ степеней его необходимо самое точное изслѣдованіе субъекта. Тѣ душевныя состоянія, которыя въ обыденной жизни называютъ тупоуміемъ, глупостью, малодушіемъ и т. п., по сущности своей суть ничто иное какъ оттѣнки безумія. Оттѣнки эти до такой степени различны, что нѣтъ возможности дать ихъ типическое описаніе. Главнымъ основаніемъ при опредѣленіи безумія служитъ, съ одной стороны, число имѣющихся налицо представленій и понятій объ окружающихъ предметахъ и отношеніяхъ, съ другой—способность выразить словами свои мысли.

§ 352. Къ безумію нельзя не отнести крайнее нравственное невѣжество. Въ простонародіи встрѣчаются люди крайне неразвитые, не вслѣдствіе врожденнаго недостатка душевныхъ способностей или случайной мозговой болѣзни, но вслѣдствіе того, что они выросли безъ всякаго призрѣнія, надзора, воспитанія. Всѣ «воззрѣнія и убѣжденія» этихъ лицъ, возникшія подъ вліяніемъ весьма жалкой обстановки, составляютъ лишь ограниченный запасъ отрывочныхъ и смутныхъ понятій; къ тому присоединяется грубое суевѣріе, совпадающее однако съ усерднымъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ. Не сознавая въ себѣ никакого особаго побужденія дѣйствовать такъ или иначе, люди эти дѣлаютъ то, что имъ велятъ дѣлать другіе, причемъ они относятся совершенно безразлично къ могущимъ быть послѣдствіямъ своихъ поступковъ. Подобные субъекты рѣдко сами задумываютъ преступленіе, но служатъ только орудіемъ въ рукахъ другихъ. Обвиняемые въ соучастіи въ какомъ нибудь преступленіи, они на первыхъ же порахъ сбиваются. Не умѣя ни сознаться, ни отпереться, они единственное спасеніе себѣ видятъ во лжи и путаютъ самымъ очевиднымъ образомъ, нисколько не замѣчая своего противорѣчія. Такъ напр. они от-

рекаются отъ знакомства съ ближайшими родственниками, повидимому только съ намѣреніемъ не выдавать ихъ. Нерѣдко они подтверждаютъ свои ложныя показанія страшными клятвами — по одной лишь привычкѣ, не придавая имъ никакого опредѣленнаго смысла, наподобіе того, какъ иногда пьяный, разсуждая самъ съ собой, разражается потокомъ ругательныхъ фразъ, не обращаемыхъ ни къ кому и ни къ чему. Они дѣйствуютъ лишь съ темною цѣлью «уйти отъ суда», соединяя съ этимъ словомъ какое-то страшное понятіе; впослѣдствіи же къ объявленному имъ наказанію они относятся совершенно равнодушно. При внимательномъ изслѣдованіи ихъ душевнаго состоянія, впечатлѣніе глубокой нравственной испорченности, которое они производятъ на первый взглядъ, обыкновенно уступаетъ мѣсто убѣжденію въ ихъ совершенномъ нравственномъ и умственномъ невѣжествѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Законоположенія относительно лицъ, одержимыхъ душевнымъ разстройствомъ.*)

I. О значеніи и освидѣтельствованіи умственнаго разстройства (безумія, сумасшествія, глухонѣмоты и нѣмоты) въ дѣлахъ гражданскихъ.

---

1. *Безумными* признаются не имѣющіе здраваго разсудка съ самаго ихъ младенчества. *Сумасшедшими* почитаются тѣ, коихъ безуміе происходитъ отъ случайныхъ причинъ, и, составляя болѣзнь, доводящую иногда до бѣшенства, можетъ наносить обоюдный вредъ обществу и имъ самимъ, и потому требуетъ особеннаго за ними надзора. Постановленныя правила объ освидѣтельствованіи безумныхъ распространяются и на лицъ отъ природы *слабоумныхъ*. Законъ, дѣлая различіе между безумными и сумасшедшими, не отличаетъ однакоже *частнаго* помѣшательства ума отъ *общаго* разстройства умственныхъ способностей. (§ 652).

2. Для устраненія затрудненія судебныхъ мѣстъ въ надлежащемъ примѣненіи закона, врачи, при освидѣтельствованіи лицъ, подозрѣваемыхъ въ ненормальномъ состояніи умственныхъ способностей, опредѣляя въ судебно-медицинскихъ актахъ умственное состояніе сихъ лицъ, непремѣнно должны употреблять выраженія, усвоенныя закономъ для сихъ случаевъ. (Тамъ-же).

---

*) Слѣдующія ниже статьи Св. Зак. заимствованы изъ сочиненія «Сборникъ законовъ, правилъ, наставленій и распоряженій правительства для врачей и пр. Доктора И. К. Война. Кіевъ. 1871.» §§ въ концѣ каждой статьи относятся къ статьямъ подлинника. Группировка статей, съ согласія автора «Сборника,» нѣсколько измѣнена.

3. Каждому семейству, въ коемъ находится безумный или сумасшедшій, предоставляется предъявить о томъ мѣстному начальству. Въ отношеніи къ назначенію опекъ надъ слабоумными и умалишенными, Губернаторъ, получивъ о томъ просьбу отъ семейства, въ коемъ находится слабоумный или сумасшедшій, или же инымъ образомъ достовѣрное свѣдѣніе, что сіи лица опасны въ общежитіи или по крайней мѣрѣ не могутъ управлять имѣніемъ, распоряжается объ освидѣтельствованіи ихъ на основаніи законовъ. (§ 650).

4. Безумные и сумасшедшіе, не совершившіе преступленія и отдаваемые для излеченія въ частныя лечебныя заведенія, могутъ быть свидѣтельствуемы, установленнымъ порядкомъ, только по требованію о томъ ихъ родственниковъ, опекуновъ, попечителей или наслѣдниковъ. Когда сіи безумные и сумасшедшіе будутъ отданы въ частныя лечебныя заведенія безъ предварительнаго формальнаго освидѣтельствованія ихъ, то содержатели сихъ заведеній обязаны немедленно увѣдомлять о семъ мѣстное медицинское начальство, которое также представляетъ о семъ Губернатору (тамъ же).

5. По предъявленіи отъ семейства или по распоряженію Губернатора о безумныхъ и сумасшедшихъ лицахъ, а также по достиженіи глухонѣмыми и нѣмыми полнаго совершеннолѣтія, они подвергаются *освидѣтельствованію*, которое совершается въ Губернскомъ Правленіи черезъ членовъ врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія (Инспектора и его помощника) и другихъ приглашенныхъ къ сему врачей, въ присутствіи Губернатора, Вице-губернатора, Предсѣдателя Гражданской Палаты и Губернскаго Прокурора, съ приглашеніемъ къ тому Предсѣдателя Казенной Палаты, когда свидѣтельствуются лица, вѣдомству той Палаты подлежащія, и, смотря по состоянію свидѣтельствуемаго, Губернскаго и одного или двухъ уѣздныхъ Предводителей Дворянства или Городскаго Головы съ однимъ либо двумя членами Думы. При освидѣтельствованіи дворянъ, служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, присутствуютъ депутаты съ военной стороны. Къ освидѣтельствованію всѣхъ вообще

крестьянъ приглашаются начальствующія надъ ними лица въ губерніи, по принадлежности, какъ напр. управляющіе палатами государственныхъ имуществъ и т. п. (§ 651).

6. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы 1864 г., въ полномъ ихъ объемѣ, въ составляемыхъ для освидѣтельствованія умалишенныхъ присутствіяхъ участвуютъ въ замѣнъ Предсѣдателя Гражданской Палаты и Губернскаго Прокурора, Предсѣдатель Окружнаго Суда, Прокуроръ или Товарищъ Прокурора сего Суда, и одинъ изъ живущихъ въ губернскомъ городѣ почетныхъ мировыхъ судей, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ чрезвычайныхъ или особенно спѣшныхъ занятій Предсѣдателя Окружнаго Суда, мѣсто его въ означенномъ присутствіи заступалъ его товарищъ или одинъ изъ членовъ Суда. Въ губерніяхъ, гдѣ введены мировыя учрежденія отдѣльно отъ общихъ, сверхъ Предсѣдателя или Товарища Предсѣдателя Соединенной Палаты и Губернскаго Прокурора или его товарища, приглашается также одинъ изъ живущихъ въ губернскомъ городѣ почетныхъ мировыхъ судей. — Въ Одессѣ, Таганрогѣ и прочихъ портовыхъ городахъ Новороссійскаго края составъ присутствія для освидѣтельствованія умалишенныхъ опредѣленъ ст. 371 и примѣчаніемъ къ оной въ т. X. Св. Зак. Гр. (§ 651).

7. Въ мѣстностяхъ, гдѣ введены судебные уставы 1864 г. въ полномъ ихъ объемѣ, или одни мировыя судебныя установленія, при освидѣтельствованіи разночинцевъ, купцовъ и мѣщанъ, предсѣдательствуетъ въ замѣнъ Уѣзднаго Судьи, Уѣздный Предводитель Дворянства; члены же упраздненныхъ магистратовъ замѣняются членами городскихъ думъ. Сверхъ того при освидѣтельствованіи лицъ всѣхъ сословій присутствуетъ одинъ изъ почетныхъ мировыхъ судей мѣстнаго судебнаго округа и, въ замѣнъ уѣзднаго стряпчаго, товарищъ прокурора окружнаго суда или губернскаго. — Въ городахъ, въ коихъ введено городовое положеніе 16 Іюня 1870 г., обязанности, возложенныя на городскаго голову и двухъ членовъ думы по участію въ освидѣтельствованіи сумасшедшихъ изъ числа разночинцевъ, купцовъ и мѣщанъ, возлагаются на предсѣдателя

(городскаго голову) и двухъ членовъ сиротскаго суда, избираемыхъ на три года частными собраніями сословій купеческаго, мѣщанскаго и ремесленнаго. (§ 651).

8. Во всякомъ случаѣ освидѣтельствованіе можетъ быть производимо и въ мѣстѣ жительства или пребыванія свидѣтельствуемаго лица въ губернскомъ городѣ. Если доставленіе въ губернскій городъ лица, подвергшагося безумію или сумасшествію, признано будетъ невозможнымъ безъ опасности его жизни, то освидѣтельствованіе его производится на мѣстѣ жительства или пребыванія, черезъ губернскаго врачебнаго инспектора или его помощника и двухъ медикомъ, по назначенію Врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія. При семъ дѣйствіи составляется присутствіе: буде свидѣтельствуемый дворянинъ, то подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или заступающаго его мѣсто, а буде онъ разночинецъ или купецъ или мѣщанинъ, то подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго судьи, изъ уѣзднаго стряпчаго, исправника (или полицеймейстера), и сверхъ того, при свидѣтельствѣ дворянина, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, а при освидѣтельствованіи прочихъ лицъ—изъ городскаго головы и двухъ членовъ думы.—Издержки на прогоны при проѣздѣ лицъ, назначаемыхъ для освидѣтельствованія умалишеннаго на мѣстѣ его жительства или пребыванія и обратно, относятся на мнѣніе лица, подвергшагося освидѣтельствованію. (§ 651).

9. Освидѣтельствованіе лицъ, подвергшихся умственному разстройству за границей или въ Царствѣ Польскомъ, а также освидѣтельствованіе ихъ по выздоровленіи, производится по законамъ той страны, въ которой они имѣютъ пребываніе; отъ Правительствующаго Сената зависитъ въ сихъ случаяхъ наложеніе опеки и снятіе оной. (§ 651).

10. Освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ заключается въ строгомъ *разсмотрѣніи* отвѣтовъ на предлагаемые вопросы, до обыкновенныхъ обстоятельствъ и домашней жизни относящихся. Какъ вопросы сіи, такъ и объясненія на оные записываются въ составляемый по сему случаю актъ. (§ 652).

11. Составленіе протоколовъ и актовъ объ освидѣтельствованіи лежитъ на обязанности Врачебнаго Отдѣленія и Губернскаго Правленія вообще. (§ 651).

12. Освидѣтельствованіе глухонѣмыхъ и нѣмыхъ, для опредѣленія гражданской ихъ правоспособности по достиженіи ими совершеннолѣтія, требуетъ по смыслу 381. и 819. стат. Т. X. Св. Зак. Гражд. разрѣшенія вопросовъ: обучены ли они грамотѣ или нѣтъ, могутъ ли свободно изъяснять свои мысли и изъявлять свою волю или они лишены всякаго средства пріобрѣтать понятія и выражать свою волю; въ какой степени возможно предоставить свидѣтельствуемому право управлять и распоряжать своимъ имуществомъ. — Если свидѣтельствуемый грамотенъ, то отвѣты его должны быть своеручно имъ записаны въ актѣ. (§ 652).

13. По освидѣтельствованіи установленнымъ порядкомъ безумія или сумасшествія, если присутствіе признаетъ оное дѣйствительнымъ, то, не налагая само собой опеки, все имъ найденное представляетъ на разсмотрѣніе Правительствующему Сенату и до полученія отъ него окончательнаго разрѣшенія пріемлетъ (также и Губернаторъ: см. Т. II ст. 534) токмо законныя мѣры къ призрѣнію страждущаго и къ сохраненію его имѣнія. Опредѣленіе же объ освидѣтельствованныхъ (на основаніи 369 ст. т. X ч. I) крестьянахъ Губернскія Правленія приводятъ въ исполненіе, не представляя оныхъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. (§ 649).

14. Надъ безумными, сумасшедшими, глухонѣмыми и нѣмыми установлены закономъ *опека и попечительство* въ порядкѣ семейственномъ.—Обязанности опекуновъ вообще заключаются въ попеченіи объ особѣ и здравіи, а также въ управленіи имуществомъ лица, состоящаго подъ опекою по причинѣ помѣшательства въ умѣ. — За вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ безумныхъ или сумасшедшихъ, отвѣтствуютъ тѣ, которые по закону обязаны имѣть за ними надзоръ. (§ 649).

15. Признанные отъ Правительствующаго Сената безум-

ными или сумасшедшими, поручаются въ смотрѣніе ближайшихъ ихъ родственниковъ, или, буде послѣдніе отъ того откажутся, отдаются въ устроенные для умалишенныхъ домы.— Имущество признанныхъ безумными или сумасшедшими отдается въ управленіе ихъ наслѣдникамъ, съ запрещеніемъ продавать или закладывать что либо изъ онаго при жизни владѣльца, и съ обязанностію остающіеся за законными издержками доходы сохранять въ цѣлости. Впрочемъ въ отдачѣ имущества родственникамъ, въ требованіи отъ нихъ отчетовъ, и въ назначеніи имъ награды поступать также, какъ постановлено сіе для имѣній, состоящихъ въ опекѣ по малолѣтству владѣльцевъ. (§ 649).

16. Когда признанный по свидѣтельству въ помѣшательствѣ ума получитъ впослѣдствіи выздоровленіе, то, по полученіи о семъ извѣщенія или по распоряженію Губернатора (Т. II к. II ст. 536), производится ему вновь освидѣтельствованіе по установленнымъ правиламъ, и когда по сему свидѣтельству выздоровленіе признано будетъ несомнительнымъ, то представляется о томъ Правительствующему Сенату на его заключеніе, а до полученія разрѣшенія надлежитъ давать выздоровѣвшему полную свободу, не освобождая, однакожъ, имѣнія его изъ опеки.—Кромѣ сего формальнаго свидѣтельства никакія удостовѣренія о таковомъ выздоровленіи приняты быть не могутъ. (§ 649).

17. Глухонѣмые и нѣмые состоятъ подъ опекою до двадцати лѣтъ съ годомъ отъ роду. По достиженіи полнаго совершеннолѣтія производится имъ законное освидѣтельствованіе. Когда окажется, что свидѣтельствуемый можетъ свободно изъяснять свои мысли и изъявлять свою волю, то предоставляется ему право управлять и распоряжать своимъ имуществомъ наравнѣ съ прочими совершеннолѣтними. Если, однако, будетъ найдено, что опасно предоставить ему такое право вполнѣ, то, по представленіи Правительствующему Сенату, назначается къ сему нѣмому или глухонѣмому попечительство. Надъ нѣмыми и глухонѣмыми, не обученными грамотѣ и лишенными всякаго

средства пріобрѣтать понятія и выражать свою волю, Правительствующій Сенатъ, вслѣдствіе представленія лицъ, производившихъ освидѣтельствованіе, предписываетъ учредить опеку. Къ учрежденію попечительствъ и опекъ сего рода и порядку дѣйствій оныхъ примѣняются тѣ самыя правила, которыя постановлены для учрежденія и порядка дѣйствій опекъ надъ малолѣтними и попечительствъ надъ несовершеннолѣтними. (§ 649).

18. Запрещается вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими. Законными и дѣйствительными не признаются брачныя сопряженія, совершившіяся въ сумасшествіи одного или обоихъ брачившихся. Запрещенія вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими распространяются на браки всѣхъ вообще христіанскихъ исповѣданій. — Дѣла о бракахъ, совершенныхъ въ сумасшествіи, принадлежатъ свѣтскому уголовному суду; но рѣшеніе о дѣйствительности или недѣйствительности брака и о степени участія въ томъ духовныхъ лицъ предоставляется суду духовному. — Тотъ, кто воспользуется сумасшествіемъ или признаннымъ, по установленному порядку, слабоуміемъ какого либо лица для склоненія его къ вступленію въ бракъ, приговаривается за сіе къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибири. (§ 640).

19. Не допускаются къ свидѣтельству: признанные умалишенными и неспособные объясниться ни на словахъ, ни на письмѣ, а равно лица, кои, вслѣдствіе разстройства умственныхъ способностей, состоятъ, по распоряженію надлежащей власти, на испытаніи или въ пользованіи врача, а также и тѣ, которые по своимъ физическимъ или умственнымъ недостаткамъ не могли имѣть познанія о доказываемомъ обстоятельствѣ.—Не допускаются къ свидѣтельству подъ присягою безумные, сумасшедшіе и глухонѣмые. (§ 641).

20. Духовное завѣщаніе есть законное объявленіе воли владѣльца о его имуществѣ на случай его смерти. Всѣ духовныя завѣщанія, какъ крѣпостныя (нотаріальныя), такъ и домашнія, должны быть составляемы въ здравомъ умѣ и твердой

памяти. По сему недѣйствительны завѣщанія: безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими во время помѣшательства, хотя бы и не признаннаго формально. Подпись свидѣтелей удостовѣряетъ токмо 1) въ подлинности завѣщанія, т. е. въ томъ, что лицо, предъявившее имъ завѣщаніе, есть точно то самое, коимъ оно сдѣлано и подписано; 2) что при предъявленіи имъ завѣщанія, они всѣ лично его видѣли и нашли въ здравомъ умѣ и твердой памяти. Сіи только два обстоятельства свидѣтели должны утвердить при допросѣ, который имъ производится безъ присяги, въ присутствіи суда. Отъ права наслѣдованія по закону (безъ завѣщанія) не устраняются лица, имѣющія физическіе и умственные недостатки— глухіе, нѣмые и безумные. (§ 646).

21. Законнымъ препятствіемъ къ явкѣ (тяжущихся) въ судъ признается сумасшествіе; но судебное мѣсто обязано изслѣдовать дѣйствительность сего препятствія и принять въ уваженіе, могъ ли тяжущійся прислать повѣреннаго или нѣтъ. Производство дѣла у мироваго судьи и въ судѣ пріостанавливается въ случаѣ сумасшествія одного изъ тяжущихся или повѣреннаго. Прокуроры даютъ свое заключеніе по дѣламъ лицъ глухонѣмыхъ и умалишенныхъ.—Присяга тяжущихся не допускается по дѣламъ, въ коихъ имѣютъ участіе лица, коимъ не дозволяется свободное распоряженіе имуществомъ (§ 642).

22. За всѣхъ состоящихъ подъ опекою по душевнымъ или физическимъ недугамъ, ищутъ и отвѣчаютъ на судѣ ихъ родители или опекуны. Опекуны и попечители, управляющіе имѣніемъ безумныхъ, обязаны имѣть по тяжебнымъ и исковымъ ихъ дѣламъ хожденіе или посылать въ судъ вмѣсто себя повѣренныхъ. Штрафы за неправыя жалобы опекуновъ по дѣламъ безумныхъ взыскивать изъ имѣнія безумныхъ. Не могутъ быть повѣренными по дѣламъ, производящимся въ судебныхъ установленіяхъ, лица, состоящія подъ опекою. Присяжными засѣдателями не могутъ быть: слѣпые, глухіе, нѣмые и лишенные разсудка. (§ 643).

23. Запрещается писать и совершать отъ имени безум-

ныхъ и сумасшедшихъ, всякіе вообще акты объ имѣніи или о займѣ. Недѣйствительна продажа, учиненная лицами, состоящими подъ законнымъ прещеніемъ, какъ-то: безумными и сумасшедшими. Свидѣтели, подписывающіеся въ актахъ, удостовѣряютъ, что лица, участвующія въ совершеніи акта, суть оба въ умѣ и памяти; но не могутъ быть свидѣтелями тѣ, кои сами не могутъ по законамъ отъ своего имени совершать акты. (§ 644).

24. При совершеніи актовъ по имуществамъ и опекамъ глухонѣмыхъ и, хотя имѣющихъ слухъ, но лишенныхъ всякой возможности изъяснить свои мысли и волю рѣчами, нѣмыхъ— соблюдаются слѣдующія правила: 1) Акты, выдаваемые глухонѣмыми и нѣмыми, умѣющими читать и писать, принимаются къ совершенію и признаются дѣйствительными на общемъ основаніи, съ тою только предосторожностію, чтобы таковыя лица, при выдачѣ и совершеніи акта въ присутственномъ мѣстѣ, призываемы были лично въ присутствіе онаго, для учиненія имъ установленнаго допроса, и чтобы допросъ сей, ими собственноручно написанный, по запискѣ въ журналъ, хранился при крѣпостныхъ дѣлахъ; если же актъ такого лица требуетъ одной явки у маклерскихъ дѣлъ, то маклеръ обязанъ взять лично отъ него подписку и пригласить двухъ извѣстныхъ и знающихъ совершителя людей, для засвидѣтельствованія дѣйствительности всего того въ книгѣ, въ которой должна быть написана и подписка. 2) Акты между глухонѣмыми и нѣмыми, неумѣющими читать и писать, и другими лицами, кто бы они ни были, постановляемые, принимаются къ совершенію тогда только, когда актомъ что либо безусловно и исключительно предоставляется въ пользу самого глухонѣмаго или нѣмаго безъ всякихъ съ его стороны обязательствъ. 3) Къ совершенію акта для глухонѣмаго или нѣмаго, не умѣющаго читать и писать, лично обязательнаго, требуются всѣ тѣ, для охраненія подобнаго лица, предосторожности и правила, какія по закону установлены въ пользу малолѣтнихъ и лишенныхъ разсудка; въ противномъ случаѣ никакой актъ сего рода на имя или отъ имени безграмотнаго

глухонѣмаго и нѣмаго не принимается къ совершенію, а если будетъ совершенъ, то признается ничтожнымъ (§ 645).

25. По межеванію селеній и земель, принадлежащихъ владѣльцамъ умалишеннымъ, отъ которыхъ потому и повѣренныхъ прислано не будетъ, имѣть опекунство второму члену межевой конторы или старшему члену межевой канцеляріи, доколѣ отъ дворянской опеки особеннаго опекуна прислано не будетъ. Опекунамъ умалишенныхъ предоставляется власть дѣйствовать за нихъ при полюбовномъ межеваніи окончательно во всемъ, что относится до качества и мѣстности земель; но въ отношеніи правъ лицъ, находящихся подъ опекою, на количество земли, дѣлать уступки, не превышающія четвертой части того, что имъ слѣдуетъ; а въ случаѣ значительнѣйшей уступки обязаны они испросить согласіе начальства, на общихъ правилахъ опекунскихъ дѣлъ (§ 648).

26. Въ исчисленіи десятилѣтняго срока давности какъ для умалишенныхъ, такъ и для глухонѣмыхъ, лишенныхъ вовсе способности выражать свою волю, и для наслѣдниковъ тѣхъ и другихъ, наблюдаются слѣдующія правила: 1) умалишенные и глухонѣмые, лишенные вовсе способности выражать свою волю, сравниваются въ отношеніи давности съ малолѣтними, съ тѣмъ, что срокъ давности считается для нихъ со дня, когда они, по освидѣтельствованіи установленнымъ порядкомъ, будутъ признаны здоровыми и способными свободно изъяснять свои мысли и изъявлять свою волю, и, по опредѣленію Правительствующаго Сената, будутъ введены въ управленіе и распоряженіе своими имѣніями; 2) по смерти умалишенныхъ и глухонѣмыхъ, наслѣдники ихъ, если они были при нихъ опекунами или попечителями, не могутъ пользоваться никакимъ особымъ срокомъ давности и право на начатіе исковъ въ теченіе двухъ лѣтъ отъ сего времени къ нимъ не примѣняется (§ 647).

II. О значеніи и освидѣтельствованіи умственнаго разстройства въ дѣлахъ уголовныхъ.

27. Къ числу причинъ, по коимъ содѣянное (преступленіе и проступокъ) не должно быть вмѣняемо въ вину, принадле-

жатъ безуміе, сумасшествіе и припадки болѣзни, приводящіе въ умоизступленіе или совершенное безпамятство, а именно: 1) преступленіе или проступокъ, учиненные безумнымъ отъ рожденія или сумасшедшимъ, не вмѣняются имъ въ вину, когда нѣтъ сомнѣнія, что безумный или сумасшедшій, по состоянію своему въ то время, не могъ имѣть понятія о противозаконности и о самомъ свойствѣ своего дѣянія; 2) на томъ же основаніи не вмѣняются въ вину преступленія и проступки, учиненные больнымъ въ точно доказанномъ припадкѣ умоизступленія или совершеннаго безпамятства (отъ болѣзни, а не отъ пьянства; 3) невмѣненіе въ вину преступленій и проступковъ распространяется и на потерявшихъ умственныя способности и разсудокъ отъ старости или дряхлости, и на лунатиковъ (сонneходцевъ), которые въ припадкѣ своего нервнаго разстройства дѣйствуютъ безъ надлежащаго разумѣнія; и 4) глухонѣмые отъ рожденія, а равно и лишившіеся слуха и языка въ дѣтскомъ возрастѣ, когда нѣтъ сомнѣнія, что они не получили, ни черезъ воспитаніе, ни черезъ сообщество съ другими, никакого понятія о обязанностяхъ и законѣ, также не подвергаются наказаніямъ за преступленія и проступки (§ 814).

28. Обстоятельствами, въ большей или меньшей мѣрѣ уменьшающими вину, а съ тѣмъ вмѣстѣ и строгость слѣдующаго за оную наказанія, признаются: 4) если преступленіе учинено имъ (виновнымъ) по легкомыслію (но не въ пьянствѣ) или же слабоумію, глухотѣ и крайнему невѣжеству, которыми воспользовались другіе для вовлеченія его въ сіе преступленіе; 5) если преступленіе учинено имъ вслѣдствіе сильнаго раздраженія, произведеннаго обидами, оскорбленіями или иными поступками лица, коему онъ сдѣлалъ или покусился сдѣлать зло (§ 821).

29. При слѣдствіи надъ нѣмыми и вообще лицами, не могущими передавать свои мысли на словахъ, наблюдаются слѣдующія правила: 1) если обвиняемые или свидѣтели не могутъ дать показанія на письмѣ, то допросъ производится черезъ посредство лицъ (толмачей), привыкшихъ съ точностью понимать ихъ знаки; 2) при слѣдствіи о преступленіяхъ, вле-

кущихъ за собой лишеніе всѣхъ правъ состоянія, къ передачѣ вопросовъ и отвѣтовъ не допускаются ближайшіе наслѣдники обвиняемаго; 3) если слѣдствіе производится въ городѣ, гдѣ есть заведеніе для воспитанія глухонѣмыхъ, то приглашается одинъ изъ наставниковъ сего заведенія; 4) объясняющіеся съ глухонѣмыми знаками должны вмѣстѣ съ тѣмъ произносить вслухъ то, что они объясняютъ ему (§ 816).

30. Правила освидѣтельствованія обвиняемаго, оказавшагося безумнымъ или сумасшедшимъ (по Уст. Угол. Суд. 20-го Ноября 1864 г.):

1) Если по слѣдствію окажется, что обвиняемый не имѣетъ здраваго разсудка или страждетъ умственнымъ разстройствомъ, то слѣдователь, удостовѣрясь въ томъ, какъ черезъ освидѣтельствованіе обвиняемаго судебнымъ врачемъ, такъ и чрезъ распросъ самого обвиняемаго и тѣхъ лицъ, коимъ ближе извѣстенъ образъ его дѣйствій и сужденій, передаетъ на дальнѣйшее распоряженіе прокурора все производство по этому предмету, съ мнѣніемъ врача о степени безумія или умственнаго разстройства обвиняемаго.

2) Производство о сумасшествіи или безуміи обвиняемаго, вмѣстѣ съ заключеніемъ о томъ прокурора, вносится на разсмотрѣніе окружнаго суда.

3) Освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ производится въ присутствіи окружнаго суда, чрезъ губернскаго врачебнаго инспектора или его помощника и двухъ врачей, по назначенію медицинскаго управленія. Въ столицахъ приглашается для сего штадтъ-физикъ и два врача, назначенные физикатомъ или медицинскою конторою.

4) Въ окружныхъ судахъ, находящихся не въ губернскомъ городѣ, освидѣтельствованіе безумныхъ и сумасшедшихъ можетъ быть производимо и безъ участія врачебнаго инспектора или его помощника, чрезъ двухъ врачей по назначенію врачебнаго отдѣленія Губернскаго Правленія, съ предоставленіемъ въ такомъ случаѣ суду права, какъ по просьбѣ которой либо изъ сторонъ, такъ и по собственному усмотрѣнію, приглашать къ

участію въ освидѣтельствованіи еще и третьяго врача по избранію самого суда.

5) Судебное преслѣдованіе обвиняемаго можетъ быть прекращено по причинѣ его безумія или сумасшествія не иначе какъ съ разрѣшенія Окружнаго Суда или Судебной Палаты по принадлежности.

6) Если Окружный Судъ найдетъ, что судебное слѣдствіе представляетъ достаточныя данныя къ возбужденію вопроса о невмѣняемости подсудимому его вины вслѣдствіе болѣзненнаго состоянія, въ которомъ онъ находился во время совершенія преступленія, то на обязанности Суда лежитъ вызвать экспертовъ-врачей для выслушиванія ихъ мнѣнія по этому предмету (§ 815).

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не будетъ введено до времени преобразованіе судебной части, освидѣтельствованіе и испытаніе безумныхъ и сумасшедшихъ производится въ совѣщательномъ присутствіи Врачебнаго Отдѣленія Губернскаго Правленія, на основаніи правилъ, Медицинскимъ Совѣтомъ составленныхъ, съ соблюденіемъ при томъ порядка, установленнаго въ законахъ гражданскихъ. Дѣла сего рода окончательно сосредоточиваются въ Правительствующемъ Сенатѣ, отъ котораго зависитъ какъ признаніе подсудимыхъ безумными или сумасшедшими, такъ и сокращеніе для выздоровѣвшихъ двухлѣтняго срока наблюденія и отдача ихъ на поручительство родственникамъ (§ 817).

32. Однакожъ учинившіе смертоубійство или же посягнувшіе на жизнь другаго или свою собственную или на зажигательство 1) безумные и сумасшедшіе заключаются въ домъ умалишенныхъ, даже въ случаѣ, когда бы ихъ родители или родственники пожелали взять на себя обязанность смотрѣть за ними и лечить ихъ у себя; 2) Больной отдается, вмѣсто дома умалишенныхъ, на попеченіе родителямъ, родственникамъ, опекунамъ или, съ согласія ихъ, и постороннимъ, съ обязательствомъ имѣть за нимъ тщательное непрестанное смотрѣніе во время его болѣзни и леченія, предотвращая всякія дурныя или

опасныя для другихъ или же для него самого послѣдствія его припадковъ умоизступленія; когда же родители больнаго или его родственники, опекуны или посторонніе, желающіе взять его на свое попеченіе, оказываются недостаточно благонадежными и отъ нихъ нельзя ожидать точнаго исполненія возлагаемой на нихъ обязанности, то страдающій припадками умоизступленія отдается для леченія его и присмотра за нимъ въ больницу; 3) потерявшіе умственныя способности и разсудокъ отъ старости или дряхлости, и лунатики отдаются также на попеченіе ближайшихъ родственниковъ или, съ согласія ихъ, и постороннимъ или же помѣщаются въ одно изъ заведеній Приказа Общественнаго Призрѣнія для бдительнаго за ними присмотра; и 4) глухонѣмые отъ рожденія или съ дѣтства содержатся въ заключеніи отдѣльно отъ другихъ, находящихся подъ стражею, подъ строгимъ неослабнымъ за ними надзоромъ (§ 814).

33. Когда по таковому свидѣтельству они (безумные и сумасшедшіе, учинившіе смертоубійство и пр.) будутъ признаны дѣйствительно безумными или сумасшедшими, то отсылаются для содержанія и леченія въ домѣ умалишенныхъ, съ тѣмъ чтобы ни въ какомъ случаѣ не были изъ того дома исключаемы и водворяемы въ общества, безъ разрѣшенія высшаго начальства. Если же время покажетъ, что сумасшествіе ихъ совершенно прошло и въ выздоровѣвшихъ отъ онаго въ теченіе двухъ лѣтъ сряду не будетъ замѣчено никакихъ сего рода припадковъ, тогда, по точномъ удостовѣреніи о состояніи ихъ здоровья, они освобождаются изъ дома умалишенныхъ, а имѣнія ихъ изъ опеки на основаніи законовъ гражданскихъ. Для выздоровѣвшихъ отъ сумасшествія двухлѣтній срокъ наблюденія можетъ быть сокращенъ и въ случаѣ особыхъ къ сему побужденій и достаточнаго удостовѣренія, что отъ того не можетъ быть никакой опасности, выздоровѣвшій сумасшедшій можетъ быть отданъ родственникамъ его на поручительство, съ обязанностію тщательно наблюдать за нимъ, и въ случаѣ малѣйшихъ признаковъ возврата сумасшествія, брать надле-

жащія мѣры предосторожности или и препровождать его снова въ домъ умалишенныхъ (§ 817).

§ 34. Правила, медицинскимъ совѣтомъ составленныя относительно свидѣтельствованія лицъ, кои въ припадкахъ сумасшествія учинили смертоубійство или посягнули на жизнь другаго или собственную:

I. Болѣзни, въ коихъ случается бредъ и умоизступленіе и кои потому сходствуютъ съ самымъ сумасшествіемъ, суть: а) воспалительная, нервная, желчная, гнилая, родильная и бѣлая горячки; б) воспаленіе мозга и его оболочекъ; в) рожа на лицѣ; г) истерика и ипохондрія; д) падучая болѣзнь; е) водобоязнь въ послѣдней степени; и ж) нѣкоторыя нервныя болѣзни, бывающія съ кратковременнымъ умопомѣшательствомъ или бредомъ, происходящія при наступленіи періода возмужалости.

II. Чтобы различать болѣзни сіи отъ настоящаго сумасшествія слѣдуетъ обращать вниманіе на причины, производящія оныя и на припадки и болѣзненные признаки, коими болѣзни сіи сопровождаются, а именно: а) причины, отъ коихъ происходятъ исчисленныя съ бредомъ бывающія болѣзни, суть слѣдующія: продолжительныя умственныя занятія, уныніе (духа), тоска по родинѣ и другія страсти, душу угнетающія, внезапная перемѣна температуры воздуха; сырыя, стѣсненныя, испорченнымъ воздухомъ наполненныя жилища; недостатокъ пищи или дурное ея качество; изнуреніе тѣлесныхъ силъ, отъ потери крови и другихъ важныхъ для животной экономіи соковъ; остановка привычныхъ кровотеченій, молока и другихъ соковъ; завалы брюшныхъ внутренностей; излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ; укушеніе бѣшеными животными; предшествовавшіе роды; остановка родоваго очищенія и другія тому подобныя вредоносныя вліянія, сильно поражающія нервную систему; б) болѣзни сіи отличаются отъ сумасшествія тѣмъ, что онѣ обнаруживаются сначала особенными, всякому врачу извѣстными припадками и сверхъ того имѣютъ свои явственные періоды (stadia) и продолжаются отъ одной до шести недѣль, исключая падучую болѣзнь, которая хотя не имѣетъ па-

стоящихъ періодовъ и возвращается въ неопредѣленное время, но обнаруживается извѣстными, нѣсколько часовъ продолжающимися пароксизмами, при коихъ бываютъ корчи, судороги, совершенное отсутствіе чувствительности и самосвѣденія и другіе всякому врачу довольно знакомые признаки.

III. Чтобы удобнѣе и вѣрнѣе разпознавать и различать истинное сумасшествіе отъ выше изложенныхъ болѣзней, должно и въ семъ случаѣ обращать вниманіе: А) на предшествовавшія причины и Б) на самые припадки и явленія, сопровождающія болѣзнь.

А) Причины, располагающія къ помѣшательству въ умѣ, суть: меланхолическій и холерическій темпераменты; вспыльчивый и мнительный характеръ; часто возвращающаяся такъ называемая бѣлая горячка; падучая болѣзнь; ипохондрія; воспаленіе мозга и наслѣдственное расположеніе. Случайныя причины, дающія ближайшій поводъ къ помѣшательству въ умѣ, суть слѣдующія: 1) нравственныя: сильныя и внезапныя потрясенія, горесть, печаль и отчаяніе при потерѣ дѣтей и имуществъ, обманутая надежда и любовь; сильная ревность; неисполненные честолюбивые виды; чрезмѣрное и продолжительное напряженіе ума; слѣпой фанатизмъ и угрызеніе совѣсти; 2) физическія: различныя повреждѳнія черепа, внѣшнія и внутреннія, какъ-то ушибы, вдавленія, проломы, раны, наросты; превратный родъ жизни; продолжительная безсонница, голодъ, истощеніе силъ отъ пьянства и потери сѣмени; внезапное сокрытіе острыхъ и хроническихъ сыпей, таковое же закрытіе привычныхъ ранъ и гноетеченій; скорая остановка кровотеченій геморроидальныхъ и маточныхъ; внезапное остановленіе молока и родоваго очищенія и тому подобное.

Б) Самые же болѣзненные припадки и явленія, по коимъ разпознается сумасшествіе истинное, суть слѣдующіе: явное измѣненіе въ чертахъ лица и вообще видъ необыкновенно дикій, мрачный, свирѣпый или, напротивъ, слишкомъ веселый; въ нравственномъ характерѣ совершенная перемѣна; ложныя, несвязныя и превратныя сужденія, неистовство и необыкновен-

ная дерзость въ рѣчахъ и поступкахъ, безпрестанная говорливость или непрерывное молчаніе, задумчивость и углубленіе въ самихъ себя; невниманіе ни къ какимъ благоразумнымъ совѣтамъ, неузнаваніе знакомыхъ и ближнихъ родственниковъ, забвеніе всего того, что нужно къ сохраненію собственнаго здоровья; упорное отвращеніе отъ пищи или неутолимый позывъ на оную; нечувствительность къ стужѣ и другимъ внѣшнимъ вліяніямъ, судороги и корчи въ разныхъ частяхъ тѣла, трясеніе или оцѣпленіе членовъ, либо напротивъ необыкновенная сила и движимость въ мышцахъ. Явленія сіи болѣе или менѣе замѣчаются въ томъ родѣ сумасшествія, которое, непрерываясь, продолжается довольно долгое время (mania permanens, perpetua). Сообразивъ сіи явленія съ предшествовавшими причинами, легко можно разпознать сей родъ помѣшательства въ умѣ и отличить оное отъ другихъ, сходствующихъ съ нимъ болѣзней. Но если болѣзненное сіе состояніе приходитъ въ извѣстное только время или сроки, напримѣръ чрезъ сутки, чрезъ нѣсколько дней или недѣль, одинъ разъ въ мѣсяцъ, въ извѣстное время года или черезъ годъ (Mania intermittens s. periodica), либо когда оно касается до одного какого либо предмета, о которомъ больной имѣетъ превратное понятіе, между тѣмъ, какъ о всѣхъ прочихъ вещахъ разсуждаетъ здраво (Monomania s. delirium fixum), то разпознаваніе сего рода сумасшествія бываетъ довольно трудно. Въ первомъ случаѣ не иначе можно удостовѣриться въ дѣйствительности помѣшательства въ умѣ, какъ строгимъ наблюденіемъ больнаго во время самаго его пароксизма или припадка, во второмъ надобно стараться при изслѣдованіи попасть на тотъ предметъ, на которомъ больной помѣшался, замѣчая, нѣтъ ли въ его сужденіяхъ явнаго противорѣчія.

До сихъ поръ нѣтъ данныхъ, которыя заставляли бы допустить существованіе такъ называемой пироманіи (т. е. непреодолимаго болѣзненнаго влеченія къ поджигательству), какъ особеннаго вида помѣшательства. Случаи поджигательства, равно какъ и другія преступленія должны быть изслѣдуемы

весьма тщательно и, коль скоро является сомнѣніе, необходимо врачебное изслѣдованіе преступника и мнѣніе специалиста о состояніи здоровья его, не для опредѣленія подверженъ ли онъ или нѣтъ пироманіи, но для опредѣленія, не страдаетъ ли онъ явнымъ, постояннымъ или временнымъ помѣшательствомъ, не находится ли подъ вліяніемъ условій, явно способствующихъ потемнѣнію сознанія.

Вообще для вѣрнѣйшаго и безошибочнаго заключенія не довольно одного замѣчанія болѣзненныхъ припадковъ, но въ дѣлахъ уголовныхъ необходимо обращать вниманіе на всѣ обстоятельства, окружающія больнаго, и потому, если учинено сумасшедшимъ смертоубійство, или покушеніе на жизнь другихъ или собственную, то надлежитъ немедленно нарядить особенную коммиссію, которая обязана опредѣлить родъ и степень сумасшествія его, строго изслѣдовать образъ его жизни, поведеніе, семейныя и всѣ вообще обстоятельства, убійству предшествовавшія, оное сопровождавшія и за нимъ послѣдовавшія, стараясь при томъ развѣдать, не имѣлъ ли онъ на умерщвленнаго какой либо злобы и вражды или другой побудительной причины къ смертоубійству? Не находился ли онъ въ такомъ положеніи, которое могло его довести до отчаянія и до умоизступленія, побудившаго его къ покушенію на жизнь ближняго или собственную свою. Все сіе нужно съ точностію изслѣдовать въ особенности для того, дабы учинившему умышленно преступленіе не подать повода къ притворству для избѣжанія законнаго наказанія.

Притворное сумасшествіе познается черезъ выше приведенное разъискиваніе и строгое медицинское наблюденіе всѣхъ болѣзненныхъ явленій, равно какъ и произведеніе нѣкоторыхъ, совершенно для здоровья безвредныхъ испытаній въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ въ домѣ умалишенныхъ, въ больницѣ или въ другомъ какомъ мѣстѣ.

IV. Если по таковомъ освидѣтельствованіи сумасшедшаго окажется, что онъ дѣйствительно въ припадкѣ своей болѣзни учинилъ смертоубійство или посягнулъ на жизнь другаго, то,

для предохраненія общества отъ дальнѣйшей опасности, таковой больной препровождается для врачеванія въ домѣ умалишенныхъ или, по желанію родственниковъ, заслуживающихъ довѣріе, оставляется на ихъ попеченіи, съ тѣмъ, чтобы и по прошествіи болѣзни находился онъ подъ наблюденіемъ ихъ до назначеннаго въ нижеслѣдующемъ пунктѣ срока.

V. Если больной содержался въ домѣ умалишенныхъ и болѣзнь его излечена (что узнается какъ по физическому его состоянію, такъ и по тому, что онъ ведетъ себя хорошо, оставляетъ свои ложныя или превратныя понятія и судитъ о всѣхъ извѣстныхъ ему предметахъ здраво), то главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы отдѣлить его отъ прочихъ больныхъ, одержимыхъ сумасшествіемъ, давъ ему соотвѣтственныя состоянію и способностямъ его занятія, особливо требующія значительнаго тѣлодвиженія. Если время покажетъ, что болѣзнь его уже совершенно уничтожена и въ теченіи двухъ лѣтъ сряду не будетъ въ немъ замѣчено никакихъ припадковъ сумасшествія, то, по точномъ въ томъ удостовѣреніи, можно давать ему свободу съ разрѣшенія Правительствующаго Сената, усмотрѣнію коего предоставляется и сокращать въ нѣкоторыхъ случаяхъ сей двухлѣтній наблюдательный срокъ, либо иногда и въ семъ случаѣ, по особымъ уваженіямъ, отдавать бывшаго сумасшедшаго родственникамъ его на поручительство, обязавъ ихъ предварительно наблюдать прилежно за нимъ и, въ случаѣ малѣйшихъ признаковъ возврата сумасшествія, брать надлежащія мѣры или препровождать его обратно въ домъ умалишенныхъ, подъ опасеніемъ строгой отвѣтственности. Ничто столько не способствуетъ совершенному выздоровленію таковыхъ несчастныхъ и надлежащему укрѣпленію ихъ разсудка, какъ удаленіе ихъ изъ дома умалишенныхъ и доставленіе имъ по возможности тѣхъ выгодъ, коими они пользовались въ своемъ обыкновенномъ жилищѣ. Утѣшеніе, состраданіе и дружеское вниманіе со стороны родственниковъ, приличное при томъ разсѣяніе и занятіе больнаго, болѣе всего споспѣшествуютъ къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ умственнаго его разстройства. Къ сему слѣдуетъ присо-

вокупить, что чѣмъ долѣе продолжалось сумасшествіе, тѣмъ болѣе въ человѣкѣ остается расположеніе къ возврату онаго. Не малой также требуетъ осторожности періодическое или въ нѣкоторыя только времена и сроки приходящее помѣшательство ума, которое, прошедши совершенно, появляется снова, иногда вовсе неожиданно и притомъ съ большею противъ прежняго жестокостью. На сіи обстоятельства должно обращать всевозможное вниманіе и свободу дозволять имѣвшимъ сей родъ помѣшательства въ умѣ не иначе какъ по истеченіи выше означеннаго двухгодичнаго срока, если въ теченіи онаго болѣзнь не возобновлялась и признаки ея вовсе уничтожены.

VI. Подобнымъ образомъ поступать надлежитъ и съ тѣми сумасшедшими, которые въ припадкѣ умопомѣшательства своего посягаютъ на собственную жизнь. Сіе необходимо потому, что они столь же легко могутъ покуситься и на жизнь другихъ, если только по освидѣтельствованіи найдено будетъ, что они дѣйствительно одержимы сумасшествіемъ, а не какимъ либо мгновеннымъ умоизступленіемъ или такою болѣзнію, которая сопровождается бредомъ, либо кратковременнымъ только помѣшательствомъ ума.

VII. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, т. е. во время кратковременнаго или скоро проходящаго помѣшательства ума или бреда, если учинено будетъ смертоубійство или покушеніе на жизнь другихъ или собственную, то хотя съ учинившимъ такое преступленіе, а особливо первое, слѣдуетъ поступать также какъ и съ сумасшедшимъ, но что принадлежитъ до наблюдательнаго срока, то оный не можетъ быть въ семъ случаѣ такъ продолжителенъ, какъ послѣ дѣйствительнаго сумасшествія. Для точнаго удостовѣренія въ совершенномъ выздоровленіи больнаго достаточно шести недѣль. Обыкновенно съ минованіемъ болѣзни проходитъ и самый бредъ, какъ припадокъ оной, и человѣкъ, подвергшійся такой болѣзни и находясь по прошествіи оной подъ наблюденіемъ въ теченіи шести недѣль, можетъ безопасно пользоваться свободою. Но если и по прекращеніи болѣзни остался бредъ или перешелъ въ продолжитель-

ное или настоящее сумасшествіе, то, въ отношеніи назначенія наблюдательнаго срока, должно поступать такъ точно, какъ и при совершенномъ сумасшествіи.

Наконецъ хотя лунатики или сонноходящіе не принадлежатъ собственно къ числу сумасшедшихъ, однако во время своихъ пароксизмовъ или припадковъ они, также какъ и сіи последніе, лишены самосвѣденія и свободы въ дѣйствіяхъ и могутъ причинить вредъ какъ самимъ себѣ, такъ и другимъ; а потому, если они во время сонхожденія своего учинили смертоубійство или другое какое важное преступленіе, то надлежитъ съ ними поступать какъ съ сумасшедшими (§ 817).

35. Присяжными засѣдателями не могутъ быть: слѣпые, глухіе, нѣмые и лишенные разсудка. Не допускаются къ свидѣтельству безумные и сумасшедшіе. Не допускаются къ свидѣтельству подъ присягою: слабоумные, не понимающіе святости присяги (§ 820).

III. Осмотръ и освидѣтельствованіе черезъ свѣдущихъ людей.

36. Свѣдущіе люди приглашаются въ тѣхъ случаяхъ, когда для точнаго уразумѣнія встрѣчающагося въ дѣлѣ обстоятельства необходимы спеціальныя свѣдѣнія или опытность въ наукѣ, искусствѣ, ремеслѣ, промыслѣ или какомъ-либо занятіи. Въ качествѣ свѣдущихъ людей могутъ быть приглашаемы: врачи, фармацевты, профессоры, учителя, техники, художники, ремесленники, казначеи и лица, продолжительными занятіями по каковой либо службѣ или части пріобрѣтшія особенную опытность (§ 669).

37. Свѣдущіе люди къ предварительному и судебному слѣдствію вызываются слѣдователемъ и судомъ письменною повѣсткою, а когда они находятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ производится предварительное слѣдствіе, то и словеснымъ требованіемъ слѣдователя.

Повѣстки посылаются въ двухъ экземплярахъ, изъ коихъ

однпъ вручается призываемому, а на другомъ онъ росписывается въ полученіи повѣстки.

Повѣстка должна заключать въ себѣ, за подписью призывающихъ, точное указаніе: 1) лица требуемаго къ слѣдствію; 2) времени и мѣста явки; 3) дѣла, по которому призывается требуемое лицо и 4) послѣдствій неявки (§ 670).

38. Свѣдущіе люди, по требованію мироваго судьи или судебнаго слѣдователя, обязаны являться немедленно. Стороны могутъ просить о вызовѣ въ судъ свѣдущихъ людей, для объясненія какого-либо предмета или для повѣрки сдѣланнаго уже испытанія. Для объясненія освидѣтельствованія или испытанія, произведеннаго свѣдущими людьми, судъ можетъ вызвать въ свое засѣданіе лица, производившія освидѣтельствованіе или испытаніе, и потребовать отъ нихъ обстоятельнаго отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Свѣдущіе люди требуются въ Судебную Палату лишь тогда, когда Палата признаетъ это необходимымъ или когда стороны сами о томъ просятъ и къ удовлетворенію ихъ просьбы не встрѣчается препятствій (§ 671).

39. Свѣдущіе люди, приглашаемые къ осмотру и освидѣтельствованію, должны имѣть всѣ качества достовѣрныхъ свидѣтелей. Свѣдущіе люди не могутъ быть избраны изъ лицъ участвующихъ въ дѣлѣ или изъ состоящихъ по дѣлу свидѣтелями, судьями или присяжными засѣдателями. Свѣдущіе люди, прежде представленія объясненій на судѣ, приводятся къ присягѣ тѣмъ же порядкомъ какъ и свидѣтели. До исполненія обряда присяги стороны могутъ отводить свѣдущихъ людей по неимѣнію ими тѣхъ качествъ, которыя требуются отъ нихъ закономъ (§ 672).

40. Освидѣтельствованіе черезъ свѣдущихъ людей, когда къ тому не встрѣчается особыхъ препятствій, производится въ присутствіи слѣдователя и понятыхъ. Предметамъ, подлежащимъ освидѣтельствованію и изслѣдованію чрезъ свѣдущихъ людей, судебный слѣдователь производитъ предварительный внѣшній осмотръ и составляетъ протоколъ о видимыхъ признакахъ пре-

ступленія, если таковые окажутся, а равно о всѣхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ положеніи осматриваемыхъ предметовъ. Число понятыхъ, приглашаемыхъ къ осмотру или освидѣтельствованію, не должно быть ни въ какомъ случаѣ менѣе двухъ. Для осмотра и освидѣтельствованія лицъ женскаго пола приглашаются, въ качествѣ понятыхъ, замужнія женщины. При осмотрѣ и освидѣтельствованіи судебнымъ слѣдователемъ дозволяется присутствовать всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ.

Осмотры и освидѣтельствованія, кромѣ случаевъ, нетерпящихъ отлагательства, производятся днемъ (§ 673).

41. Судебный слѣдователь обязанъ предложить свѣдущимъ людямъ словесно или письменно вопросы, подлежащіе ихъ разрѣшенію. Свѣдущіе люди, производя освидѣтельствованіе, не должны упускать изъ виду и такихъ признаковъ, на которые слѣдователь не обратилъ вниманія, но изслѣдованіе коихъ можетъ привести къ открытію истины. За представленіемъ свѣдущими людьми ихъ заключенія въ судъ, имъ могутъ быть, съ разрѣшенія предсѣдателя, предложены вопросы какъ судьями и присяжными засѣдателями, такъ и сторонами (обвинительною и защитительною) (§ 674).

42. Свѣдущимъ людямъ, для болѣе точнаго изложенія на судѣ ихъ изустныхъ показаній, не воспрещается имѣть при себѣ памятныя записки въ тѣхъ случаяхъ, когда показанія ихъ относятся къ какимъ либо вычисленіямъ, выводамъ или отчетамъ, которые трудно удержать въ памяти (§ 675).

43. Въ случаѣ сомнѣнія въ правильности заключенія свѣдущихъ людей или при разногласіи въ мнѣніи ихъ, судебный слѣдователь требуетъ заключенія отъ другихъ свѣдущихъ людей или о командированіи ихъ представляетъ высшему спеціальному установленію или же отправляетъ туда самый предметъ изслѣдованія, когда это возможно. По замѣчанію сторонъ или присяжныхъ засѣдателей или по собственному усмотрѣнію, судъ можетъ назначать новое освидѣтельствованіе или испытаніе

чрезъ избранныхъ имъ или указанныхъ сторонами свѣдущихъ людей, съ тѣмъ, чтобы они производили свои дѣйствія въ засѣданіи суда, если это возможно или, по крайней мѣрѣ, представили въ судебномъ засѣданіи обстоятельный отчетъ объ оказавшемся при освидѣтельствованіи или испытаніи (§ 676).

44. О каждомъ изъ главныхъ дѣйствій слѣдствія, а также объ осмотрахъ и освидѣтельствованіяхъ мировымъ судьей и судебнымъ слѣдователемъ черезъ свѣдущихъ людей составляется отдѣльный протоколъ. Протоколъ составляется такъ, чтобы изъ него было ясно видно: кѣмъ, когда, гдѣ и какія именно произведены были слѣдственныя дѣйствія; кто при томъ находился въ качествѣ сторонъ, понятыхъ и свѣдущихъ людей; что этими дѣйствіями обнаружено и какія были замѣчанія и возраженія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ или понятыхъ. Протоколъ подписывается всѣми означенными въ заглавленіи его лицами, за неграмотныхъ подписываютъ, по словесной ихъ просьбѣ, тѣ, кому они довѣрятъ. Протоколъ прочитывается всѣмъ лицамъ, имѣющимъ подписать его, но если кто либо изъ нихъ не захочетъ или не можетъ подписать его, то причина сего объясняется въ протоколѣ. Подчистки въ протоколѣ не допускаются; но явственныя поправки и дополненія могутъ быть дѣлаемы, съ тѣмъ однако, чтобы онѣ были оговорены до подписанія протокола. Протоколы объ осмотрахъ и освидѣтельствованіяхъ читаются въ судебномъ засѣданіи въ томъ случаѣ, когда стороны того требуютъ или когда судьи или присяжные признаютъ это нужнымъ (§ 677).

45. Въ губерніяхъ, въ коихъ не введены еще Судебные Уставы 20-го Ноября 1864 г., осмотры и освидѣтельствованія черезъ экспертовъ производятся слѣдователемъ съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: 1) эксперты передъ начатіемъ ими осмотра или освидѣтельствованія приводятся къ присягѣ, если не состоятъ въ государственной службѣ; 2) слѣдователь обязанъ повѣрить сдѣланный полицейскимъ начальствомъ предварительный осмотръ или самъ лично или чрезъ экспертовъ; 3) предъ начатіемъ осмотра и освидѣтельствованія экспертами слѣдова-

тель обязанъ объявить имъ, для исполненія какихъ дѣйствій они приглашены и предложить имъ подлежащіе ихъ разрѣшенію вопросы; 4) въ тѣхъ случаяхъ, когда эксперты производятъ осмотръ и освидѣтельствованіе въ присутствіи слѣдователя, онъ наблюдаетъ, чтобы свѣдущіе люди, при исполненіи своихъ обязанностей, не отступали отъ формъ и правилъ, установленныхъ законами; 5) мнѣніе экспертовъ должно быть записано въ протоколъ со словъ ихъ немедленно послѣ осмотра и освидѣтельствованія (§ 678).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I.

О нормальной душевной жизни.

стр

Введеніе . . . . 1.
Объ ощущеніи . . . . 9.
О представленіи . . . . 26.
О волѣ . . . . 53.

ЧАСТЬ II.

О ненормальномъ проявленіи душевной дѣятельности.

Общее обозрѣніе душевнаго разстройства. . . . 66.
Разстройство ощущенія . . . . 70.
Разстройство представленій . . . . 83.
Разстройство произвольныхъ движеній . . . . . 89.
Краткое обозрѣніе главнѣйшихъ формъ помѣшательства. . . . . 93.
Меланхолія . . . . 95.
Манія . . . . 101.
Сумасшествіе . . . . 106.
Слабоуміе . . . . 114.
Общій возрастающій параличъ . . . . 116.
Безуміе . . . . 122.

ЧАСТЬ III.

О примѣненіи психологіи и психіатріи къ юридическимъ вопросамъ.

Психологическое воззрѣніе . . . . 131.
Философское воззрѣніе . . . . 134.

стр.
Нравственное воззрѣніе . . . . 138.
Физіологическое воззрѣніе . . . . 145.
Объ экспертизѣ и экспертахъ. . . . . 166.

ЧАСТЬ IV.

Объ условіяхъ, исключающихъ способность ко вмѣненію въ нормальномъ состояніи.

1. Совершенная невинность содѣяннаго . . . . 186.
2. Ошибка, случайная или вслѣдствіе обмана . . 186.
3. Принужденіе отъ превосходящей силы. . . . 187.
4. Необходимая оборона . . . . 187.
5. Малолѣтство и несовершеннолѣтіе . . . . . 187.
6. Старческій возрастъ . . . . 193.
7. Глухо-нѣмота . . . . 196.

Объ условіяхъ, уничтожающихъ способность ко вмѣненію въ ненормальномъ состояніи человѣка.

8. Нѣкоторыя состоянія, исключительно свойственныя женскому организму . . . . 197.
а) Менструація . . . . 197.
б) Беременность . . . . 199.
в) Роды . . . . 202.
г) Послѣродовое состояніе. . . . . 203.
9) Нетрезвое состояніе . . . . 203.
10. Сильные порывы . . . . 209.
11. Состояніе просонковъ . . . . 215.
12. Лунатизмъ . . . . 217.
13. Нѣкоторыя болѣзни, приводящія въ умоизступленіе и безпамятство . . . . 220.
14. Сумасшествіе . . . . 230.
15. Безуміе . . . . 237.
Приложеніе . . . . 239.